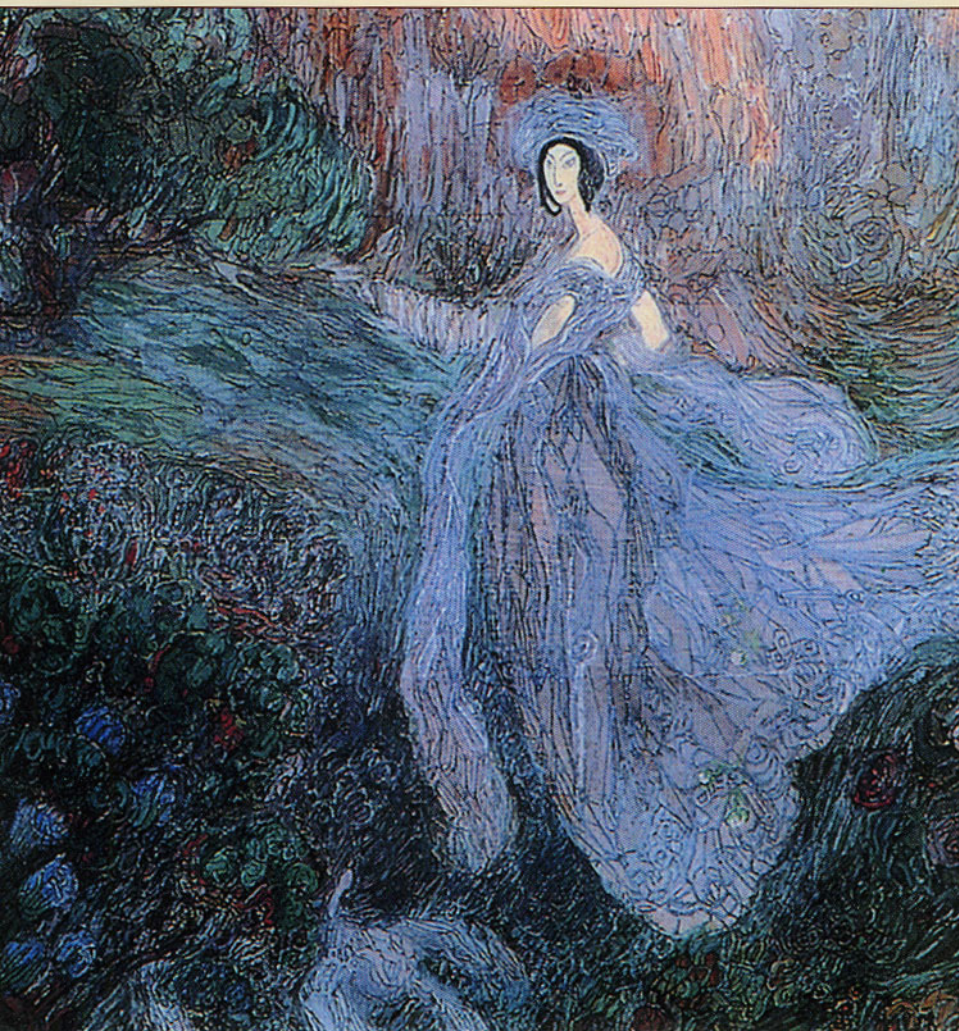

Библиотека Всемирной Литературы

Поэзия Серебряного века

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Поэзия
Серебряного века

Антология

Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
2007

Вступительная статья *Б. Акимова*

Разработка серийного оформления *А. Бондаренко*

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты картин *В. Миллиоти, М. Врубеля, Д. Щербиновского*

П 67 **Поэзия Серебряного века: Антология / Статьи, предисловия разделов, биографические обзоры, аннотации, справочные материалы, библиография и примечания** Б.С. Акимова. — М.: Эксмо, РИЦ Литература, 2007. — 704 с. — (Библиотека Всемирной Литературы).

ISBN 978-5-699-21313-9

Феномен русской культуры конца XIX — начала XX века, именуемый Серебряным веком, основан на глубинном единстве всех его творцов. Серебряный век — не только набор поэтических имен, это особое явление, представленное во всех областях духовной жизни России. Но тем не менее, когда речь заходит о Серебряном веке, то имеется в виду в первую очередь поэзия русского модернизма, состоящая главным образом из трех крупнейших поэтических направлений — символизма, акмеизма и футуризма.

В настоящем издании достаточно подробно рассмотрены особенности каждого из этих литературных течений. Кроме того, даны характеристики и других, менее значительных поэтических объединений, а также представлены поэты, не связанные с каким-либо определенным направлением, но наиболее ярко выразившие «дух времени».

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© Б.С. Акимов, 2007
© ООО «РИЦ Литература», состав, 2007
© ООО «Издательство «Эксмо», оформление, 2007

ISBN 978-5-699-21313-9

<i>Б. Акимов. Какая музыка была, какая музыка звучала!..</i>	23
Символизм	35
Владимир Соловьев	
“Хоть мы навек незримыми цепями...”	44
“Бескрылый дух, землю полоненный...”	45
“В тумане утреннем неверными шагами...”	45
<i>В Альпах</i>	46
“Бедный друг, истомил тебя путь...”	46
“Милый друг, иль ты не видишь...”	47
“Если желанья бегут, словно тени...”	48
<Пародии на стихи сборников “Русские символисты”>	
1. “Горизонты вертикальные...”	48
3. “На небесах горят паникадила...”	49
Николай Минский	
<i>Поэту</i>	50
“Как сон, пройдут дела и помыслы людей...”	51
<i>Два пути</i>	52
“О, этот бред сердечный и вечера...”	54
Иннокентий Анненский	
<i>Среди миров</i>	55
Из “Трилистника сумеречного”	
2. <i>Тоска мимолетности</i>	56
3. <i>Свечку внесли</i>	56
Из “Трилистника соблазна”	
2. <i>Смычок и струны</i>	57

Минута	58
Двойник	59
Бабочка газа	59
Из "Трилистника осеннего"	60
2. Август	60
Листы	61
Из "Трилистника из старой тетради"	61
3. Старая усадьба	61
Из "Трилистника шуточного"	62
1. Перебой ритма	62

ФЕДОР СОЛОГУБ

"О смерть! я твой. Повсюду вижу..."	64
"Я — бог таинственного мира..."	65
"Живы дети, только дети..."	66
"В поле не видно ни зги..."	66
Из "Гимнов родине"	
1. "О Русь! В тоске изнемогая..."	67
2. "Люблю я грусть твоих просторов..."	68
"Высока луна Господня..."	68
Искали дочь	69
Чертовы качели	71
"Цветы для нагих, вино для сильных..."	72
"Безумное светило бытия..."	73

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

Поэту наших дней	74
"Дома и призраки людей..."	75
Парки	76
Дети ночи	77
Двойная бездна	78
Чужбина-родина	79
Да не будет	80

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Любовь	81
Осенью	82
Лебеди	83
Из "Зимних сонетов"	
1. "Скрипят полозья. Светел мертвый снег..."	83

Узлы змеи	84
Счастье	84

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Колокольный звон	86
"Я мечтою ловил уходящие тени..."	87
Челн томленья	88
Камьши	89
Безглагольность	89
Меж подводных стеблей	90
Осень	91
Дурной сон	91
Русский язык	92

ЗИНАИДА ГИППИУС

Любовь — одна	95
Электричество	96
Пауки	97
Она	97
Петербург	98
Берегись...	99
Тогда и опять	100
Веселье	100
Сейчас	101
14 декабря 1917 года	102
Осенью	103
Ночь	104
1917	104
Мера	105

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

"Мы встретились с нею случайно..."	106
Сонет к форме	107
Творчество	108
Юному поэту	108
Женщине	109
Кинжал	110
Близким	111
Поэту	111
Поэт — музе	112
"Три женщины — белая, черная, алая..."	113

Снежная Россия	114
Карусель	115

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Заброшенный дом	117
На улице	119
Родина	119
Отчаянье	120
Из окна вагона	121
Родине	122
Вода	123
Ты — тень теней	123
“Снег — в вычернь севшая, слезеющая мякоть...”	125

АЛЕКСАНДР БЛОК

“Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...”	126
“Вхожу я в темные храмы...”	127
Фабрика	128
“Я вам поведал неземное...”	128
“Девушка пела в церковном хоре...”	129
Незнакомка	130
Из цикла “Осенняя любовь”	
1. “Когда в листе сырой и ржавой...”	132
Из цикла “Заключение огнем и мраком”	
1. “О, весна без конца и без краю...”	132
Из цикла “На поле Куликовом”	
1. “Река раскинулась. Течет, грустит лениво...”	134
Россия	135
“О доблестях, о подвигах, о славе...”	136
На железной дороге	137
Унижение	138
Из цикла “Пляска смерти”	
2. “Ночь, улица, фонарь, аптека...”	139
“Я — Гамлет. Холодеет кровь...”	140
“Рожденные в года глухие...”	140
Скифы	141
АКМЕИЗМ	145

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

Весна	155
Неотвязная картина	156

Нищая	157
“В начале века профиль странный...”	158
Путница	159
“Налегла и дышать не дает...”	159
“На львов в агатной Абиссинии...”	160

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Сонет (“Как конквистадор в панцире железном...”)	162
Жираф	163
Из цикла “Капитаны”	
I. “На полярных морях и на южных...”	164
IV. “Но в мире есть иные области...”	165
В пути	166
Сонет (“Я, верно, болен: на сердце туман...”)	167
Наступление	168
“Я не прожил, я протомился...”	169
Я и вы	169
Заблудившийся трамвай	170
Шестое чувство	172
Канцона вторая	173
Леопард	174

ВЛАДИМИР НАРБУТ

Плавни	177
Встреча	178
После грозы	179
Укроп	180
Сеанс	180
“О бархатная радуга бровей!...”	181
Из цикла “Семнадцатый”	
1. “Неровный ветер страшен песней...”	182
“Одно влечение: слышать гам...”	184

АННА АХМАТОВА

Сероглазый король	185
“Сжала руки под темной вуалью...”	186
“Сердце к сердцу не приковано...”	187
Песня последней встречи	187
Музе	188
“Я научилась просто, мудро жить...”	189

Стихи о Петербурге	189
2. "Сердце бьется ровно, мерно..."	189
"Столько просьб у любимой всегда!"	190
"Есть в близости людей заветная черта..."	191
"Двадцать первое. Ночь. Понедельник..."	192
"Когда в тоске самоубийства..."	192
"Пленник чужой! Мне чужого не надо..."	193
"Все расхищено, предано, продано..."	194
"А, ты думал — я тоже такая..."	194
"Долгим взглядом твоим истомленная..."	195
"Кое-как удалось разлучиться..."	195
"Я гибель наклкала милым..."	196
"Не с теми я, кто бросил землю..."	197
"Небывалая осень построила купол высокий..."	197
Лотова жена	198

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

"На бледно-голубой эмали..."	199
"Невыразимая печаль..."	200
"Отчего душа так певуча..."	200
Раковина	201
"Я ненавижу свет..."	202
"Образ твой, мучительный и зыбкий..."	202
"Я не слышал рассказов Оссиана..."	203
"Бессонница. Гомер. Тугие паруса..."	203
"Сестры — тяжесть и нежность — одинаковы..."	204
"Умывался ночью на дворе..."	205
Век	205
"Я вернулся в мой город, знакомый до слез..."	206
"За гремучую доблесть грядущих веков..."	207
"Мы живем, под собою не чуя страны..."	208
"Куда мне деться в этом январе?..."	208

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ

Ноябрьский день	211
В логовище	211
Смерть лося	212
"Безумец! Дни твои убоги..."	213
"Хотелось в безумьи, кровавым узлом поцелуя..."	213
Тигр в цирке	214

"Ты для меня давно мертва..."	215
Наваждение	215
Поздний пролет	216
"Твой сон передрагасветный сладок..."	217

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

"Так тихо поезд подошел..."	219
"Опять, опять, лишь реки дождевые..."	220
"Вот всё, что помню: мосты и камни..."	221
"Но, правда, жить и помнить скучно!"	221
"Звенели, пели. Грязное сукно..."	222
Воробьевы горы	222
По Марсову полю	223
"Когда, в предсмертной нежности слабея..."	224
"По широким мостам... Но ведь мы все равно не успеем..." ..	224
"Ни с кем не говори. Не пей вина..."	225

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

"Беспокойно сегодня мое одиночество..."	226
"Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил..."	227
"Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья..."	228
"Увядаю еме тронут..."	228
"Россия, Россия 'рабоче-крестьянская'..."	229
"Россия счастье. Россия свет..."	229
"Только всего — простодушный напев..."	230
"Эмалевый крестик в петлице..."	231
"Звезды синеют. Деревья качаются..."	231
"Так иль этак. Так иль этак..."	231
"Только темная роза качнется..."	232
"Над розовым морем вставала луна..."	232
"В шуме ветра, в детском плаче..."	233
Из книги "Портрет без сходства"	234
1. Друг друга отражают зеркала	234
2. Игра судьбы. Игра добра и зла	234

ФУТУРИЗМ	235
----------------	-----

ДАВИД БУРЛЮК

"Внизу журчит источник светлый..."	255
"Шестизэтажный возносился дом..."	255
"Немая ночь людей не слышно..."	256

Праздно голубой	256
Лето	256
“Поля черны, поля темны...”	257
“Корпи писец хитри лабазник...”	257
“Копья весны”	258
И. А. Р.	258
“Закат маляр широкой кистью...”	259
“Солнцу светить ведь не лень...”	259
“Ушел и бросил беглый взгляд...”	259
“Звуки на а широки и просторны...”	260
“Кинулся — камни, а щелях живут скорпионы...”	260

Василий Каменский

В кабаке	261
Морская	262
Сарынь на кичку!	263
Грустинница	266
Эмигрант качается изысканно	267
Метель	268

Велимир Хлебников

“Там, где жили свиристели...”	271
“Вечер. Тени...”	272
Закрытие смехом	272
“Бобэоби пелись губы...”	273
“Мои глаза бредут, как осень...”	273
“Когда над полем зеленеет...”	274
Из стихотворения “Конь Пржевальского”	274
“Когда умирают кони — дышат...”	276
“Свобода приходит нагая...”	276
Я и Россия	276
Не шалить!	277

Алексей Кручёных

3 стихотворения	
№ 1. “Дыр бул щыл...”	279
№ 2. “фрот фрон ыт...”	279
№ 3. “Та са мае...”	279
Смерть художника	279
“Я жрец я разлеился...”	280
“Уехала! Как молоток...”	281

“Ты отделилась от вокзала...”	282
“Умчался... Уездный гвоздь...”	283
“Меня зажал в лок...”	283
“У меня совершенно по иному дрожат скулы...”	284
“В полночь я заметил на своей простыне...”	284
Осень (Ландшафт)	285

Бенедикт Лившиц

Пьянителы рая	287
Вокзал	287
Предчувствие	288
Степной знак	288
Дождь в Летнем саду	289
Казанский собор	290
Дворцовая площадь	291
Пророчество	292

Владимир Маяковский

А вы могли бы?	293
“У- / лица / лица / У...”	294
“Послушайте!”	295
А все-таки	296
Кое-что по поводу дирижера	297
Себе любимому посвящает эти строки автор	298
Лиличка!	300
Наш марш	302
Мелкая философия на глубоких местах	303
Эгофутуризм	305

Игорь Северянин

Когда ночами... ..	315
Не понять	316
Интермеццо	317
Это было у моря... ..	317
На реке форелевой	318
Мисс Лиль	318
Клуб дам	319
Эпилог “Эго-футуризм”	
1. “Я, гений Игорь-Северянин...”	320

В блёсткой тьме	321
Поэза истребления	321
Увертюра	323
Томление бури	323
Рескрипт короля	324
Любовь — беспричинность	325
Элегия изгнания	325
Классические розы	326

ВАСИЛИСК ГНЕДОВ

Азбука вступающим	328
Летана	329
Придорогая думь	329
Муравая	330
Смерть искусству. Пятнадцать (15) поэм	330
На возле бал	333
“Выступают жаворонки ладно...”	333

ИВАН ИГНАТЬЕВ

“Почему Я не Арочный Сквозь?..”	334
Мигающее пламя	335
Opus: + — s:	336
Opus: — 45	336
Три погибели	337
“Аркан на Вечность накинуть...”	337
“Тебя, Сегодняшний Навин...”	337
“Я пойду сегодня туда, где играют веселые вальсы...”	338
“Мезонин поэзии”	339

РЮРИК ИВНЕВ

“С каждым часом все ниже и ниже...”	342
“Я надену коляк дурацкий...”	343
“Душу измученную и перепачканную...”	344
“Не думай, друг, что лучшие плоды...”	344
“Я знаю, годы не проходят даром...”	345
“Опускаются веки, как шторы...”	346
“Как все пустынно. Пламенная медь...”	346
“В моей душе не громоздятся горы...”	347
“Не надо солнца, не надо свободы...”	347
“Был тихий день и плыли мы в тумане...”	348

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ

Первоснег	349
Восковая свеча	350
Веер	350
“Зафонарело слишком скоро...”	351
“Мы строим клетчатый бетонный остов...”	351
Лифт	352
“Снег ножами весны распорот...”	352
“Сердце изношено, как синие брюки...”	353
“Отрите слезы! Не надо плакать!..”	354

КОНСТАНТИН БОЛЬШАКОВ

Городская весна	355
Несколько слов к моей памяти	356
Осененочь	357
Осень годов	357
О ветре	358
Осень	359
Le chemin de fer	360
И еще	360

“Центрифуга”	362
--------------------	-----

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

Башня королей	366
Фантазмагория	366
Песня сотен	367
“Я знаю: все плечи смело...”	368
Объявление	369
“Когда земное склонит лень...”	369
Венгерская песнь	370
“За отряд улетевших уток...”	370
“Ушла от меня, убежала...”	371
“Я буду волком или шелком...”	371
Работа	372
Синие гусары	373
“Не за силу, не за качество...”	376

БОРИС ПАСТЕРНАК

“Февраль. Достать чернил и плакать!..”	379
Сон	379

Вокзал	380
Пирьы	381
Зимняя ночь	382
Из цикла "Весна"	
1. "Что почек, что клейких заплывших огарков..."	382
Импровизация	383
"Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе..."	384
Из цикла "Осень"	
"Здесь прошелся загадки таинственный ноготь..."	385
Из цикла "Разрыв"	
9. "Рояль дрожащий пену с губ оближет..."	385
Заместительница	386
"Любимая — жуть! Когда любит поэт..."	387
Поэзия	388
"Любить иных — тяжелый крест..."	389
"Никого не будет в доме..."	389
"О, знал бы я, что так бывает..."	390
Закат футуризма	392
ЛЕФ	398

СЕМЕН КИРСАНОВ

Девушка и манекен	401
Гулящая	403
Буква М	406
Лирика	407
Письмо без адреса	409
Воспоминание	413

ИМАЖИНИЗМ	415
-----------------	-----

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

A Claire	429
"Вы не думайте, что сердцем-кодаком..."	430
Эскизетта	431
"В рукавицу извощика серебряную каплю пролил..."	432
"Порыжела небесная наволочка..."	432
Тост	433
Марш	434
"В переулках шумящих мы бредим и бродим..."	434
"Из-за глухонемыты серых портьер..."	435

Принцип развернутой аналогии	435
Инструментовка образом	436
Эстрадная архитектоника	437
Сердце частушка молитв	438
Принцип басни	440
Прощай	441

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

"Пятнышко, как от раздавленной клюквы..."	443
"Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза..."	443
"Кровью плюем зорно..."	443
"Твердь, твердь за вихры зыбим..."	444
"Острым холодным прорежу килем..."	444
"Я пришел к тебе, древнее вече..."	445
"На каторгу пусть приведет нас дружба..."	446
"Наш стол сегодня бедностью накрыт..."	446
"А ну вас, братцы, к черту в зубы!..."	447

НОВОКРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ	449
------------------------------	-----

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Пусть я в лаптях	459
"Ты все келейнее и строже..."	460
Из цикла "Александру Блоку"	
2. "Я болен сладостным недугом..."	461
"В златотканые дни сентября..."	462
"Прохожу ночной деревней..."	463
"Мне сказали, что ты умерла..."	464
"Обозвал тишину глухоманью..."	465
Рождество избы	465
Из цикла "Поэту Сергею Есенину"	
2. "Изба — святилище земли..."	466

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

Леший	469
"Была над рекою долина..."	469
"Лель цветами все поле украсил..."	470
"Золотятся ковровые нивы..."	471
"Лада плавает в затоне..."	472
"Душа моя, как птица..."	473
"Мы отошли с путей природы..."	475

“Я устал от хулы и коварства...”	476
“Меня раздели донага...”	477
“Пока из слов не пышет пламя...”	477

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

“Выткнулся на озере алый свет зари...”	479
“Той ты, Русь, моя родная...”	480
“Устал я жить в родном краю...”	481
Песнь о собаке	482
“Запели тесаные дроги...”	483
“Не жалею, не зову, не плачу...”	484
“Заметался пожар голубой...”	484
“Пускай ты выпита другим...”	485
“Вечер черные брови насопил...”	486
Письмо матери	487
“Мы теперь уходим понемногу...”	489
“Отговорила роща золотая...”	490
Из цикла “Персидские мотивы”	
“Никогда я не был на Босфоре...”	491
“Клен ты мой опавший, клен заледенелый...”	492
“Ты меня не любишь, не жалеешь...”	493
“До свиданья, друг мой, до свиданья...”	494

Поэты “Сатирикона”

Тэффи

“Есть у сирени темное счастье...”	502
Бедный Азра	502
“Мне сегодня как будто одиннадцать лет...”	503
“Меня любила ночь, и на руке моей...”	504
“На острове моих воспоминаний...”	504
“Он ночью приплывет на черных парусах...”	504
“Гаснет моя лампада...”	505

САША ЧЕРНЫЙ

До Реакции	506
Потомки	507
Молитва	508
Недержание	509
Недоразумение	509
Обстановочка	511

ПОСЛЕДНИЕ МОДЕРНИСТЫ	513
“Лирический круг”	513

София Парнок

“Люблю тебя в твоём просторе я...”	525
“Скажу ли вам: я вас люблю?..”	525
“Окиньте беглым, мимолетным взглядом...”	526
“Паук заткал мой темный складень...”	526
Агарь	527
“И так же кичились они...”	528
“Налей мне, друг, искристого...”	528
“Мне снилось: я бреду впотьмах...”	529
“Старая под старым вязом...”	530
“Бывает разве средь зимы гроза...”	531
“Без оговорок, без условий...”	532

Константин Липскеров

“Пустыня, ширь! Пустыня, по которой...”	533
“Дни и ночи, дни и ночи...”	534
“Зачем опять мне вспомнился Восток!..”	535
Газелла вторая	536
“Всё душа безмолвно взвесила...”	536
Пруд	537
Возвращение	537
Из цикла “Голова Олоферна”	
6. Победа	538

Георгий Шенгели

Барханы	539
“Январским вечером, раскрывши том тяжелый...”	540
Александрия	541
Мы живем на звезде	542
Ничевоки	543

Конст. Эрберг

Искры	547
-------	-----

Сусанна Мар

“Доброй нянькой баюкает маятник...”	548
“Осушить бы всю жизнь, Анатолий...”	549

Рюрик Рок	
Чтение 1-е	550
Конструктивисты	553
Эдуард Багрицкий	
Славяне	558
Полководец	560
Баллада о нежной даме	561
Контрабандисты	562
Илья Сельвинский	
Красное манто	565
Вор	566
Рапорт	567
Мотыкъ-Малхамовес	568
Норвежская мелодия	571
Владимир Луговской	
Жестокое пробуждение	573
Курсантская Венгерка	575
Обэриуты	578
Николай Заболоцкий	
Рыбная лавка	585
Движение	587
Меркнут знаки Зодиака	587
Александр Введенский	
Гость на коне	590
Элегия	593
Даниил Хармс	
Стих Петра Яшкина	597
“Все все все деревья пиф...”	598
“Ходит путник в час полночный...”	598
Постоянство веселья и грязи	599
Что делать нам?	600
Физик, сломавший ногу	600
Неизвестной Наташе	601
“Шел Петров однажды в лес...”	601
Из дома вышел человек	602

Поэты вне течений	603
Иван Бунин	
“Не видно птиц. Покорно чахнет...”	608
Родине	609
“Ту звезду, что качалась в мертвой воде...”	610
“Когда на темный город сходит...”	610
“Снова сон, пленительный и сладкий...”	611
Одиночество	611
Призраки	612
“В лесу, в горе родник, живой и звонкий...”	613
Слово	613
Свет незакатный	613
“У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...”	614
Михаил Кузмин	
“Где слог найду, чтоб описать прогулку...”	615
“О, быть покинутым — какое счастье!...”	616
Из “Александрійских песен”	
Мудрость. 4. “Сладко умереть...”	617
“Окна неясны очертанья...”	618
“Смирись, о сердце, не ропщи...”	619
“Ветер с моря тучи гонит...”	619
“Какая-то лень недели кроет...”	620
Максимилиан Волошин	
Из цикла “Париж”	
4. “Осень... осень... Весь Париж...”	621
“Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...”	622
“Мы заблудились в этом свете...”	622
“Как Млечный Путь, любовь твоя...”	623
Из цикла “Киммерийские сумерки”	
IV. “Старинным золотом и желчью напитал...”	624
VII. “Над зыбкой рябью вод встает из глубины...”	624
“Пурпурный лист на дне бассейна...”	625
“Судьба замедлила сурово...”	625
“Обманите меня... но совсем, навсегда...”	626
“Любовь твоя жаждет так много...”	626
Взятие Тюильри	627
На дне преисподней	628

Владислав Ходасевич

“Вокруг меня кольцо сжимается...”	629
В моей стране	630
“Вот в этом палаццо жила Дездемона...”	631
На ходу	631
Путем зерна	632
“Горит звезда, дрожит эфир...”	632
“Играю в карты, пью вино...”	633
Перед зеркалом	634
“В последний раз зову Тебя: явьсь...”	635

Марина Цветаева

“Идешь, на меня похожий...”	636
“Моим стихам, написанным так рано...”	637
“Уж сколько их упало в бездну...”	638
Бабушке	639
Из цикла “П. Э.”	
6. “Осыпались листья над Вашей могилой...”	640
Из цикла “Подруга”	
2. “Под лаской плюшевого пледа...”	641
15. “Хочу у зеркала, где мать...”	642
“Мне нравится, что Вы больны не мной...”	643
Из цикла “Стихи к Блоку”	
1. “Имя твое — птица в руке...”	643
15. “Без зова, без слова...”	644
Из цикла “Стихи о Москве”	
9. “Красною кистью...”	646
Из цикла “Бессонница”	
10. “Вот опять окно...”	647
Две песни	
2. “Вчера еще в глаза глядел...”	647
“Тоска по родине! Давно...”	649
Примечания	651

КАКАЯ МУЗЫКА БЫЛА,
КАКАЯ МУЗЫКА ЗВУЧАЛА!..

*Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.*

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

*И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.*

АННА АХМАТОВА

Серебряный век. Произнесите это медленно и прислушайтесь...
Словно где-то в глубине души прозвонил хрустальный колокольчик. Само словосочетание “серебряный век” ассоциируется в нашем сознании с чем-то возвышенным и прекрасным. И поэзия этого периода очень музыкальна: по своей внутренней сути она является как бы мелодией слов, своеобразным звукоорядом. Не этот ли период гениально предвосхитил Пушкин, сравнивая поэта с эхом, откликающимся “на всякий звук”?

Если следовать знаменитой формуле А. Григорьева “Пушкин — наше всё”, то и этимологию устоявшегося словосочетания “серебряный век” стоит поискать именно в том классическом периоде, который называли пушкинской эпохой или “золотым веком” русской литературы. Однако, в отличие от него, Серебряный век не может быть назван чьим-то одним — пусть даже великим — именем; его поэтику решительно невозможно свести к творчеству одного, двух или даже нескольких выдающихся мас-

теров слова. В том-то и особенность данного периода, что в нем жили и творили поэты, представляющие многие литературные течения, исповедующие разные поэтические принципы, диаметрально противоположные в своих художественных пристрастиях и творческих исканиях. Иногда они затевали яростную полемику, предлагая различные способы постижения бытия, но каждый из них отличался необычайной музыкой стиха, оригинальным выражением чувств и переживаний лирического героя, устремленностью в будущее.

И все же, откуда появилось это название – Серебряный век? В последние годы прошлого столетия в искусствознании и литературоведении это словосочетание обрело терминологическое значение, но до сих пор в среде критиков и ученых нет единого мнения о первоначальном смысле такого распространенного и вместе с тем вызывающего историографические споры понятия – “серебряный век”. В книге известного американского филолога, исследователя русской литературы Омри Ронена, недавно вышедшей у нас в стране, делается попытка найти первоначальный смысл данного названия, поскольку, по мнению автора, вследствие повсеместного использования этого термина без должного объяснения исследователи превращают его в “расхожий штамп, лишенный всякого исторического, хронологического и даже ценностного содержания за исключением того, что он смутно обозначает художественный и духовный расцвет, по времени связанный с началом XX века”¹.

Выясняется, что данным термином еще на заре прошлого века пользовались многие критики и литературоведы: поэт Вл. Соловьев, прозаик Б. Садовской, мемуарист В. Пяст, философ Вас. Розанов, князь Святополк-Мирский, публицист Иванов-Разумник, историк искусства В. Вейдле. Однако все они толковали это понятие применительно лишь к отдельным явлениям русской литературы, как в области поэзии, так и в отношении прозы, причем к разным

¹ Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. – М.: О.ГИ., 2000. Л. И. Соболев в своей рецензии на эту книгу указывает: “После тщательного анализа О. Ронен устанавливает, что наиболее вероятным источником выражения “серебряный век” была статья Р. В. Иванова-Разумника под псевдонимом “Ипполит Удушьев” – “Взгляд и нечто. Отрывок. (К столетию “Горя от ума”)” 1925 года. Именно отсюда, похоже, заимствовали свои образы, а порой – и мысли – и Н. Оцуп, и В. Вейдле, и др.”.

их периодам. С таким же успехом можно отнести к “родителям” термина “серебряный” любого из поэтов-модернистов, кто активно использовал это прилагательное в своем творчестве. Сюда относится и А. Ахматова, чьи строки из “Поэмы без героя” приведены в качестве эпиграфа этой статьи. Можно вспомнить М. Цветаеву:

Разлетелось в серебряные дребезги
Зеркало, и в нем – взгляд...

...Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро...

...Серебряный ключ – звонок.
Серебряно мне – петь!

или стихотворение В. Брюсова “Первый снег”:

Воплощения мечтаний,
Жизни с грезою игра,
Это мир очарований,
Этот мир из серебра!

или строки А. Блока:

...Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной – вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

И даже поэтические эскизы А. Крученых смотрятся в этом ряду достаточно органично:

...иль прозвенело серебро
в лучах невидимых
что вечно не старо
над низкой хижинкой.

Подобных примеров множество, поэтому они вряд ли что проясняют в данном вопросе.

Многие исследователи связывают авторство названия “Серебряный век” как смысловой формулировки эпохи с именем филолога Н. Бердяева, однако в ранних его трудах этого выражения

не обнаруживается. В статьях начала XX века Бердяев преимущественно использовал слово “декадентство”, а в его работах, созданных в эмиграции, устойчивым термином является “культурный ренессанс”. И лишь в 1949 году в книге “Самопознание”¹ им впервые применено определение Серебряный век для характеристики конкретного временного периода.

Однако еще раньше, в 1933 году это название для обозначения поэзии русского модернизма дал поэт Н. Оцуп в своей статье “Серебряный век русской поэзии”². И уже затем, после выхода в свет книги С. Маковского “На Парнасе Серебряного века”³, в которой делалась попытка исторически осмыслить “намечавшийся в России ренессанс духовной культуры”, этот термин окончательно закрепился в качестве определения русской культуры конца XIX — начала XX века.

Известный исследователь и литературовед Л. Г. Березовая в статье “Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия)” указывает, что “первая попытка применить изящную метафору для научного анализа культурных событий начала XX в. была предпринята профессором П. Н. Милоковым в его “пушкинской” речи в Сорбонне в 1924 г. по случаю 125-летия со дня рождения поэта. Он говорил о “декадансе Серебряного века”⁴”.

Важно уяснить, что речь идет именно о явлении *русской культуры*, основанной на глубинном единстве *всех* ее творцов. Серебряный век — не просто набор русских поэтических имен. Это особое явление, представленное во всех областях духовной жизни России, эпоха, отмеченная необычайным творческим подъемом не только в поэзии, но и в живописи, музыке, театральном искусстве, в гуманитарных и естественных науках. В этот же период бурно развивается русская философская мысль: достаточно назвать В. Соловьева, П. Флоренского, Н. Бердяева, Г. Федотова, И. Ильина, С. Булгакова, Е. и С. Трубецких.

К этому списку можно добавить имена ученых, чьи достижения дали заметный толчок к дальнейшему развитию науки — А. Попов, И. Павлов, С. Вавилов.

1 Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии.— Париж, 1949. С. 345.

2 Журнал “Числа”, Кн. 7—8, Париж, 1933. С. 174—178.

3 Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века.— Мюнхен, 1962.

Настроение всеобщего культурного подъема нашло глубокое, проникновенное отражение в творчестве композиторов — С. Рахманинова, А. Скрябина, И. Стравинского.

Принципиально изменились способы воспроизведения действительности в произведениях художников. М. Врубель, И. Репин, М. Нестеров, В. Борисов-Мусатов, К. Перов-Водкин создали полотна, говорившие с публикой на новом языке. В изобразительном искусстве возникли целые художественные школы, направления, и среди них — “Мир искусства” во главе с живописцем А. Бенуа.

На сцене творили В. Комиссаржевская, Вас. Качалов, Ф. Шаляпин, А. Павлова; К. Станиславский создал современный репертуарный театр, позже блистал Вс. Мейерхольд.

Невозможно не упомянуть имя С. Дягилева, организатора знаменитых “русских сезонов” в Париже, чей высочайший талант импресарио утвердил достижения человеческой культуры в Европе, открыл для мира русский балет.

Для того, чтобы яснее понять причину феноменального культурного подъема в конце XIX — начале XX века, который справедливо называют “русским ренессансом”, необходимо прежде всего обратиться к атмосфере духовной жизни России на рубеже веков, ставшей условием развития поэтического творчества.

Философ Н. Бердяев попытался охарактеризовать это культурное явление с позиции диалектики. Вот что он писал по данному поводу в книге “Самопознание”:

“Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувственности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму... Но все это происходило в довольно замкнутом круге, оторванном от широкого социального движения. Изначально в этот русский ренессанс вошли элементы упадочности... Культурный ренессанс явился у нас в предреволюционную эпоху и сопровождался острым чувством приближающейся гибели старой России. Были возбуждение и напряженность, но не было настоящей радости... Культурно-духовное движение того времени было своеобразным русским романтизмом, оно менее всего было классическим по своему духу”.

Поэзия как наиболее тонкий и чувствительный элемент культуры улавливала эти тревожные противоречия кризисной эпохи — всплеск духовности, с одной стороны, и предопущение близкой катастрофы — с другой, что не могло не сказаться на ее дальнейшем развитии. В поэзии, как, впрочем, и в других областях культуры начала XX века, получило распространение декадентство, основные мотивы которого нашли свое воплощение в различных направлениях модернизма. Причем происходило это не только в поэзии, но и в других видах искусства.

Термин “декадентство” (*фр.* *décadance*) происходит от средневекового латинского слова *decadentia*, что означает “упадок”. Им принято называть явление в культуре конца XIX — начала XX века, характеризующееся оппозицией к общепринятой “мещанской” морали, культом красоты как самодовлеющей ценности, сопровождавшимся нередко эстетизацией греха и порока. В области сознания декадентство — это отношение индивидуума к окружающему миру в кризисную эпоху, чувство тревоги, страха перед жизнью, неверие в возможность человека познать мир, изменить его и самому измениться.

Термин “модернизм” (*фр.* *moderne* — новейший, современный) в широком смысле представляет собой общее обозначение явлений искусства и литературы XX века, отошедших от традиций внешнего подобия. Основной чертой методологии модернизма в различных течениях искусства (фовизм, экспрессионизм, кубизм, авангардизм, сюрреализм, примитивизм и т. д.) является метафорическое построение образа по принципу разветвленной ассоциативности, свободного соответствия выразительности формы характеру запечатлеваемых настроений.

По отношению к поэзии модернизм воплотился “в систему относительно самостоятельных художественных направлений и течений, характеризующихся ощущением дисгармонии мира, разрывом с традициями реализма, бунтарско-эпатирующим восприятием, преобладанием мотива утраты связи с реальностью, одиночества и иллюзорной свободы художника, замкнутого в пространстве своих фантазий, воспоминаний и субъективных ассоциаций¹”.

¹ Эстетика. Словарь. — М., 1989. С. 210—211.

Если подвести итог вышесказанному, то можно прийти к следующему соображению: модернистскими назывались литературные течения, противостоящие реализму.

Известный литературовед М. Л. Гаспаров в своей работе “Поэтика “серебряного века”¹ справедливо замечает, что “модернизм никоим образом не исчерпывает русскую поэзию начала [XX] века. Стихи модернистов количественно составляли ничтожно малую часть, экзотический уголок тогдашней нашей словесности. Массовая печать наполнялась массовой поэзией, целиком производившейся по гражданским образцам 1870-х годов и лирическим образцам 1880-х годов...”. Тем не менее, когда речь заходит о явлении, именуемом “Поэзия Серебряного века”, то имеется в виду в первую очередь поэзия русского модернизма, состоящая главным образом из трех крупнейших поэтических направлений — символизма, акмеизма и футуризма.

Несмотря на значительные внешние и внутренние противоречия, каждое из них дало миру немало великих имен и превосходных стихотворений, которые навсегда останутся в сокровищнице русской поэзии и найдут своих почитателей среди последующих поколений.

В настоящем издании мы достаточно подробно рассмотрим все особенности каждого из этих литературных течений. Кроме того будут даны характеристики и другим, менее значительным поэтическим группировкам, а также представлены поэты, не связанные с каким-либо определенным направлением, но наиболее ярко выразившие “дух времени”. При этом главной задачей данной книги является воссоздание *общей картины* поэтической эпохи, названной Серебряным веком, без которой достаточно сложно разобраться в отдельных ее проявлениях.

Впрочем, если речь зашла о “картине”, то требуется еще и, образно говоря, “рама”. То есть следует определить какие-то временные ограничения. Вопрос о хронологических границах Серебряного века является довольно спорным. Его началом принято считать 1890-е годы, когда стали пробиваться на свет первые ростки символизма. При этом за точку отсчета можно взять несколько хронологически близких событий: публикацию в 1893 году про-

¹ Русская поэзия “серебряного века”. — М.: Наука, 1993. С. 7.

граммной статьи Д. Мережковского “О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы”¹; появление чуть позже изданной В. Брюсовым антологии символизма², куда вошли в основном стихи самого составителя; рождение на рубеже веков символистского издательства “Скорпион”... Так или иначе, но к моменту наступления нового столетия новая культурная (а в рамках рассматриваемого нами вопроса – поэтическая) эпоха, уже заявила о себе во весь голос. Своего апогея поэзия символистов достигла в годы первой русской революции (1905–1907), когда к вступившим в пору наивысшей поэтической зрелости основателям направления К. Бальмонт, Д. Мережковскому, З. Гиппиус, Ф. Сологубу добавляются имена А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова.

К концу первого десятилетия XX века символизм как школа утрачивает ведущую роль. Возникают новые литературные течения: позиции символистов активно оспаривают их фактические наследники – акмеисты и прямые оппоненты – футуристы.

В эти годы на поэтическом небосклоне загораются новые звезды – А. Ахматова, Н. Гумилев, О. Мандельштам, С. Городецкий, М. Кузмин, И. Северянин, М. Цветаева, В. Хлебников, В. Маяковский, С. Есенин, Б. Пастернак, В. Шершеневич и многие, многие другие.

Словом, исходный рубеж и период расцвета Серебряного века подлежит достаточно точному определению. А вот вопрос о его окончании до сих пор является предметом дискуссий. Поэт Н. Коржавин полагал, что “Серебряный век начался в 10-е годы XX века и закончился... с Первой мировой войной”³. Критик Е. Г. Эткинд пишет: “1915 – высший подъем Серебряного века и, в то же время, конец его”⁴. У других исследователей по-иному обоснованную точку зрения на хронологические границы: 1917-й, 20-е и даже 30-е годы XX века.

Литературовед В. Крейд в статье “Встречи с Серебряным веком”⁵ достаточно образно высказывается на эту тему:

1 Впервые опубликована отдельным изданием: СПб., 1893.

2 “Русские символисты”. – М., 1894–1895. В 3-х книгах.

3 Коржавин Н. М. Анна Ахматова и “Серебряный век” // Новый мир. 1989, № 7. С. 78.

4 Эткинд Е. Г. Единство “Серебряного века”. – СПб., 1997. С. 12.

5 Предисловие к сборнику “Воспоминания о Серебряном веке”. – М.: Республика, 1993.

“Все кончилось после 1917 года, с началом гражданской войны. Никакого серебряного века после этого не было. В двадцатые годы еще продолжалась инерция, ибо такая широкая и могучая волна, каким был наш серебряный век, не могла не двигаться некоторое время, прежде чем обрушиться и разбиться. Еще живы были большинство поэтов, писатели, индивидуальным творчеством и общим трудом которых был создан серебряный век, но сама эпоха кончилась. Каждый ее активный участник понимал, что, хотя люди и остались, характерная атмосфера эпохи, в которой таланты росли, как грибы после грибного дождя, сошла на нет. Остался холодный лунный пейзаж без атмосферы и творческие индивидуальности – каждый в отдельной замкнутой келье своего творчества. По инерции продолжались еще и некоторые объединения – как, например, *Дом искусств*, *Дом литераторов*, “*Всемирная литература*” в Петрограде, но и этот постскрипtum серебряного века оборвался на полуслове, когда прозвучал выстрел, сразивший Гумилева.

Серебряный век эмигрировал – в Берлин, в Константинополь, в Прагу, в Софию, Белград, Гельсингфорс, Рим, Харбин, Париж. Но и в русской диаспоре, несмотря на полную творческую свободу, несмотря на изобилие талантов, он не мог возродиться. Ренессанс нуждается в национальной почве и в воздухе свободы. Художники-эмигранты лишились родной почвы, оставшиеся в России лишились воздуха свободы...”

Или еще одно аргументированное соображение, опубликованное на страницах сборника “Литературные манифесты от символизма до наших дней”¹. Составитель книги С. Б. Джимбинов, который пишет:

“После революции новая власть незамедлительно национализировала все типографии и запасы бумаги. Издавать стихи стало нелегко. Только футуристы и имажинисты, пошедшие на компромисс с властями, смогли публиковать свои сборники в 1919 и 1920 годах.

А вот с 1921 года, с введением нэпа и разрешением частных издательств, началось нечто поистине необыкновенное. <...> Это чудо, это удивительное трехлетие – 1921, 1922, 1923 годы. Это на-

1 М.: XXI век – Согласие, 2000.

стоящая вершина, “акме” нашего Серебряного века. Все как бы пошло в рост. <...> Так много было наработано поэтами великой триады — символизма, акмеизма и футуризма: весь язык был обновлен и перепахан, а вместе с языком — ритмика стиха и образное мышление. Когда человек взбунтовался против инерции (не хочу, чтобы мною писали!) и понял, какое счастье писать то, что действительно чувствуешь и переживаешь, — то к его услугам был весь арсенал поэтических средств... Таково значение 1921–1923 годов, годов поголовной талантливости, когда талант был просто растворен в воздухе, им дышали все, способные и неспособные...

После славного трехлетия <...> возникло небывало большое количество “измов” и школ, и каждое направление со своим манифестом <...> Впрочем, от многих из них, кроме манифеста, ничего не осталось”.

О. Ронен в уже упомянутой книге сдвигает верхнюю планку Серебряного века еще дальше по времени, хотя к очерчанию его границ он подходит с определением этой эпохи в целом как культурного феномена:

“Когда бы этот век, прозванный “серебряным”, ни пришел к концу — в 17-м году, или в 21–22-м — с гибелью Гумилева и смертью Блока и Хлебникова, или в 30-м — с самоубийством Маяковского, или в 34-м — со смертью Андрея Белого, или в 37–39-м с гибелью Клюева и Мандельштама и кончиной Ходасевича, или в 40-м, после падения Парижа, когда Ахматова начала “Поэму без героя”, а Набоков, спасшись из Франции, задумал “Парижскую поэму”, посвященную, как и ахматовская, подведению итогов, — наименование “серебряный век” было всего лишь отчужденной кличкой, данной критиками, в лучшем случае как извинение, а в худшем — как поношение. Сами поэты, еще живые представители этого века, Пяст, Ахматова, Цветаева пользовались им изредка со смутной и иронической покорностью, не снисходя до открытого спора с критиками”¹.

И все-таки основным рубежом, верхней границей Серебряного века обоснованней было бы считать октябрьские потрясения 1917 года, трагически отразившиеся не только на поэзии, но и на всей русской культуре в целом. Конечно, старинный постулат о том, что настоящий художник всегда должен быть немного голод-

1 Ронен О. Там же. С. 114.

ным, имеет право на существование. Но все же Октябрьский переворот и последовавшая за ним гражданская война, с ее разрухой и голодом, развитию поэзии ни в коей мере не споспешествовали. Первые годы после этих событий если и продолжались какие-либо искания в области поэтического искусства, то с созданием РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей) и с принятием в 1925 году постановления “О политике партии в области литературы” все они были приостановлены. На долгие десятилетия в советском искусстве в качестве единственно возможных утвердились пролетарская литература и метод соцреализма.

Краток был Серебряный век. Краток и ослепителен. Биографии почти всех творцов этого поэтического чуда сложились трагически. Время, отпущенное им судьбой, оказалось роковым. Но, как известно, “времена не выбирают — в них живут и умирают”.

Поэтам Серебряного века пришлось до дна испытать чашу страданий: кровь, хаос и беспредел революционных лет и гражданской войны уничтожили духовную основу их существования. Вскоре после революции ушли из жизни Блок, Хлебников, Брюсов. Многие эмигрировали, не в силах вынести жизни на неприветливой родине, в одночасье ставшей им мачехой: Мережковский, Гиппиус, Бунин, Вяч. Иванов, Бальмонт, Адамович, Г. Иванов, Бурлюк, Ходасевич, Саша Черный, Северянин, Тэффи, Цветаева и многие другие. Большинство из них прожили остаток жизни за границей, мечтая вернуться в Россию. Хотя, вероятно, это стало бы для них событием не менее горестным, что подтверждает судьба Цветаевой, покончившей с собой после возвращения на родину. Кроме нее свели счеты с жизнью Есенин и Маяковский. Те, кто остался в России, были уничтожены тоталитарным режимом: расстрелян по ложному обвинению Гумилев; сгинули в сталинских лагерях Клюев, Мандельштам, Нарбут, Лившиц, Клычков, Введенский, Хармс. Те же, кто уцелел в этой мясорубке, до последних дней своей жизни оставаясь на родной земле, как Ахматова и Пастернак, были практически обречены на безмолвие. А поэтов, решившихся сотрудничать с новой властью, тоже ждала незавидная литературная судьба: для Маяковского, Каменского, Городецкого она обернулась утратой таланта и потерей творческой индивидуальности.

Некоторые сознательно приговорили себя к молчанию, уйдя от стихотворчества в иные области литературы, занявшись журналистикой, прозой, драматургией, переводами. Но для истинных поэтов написание стихов — процесс не творческий, а скорее физиологический, входящий в систему жизнеобеспечения. Поэтому неудивительно, что многие из таковых (Шершеневич, Зенкевич, Шенгели, Липскеров и др.) всю оставшуюся жизнь писали “в стол”, и только теперь выясняется, какие драгоценные поэтические россыпи сокрыты в пыли их архивов.

Многие из этих имен на долгие годы были преданы забвению. Но “ничто на земле не проходит бесследно”. Явление культуры под названием “Серебряный век” вернулось к нам в стихах его создателей, для того чтобы еще раз напомнить, что только красота может спасти мир.

Как справедливо сказал Сергей Маковский в книге “На Парнасе Серебряного века”:

“Серебряный век, мятежный, богоищущий, бредивший красотой, и ныне не забыт. Голоса его выразителей до сих пор звучат, хотя и по-иному, чем звучали тогда”.

Борис Акимов

СИМВОЛИЗМ

Символизм (от *греч.* symbolon – знак, символ) – направление в европейском искусстве 1870–1910-х годов; одно из модернистских течений в русской поэзии на рубеже XIX–XX веков. Сосредоточено преимущественно на выражении посредством *символа* интуитивно постигаемых сущностей и идей, смутных, часто изощренных чувств и видений.

Само слово “символ” в традиционной поэтике означает “многозначное иносказание”, то есть поэтический образ, выражающий суть какого-либо явления; в поэзии символизма он передает индивидуальные, часто сиюминутные представления поэта.

Для поэтики символизма характерны:

- передача тончайших движений души;
- максимальное использование звуковых и ритмических средств поэзии;
- изысканная образность, музыкальность и легкость слога;
- поэтика намека и иносказания;
- знаковое наполнение обыденных слов;
- отношение к слову, как к шифру некой духовной тайнописи;
- недосказанность, утаенность смысла;
- стремление создать картину идеального мира;
- эстетизация смерти как бытийного начала;
- элитарность, ориентация, на читателя-соавтора, творца.

Философско-эстетические принципы символизма восходят к сочинениям А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше, А. Бергсона. Стремясь проникнуть в тайны бытия и сознания, узреть сквозь видимую реальность сверхвременную идеальную сущность мира и его “нетленную Красоту”, символисты выразили неприятие буржуазности и позитивизма, тоску по духовной свободе, трагическое предчувствие мировых социально-исторических потрясений и вместе с тем — доверие к вековым духовно-культурным ценностям как единящему людей и народы началу.

Конец XIX — начало XX века в России — это время перемен, неизвестности и мрачных предзнаменований, это время разочарования и ощущения приближения гибели существующего общественно-политического строя. Именно с этим связано проникновение в русскую поэзию идей символизма, который стал наиболее крупным литературным направлением данного периода.

Символизм был явлением неоднородным, пестрым и достаточно противоречивым. Он объединил в своих рядах поэтов, придерживавшихся порой самых разных взглядов. По времени возникновения и по философской основе их традиционно принято делить на “старших” (Н. Минский, Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб) и “младших” (А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов). Близки символистам были также И. Анненский и М. Волошин. И конечно, нельзя не упомянуть Вл. Соловьева, без религиозной философии которого не было бы русского символизма XX века. Он учитель Бердяева, Флоренского, Мережковского и он же главный духовный наставник Блока, Белого, Волошина, Брюсова.

Символисты, как старшие так и младшие, противопоставляли традиционной идее создания мира в искусстве идею конструирования мира в процессе творчества. Творчество же в понимании символистов заключалось в подсознательно-интуитивном созерцании тайных смыслов, доступном лишь художнику-творцу.

Размежевание на “старших” и “младших” символистов

происходило не столько в силу возраста, сколько из-за разницы мироощущения и направленности творчества.

“Старшие символисты” не ставили целью создание системы символов; они в большей степени эпатажные декаденты, импрессионисты, которые стремились передать тончайшие оттенки настроений, движения души. Постепенно слово как носитель смысла для символистов утратило цену. Оно приобрело ценность только как звук, музыкальная нота, как звено в общем мелодическом построении стихотворения.

“Младосимволисты” опирались на учение философа-идеалиста и поэта Вл. Соловьева, углубившего идею Платона о “двоемирии”. Соловьев пророчил конец мира, когда погрязшее в грехах человечество будет спасено и возрождено к новой жизни неким божественным началом — “Мировой Душой” (она же “Вечная Женственность”), что приведет к созданию “Царства Божьего на земле”.

Первым манифестом, провозгласившим рождение нового литературного течения была статья Д. Мережковского “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы” (1893). В ней декларировались конец эпохи реализма и наступление эры символа. Красота объявлялась центром всей системы ценностей, но чтобы донести красоту, необходимо искать новые художественные формы.

При этом особое внимание символисты проявляли к преобразованию значений поэтического слова, развитию ритмики и рифмы. Поэзия точных слов и конкретных значений в практике символистов уступила место поэзии намеков и недомолвок. Основным в их поэтике становится символ, а не реалистический художественный образ. Поэзия, по словам Вяч. Иванова, одного из крупнейших теоретиков символизма, — есть “тайнопись неизреченного”. Именно символ становился главным средством передачи недосказанного, утаенного смысла стихотворной речи.

Так же большое значение для создания смысловой размытости и словесной зыбкости стала играть метафора, по-

строенная не на сходстве описываемых предметов или явлений, а на ассоциативных связях, возникающих лишь в процессе данной мимолетной ситуации.

Подобное использование ассоциативных значений поэтической речи привело к новому отношению поэта-символиста с его аудиторией. Поэт не стремился быть понятым *всеми*, поскольку обращался не просто к читателю, а к читателю-творцу, соавтору. Его стихи призваны были не доносить чувства и мысли автора, а пробуждать в читателе ответную реакцию, обострять и утончать его восприятие, помогать в постижении “высшей реальности”.

В последнее десятилетие XIX века символизм набирал силу не только как поэтическое, но и как общественное явление. Он создавал собственную систему ценностей, собственное представление о будущем, собственную утопию. Наряду с литературным течением возникло объединение “Мир искусства”, созданное в Санкт-Петербурге в 1898 г. А. Бенуа и С. Дягилевым. Оно объединяло многих известных художников и артистов. При нем ежемесячно издавался одноименный иллюстрированный литературно-художественный журнал, являвшийся рупором символизма. На театральных подмостках с разной долей успеха предпринимались попытки реализовать средствами сцены символистские пьесы. В частности, дань этому художественному течению отдал Вс. Мейерхольд. Идеи нового течения нашли свое отражение в музыке, например, в симфонических поэмах А. Скрябина. Появились символистские издательства: “Мусагет”, “Скорпион” со своим альманахом “Северные цветы”; возникают многочисленные журналы: “Золотое руно”, “Весы”, “Северные записки”.

Начало XX века совпало с началом нового периода в истории русского символизма. На литературную арену выходят “младшие символисты”. В соответствии со своими воззрениями, навеянными философией Вл. Соловьева о Вечной Женственности, в их стихах много место отводится любви во всех ее проявлениях — от чувственности и эротике до ро-

мантического и почти религиозного мечтания о Прекрасной Даме, Незнакомке. Пейзажи русской природы в их творчестве зачастую существуют лишь как инструмент для передачи собственных переживаний; излюбленным временем года становится осень с ее тоскливым настроением. Общим мотивом пессимизма в поэзии данного периода служит еще один широко распространенный среди “младших символистов” образ — современный город, ощущаемый ими как живое существо с сатанинским характером, “город-вампир”, материализованный ужас, олицетворение бездушия и порока.

С. Авдеев, анализируя дальнейшие видоизменения и закат символистского движения в России, отмечает, что “годы первой русской революции (1905–1907) существенно изменяют лицо русского символизма. Большинство поэтов откликаются на революционные события. Блок создает образы людей нового, народного мира. Брюсов пишет знаменитое стихотворение “Грядущие гунны”, где прославляет неизбежный конец старого мира, к которому, однако, причисляет и себя, и всех людей старой, умирающей культуры. Сологуб создает в годы революции книгу стихотворений “Родине” (1906), Бальмонт — сборник “Песни мстителя” (1907), изданные в Париже и запрещенные в России, и т. д. <...> Еще важнее то, что годы революции перестроили символистское художественное миропонимание. Если раньше Красота понималась как гармония, то теперь она связывается с хаосом борьбы, с народными стихиями”¹.

Времени, отпущенного символистам историей, оставалось совсем немного. В 1909 году почти одновременно закрылись два главных символистских журнала — “Вехи” и “Золотое руно”. Но не потому, что выполнили свое предназначение, а в силу глубокого кризиса внутри самого течения. К концу первого десятилетия XX века символизм как школа исчерпывает себя. Еще появляются отдельные произведения поэтов-символистов, но влияние их в значительной

¹ Авдеев С. В. Поэзия “серебряного века”: основные течения и взгляды на них. Доклад.

степени утрачено. Все молодое, жизнеспособное, бодрое оказалось вовне. Символизм больше не дает новых имен.

Вот как обосновывает причины увядания течения символистов литературовед Г. Березовая:

“...Это поколение состояло из блестяще образованных людей, свободно чувствовавших себя в океане всей мировой культуры, стремившихся возродить культурное наследие собственной страны. В Брюсов прекрасно разбирался в ассирийских, византийских, римских сюжетах и символике, переводил Э. Верхарна, дружил с европейскими символистами; А. Белый увлекался Востоком, антропософией, работал над всеобъемлющей “Историей становления самосознания”; А. Блок великолепно знал Средневековье, немецкую поэзию, язычество, интересовался сектантством — и такими энциклопедистами были большинство творцов Серебряного века. Но самое главное — они были способны на высокое творческое горение. Можно сказать, что они сконструировали, выстрадали русский ренессанс из единственного имевшегося в их распоряжении материала — собственной души и собственного таланта. Возможно, это обстоятельство объясняет и недолговечность взлета — фактически в пределах жизни одного поколения.

Этот период — период высочайшего духовного и художественного подъема — проходил в России под знаком национальной катастрофы. Отсюда и декадентские мотивы трагизма, пророчества, заката. Взлет творческой энергетики самым трагическим образом совмещался с социальным и политическим распадом. Отвергнув “направленство” и эстетику “общественной пользы”, люди, строящие русский ренессанс, недооценили тяжесть социальной правды, знамени левой интеллигенции. Попытка сборника “Вехи” (1909 г.) изменить самосознание радикальной интеллигенции оказалась неудачной. Социальность русской истории победила ренессансный порыв интеллигенции”¹.

¹ Березовая Л. Г. Серебряный век в России: единство без целостности.

Символизм утратил лидирующее значение, и произошло это по двум причинам. С одной стороны, требование обязательной “мистики”, “раскрытия тайны”, “постижения бесконечного в конечном” привело к утрате подлинности поэзии; “религиозный и мистический” пафос корифеев символизма оказался подмененным своего рода мистическим трафаретом, шаблоном. С другой — увлечением “музыкальной основой” стиха привело к созданию поэзии, лишенной всякого логического смысла, в которой слово низведено до роли уже не музыкального звука, а жестяной побрякушки.

Соответственно и реакция против символизма, а впоследствии и борьба с ним, шли по тем же двум основным направлениям. С одной стороны, против идеологии символизма выступили акмеисты. С другой — в защиту слова, как такового, ополчились так же враждебные символизму по идеологии футуристы.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ
(1853–1900)

Владимир Сергеевич Соловьев — выдающийся философ-идеалист, поэт, переводчик, сын известного историка С. М. Соловьева. Преподавал философию в Московском университете, сотрудничал в журналах “Вестник Европы” и “Вопросы философии и психологии”, заведовал отделом в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Поэтика Соловьева весьма традиционна, в ней нет усложненной символики. Однако важнейшие основы его творческой философии, такие как Вечноженственное начало бытия и представление о земном мире как о тени, отблеске мира идей, вызвали сильнейший творческий отклик у поколения “младших символистов”. В известной степени творчество Соловьева предвосхищало литературную деятельность символистов, хотя к их изысканиям он относился весьма скептически.

* * *

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к неведшим берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

1875

* * *

Бескрылый дух, землю полоненный,
Себя забывший и забытый бог...
Один лишь сон — и снова, окрыленный,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной, —
И прежний мир в немеркнущем сияньи
Встает опять пред чуткою душой.

Один лишь сон — и в тяжком пробужденьи
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска неведшего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.

1883

* * *

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны — и, схваченная снами,
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,

Как труден горный путь и как еще далёко,
Далёко все, что грезилось мне.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.

[1884]

В Альпах

Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибор.
Зыбкую насыпь надежд и желания
Смыло волной голубой.

Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли.

В берег надежды и в берег желания
Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибор.

1886

* * *

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венки твой измят.

Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

1887

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искажений
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

1892

* * *

Если желанья бегут, словно тени,
Если обеты — пустые слова, —
Стоит ли жить в этой тьме заблуждений,
Стоит ли жить, если правда мертва?

Вечность нужна ли для праздных стремлений,
Вечность нужна ль для обманчивых слов?
Что жить достойно, живет без сомнений,
Высшая сила не знает оков.

Высшую силу в себе созная,
Что ж тосковать о ребяческих снах?
Жизнь только подвиг, — и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах.

1893?

<ПАРОДИИ НА СТИХИ СБОРНИКОВ
“РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ”>

1

Горизонты вертикальные
В шоколадных небесах,
Как мечты полужеркальные
В лавровишневых лесах.

Призрак льдины огнедышащей
В ярком сумраке погас,
И стоит меня не слышащий
Гиацинтовый пегас.

Мандрагоры имманентные
Зашуршали в камышах,

А шершаво-декадентные
Вирши в вянущих ушах.

3

На небесах горят паникадила,
А снизу — тьма.
Ходила ты к нему или не ходила?
Скажи сама!

Но не дразни гиену подозренья,
Мышей тоски!
Не то смотри, как леопарды мщенья
Острят клыки!

И не зови сову благоразумья
Ты в эту ночь!
Ослы терпенья и слоны раздумья
Бежали прочь.

Своей судьбы родила крокодила
Ты здесь сама.
Пусть в небесах горят паникадила, —
В могиле — тьма.

1895

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ

(1855–1937)

Николай Максимович Минский (Виленкин) часто переживал в своем творчестве полную переоценку ценностей. В ранний период под влиянием народничества в его стихах звучали гражданские мотивы. Затем он стал приверженцем “нового искусства”, теоретиком и практиком декадентства; потом перешел к богоискательству, активно участвуя в религиозно-философских собраниях. В 1905 г. Минский становится редактором большевистской газеты “Новая жизнь”, пишет “Гимн рабочих” (“Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”). Но вскоре распадается и этот альянс.

Для поэзии Минского, независимо от того, на каком этапе творческих исканий он находился, характерна тяга к излишней аллегоричности и риторике. При всей искренности и одаренности поэта, стихи его, за небольшим исключением, излишне холодны и рассудочны.

Поэту

Не до песен, поэт, не до нежных певцов!
Ныне нужно отважных и грубых бойцов.
Род людской пополам разделился, —
Закипела борьба. Всякий стройся в ряды,
В ком не умерло чувство священной вражды.
Слишком рано, поэт, ты родился!

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ

Подожди, — и рассеется сумрак веков,
И не будет господ, и не будет рабов, —
Стихнет бой, что столетия длился.
Род людской возмужает и станет умен,
И спокоен, и честен, и сыт, и учен —
Слишком поздно, поэт, ты родился!

[1879]

* * *

Как сон, пройдут дела и помыслы людей.
Забудется герой, истлеет мавзолей
И вместе в общий прах сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
Как с аспидной доски ненужные слова,
Рукой неведомой сотрутся.

И уж не те слова под тою же рукой —
Далеко от земли, застывшей и немой, —
Возникнут вновь загадкой бледной.
И снова свет блеснет, чтоб стать добычей тьмы,
И кто-то будет жить не так, как жили мы,
Но так, как мы, умрет бесследно.

И невозможно нам предвидеть и понять,
В какие формы Дух оденется опять,
В каких созданных воплотится.
Быть может, из всего, что будит в нас любовь,
На той звезде ничто не повторится вновь...
Но есть одно, что повторится.

Лишь то, что мы теперь считаем праздным сном —
Тоска неясная о чем-то неземном,
Куда-то смутные стремленья,

Вражда к тому, что есть, предчувствий робкий свет
И жажда жгучая святынь, которых нет, —
Одно лишь это чуждо тленья.

В каких бы образах и где бы среди миров
Ни вспыхнул мысли свет, как луч среди облаков,
Какие б существа ни жили, —
Но будут рваться вдаль они, подобно нам,
Из праха своего к несбыточным мечтам,
Грустя душой, как мы грустили.

И потому не тот бессмертен на земле,
Кто превзошел других в добре или во зле,
Кто славы хрупкие скрижали
Наполнил повестью, бесцельною, как сон,
Пред кем толпы людей — такой же прах, как он —
Благоговели иль дрожали, —

Но всех бессмертней тот, кому сквозь прах земли
Какой-то новый мир мерещится вдали —
Несуществующий и вечный,
Кто цели неземной так жаждал и страдал,
Что силой жажды сам мираж себе создал
Среди пустыни бесконечной.

[1887]

Два пути

Нет двух путей добра и зла,
Есть два пути добра.
Меня свобода привела
К распутью в час утра.
И так сказала: «Две тропы,
Две правды, два добра.

Их выбор — мука для толпы,
Для мудреца — игра.
То, что доньше среди людей
Грехом и злом слывет,
Есть лишь начало двух путей,
Их первый поворот.
Сулит единство бытия
Путь шумной суеты.
Другой безмолвен путь, суля
Единство пустоты.
Сулят и лгут, и к той же мгле
Приводят гробовой.
Ты — призрак Бога на земле,
Бог — призрак в небе твой.
Проклятье в том, что не дано
Единого пути.
Блаженство в том, что все равно,
Каким путем идти.
Беспечно, как в прогулки час,
Ступай тем иль другим,
С людьми волнуясь и трудясь,
В душе невозмутим.
Их счастье счастьем отрицай,
Любовью жги любовь.
В душе меня лишь созерцай,
Лишь мне дары готовь.
Моей улыбкой мир согрей.
Поведай всем, о чем
С тобою первым из людей
Шепталась я вдвоем.
Скажи: я светоч им зажгла,
Неведомый вчера.
Нет двух путей добра и зла.
Есть два пути добра».

[1900]

* * *

О, этот бред сердечный и вечера,
И вечер бесконечный, что был вчера.

И гул езды далекой, как дальний плеск,
И свечки одинокой печальный блеск.

И собственного тела мне чуждый вид,
И горечь без предела былых обид.

И страсти отблеск знойный из прежних лет,
И маятник спокойный, твердящий: нет.

И шепот укоризны кому-то вслед,
И сновиденье жизни, и жизни бред.

[1901]

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

(1855-1909)

Иннокентий Федорович Анненский в течение многих лет преподавал древние языки, античную литературу, русский язык и теорию словесности. Столь обширные познания отложили несомненный отпечаток на его творчество. Он выступал как литературный критик, плодовитый переводчик. Написал несколько трагедий на сюжеты античной истории.

Хотя Анненский и не был символистом в полном смысле слова, его поэзия развивалась в русле русского декадентства начала XX века. В ней отразился глубокий разлад поэта с действительностью, ощущение трагического одиночества. Для поэта характерна предельная искренность, умение точно передать настроения, вызванные острым, порой болезненным восприятием явлений жизни, изображение сложного мира человеческой души, философское осмысление вопросов бытия. Не только символисты, но и акмеисты считали Анненского своим наставником.

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне в сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,

Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1909

Из “Трилистника сумеречного”

2

Тоска мимолетности

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, еще бестенной,
И в безнадежности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.

Сейчас наступит ночь. Так чёрны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там все, что прожито, — желанье и тоска,
Там все, что близится, — унылость и забвенье.

Здесь вечер как мечта: и робок и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
И где разорвано и слито столько туч...
Он как-то ближе розовых закатов.

1904

3

Свечку внесли

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же возле иная среда,
Где живем мы совсем по-другому?

56

С тенью тень там так мягко слилась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле приник,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступает без боя,
Лишь из глаз по наклонам луча
Тени в пламя сбегут голубое.

Из “Трилистника соблазна”

2

Смычок и струны

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

“О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?”
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

57

“Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?..”
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

Минута

Узорные ткани так зыбки,
Горячая пыль так бела, —
Не надо ни слов, ни улыбки:
Останься такой, как была;

Останься неясной, тоскливой,
Осеннего утра бледней
Под этой поникшею ивой,
На сетчатом фоне теней...

Минута — и ветер, метнувшись,
В узорах развеет листы,
Минута — и сердце, проснувшись,
Увидит, что это — не ты...

Побудь же без слов, без улыбки,
Побудь точно призрак, пока
Узорные тени так зыбки
И белая пыль так чутка...

Двойник

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой чертою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний,
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит кольханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженьи годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

Бабочка газа

Скажите, что случилось со мной?
Что сердце так жарко забилося?
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?

В нем сила иль мука моя,
В волненьи не чувствую сразу:

С мерцающих строк бытия
Ловлю я забытую фразу...

Фонарь свой не водит ли тать
По скопищу литер унылых?
Мне фразы нельзя не читать,
Но к ней я вернуться не в силах...

Не вспыхнуть ей было невмочь,
Но мрак она только тревожит:
Так бабочка газа всю ночь
Дрожит, а сорваться не может...

Из "Трилистника осеннего"

2

Август

Еще горят лучи под сводами дорог,
Но там, между ветвей, всё глуше и немее:
Так улыбается бледнеющий игрок,
Ударов жребия считать уже не смея.

Уж день за сторами. С туманом по земле
Влекутся медленно унылые призывы...
А с ним все душный пир, дробится в хрустале
Еще вчерашний блеск, и только астры живы...

Иль это — шествие белеет сквозь листья?
И там огни дрожат под матовой короной,
Дрожат и говорят: "А ты? Когда же ты?" —
На медном языке истомы похоронной...

Игру ли кончили, гробница ль уплыла,
Но проясняются на сердце впечатленья;

О, как я понял вас: и вкрадчивость тепла,
И роскошь цветников, где проступает тленье...

Листы

На белом небе все тусклей
Златится горная лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Все то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее я?

Из "Трилистника из старой тетради"

3

Старая усадьба

Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный, всё осины — тощи, страх!
Дом — руины... Тины, тины что в прудах...

Что утрат-то!.. Брат на брата... Что обид!..
Прах и гнилость... Накренилось... А стоит...

Чье жилище? Пепелище?.. Угол чей?
Мертвой нищей логовище без печей...

Ну как встанет, ну как глянет из окна:
“Взять не можешь, а тревожишь, старина!

Ишь затейник! Ишь забавник! Что за прыть!
Любит древних, любит давних ворошить...

Не сфальшивишь, так иди уж: у меня
Не в окошке, так из кошки два огня.

Дам и брашна – волчьих ягод, белены...
Только страшно – месяц за год у луны...

Столько вышек, столько лестниц – двери нет...
Встанет месяц, глянет месяц – где твой след?..”

Тсс... ни слова... даль бывшего – но сквозь дым
Мутно зрима... Мимо, мимо... И к живым!

Иль истомы сердцу надо моему?
Тени дома? Шума сада?.. Не пойму...

Из “Трилистника шуточного”

1

Перебой ритма

Сонет

Как ни гулок, ни живуч – Ям-
-б, утомлен и он, затих
Средь мерцаний золотых,
Уступив иным созвучьям.

То-то вдруг по голым сучьям
Прозы утра, град шутих,
На листы вельнем щучьим
За стихом поскачет стих.

Узнаю вас, близкий рампе,
Друг крылатый эпиграмм, Пэ-
-она третьего размер.
Вы играли уж при мер-
-цаньи утра бледной лампе
Танцы нежные Химер.

* * *

Когда б не смерть, а забытьё,
Чтоб ни движения, ни звука...
Ведь если вслушаться в нее,
Вся жизнь моя – не жизнь, а мука.

Иль я не с вами таю, дни?
Не вяну с листьями на кленах?
Иль не мои умрут огни
В слезах кристаллов растопленных?

Иль я не весь в безлюдье скал
И черном нищенстве березы?
Не весь в том белом пухе розы,
Что холод утра оковал?

В дождинках этих, что нависли,
Чтоб жемчугами ниспадать?..
А мне, скажите, в муках мысли
Найдется ль сердце сострадать?

ФЕДОР СОЛОГУБ
(1863-1927)

Федор Сологуб (псевдоним Федора Кузьмича Тетерникова) — наиболее видный представитель символистско-декадентского направления. Его лирика поражает цельностью: устойчиво-пессимистическое настроение, узкий круг тем, повторяющиеся образы-символы. Большое место в творчестве Сологуба занимает тема смерти; во многих стихах звучит мотив безнадежности и отчаяния. Но в противовес ему поэт создает прекрасную страну мечты — планету Ойле, цветущую под таинственной звездой Маир. В этом потустороннем мире, где царят любовь и красота, обитают души умерших на Земле людей.

Доступность поэзии возводилась Сологубом в эстетический принцип. Форма его аскетически проста: ямб или хорей, неяркие рифмы, минимум эпитетов, четкая композиция. Но лапидарность языка удивительно сочетается у поэта с интонационной выразительностью, музыкальностью и чрезвычайной изысканностью, что заставляет восхищаться магией его стихов. Кроме того, наряду с Куприным, Горьким и Л. Андреевым он являлся одним из самых известных писателей своего времени, автором романов “Мелкий бес”, “Тяжелые сны”, “Навы чары” и др.

* * *

О смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, — и ненавижу
Очарования земли.

ФЕДОР СОЛОГУБ

Людские чужды мне восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.

Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринул я издавна власть.
Не мне, обвеянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мне к ногам ее упасть.

Не мне идти на пир блестящий,
Огнем надменным тяготящий
Мои дремотные глаза,
Когда на них уже упала,
Прозрачней чистого кристалла,
Твоя холодная слеза.

12 июня 1894

* * *

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896

* * *

Живы дети, только дети, —
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетенной туго сетью
Возле каждой головы.

Хоть и даст она отсрочку —
Год, неделю или ночь,
Но поставит все же точку
И укатит в черной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.

Торопись дышать сильнее,
Жди — придет и твой черед.
Задыхайся, цепenea,
Леденея перед нею.
Срок пройдет — подставишь шею, —
Ночь, неделя или год.

15 апреля 1897

* * *

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: "Помоги!"

Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
"Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.

Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!"

18 мая 1897

Из "Гимнов родине"

1

О Русь! В тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
О родина моя!

Твоих равнин немые дали
Полны таинственной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессилье хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.

Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость.
Тебе, отчизна, стон и радость,
И безнадежность, и покой.

Милее нет на свете края,
О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
Слагаю гимны я.

6 апреля 1903

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.

И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,
Я не хочу с него свернуть.

Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу всё те ж четыре слова:
"Какой простор! Какая грусть!"

8 апреля 1903

* * *

Высока луна Господня.
Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
В тишине.

Ни одна вокруг не лает
Из подруг.
Скучно, страшно, замирает
Все вокруг.

В ясных улицах так пусто,
Так мертво.
Не слышать шагов, ни хруста,
Ничего.

Землю нюхая в тревоге,
Жду я бед.

Слабо пахнет на дороге
Чей-то след.

Никого нигде не будит
Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет —
Друг иль враг?

Под холодную луною
Я одна.
Нет, невмочь мне, — я завою
У окна.

Высока луна Господня,
Высока.
Грусть томит меня сегодня
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

Февраль 1905

Искали дочь

Печаль в груди была остра,
Безумна ночь, —
И мы блуждали до утра,
Искали дочь.

Нам запомнилась навеки
Жутких улиц тишина,
Хрупкий снег, немые реки,
Дым костров, штыки, луна.

Чернели тени на огне
 Ночных костров.
 Звучали в мертвой тишине
 Шаги врагов.

Там, где били и рубили,
 У застав и у палат,
 Что-то чутко сторожили
 Цепи хмурые солдат.

Всю ночь мерещилась нам дочь,
 Еще жива,
 И нам нашептывала ночь
 Ее слова.

По участкам, по больницам
 (Где пускали, где и нет)
 Мы склоняли к многим лицам
 Тусклых свеч неровный свет.

Бросали груды страшных тел
 В подвал сырой.
 Туда пускать нас не хотел
 Городовой.

Скорби пламенный язык ли,
 Деньги ль дверь открыли нам, —
 Рано утром мы проникли
 В тьму, к поверженным телам.

Ступени скользкие вели
 В сырую мглу,
 Под грудой тел мы дочь нашли
 Там, на полу..

25 ноября 1905

Чертовы качели

В тени косматой ели
 Над шумною рекой
 Качает черт качели
 Мохнатую рукой.

Качает и смеется,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
 Доска скрипит и гнется,
 О сук тяжелый трется
 Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
 Шатучая доска,
 И черт хохочет с хрипом,
 Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
 Хватаюсь и мотаюсь
 И отвести стараюсь
 От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
 Хохочет голубой:
 “Попался на качели,
 Качайся, черт с тобой”.

В тени косматой ели
 Визжат, кружась гурьбой:
 “Попался на качели,
 Качайся, черт с тобой”.

Я знаю, черт не бросит
 Стремительной доски,

Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!

14 июня 1907

* * *

Цветы для наглых, вино для сильных,
Рабы послушны тому, кто смел.
На свете много даров обильных
Тому, кто сердцем окаменел.

Что людям мило, что людям любо,
В чем вдохновенье и в чем полет,
Все блага жизни тому, кто грубо
И беспощадно вперед идет.

О правде мира что б ни сказали,
Всё это — сказки, всё это — ложь.
Мечтатель бледный, умри в подвале,
Где стены плесень покрывла сплошь.

Подвальный воздух для чахлой груди,
И обещанье загробных крыл.
И вы хотите, о люди, люди,
Чтоб жизнь земную я полюбил.

9 июля 1914

* * *

Безумное светило бытия
Измучило, измаяло.
Растаяла Снегурочка моя,
Растаяла, растаяла.

Властительно она меня вела
Тропою заповедною.
Бесследною дорогою ушла,
Бесследною, бесследною.

Я за Снегурочкой хочу идти,
Да ноги крепко связаны.
Заказаны отрядные пути,
Заказаны, заказаны.

Я жизни не хочу, — уйди, уйди
Ты, бабища проклятая.
Крылатая, меня освободи,
Крылатая, крылатая.

У запертых, закованных ворот
Душа томится пленная.
Блаженная в Эдем меня зовет,
Блаженная, блаженная.

Снегурочка, любимая моя,
Подруга, Богом данная,
Желанная в просторах бытия,
Желанная, желанная.

5 марта 1922

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

(1865–1941)

Дмитрий Сергеевич Мережковский был одним из зачинателей русского символизма. Вышедший в 1892 году в Петербурге его поэтический сборник “Символы” дал имя нарождающемуся направлению русской поэзии. Но развивая основные для символистов мотивы безысходного одиночества человека в мире, роковой раздвоенности личности и проповедуя красоту, “спасающую мир”, Мережковский не сумел преодолеть в стихах рассудочности и декларативности.

Вместе со своей женой, поэтессой З. Гиппиус, Мережковский был инициатором и активным участником религиозно-философских собраний, основателем журнала “Новый путь”. Позднее выступал преимущественно как прозаик, публицист и критик. Отойдя от художественной прозы, Мережковский писал историко-религиозные эссе. Революции он не принял, с 1920 года жил в эмиграции.

Поэту наших дней

Молчи, поэт, молчи: толпе не до тебя.
До скорбных дум твоих кому какое дело?
Твердить былой напев ты можешь про себя, —
Его нам слушать надоело...

Не каждый ли твой стих сокровища души
За славу мнимую безумно расточает, —

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

Так за глоток вина последние гроши
Порою пьяница бросает.

Ты опоздал, поэт: нет в мире уголка,
В груди такого нет блаженства и печали,
Чтоб тысячи певцов об них во все века,
Во всех краях не повторяли.

Ты опоздал, поэт: твой мир опустошен, —
Ни колоса — в полях, на дереве — ни ветки;
От сказочных пиров счастливейших времен
Тебе остались лишь объедки...

Попробуй слить всю мощь страданий и любви
В один безумный вопль; в негодование гордом
На лире и в душе все струны оборви
Одним рыдающим аккордом, —

Ничто не шевельнет потухшие сердца,
В священном ужасе толпа не содрогнется,
И на последний крик последнего певца
Никто, никто не отзовется!

1884

* * *

Дома и призраки людей —
Все в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мертвом задыхалось.
И мимо каменных громад
Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,
И сам иду я молчаливо
Куда — не знаю, как во сне,
Иду, иду, и мнится мне,

Что вот сейчас я, утомленный,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, порожденный
Туманом северных ночей.

1889

Парки

Будь что будет — все равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Трем богиням, вещим пряхам:
Было прахом, будет прахом, —
Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы
Тянут Парки из кудели,
Без начала и без цели.
Не склоняют их мольбы,

Не пленяет красота:
Головой они качают,
Правду горькую вещают
Их поблекшие уста.

Мы же лгать обречены:
Роковым узлом от века
В слабом сердце человека
Правда с ложью сплетены.

Лишь уста открою, — лгу,
Я рассечу узлов не смею,

А распутать не умею,
Покориться не могу.

Лгу, чтоб верить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цепи рабства и любви,
Все, пред чем я полон страхом,
Рассекут единым взмахом,
Парка, ножницы твои!

[1892]

Дети ночи

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.
Мы неведомое чуем,
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Погребенных воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Петуха ночное пенье,
Холод утра — это мы.
Наши гимны — наши стоны:
Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,

Преступаем все черты.
 Мы — соблазн неутоленных,
 Мы — посмешище людей,
 Искра в пепле оскорбленных
 И потухших алтарей.
 Мы — над бездною ступени,
 Дети мрака, солнца ждем,
 Свет увидим и, как тени,
 Мы в лучах его умрем.

1894

Двойная бездна

Не плачь о неземной отчизне,
 И помни, — более того,
 Что есть в твоей мгновенной жизни,
 Не будет в смерти ничего.

И жизнь, как смерть, необычайна...
 Есть в мире здешнем — мир иной.
 Есть ужас тот же, та же тайна —
 И в свете дня, как в тьме ночной.

И смерть и жизнь — родные бездны:
 Они подобны и равны,
 Друг другу чужды и любезны,
 Одна в другой отражены.

Одна другую углубляет,
 Как зеркало, а человек
 Их съединяет, разделяет
 Своею волею навек.

И зло, и благо, — тайна гроба
 И тайна жизни — два пути —

Ведут к единой цели оба.
 И все равно, куда идти.

Будь мудр, — иного нет исхода.
 Кто цепь последнюю расторг,
 Тот знает, что в цепях свобода
 И что в мучении — восторг.

Ты сам — свой Бог, ты сам свой ближний,
 О, будь же собственным Творцом,
 Будь бездной верхней, бездной нижней,
 Своим началом и концом.

Между 1895 и 1899

Чужбина-родина

Нам и родина — чужбина,
 Всюду путь и всюду цель.
 Нам безвестная долина —
 Как родная колыбель.
 Шепчут горы, лаской полны:
 “Спи спокойно, кончен путь!”
 Шепчут медленные волны:
 “Отдохни и позабудь!”
 Рад забыть, да не забуду
 Рад уснуть, да не усну.
 Не любя, любить я буду
 И, прокляв, не проклянута:
 Эти бледные березы,
 И дождя ночные слезы,
 И унылые поля...
 О, проклятая, святая,
 О, чужая и родная
 Мать и мачеха земля!

1907

Да не будет

Надежды нет и нет боязни.
Наполнен кубок через край.
Твое прощенье — хуже казни,
Судьба. Казни меня, прощай.

Всему я рад, всему покорен.
В ночи последний замер плач.
Мой путь, как ход подземный, черен —
И там, где выход, ждет палач.

<1909>

Вячеслав Иванов

(1866–1949)

Вячеслав Иванович Иванов — драматург и историк, поэт-философ, проповедовавший идеи преодоления разобщенности людей, некое обновление религии, утопию наступления нового периода в истории человечества, когда восторжествует «синтетическое», всенародное искусство и красота. Относясь по возрасту к символистам старшего поколения, Иванов был теоретиком «младосимволистов».

Поэтическим произведениям Иванова присуща пышная, красочная и по-своему оригинальная архаическая лексика, сложные инверсии и некоторая тяжеловесность слога. Многие стихи чрезмерно отягощены филологической ученостью и трудны для восприятия. А его мистический архаизм, стремление соединить несовместимые подчас противоположности вызвали протест соратников — Блока и Брюсова, что явилось одной из причин раскола символизма как течения. В дальнейшем Иванов основал знаменитую «Академию стиха». После революции он работал в учреждениях культуры, преподавал, а в 1924 году навсегда покинул Россию и поселился в Италии, где и прожил до конца жизни.

Любовь

Мы — два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы — два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужальная стрела.

Мы — два коня, чьи держит удила
Одна рука, — одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы — двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почивает Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы Сфинкс единый оба.
Мы — две руки единого креста.

[1901]

Осенью

Ал. Н. Чеботаревской

Рощи холмов, багрецом испещренные,
Синие, хмурые горы вдали...
В желтой глуши на шипы изощренные
Дикие вьются хмели.

Луч кочевой серебром загорается...
Словно в гробу, остывая, Земля
Пышную скорбию солнц убирается...
Стройно дрожат тополя.

Ветра порывы... Безмолвия звонкие...
Катится белым забвеньем река...
Ты повилики закинула тонкие
В чуткие сны тростника.

1903

Лебеди

Лебеди белые кличут и плещутся...
Пруд — как могила, а запад — в пыланиях...
Дрожью предсмертной листья трепещутся —
Сердце в последних сгорает желаниях!

Краски воздушные, повечерелые
К солнцу в невиданных льнут окрылениях...
Кличут над сумраком лебеди белые —
Сердце исходит в последних томлениях!

За мимолетно-ответными бликами
С жалобой рея пронзенно-унылою,
В лад я пою с их вечерними кликами —
Лебедь седой над осенней могилою...

[1906]

Из “Зимних сонетов”

1

Скрипят полозья. Светел мертвый снег.
Волшебно лес торжественный заснежен.
Лебяжьем пухом свод небес омрежен.
Быстрее оленя туч подлунных бег.

Чу, колокол поет про дальний брег...
А сон полей безвестен и безбрежен...
Неслежен путь, и жребий неизбежен,
Святая ночь, где мне сулишь ночлег?

И вижу я, как в зеркале гадальном,
Мою семью в убежище недальном,
В медвяном свете праздничных огней.

И сердце, тайной близостью томимо,
Ждет искорки среди бора. Но саней
Прямой полет стремится мимо, мимо.

Дух, как на царство, на счастье венчается,
В счастье, как в солнце, навек облачается:
Счастье — победа любви.

20 июля 1917

Узлы змеи

Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда,
Где страстная ранит разнo многострастная услада, —
На два пола — знак Раскола — кто умножит, может счесть:
Шестьдесят и шесть объятий и шестьсот приятий есть.

Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три дороги, —
Слабым в гибель, — чьи алмазны светоносные сердца,
Тем на подвиг ярой пытки риши Гангеса и Йоги
Развернули в длинном свитке от начала до конца.

В грозном ритме сладострастий, к чаше огненных познаний
Припадай, браман, заране опаленным краем уст,
Чтоб с колес святых бесстрастий клик последних заклинаний
Мог собрать в единой длани все узлы горящих узд.

<1907>

Счастье

Солнце, сияя, теплом излучается:
Счастьливо сердце, когда расточается.
Счастлив, кто так даровит
Щедрой любовью, что светлому чается,
Будто со всем он живым обручается.
Счастлив, кто жив и живит.

Счастье не то, что годиною случается
И с мимолетной годиною кончается:
Счастья не жди, не лови.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

(1867–1942)

В конце XIX – начале XX веков Константин Дмитриевич Бальмонт был едва ли не самым известным среди русских поэтов. В его ранних стихах слышны мотивы гражданской скорби и самоотречения, возникшие под влиянием народной поэзии. Вслед за этим он выступил как один из ранних представителей символизма.

Поэзию Бальмонта в значительной степени обесценивает некоторая экзальтированность, вычурность, манерность, крикливая напыщенность, а также нарочитый индивидуализм. Но многим его стихам присущи гибкость и музыкальность языка, неожиданные рифмы, сложные аллитерации, – они по-настоящему интересны.

Кроме того, Бальмонт известен как видный переводчик и страстный путешественник: он побывал на всех континентах. В 1920 году, преследуемый голодом и болезнями, поэт уехал во Францию. Всеми забытый и полубезумный, он умер в предместье Парижа.

Колокольный звон

Сонет

Как нежный звук любовных слов
На языке полупонятном,
Твердит о счастье необъятном
Далекий звон колоколов.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

В прозрачный час вечерних снов
В саду густом и ароматном
Я полон дум о невозвратном,
О светлых днях иных годов.

Но меркнет вечер, догорая,
Теснится тьма со всех сторон;
И я напрасно возмущен

Мечтой утраченного рая;
И в отдаленьи замирая,
Смолкает звон колоколов.

[1894]

* * *

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

1894

Челн томленья

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

1894

Камыши

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают — и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнезятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

“Кого? Для чего? — камыши говорят. —
Зачем огоньки между нами горят?”

Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.

И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.

[Июль 1895]

Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далёко-далёко.
Во всем утомленье — глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

[1900]

Меж подводных стеблей

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей,
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Неподвижные стебли растут.
Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно,
Без шуршанья морская трава.

Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в море погиб.

[1903]

Осень

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце стало грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро осень проснется
И заплачет спросонья.

Август 1905

Дурной сон

Мне кажется, что я не покидал России,
И что не может быть в России перемен.
И голуби в ней есть. И мудрые есть змии.
И множество волков. И ряд тюремных стен.

Грязь “Ревизора” в ней. Весь гоголевский ужас.
И Глеб Успенский жив. И всюду жив Щедрин.
Порой сверкнет пожар, внезапно обнаружась,
И снова пал к земле земли убогий сын.

Там за окном стоят. Подайте. Погорели.
У вас нежданный гость. То — голубой мундир.
Учтивый человек. Любезный в самом деле.
Из ваших дневников себе устроил пир.

И на сто верст идут неправда, тяжба, споры,
На тысячу — пошла обида и беда.
Жужжат напрасные, как мухи, разговоры.
И кровь течет не в счет. И слезы — как вода.

[1913]

Русский язык

Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нем раздолье,
В нем клетоты орла и волчий рык,
Напев и звон и ладан богомолья.

В нем воркованье голубя весной,
Взлет жаворонка к солнцу — выше, выше.
Березовая роща. Свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше.

Журчание подземного ключа.
Весенний луч, играющий по дверце.
В нем Та, что приняла не взмах меча,
А семь мечей — в провидящее сердце.

И снова ровный гул широких вод.
Кукушка. У колодца молодежи.

Зеленый луг. Веселый хоровод.
Канун на небе. В черном — бег зарницы.

Костер бродяг за лесом, на горе,
Про Соловья-разбойника былины.
“Ау!” в лесу. Светляк в ночной поре.
В саду осеннем красный грозд рябины.

Соха и серп с звенящею косой.
Сто зим в зиме. Проворные салазки.
Бежит савраска смирною рысцой.
Летит рысак конем крылатой сказки.

Пастуший рог. Жалейка до зари.
Родимый дом. Тоска острее стали.
Здесь хорошо. А там — смотри, смотри.
Бежим. Летим. Уйдем. Туда. За дали.

Чу, рог другой. В нем бешеный разгул.
Ярит борзых и гончих доезжачий.
Баю-баю. Мой милый! Ты заснул?
Молюсь. Молись. Не вечно неудачи.

Я снаряжу тебя в далекий путь.
Из тесноты идут вразброд дороги.
Как хорошо в чужих краях вздохнуть
О нем — там, в синем — о родном пороге.

Подснежник наш всегда прорвет свой снег.
В размах грозы сцепляются зарницы.
К Царьграду не ходил ли наш Олег?
Не звал ли в полночь нас полет Жар-птицы?

И ты пойдешь дорогой Ермака,
Пред недругом вскричишь: “Теснее, други!”
Тебя потопит ледяная река,
Но ты в века в ней выплывешь в кольчуге.

Поняв, что речь речного серебра
Не удержать в окованном вертепе,
Пойдешь ты в путь дорогою Петра,
Чтоб брызг морских добросить в лес и степи.

Гремучим сновиденьем наяву
Ты мысль и мощь сольешь в едином хоре,
Венчая полноводную Неву
С Янтарным морем в вечном договоре.

Ты клад найдешь, которого искал,
Зальешь и запоешь умы и страны.
Не твой ли он, колдующий Байкал,
Где в озере под дном не спят вулканы?

Добросил ты свой гулкий табор-стан,
Свой говор золотозвонкий, среброкрылый —
До той черты, где Тихий океан
Заворожил подсолнечные силы.

Ты вскрикнул: "Пушкин!" Вот он, светлый бог,
Как радуга над нашим водоемом.
Ты в черный час вступишься в малый вздох.
Но Завтра — встанет! С молнией и громом!

*3 июля 1924
Шатзлейон*

ЗИНАИДА ГИППИУС
(1869–1945)

Зинаида Николаевна Гиппиус, жена и ближайший единомышленник Д. С. Мережковского, считала литературно-общественную деятельность наиболее важной для себя. В историю литературы она вошла не только как поэтесса, но и как блестящий критик и яркий публицист (под псевдонимом Антон Крайний). Гиппиус стояла у истоков русского символизма и стала одним из его лидеров. Вместе с Мережковским и Минским она принадлежала к религиозному крылу этого направления: они связывали обновление искусства с богоискательскими задачами.

Ее стихи отличались не только новыми для русской поэзии мотивами, но и зрелым мастерством, стилистической и ритмической изысканностью при внешней скромности и отсутствии эффектов. Поэтесса обладала исключительным умением писать афористически, замыкать свою мысль в краткие, выразительные, легко запоминающиеся формы.

После революции Гиппиус вместе с мужем эмигрировала из России, не приняв советской власти.

Любовь — одна

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь — одна.

Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем — но в сердце тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна — любовь одна.

Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном — бесконечность,
Лишь в постоянном — глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И всё ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа — верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.

1896

Электричество

Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То “да” и “нет” — не слиты,
Не слиты — сплетены.
Их темное сплетенье
И тесно, и мертво.
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его.
Концов концы коснутся —
Другие “да” и “нет”,
И “да” и “нет” проснутся,

Сплетенные сольются,
И смерть их будет — Свет.

1901

Пауки

Я в тесной келье — в этом мире.
И келья тесная низка.
А в четырех углах — четыре
Неутомимых паука.

Они ловки, жирны и грязны.
И всё плетут, плетут, плетут...
И страшен их однообразный
Непрерывающийся труд.

Они четыре паутины
В одну, огромную, сплели.
Гляжу — шевелятся их спины
В зловонно-сумрачной пыли.

Мои глаза — под паутиной.
Она сера, мягка, липка.
И рады радостью звериной
Четыре толстых паука.

1903

Она

В своей бессовестной и жалкой низости,
Она, как пыль, сера, как прах земной.
И умираю я от этой близости,
От неразрывности ее со мной.

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змея.
Меня изранила противно-жгучая
Ее коленчатая чешуя.

О, если б острое почуял жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха.
Такая тяжкая, такая вялая,
И нет к ней доступа — она глуха.

Своими кольцами она, упорная,
Ко мне ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа!

1905

Петербург

Сергею Платоновичу Каблукову

Люблю тебя, Петра творенье...

Твой остов прям, твой облик жёсток,
Шершавопыльный — сер гранит,
И каждый зыбкий перекресток
Тупым предательством дрожит.

Твое холодное кипенье
Страшней бездвижности пустынь.
Твое дыханье — смерть и тленье,
А воды — горькая польнь.

Как уголь, дни, — а ночи белы,
Из скверов тянет трупной мглой.
И свод небесный, остеклелый
Пронзен заречною иглою.

Бывает: водный ход обратен,
Вздыхаясь, идет река назад...
Река не смоем рыжих пятен
С береговых своих громад,

Те пятна, ржавые, вскипели,
Их ни забыть, — ни затоптать...
Горит, горит на темном теле
Неугасимая печать!

Как прежде, вьется змей твой медный,
Над змеем стынет медный конь...
И не сожрет тебя победный
Всеочищающий огонь, —

Нет! Ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг,
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк.

1909

Берегись...

Не разлучайся, пока ты жив,
Ни ради горя, ни для игры.
Любовь не стерпит, не отомстив,
Любовь отнимет свои дары.

Не разлучайся, пока живешь,
Храни ревниво заветный круг.
В разлуке вольной тaitся ложь.
Любовь не терпит земных разлук,

Печально гасит свои огни,
Под паутиной пустые дни.

А в паутине — сидит паук.
Живые, бойтесь земных разлук!

Январь 1913

Тогда и опять

Просили мы, чтоб помолчали
Поэты о войне;
Чтоб пережить хоть первые печали
Могли мы в тишине.

Куда тебе! Набросились зверями:
Война! Войне! Войны!
И крик, и клич, и хлопанье дверями...
Не стало тишины.

А после, вдруг, — таков у них обычай, —
Военный жар исчез.
Изнемогли они от всяких кличей,
От собственных словес.

И, юное безвременно состарив,
Текут, бегут назад,
Чтобы запеть, в тумане прежних марев, —
На прежний лад.

1915

Веселье

Блевотина войны — октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил — засек кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святых!

29 октября 1917

Сейчас

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно — жить!

Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только выются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель — пути...

9 ноября 1917

14 декабря 1917 года

Д.С. Мефрежковскому

Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли всё святое:
И стыд души, и честь земли.

Мы были с ними, были вместе,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста... И Невесте
Солдатский штык проткнул глаза.

Мы утопили, с визгом споря,
Ее в чану Дворца, на дне,
В незабываемом позоре
И в наворованном вине.

Ночная стая свищет, рыщет,
Лед по Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!

Рылеев, Трубецкой, Голицын!
Вы далеко, в стране иной...
Как вспыхнули бы ваши лица
Перед оплеванной Невой!

И вот из рва, из терпкой муки,
Где по дну вьется рабий дым,
Дрожа, протягиваем руки
Мы к вашим саванам святым.

К одежде смертной прикоснуться,
Уста сухие приложить,

Чтоб умереть — или проснуться,
Но так не жить! Но так не жить!

Осенью

(Сгон на революцию)

На баррикады! На баррикады!
Сгоняй из дальних, из ближних мест...
Замкни облавой, сгрудь, как стадо,
Кто удирает — тому арест.
Строжайший отдан приказ народу,
Такой, чтоб пикнуть никто не смел.
Все за лопаты! Все за свободу!
А кто упрется — тому расстрел.
И все: старуха, дитя, рабочий —
Чтоб пели Интер-национал.
Чтоб пели, роя, а кто не хочет
И роет молча — того в канал!
Нет революций краснее нашей:
На фронт — иль к стенке, одно из двух.
...Поддай им сзади! Клади им взащей,
Вгоняй поленом мятежный дух!

На баррикады! На баррикады!
Вперед за "Правду", за вольный труд!
Колом, веревкой, в штыки, в приклады...
Не понимают? Небось поймут!

25 октября 1919

Ночь

...Не рассветает, не рассветает...
 На брюхе плоском она ползет.
 И все длиннеет, все распухает...
 Не рассветает! Не расцветет.

Декабрь 1919

1917

Глядим, глядим всё в ту же сторону
 На мшистый дол, на топкий лес,
 Вослед прокаркавшему ворону,
 На край белеющих небес.

Давно ли ты, громада косная,
 В освобождающей войне,
 О Русь, как туча громоносная,
 Восстала в вихре и огне.

И вот опять, опять закована,
 И безглагольна, и пуста...
 Какой ты чарой зачарована?
 Каким проклятьем проклята?

Но, во грехе тобой зачатые,
 Хотим с тобою умирать.
 Мы, дети, матерью проклятые
 И проклинаящие мать.

1920

Варшава

Мера

Всегда чего-нибудь нет, —
 Чего-нибудь слишком много...
 На всё как бы есть ответ —
 Но без последнего слога.

Свершится ли что — не так,
 Некстати, непрочно, зыбко...
 И каждый не верен знак,
 В решеньи каждом — ошибка.

Змеится луна в воде, —
 Но лжет, золотясь, дорога...
 Ущерб, перехлест везде.
 А мера — только у Бога.

1924

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

(1873–1924)

Валерий Яковлевич Брюсов занимал одно из главенствующих мест в русской литературе начала прошлого века, открыв и проложив немало новых путей ее развития. Обладая необыкновенным трудолюбием и эрудицией, Брюсов выступал не только как поэт: он был историком и литературоведом, переводчиком и драматургом, писал исследования по теории стихосложения. Поэтический мир Брюсова практически всеохватен: стихи его отличаются тематическим многообразием, неустанным поиском новых форм.

Являясь одним из основателей и теоретиков символизма, Брюсов не разделял взглядов своих единомышленников на символизм как на миропонимание. Для него это была только литературная школа. Брюсов настойчиво отстаивал право художника на свободу, заявляя, что поэт должен стоять вне общественной, философской и религиозной борьбы.

* * *

Мы встретились с нею случайно,
И робко мечтал я об ней,
Но долго заветная тайна
Таилась в печали моей.

Но раз в золотое мгновенье
Я высказал тайну свою;

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Я видел румянец смущенья,
Услышал в ответ я “люблю”.

И вспыхнули трепетно взоры,
И губы слились в одно.
Вот старая сказка, которой
Быть юной всегда суждено.

27 апреля 1893

Сонет к форме

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета,
И буквами спокойной красоты!

Между 6 и 9 июня 1894

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

Женщине

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.

Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

11 августа 1899

Кинжал

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножд и не вырвешь свой клинок...*

М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века, загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, — затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

1903

Близким

Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши,
Мне странен ваш неокрыленный крик,
Но, в шумном круге, к вашей общей чаше
И я б, как верный, клятвенно приник!

Где вы — гроза, губящая стихия,
Я — голос ваш, я вашим хмелем пьян,
Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих семян.

Где вы — как Рок, не знающий пощады,
Я — ваш трубач, ваш знаменосец я,
Зову на приступ, с боя брать преграды,
К святой земле, к свободе бытия!

Но там, где вы кричите мне: "Не боле!"
Но там, где вы поете песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать — я буду с вами! Строить — нет!

30 июля 1905

Поэту

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер.

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь,
И в час беспощадных распятий
Прославь исступленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок.

18 декабря 1907

Поэт — музе

Я изменял и многому и многим,
Я покидал в час битвы знаменá,
Но день за днем твоим веленьям строгим
Душа была верна.

Заслышав зов, ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной,
Чтоб снова быть с тобой.

В тиши полей, под нежный шепот нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох счастливый
Вместить стремился в стих.

Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,

Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
Чтоб рассказать тебе!

Когда стояла смерть, в одежде черной,
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.

Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.

Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной, —
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной!

27 ноября 1911

* * *

Три женщины — белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. Зачем и когда
Вы вторглись в мечту мою? Разве немало я
Любовь восславлял в молодые года?

Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:
За мной побежит на свирельный мой зов.

Проходит в надменном величии черная
И требует знаком — иди за собой.
А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
Но мне суждено для тебя быть судьбой.

Но клонится с тихой покорностью белая,
Глаза ее — грусть, безнадежность — уста.
И странно застыла душа онемелая,
С душой онемелой безвольно слита.

Три женщины — белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. И кто-то поет,
Что нет, не довольно я плакал, что мало я
Любовь воспевал! Дни и миги — вперед!

1912

Снежная Россия

За полем снежным — поле снежное,
Безмерно-белые луга;
Везде — молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега!

Деревни кое-где расставлены,
Как пятна в безднах белизны:
Дома сугробами задавлены,
Плетни под снегом не видны.

Леса вдали чернеют, голые, —
Ветвей запутанная сеть.
Лишь ветер песни невеселые
В них, иней вея, смеет петь.

Змеится путь, в снегах затерянный:
По белизне — две борозды...
Лошадка, рысью неуверенной,
Новит чуть зримые следы.

Но скрылись санки — словно, белая,
Их поглотила пустота;

И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.

И лишь вороны, стаей бдительной,
Порой над пустотой кружат,
Да вечером, в тиши томительной,
Горит оранжевый закат.

Огни лимонно-апельсиновые
На небе бледно-голубом
Дрожат... Но быстро тени длинные
Закутывают все кругом.

1917

Карусель

Июльский сумрак лепится
К сухим вершинам лип;
Вся прежняя нелепица
Влита в органный всхлип;
Семь ламп над каруселями —
Семь сабель наголо,
И белый круг усеяли,
Чернясь, ряды голов.

Рычи, орган, пронзительно!
Вой истово, литавр!
Пьян возгласами зритель, но
Пьян впятеро кентавр.
Гудите, трубы, яростно!
Бей больно, барабан!
За светом свет по ярусам, —
В разлеты, сны, в обман!

Огни и люди кружатся,
Скорей, сильней, вольней!

Глаза с кругами дружатся,
С огнями — пляс теней.
Круги в круги закружены,
Кентавр кентавру вслед...
Века ль обезоружены
Беспечной скачкой лет?

А старый сквер, заброшенный,
Где выбит весь газон,
Под гул гостей непрошенных
Глядится в скучный сон.
Он видит годы давние
И в свежих ветках дни,
Где те же тени вставлены,
Где те же жгут огни.

Все тот же сумрак лепится
К зеленым кронам лип;
Вся древняя нелепица
Влита в органичный всхлип...
Победа ль жизни трубится —
В век, небылой досель, —
Иль то кермессы Рубенса
Вновь вертят карусель?

12 июля 1922

Андрей Белый

(1880–1934)

Андрей Белый (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева), представитель младшего поколения символистов, был самобытным и оригинальным поэтом. В своих стихах он разработал множество новых приемов, смело экспериментируя ради обновления искусства слова. В его поэзии контрастно сосуществовали ирония и пафос, бытовые картины и интимные переживания, пейзажные зарисовки и философские мотивы.

Белый выступал как критик, литературовед и мемуарист; разрабатывал теорию символизма. Большое место в его творчестве занимала проза: он автор «Петербурга», ставшего одной из вершин европейского романа. Но и в поэзии, и в прозе он оставался прежде всего лириком.

Заброшенный дом

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
«Ах, где вы — любезные предки?»

Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
над домом шумят.

И лист за листом,
тоскуя о неге вчерашней,
кружится под тусклым окном
разрушенной башни.

Как стерся изогнутый серп
среди нежно белеющих лилий —
облупленный герб
дворянских фамилий.

Былое, как дым...
И жалко.
Охрипшая галка
глумится над горем моим.

Посмотришь в окно —
часы из фарфора с китайцем.
В углу полотно
с углём нарисованным зайцем.

Старинная мебель в пыли,
да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали —
равнины, равнины.

Среди многоверстных равнин
скирды золотистого хлеба.
И небо...
Один.

Внимаешь с тоской,
обвеянный жизнью давней,
как шепчется ветер с листвою,
как хлопает сорванной ставней.

*Февраль 1903
Серебряный Колодезь*

На улице

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распустивши свой зонт.
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

Вам отдал свои я напевы —
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы!
Всё отдал; и вот — я один.

Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке —
Прижался: поник головой...

А вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют; —
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.

Сгибаются, пляшут, закрывают
Окрестности с воплем мольбы,
Холодной отравленной пыли —
Взлетают сухие столбы.

*1904
Москва*

Родина

В. П. Свентицкому

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,

Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: “Умирай —

Как и все умирают”... Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

1908
Москва

Отчаянье

З. Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина мать,

В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда, — где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Июль 1908
Серебряный Колодезь

Из окна вагона

Эллису

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают — вон там и вон здесь —

Пролетают — за селами села,
Пролетает — за всями весь; —

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у груди: —
Там — убогие стаи избенок,
Там — убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни, —
О немая, суровая мать! —
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть —
Там — в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

Август 1908
Суйда

Родине

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, —
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылоручие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пеней,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Август 1917
Поворожка

Вода Танка

А вода? Миг — ясна...
Миг — круги, ряби: рыбка...
Так и мысль!.. Вот — она...
Но она — глубина,
Заходившая зыбко.

Июль 1916

Ты — тень теней

Ты — тень теней...
Тебя не назову.
Твое лицо —
Холодное и злое...

Плыву туда — за дымку дней — зову,
За дымкой дней, — нет, не Тебя: бывшее, —

Которое я рву
(в который раз),
Которое, — в который
Раз восходит, —

Которое, — в который раз алмаз —
Алмаз звезды, звезды любви, низводит.

Так в листья лип,
Провиснувшие, — Свет
Дрожит, дробясь,
Как брызнувший стеклярус;

Так, — в звуколивные проливы лет
Бежит серебряным воспоминаньем: парус...

Так в молодой,
Весенний ветерок
Надуется белеющий
Барашек;

Так над водой пустилась в ветерок
Летенница растерянных букашек...

Душа, Ты — свет.
Другие — (нет и нет!) —
В стихиях лет:
Поминовенья света...

Другие — нет... Потерянный поэт,
Найди Ее, потерянную где-то.

За призраками лет —
Непризрачна межа;

На ней — душа,
Потерянная где-то...

Тебя, себя я обниму, дрожа,
В дрожаниях растерянного света.

Февраль 1922
Берлин

* * *

Снег — в вычернь севшая, слезеющая мякоть.
Куст — почкой вспухнувшей оваян, как дымком.
Как упоительно калосей лякать в слякоть —
Сосвистнуться с весенним ветерком.

Века, а не года, — в расширенной минуте,
Восторги — в воздухе расширенной груди...
В пересерениях из мягкой, млявой мути
Посеребрением на нас летят дожди.

Взломалась, хлынула, — в туск, в темноту тумана,
Река, раздутая легко и широко.
Миг, — и просинится разливом океана,
И шелкнет птицею... И будет —
— солнышко!

1926
Москва

АЛЕКСАНДР БЛОК

(1880–1921)

Александр Александрович Блок — единственный из символистов, признанный еще при жизни поэтом общенационального значения. В русской поэзии он занял свое место как яркий представитель символизма, но в дальнейшем значительно перешагнул рамки и каноны этого литературного направления, значительно расширив его, однако при этом не разрушая.

Романтизм зрелого Блока не имеет уже ничего общего с субъективизмом его юношеской лирики, ярко обозначенном как в “Стихах о Прекрасной Даме”, так и в более позднем демоническом образе Незнакомки. Восприятие поэтом революции как взрыва народной стихии отразилось в его поэме “Двенадцать”, сразу же обретшей всемирную известность.

Вклад Блока в русскую поэзию необычайно велик. В его творчестве завершились все важнейшие течения русской лирики дооктябрьского периода. Блок явился одним из зачинателей новой советской поэзии и своим творчеством оказал огромное влияние на ее дальнейшее развитие.

* * *

*И тяжкий сон житейского сознания
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.*

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельных мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901

с. Шахматово

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!

Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

Фабрика

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903

* * *

Я вам поведал неземное.
Я всё сковал в воздушной мгле.
В ладье — топор. В мечте — герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летящим в облаке огня!

16 апреля 1905

* * *

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,

Причастный тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!"¹ кричат.

¹ *In vino veritas!* — Истина — в вине! (лат.)

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906

Озерки

Из цикла "Осенняя любовь"

1

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далёко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

3 октября 1907

Из цикла "Заклятие огнем и мраком"

1

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем Бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

Из цикла "На поле Куликовом"

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...

Покая нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

7 июня 1908

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,

Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

На железной дороге

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локонов:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною,
Скользнул — и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...

Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июня 1910

Унижение

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...

Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве *так* суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашней!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!

6 декабря 1911

Из цикла "Пляска смерти"

2

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.

Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

* * *

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинок отравленным заколот.

6 февраля 1914

* * *

З. Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?

От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взвонится с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие Твое!

8 сентября 1914

Скифы

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.*

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плава наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений!..

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кёльна дымные громады!..

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах!..

Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых!..

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Большое позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

ПОЭЗИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

АКМЕИЗМ

Акмеизм (от *греч.* акме – высшая степень чего-либо, расцвет, зрелость, вершина, остриё) – одно из модернистских течений в русской поэзии 1910-х годов, сформировавшееся как реакция на крайности символизма.

Преодолевая пристрастие символистов к “сверхреальному”, многозначности и текучести образов, усложненной метафоричности, акмеисты стремились к чувственной пластически-вещной ясности образа и точности, чеканности поэтического слова. Их “земная” поэзия склонна к камерности, эстетизму и поэтизации чувств первозданного человека.

Для акмеизма была характерна крайняя аполитичность, полное равнодушие к злободневным проблемам современности.

Основные принципы акмеизма:

- освобождение поэзии от символистских призывов к идеальному, возвращение ей ясности;
- отказ от мистической туманности, принятие земного мира в его многообразии, зримой конкретности, звучности, красочности;
- стремление придать слову определенное, точное значение;
- предметность и четкость образов, отточенность деталей;
- обращение к человеку, к “подлинности” его чувств;

- поэтизация мира первозданных эмоций, первобытно-биологического природного начала;
- переключки с минувшими литературными эпохами, широчайшие эстетические ассоциации, “тоска по мировой культуре”.

Акмеисты, пришедшие на смену символистам, не имели детально разработанной философско-эстетической программы. Но если в поэзии символизма определяющим фактором являлась мимолетность, сиюминутность бытия, некая тайна, покрытая ореолом мистики, то в качестве краеугольного камня в поэзии акмеизма был положен реалистический взгляд на вещи. Туманная зыбкость и нечеткость символов заменялась точными словесными образами. Слово, по мнению акмеистов, должно было приобрести свой изначальный смысл.

Высшей точкой в иерархии ценностей для них была культура, тождественная общечеловеческой памяти. Поэтому столь часты у акмеистов обращения к мифологическим сюжетам и образам. Если символисты в своем творчестве ориентировались на музыку, то акмеисты — на пространственные искусства: архитектуру, скульптуру, живопись. Тяготение к трехмерному миру выразилось в увлечении акмеистов предметностью: красочная, порой экзотическая деталь могла использоваться с чисто живописной целью. То есть “преодоление” символизма происходило не столько в сфере общих идей, сколько в области поэтической стилистики. В этом смысле акмеизм был столь же концептуален, как и символизм, и в этом отношении они, несомненно, находятся в преемственной связи.

Отличительной чертой акмеистского круга поэтов являлась их “организационная сплоченность”. По существу, акмеисты были не столько организованным течением с общей теоретической платформой, сколько группой талантливых и очень разных поэтов, которых объединяла личная дружба. У символистов ничего подобного не было: попытки Брюсова воссоединить собратьев оказались тщетными. То

же наблюдалось у футуристов — несмотря на обилие коллективных манифестов, которые они выпустили. Акмеисты, или — как их еще называли — “гипербореицы” (по названию печатного рупора акмеизма, журнала и издательства “Гипербореи”), сразу выступили единой группой. Своему союзу они дали знаменательное наименование “Цех поэтов”. А начало новому течению (что в дальнейшем стало едва ли не “обязательным условием” возникновения в России новых поэтических групп) положил скандал.

Осенью 1911 года в поэтическом салоне Вячеслава Иванова, знаменитой “Башне”, где собиралось поэтическое общество и проходило чтение и обсуждение стихов, вспыхнул “бунт”. Несколько талантливых молодых поэтов демонстративно ушли с очередного заседания “Академии стиха”, возмущенные уничижительной критикой в свой адрес “мэтров” символизма. Надежда Мандельштам так описывает этот случай: ““Блудный сын” Гумилева был прочитан в “Академии стиха”, где княжил Вячеслав Иванов, окруженный почтительными учениками. Он подверг “Блудного сына” настоящему разгрому. Выступление было настолько грубое и резкое, что друзья Гумилева покинули “Академию” и организовали “Цех Поэтов” — в противовес ей”¹.

А через год, осенью 1912 года шестеро основных членов “Цеха” решили не только формально, но и идейно отделиться от символистов. Они организовали новое содружество, назвав себя “акмеистами”, т. е. вершиной. При этом “Цех поэтов” как организационная структура сохранился — акмеисты остались в нем на правах внутреннего поэтического объединения.

Главные идеи акмеизма были изложены в программах статей Н. Гумилева “Наследие символизма и акмеизм” и С. Городецкого “Некоторые течения в современной русской поэзии”, опубликованных в журнале “Аполлон” (1913, № 1), издававшемся под редакцией С. Маковского. В первой из

¹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Книга вторая. — М.: Согласие, 1999.

них говорилось: “На смену символизму идет новое направление, как бы оно ни называлось, акмеизм ли (от слова акме — высшая степень чего-либо, цветущая пора) или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), во всяком случае требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме. Однако, чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным приемником предшествующего, надо чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом”.

С. Городецкий считал, что “символизм... заполнив мир “соответствиями”, обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он... просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самооценку. У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще”.

В 1913 г. была написана и статья Мандельштама “Утро акмеизма”, увидевшая свет лишь шесть лет спустя. Отсрочка в публикации не была случайной: акмеистические воззрения Мандельштама существенно расходились с декларациями Гумилева и Городецкого и не попали на страницы “Аполлона”.

Однако, как отмечает Т. Скрябина, “впервые идея нового направления была высказана на страницах “Аполлона” значительно раньше: в 1910 г. М. Кузмин выступил в журнале со статьей “О прекрасной ясности”, предвосхитившей появление деклараций акмеизма. К моменту написания статьи Кузмин был уже зрелым человеком, имел за плечами опыт сотрудничества в символистской периодике. Потусторонним и туманным откровениям символистов, “непонятному и темному в искусстве” Кузмин противопоставил “прекрасную ясность”, “кларизм” (от *греч.* *clarus* — ясность). Художник, по Кузмину, должен нести в мир ясность, не замутнять, а прояснять смысл вещей, искать гар-

монии с окружающим. Философско-религиозные искания символистов не увлекали Кузмина: дело художника — сосредоточиться на эстетической стороне творчества, художественном мастерстве. “Темный в последней глубине символ” уступает место ясным структурам и любованию “преlestными мелочами”¹. Идеи Кузмина не могли не повлиять на акмеистов: “прекрасная ясность” оказалась востребованной большинством участников “Цеха поэтов”.

Другим “предвестником” акмеизма можно считать Ин. Анненского, который, формально являясь символистом, фактически лишь в ранний период своего творчества отдал ему дань. В дальнейшем Анненский пошел по другому пути: идеи позднего символизма практически не отразились на его поэзии. Зато простота и ясность его стихов была хорошо усвоена акмеистами.

Спустя три года после публикации статьи Кузмина в “Аполлоне” появились манифесты Гумилева и Городецкого — с этого момента принято вести отсчет существованию акмеизма как оформившегося литературного течения.

Акмеизм насчитывает шестерых наиболее активных участников течения: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, С. Городецкий, М. Зенкевич, В. Нарбут. На роль “седьмого акмеиста” претендовал Г. Иванов, но подобная точка зрения была опротестована А. Ахматовой, которая заявляла, что “акмеистов было шесть, и седьмого никогда не было”. С ней был солидарен О. Мандельштам, считавший, впрочем, что и шесть — перебор: “Акмеистов только шесть, а среди них оказался один лишний...” Мандельштам объяснил, что Городецкого “привлек” Гумилев, не решаясь выступать против могущественных тогда символистов с одними “желторотыми”. “Городецкий же был [к тому времени] известным поэтом...”². В разное время в работе “Цеха поэтов” принимали участие: Г. Адамович, Н. Бруни, Вас. Гиппиус, Вл. Гиппиус, Г. Иванов, Н. Клюев, М. Кузмин, Е. Кузьмина-Караваева, М. Лозинский, В. Хлебников и др. На заседани-

1 Скрябина Т. “Акмеизм”. Доклад.

2 Мандельштам Н. Я. Указ. изд.

ях “Цеха”, в отличие от собраний символистов, решались конкретные вопросы: “Цех” являлся школой овладения поэтическим мастерством, профессиональным объединением.

Акмеизм как литературное направление объединил исключительно одаренных поэтов — Гумилева, Ахматову, Мандельштама, становление творческих индивидуальностей которых проходило в атмосфере “Цеха поэтов”. История акмеизма может быть рассмотрена как своеобразный диалог между этими тремя выдающимися его представителями. Вместе с тем от “чистого” акмеизма вышеназванных поэтов существенно отличался адамизм Городецкого, Зенкевича и Нарбута, которые составили натуралистическое крыло течения. Отличие адамистов от триады Гумилев — Ахматова — Мандельштам неоднократно отмечалось в критике.

Как литературное направление акмеизм просуществовал недолго — около двух лет. В феврале 1914 г. произошел его раскол. “Цех поэтов” был закрыт. Акмеисты успели издать десять номеров своего журнала “Гиперборей” (редактор М. Лозинский), а также несколько альманахов.

“Символизм угасал” — в этом Гумилев не ошибся, но сформировать течение столь же мощное, как русский символизм, ему не удалось. Акмеизм не сумел закрепиться в роли ведущего поэтического направления. Причиной столь быстрого его угасания называют, в том числе, “идеологическую неприспособленность направления к условиям круто изменившейся действительности”¹. В Брюсов отмечал, что “для акмеистов характерен разрыв практики и теории”, причем “практика их была чисто символистской”². Именно в этом он видел кризис акмеизма. Впрочем, высказывания Брюсова об акмеизме всегда были резкими; сперва он заявил, что “...акмеизм — выдумка, прихоть, столичная причуда” и предвещал: “...всего вероятнее, через год или два не ос-

танется никакого акмеизма. Исчезнет самое имя его”¹, а в 1922 г., в одной из своих статей он вообще отказывается ему в праве именоваться направлением, школой, полагая, что ничего серьезного и самобытного в акмеизме нет и что он находится “вне основного русла литературы”².

Однако попытки возобновить деятельность объединения впоследствии предпринимались не раз. Второй “Цех поэтов”, основанный летом 1916 г., возглавил Г. Иванов вместе с Г. Адамовичем. Но и он просуществовал недолго. В 1920 г. появился третий “Цех поэтов”, который был последней попыткой Гумилева организационно сохранить акмеистическую линию. Под его крылом объединились поэты, причисляющие себя к школе акмеизма: С. Нельдихен, Н. Оцуп, Н. Чуковский, И. Одоевцева, Н. Берберова, Вс. Рождественский, Н. Олейников, Л. Липавский, К. Вагинов, В. Познер и другие. Третий “Цех поэтов” просуществовал в Петрограде около трех лет (параллельно со студией “Звучащая раковина”) — вплоть до трагической гибели Н. Гумилева.

Творческие судьбы поэтов, так или иначе связанных с акмеизмом, сложились по-разному: Н. Клюев впоследствии заявил о своей непричастности к деятельности содружества; Г. Иванов и Г. Адамович продолжили и развили многие принципы акмеизма в эмиграции; на В. Хлебникова акмеизм не оказал сколько-нибудь заметного влияния. В советское время поэтической манере акмеистов (преимущественно Н. Гумилева) подражали Н. Тихонов, Э. Багрицкий, И. Сельвинский, М. Светлов.

В сравнении с другими поэтическими направлениями русского Серебряного века акмеизм по многим признакам видится явлением маргинальным. В других европейских литературах аналогов ему нет (чего нельзя сказать, к примеру, о символизме и футуризме); тем удивительнее кажут-

¹ Сарычев В. А. Эстетика русского модернизма. — Воронеж, 1991.

² Брюсов В. Сочинения: в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 450.

¹ Брюсов В. Новые течения в русской поэзии // Газета “Русская мысль”, 1913. № 4.

² Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. — М.: Художественная литература, 1975.

ся слова Блока, литературного оппонента Гумилева, заявившего, что акмеизм явился всего лишь “привозной заграничной штучкой”¹. Ведь именно акмеизм оказался чрезвычайно плодотворным для русской литературы. Ахматовой и Мандельштаму удалось оставить после себя “вечные слова”. Гумилев предстает в своих стихах одной из ярчайших личностей жестокого времени революций и мировых войн. И сегодня, почти столетие спустя, интерес к акмеизму сохранился в основном потому, что с ним связано творчество этих выдающихся поэтов, оказавших значительное влияние на судьбу русской поэзии XX века.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

(1884–1967)

Сергей Митрофанович Городецкий — поэт, прозаик, драматург, переводчик. Лучшие его поэтические произведения создавались в 1905–1907 годах. Это книги “Ярь” и “Перун”, где в образе Ярилы и других мифических персонажей поэт воплотил стихийную мощь первобытного человека, игру и противоборство сил природы.

Городецкий был одним из организаторов и лидеров “Цеха поэтов” — группы акмеистов, в задачу которых входило утвердить в поэзии “земную”, материально-чувственную, ясную предметность художественного образа и языка. Кроме того, Городецкий выпустил несколько книг прозы и множество литературно-критических статей.

Весна

(Монастырская)

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать игуменья велела!
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря:

¹ Александр Блок о литературе // М., 1980. С. 277.

— Ах ты, поле, моя воля,
Ах, дорога дорогá!
Ах, мосток у чиста поля,
Свечка Чиста четверга!

Ах, моя горела ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышит жарко,
Жарче сердца моего.

Я отстала, я осталась
У высокого моста,
Пламя свечек колебалось,
Целовались в уста.

Где ты, милый, лобызанный,
Где ты, ласковый такой?
Ах, пары весны, туманы,
Ах, мой девичий покой!"

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело.
Мать игуменья велела
У ворот монастыря
Не болтаться зря!

1906

Неотвязная картина

День тяжелый, мутно-серый
Настает.
Кров земли одервенелой
Плуг дерет.

Десятину распахали
В серый прах.
Петухи кричать устали
На плетнях.

Сохнут вскопанные комья,
Мрет трава.
Даль безлесья и бездомья
Вся мертва.

Лихо вьется по дороге
Злая пыль.
Это вымысел убогий
Или бьель?

1909

Нищая

Нищая Тульской губернии
Встретилась мне на пути.
Инея белые тернии
Тщились веноч ей сплести.

День был морозный и ветреный,
Плакал ребенок навзрыд,
В этой метелице мертвенной
Старою свиткой укрыт.

Молвил я: "Бедная, бедная!
Что же, прими мой пятак".
Даль расступилась бесследная,
Канула нищая в мрак.

Гнется дорога горбатая.
В мире подветренном дрожь.

Что же ты, Тула богатая,
Зря самовары куешь?

Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?
Ласка твоя прозорливая
Сгинула где без вестей?

Или сама ты заброшена
В тьму, маету, нищету?
Горе, незвано, непрошено,
Треплет твою красоту?

Ну-ка, вздохни по-старинному,
Злую помеху свали,
Чтобы опять по-былинному
Силы твои расцвели!

1910

* * *

В начале века профиль странный
(Истончен он и горделив)
Возник у Лиры. Звук желанный
Раздался, остро воплотив

Обиды, горечь и смятенье
Сердец, видавших острие,
Где в неизбежном столкновенье
Два века бились за свое.

[1913]

Путница

Я дал ей меду и над медом
Шепнул, чтоб слаще жизнь была,
Чтоб над растерзанным народом
Померкнуло созвездье зла.

Она рукой темно-янтарной
Коснулась моей руки,
Блеснув зарницей благодарной
Из глаз, исполненных тоски,

И тихо села на пороге,
Блаженством сна озарена.
А в голубой пыли дороги
Всё шли такие ж, как она.

Май – июнь 1916

Ван

* * *

Налегла и дышать не дает
Эта злобная, темная ночь.
Мне ее ни с земли, ни с высот
Не согнать, не стащить, не сволочь.

Есть для глаз пара медных грошей,
Лихо пляшет по телу озноб.
Мчится в крыльях летучих мышей
Мимо окон измерзнувший гроб.

Золотой чешую звеня
И шипя издыхающим ртом,
Гаснет в мокрой печи головня,
Холод барином входит в мой дом.

Не стянуть отсыревших сапог
И пальтишком костей не согреть.
Но весны нарастающий рог
Мне трубит, что нельзя умереть.

1919

* * *

Николаю Гумилеву

На львов в агатной Абиссинии,
На немцев в каиновой войне
Ты шел, глаза холодно-синие,
Всегда вперед, и в зной и в снег.

В Китай стремился, в Полинезию,
Тигрицу-жизнь хватал живьем.
Но обескровливал поэзию
Стальным рассудка лезвием.

Любой пленялся авантюрою,
Салонный быт едва терпел,
Но над избыточной цезурою
Математически корпел.

Тесня полет пегаса русого,
Был трезвым даже в забытье
И разрывал в пустынях Брюсова
Камеи древние Гютье.

К вершине шел и рай указывал,
Где первозданный жил Адам, —
Но под обложкой лупогазою
Журнала петербургских дам.

Когда же в городе огромнутом
Всечеловеческий стал бунт, —
Скитался по холодным комнатам,
Бурча, что хлеба только фунт.

И ничего под гневным заревом
Не уловил, не уследил.
Лишь о возмездье поговаривал,
Да перевод переводил.

И стал, слепец, врагом восстания.
Спокойно смерть к себе позвал.
В мозгу синела Океания
И пела белая Москва.

Конец поэмы недочисленной
Узнал ли ты в стенах глухих?
Что понял в гибели бессмысленной?
Какие вымыслил стихи?

О, как же мог твой чистый пламенник
В песках погаснуть золотых?
Ты не узнал живого знамени
С Парнасской мертвой высоты.

1921

Николай Гумилев

(1886–1921)

Николай Степанович Гумилев — поэт, прозаик, драматург, критик. В юности много путешествовал (Италия, Африка). Муж Анны Ахматовой, в 1914 году добровольцем ушел на фронт; награжден двумя Георгиевскими крестами. Революция застала его за границей. Вернувшись в Петроград, был членом редколлегии издательства “Всемирная литература”. В 1921 году арестован по ложному обвинению и расстрелян как участник контрреволюционного заговора.

Гумилев — один из основателей акмеизма, руководитель “Цеха поэтов”. Но его творчество вступало в противоречие с акмеистскими постулатами: в его стихах отсутствовала та самая “реальность”, ради которой отвергались “туманности” символизма. Для поэзии Гумилева характерна тяга к экзотике, поэтизация истории, пристрастие к ярким краскам, стремление к композиционной четкости.

Сонет

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,

Николай Гумилев

И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

[1905–1908]

Жираф

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавлен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...

Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

[1907]

Из цикла "Капитаны"

I

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны —
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель.

Чья не пылью затерянных хартий —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса —

Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьих фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

IV

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они вовек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся,
Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою.
Окровавленной, но железною
В штурвал вцепляется — другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.

Так смотрят трупы на пожарище —
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственней
Для смелых пенителей моря —

О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

[1909]

В пути

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести.
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.

Область унынья и слез —
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон.

Острый хребет его крут,
Вздых его — огненный смерч.
Люди его назовут
Сумрачным именем: «Смерть».

Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!
Значит, настала пора.
Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец,
Дар благосклонных наяд,
Чтоб обрести наконец
Неотцветающий сад.

[1909]

Сонет

Я, верно, болен: на сердце туман,
Мне скучно все — и люди, и рассказы,
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.

Мне чудится (и это не обман),
Мой предок был татарин косоглазый,
Свирепый гунн... Я веянем заразы,
Через века дошедшей, обуян.

Молчу, томлюсь, и отступают стены:
Вот океан, весь в ключьях белой пены,
Закатным солнцем залитый гранит

И город с голубыми куполами,
С цветущими жасминными садами,
Мы дрались там... Ах, да! Я был убит.

[1912]

Наступление

Та страна, что могла быть раем,
 Стала логовищем огня.
 Мы четвертый день наступаем,
 Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
 В этот страшный и светлый час,
 Оттого что Господне слово
 Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
 Ослепительны и легки,
 Надо мною рвутся шрапнели,
 Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
 Это медь ударяет в медь,
 Я, носитель мысли великой,
 Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
 Или воды гневных морей,
 Золотое сердце России
 Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
 Словно девушку, в жемчуга,
 Проходя по дымному следу
 Отступающего врага.

1914

* * *

Я не про́жил, я протомился
 Половину жизни земной,
 И, Господь, вот Ты мне явился
 Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
 И безумно тоскую я,
 Что влюбил и сушу и море,
 Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
 Не смирилась перед Твоей,
 Что так больно сердце томила
 Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
 Чтобы ей лишь мгновенье жить,
 Но любовь разве пламень малый,
 Чтоб ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
 Как-нибудь я жизнь дотяну,
 А о будущей Ты подумай,
 Я и так погубил одну.

[1916]

Я и вы

Да, я знаю, я вам не пара,
 Я пришел из иной страны,
 И мне нравится не гитара,
 А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «Вставай!»

[1918]

Заблудившийся трамвай

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы, —
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...

Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, — конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
«Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?»

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят: «Зеленная», — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь в ящичке скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла?

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренной косой
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода —
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравье
Машеньки и панихиду по мне.

И все ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

1919

Шестое чувство

Прекрасно в нас влюбленное вино,
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,

Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти все мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуяв на плечах
Еще не появившиеся крылья, —

Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

[1920]

Канцона вторая

И совсем не в мире мы, а где-то
На задворках мира средь теней.
Сонно перелистывает лето
Синие страницы ясных дней.

Маятник, старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам секундам рубит
Головы хорошенькие их.

Так пыльна здесь каждая дорога,
Каждый куст так хочет быть сухим,
Что не приведет единорога
Под уздцы к нам белый серафим.

И в твоей лишь сокровенной грусти,
Милая, есть огненный дурман,
Что в проклятом этом захолюстыи —
Точно ветер из далеких стран.

Там, где все сверканье, все движенье,
Пенье все, — мы там с тобой живем.
Здесь же только наше отраженье
Полонил гниющий водоем.

[1921]

Леопард

*Если убитому леопарду не опалить не-
медленно усов, дух его будет преследо-
вать охотника.*

Абиссинское поверье

Колдовством и ворожбою
В тишине глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей.

Люди входят и уходят.
Позже всех уходит та,
Для которой в жилах бродит
Золотая немота.

Поздно. Мыши засвистели,
Глухо крикнул домовый,

И мурлычет у постели
Леопард, убитый мной.

«По ущельям Добробрана
Сизый плавает туман,
Солнце, красное, как рана,
Озарило Добробран.

Запах меда и вервены
Ветер гонит на восток,
И ревут, ревут гиены,
Зарывая нос в песок.

Брат мой, враг мой, ревы слышишь,
Запах чуешь, видишь дым?
Для чего ж тогда ты дышишь
Этим воздухом сырým?

Нет, ты должен, мой убийца,
Умереть в стране моей,
Чтоб я снова мог родиться
В леопардовой семье».

Неужели до рассвета
Мне ловить лукавый зов?
Ах, не слушал я совета,
Не спалил ему усов.

Только поздно! Вражья сила
Одолела и близка:
Вот затылок мне сдавила,
Точно медная, рука...

Пальмы... С неба страшный пламень
Жжет песчаный водоем...
Данакиль припал за камень
С пламенеющим копьем.

Он не знает и не спросит,
Чем душа моя горда,
Только душу эту бросит,
Сам не ведая куда.

И не в силах я бороться,
Я спокоен, я встаю.
У жирафьего колодца
Я окончу жизнь мою.

1921

Владимир Нарбут

(1888–1938 ?)

Владимир Иванович Нарбут – поэт яркий и самобытный. Его появление на поэтическом небосклоне начала 1910-х годов стало заметным явлением в русской литературе. В полном соответствии с эстетикой акмеизма, в поэзии Нарбута присутствуют многие культурные традиции, накопленные русской поэзией к началу XX века. Он являлся поэтом, осмысленно и непреклонно любившим землю. М. Лозинский, отмечал особый “хохлацкий дух”, присущий лирике Нарбута. Его стиху вообще свойственна созерцательность, и здесь “хохлацкий дух” – эпическое, черноземное начало – явно доминирует. Хотя в своем ощущении России он – прямой наследник соловьевской и блоковской традиций.

Кроме того, Нарбут был талантливым и удачливым издателем: в течение многих лет он возглавлял знаменитое издательство “Земля и фабрика”. В гражданскую войну Нарбут воевал на стороне красных, был захвачен в плен и расстрелян, но не убит – ночью ему удалось скрыться. Однако от сталинского лагеря коммунист Нарбут не ушел: в 1928 году он лишился всех партийно-издательских постов, в 1936-м был арестован. Погиб на Колыме. Точная дата его смерти не установлена.

Плавни

Камыш крупитчато кистится,
Зерно султаны клонит вниз.

И водяной лопух кустится,
Над топью обводя карниз.

А за карнизом ноздреватым
Буреют шапки кочек. Вдаль
Волнением шероховатым
Дробится плоско речки сталь.

Поет стоячее болото,
А не замлевшая река!
Старинной красной позолотой
Покрыла ржавчина слегка

Его. И легок длинноногий
Бег паука по зыби вод.
Плывут зеленые дороги,
Кровь никуда не уплывет!

И плавни мягкими коврами
В багрянце стынут и горят,
Как будто в допотопной раме
Убийц проходит смутный ряд!..

1909

Встреча

Тебя забыл я... И какую
Ты предо мной тогда прошла,
Когда к вечернему покою
Сходила мгла на купола?..

В равнинном устье бесконечно
Текли позорные года.
Я думал: уж тебя, конечно,
Не повстречаю — никогда...

Но как обманут был неожиданно:
Стекло зеркал ночных следя,
Заметил профиль сребротканый
И лилию — хрустальной льда!

И вот — ты предо мной в тумане
Стоишь такой, как в первый раз:
Со звором никнущим в обмане
Янтарно-черных скорбных глаз...

1909

После грозы

Как быстро высыхают крыши.
Где буря?
Солнце припекло!
Градиной вихрь на церкви вышиб —
под самым куполом — стекло.
Как будто выхватил проворно
остроконечную звезду —
метавший ледяные зерна,
гудевший в небе на лету.
Овсы — лохматы и корявы,
а рожью крытые поля:
здесь пересечены суставы,
коленцы каждого стебля!
Христос!
Я знаю, Ты из храма
сурово смотришь на Илью:
как смел пустить он градом в раму
и тронуть скинию Твою!
Но мне — прости меня, я болен,
я богохульствую, я лгу —
твоя раздробленная голень
на каждом чудится шагу.

1913

Укроп

Тянет медом от укропа,
 поднял морду, воя, цербер.
 Из-за века — глаз циклопа:
 полнолуние на ущербе.
 Под мельницей ворочает
 колеса-жернова
 мучарь да нежить прочая,
 сама едва жива.
 А на горке, за овином,
 за цыгельной — ветряки.
 Ты нарви, нарви, нарви нам,
 ведьма, зелья от руки!
 Пошастать бы амбарами,
 замки травой взломать:
 не помирать же старыми,
 такую твою мать!
 Прется виево отродье;
 лезет в гору на циклопа.
 Пес скулит на огороде,
 задыхаясь от укропа.

[1913]

Сеанс

Для меня мир всегда был прозрачной воды.
 Шарлатаны — я думал — ломают комедию.
 Но вчера допотопного страха следы,
 словно язвы, в душе моей вскрыл этот медиум.
 С пустяков началось, а потом как пошло,
 и пошло — и туда, и сюда — раскомаривать:
 стол дубовый, как гроб, к потолку волокно,
 кольхалось над окнами желтое марево,
 и звонил да звонил, что был заперт в шкапу,

колокольчик литой, ненечаянно тронутый.
 На омытую холодом ровным тропу
 двое юношей выплыли, в снег опеленуты.
 Обезглавлен, скользя, каждый голову нес
 перед собой на руках, и глаза были зелены,
 будто горсть изумрудов — драконовых слез —
 переливами млела, застрявши в расщелинах.
 Провалились и — вдруг потемнело.
 Но дух
 нехороший, тяжелый-тяжелый присунулся.
 Даже красный фонарь над столом — не потух! —
 почернел, как яйцо, где цыпленок наклонился.
 — Ай, ай, ай, — кто-то гладит меня по спине, —
 дама, взвизгнув, забила, как птица, в истерике.
 Померещилось лапы касанье и мне...
 Хлынул газ из рожков и — на ярком мы берегу.
 — Боже, как хорошо! — мой товарищ вздохнул,
 проводя по лицу трепетавшими пальцами.
 А за ставнями плавился медленный гул:
 может, полночь боролась с ее постояльцами.
 И в гостиной — дерзнувший чрез душу и плоть
 пропустить, как чрез кабель, стремление косное —
 все не мог, изможденный, еще побороть
 сотворенное бурей волнение грозное.
 И, конечно, еще проносили они —
 двое юношей, кем-то в веках обезглавленных, —
 перед меркнувшим взором его простыни
 в сферах, на землю брошенных, тленом отравленных.

1913 (1920)

* * *

О бархатная радуга бровей!
 Озерные русалочки глаза!
 В черемухе пьянеет соловей,

И светит полумесяц из ветвей,
Но никому весну не рассказать.

Забуду ли прилежный завиток
Еще не зацелованных волос,
В разрезе платья вянущий цветок
И от руки душистый теплый ток,
И все, что так мучительно сбылось?..

Какая горечь, жалоба в словах
О жизни, безвозвратно прожитой!
О прошлое! Я твой целую прах!
Баюкай, вечер, и меня в ветвях
И соловьиною лелей мечтой.

Забуду ли в передразлучный день
Тебя и вас, озерные глаза?
Я буду всюду с вами, словно тень,
Хоть не достоин, знаю, и ремень
У ваших ног, припавши, развязать.

1917
Киев

Из цикла "Семнадцатый"

1

Неровный ветер страшен песней,
звонящей в дутое стекло.
Куда брести, Октябрь, тебе с ней,
коль небо кровью затекло?
Сутулый и подслеповатый,
дорогу щупая клюкой,
какой зажмешь ты рану ватой,
водой опрыскаешь какой?

В шинелях — вши, и в сердце — вера,
ухабами раздолблен путь.
Не от штыка — от револьвера
в пути погибнуть: как-нибудь.
Но страшен ветер. Он в окошко
дудит протяжно и звенит,
и, не мигая глазом, кошка
ворочает пустой зенит.
Очки поправив аккуратно
и аккуратно сгладив прядь,
вдохнув над тем, что безвозвратно
ушло, что надо потерять, —
ты сажу вдруг стряхнул дремоты
с трахомой вывернутых век
и (Зингер злится!) — пулеметы
иглой застрачивают век.
В дыму померкло: "Мира!" — "Хлеба!",
Дни распахнулись — два крыла.
И Радость радугу вполнеба,
как бровь тугую, подняла.
Что стало с песней безголосой,
звеневшей в мерзлое стекло?
Бубнят грудастые матросы,
что весело-развесело:
и день и ночь пылает Смольный.
Подкатывает броневик,
и держит речь с него крамольный
чуть-чуть раскосый большевик...
И, старина, под флагом алым —
за партией своею — ты
идешь с Интернационалом,
декретов разнося листы.

1918 (1922)

* * *

Одно влечение: слышать гам,
чуть прерывающий застой,
бродя всю жизнь по хуторам
Григорием Сквородой.
Не хаты и не антресоль
прельстят, а груша у межи,
где крупной зернью ляжет соль
на ломоть выпеченной ржи.
Сверчат кузнечики.
И высь —
сверкающая кисея.
Земля-праматерь!
Мы слились:
твое — мое, я — ты, ты — я.
Мешает ветер пятачки,
тень к дереву пятится сама;
перекрестились ремешки,
и на плечах опять сума.
Опять долбит клюка тропу,
и сердце, что поет, журча, —
проклюнувшее скорлупу,
баюкаемое курча.

[1920]

АННА АХМАТОВА

(1889–1966)

Лирика Анны Андреевны Ахматовой (настоящая фамилия Горенко) вошла в русскую поэзию свежей струей искреннего чувства. Четкость языка, уравновешенность поэтического тона, простые, но чрезвычайно выразительные образы, наполняют ее лирические стихи большим психологическим содержанием.

Поэзия Ахматовой обладает свойством, отличающим ее от других акмеистов: это интимность, самоуглубленность, погруженность в тайны души — женской, сложной и утонченной, способной одновременно и страдать и кокетливо любоваться своим страданием. Но эта интимность подкреплена четкостью и строгостью, не допускающей никакой “распахнутости”. Стиль поэтессы как бы сплавил в себе традиции классики и новейший опыт русской поэзии, а ощущение эпохи, сопереживание ее событий, поиски своего места в них сделали Ахматову по-настоящему большим национальным поэтом.

Сероглазый король

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

“Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой”.

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
“Нет на земле твоего короля...”

11 декабря 1910

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
“Отчего ты сегодня бледна?”
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: “Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру”.
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: “Не стой на ветру”.

8 января 1911

* * *

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь — уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалуюсь,
Мне счастливой не бывать.
Не целуй меня, усталую, —
Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?

Весна 1911

Песня последней встречи

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: “Со мною умри!”

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой”.
Я ответила: “Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...”

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

29 сентября 1911

Музе

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь, как счастливы все —
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
"Взор твой не ясен, не ярок..."
Тихо ответчу: "Она отняла
Божий подарок".

10 ноября 1911

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

Май 1912

Стихи о Петербурге

2

Сердце бьется ровно, мерно.
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,

И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, —

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительный свиданий.
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, —
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

* * *

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану — Христос, помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый.

В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети,

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнуться лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

<Февраль> 1913

* * *

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста,
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

2 мая 1915

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или от скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

Январь 1917

* * *

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской Церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее, —

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: "Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид".

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Осень 1917

* * *

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста?

Пусть он меня и хулит, и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблен.

И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
Снова смеяться и плакать тревожно
И проклинать поцелуи мои.

1917

* * *

Наталли Рыковой

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам,
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

Июнь 1921

* * *

А, ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

Июль 1921

* * *

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?

Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.

Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце — солнце отчизны моей!

25 сентября 1921

* * *

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Все мне забава, —
Ночью Муза слетит утешать,

А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.

Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

29 августа 1921

* * *

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
Как вороны кружатся, чуя
Горячую свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.

С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.
Дай руки мне, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди.
И пусть не узнаю я, где ты.
О Муза, его не зови,
Да будет живым, не воспетым
Моей не узнавший любви.

Октябрь 1921

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час;
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Июль 1922

* * *

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда подевались студеные, влажные дни?
Изумрудною стала вода замутненных каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильнеей.
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,

И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось — сейчас забелеет прозрачный подснежник...
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

Сентябрь 1922

Лотова жена

*Жена же Лотова оглянулась позади его
и стала соляным столпом.*

Книга Бытия

И праведник шел за посланником Бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где прятла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула — и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

21 февраля 1924

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

(1891–1938)

Осип Эмильевич Мандельштам — поэт, прозаик, эссеист; примыкал к акмеизму с первых шагов этого литературного течения. Для его поэзии характерны философская глубина, обостренный интерес к истории. Влюбленный в древнюю Элладу, поэт стремился обнаружить связь русской культуры с античностью. Мандельштам — блестящий мастер поэтического слова. Его стихи предельно кратки, насыщены историко-литературными ассоциациями, музыкально выразительны и ритмически разнообразны. Перу его принадлежат также несколько прозаических и литературно-критических книг.

После революции поэт постепенно вытеснялся из печати. Дальнейшая судьба его сложилась трагически: отсутствие работы, постоянные гонения, бесприютность, нищета... В 1934 г. Мандельштам был арестован и отправлен в ссылку (в Чердынь, затем в Воронеж). В 1938 г. арестован вторично и погиб в лагере под Владивостоком.

* * *

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,

Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, —

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

1909

* * *

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.

1909

* * *

Отчего душа так певуча
И так мало милых имен,
И мгновенный ритм — только случай,
Неожиданный Аквилон?

Он подымет облако пыли,
Зашумит бумажной листвою,
И совсем не вернется — или
Он вернется совсем другой...

О, широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края —
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное “я”.

Я блуждал в игрушечной чаще,
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий,
И действительно смерть придет?

1911

Раковина

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей;

И хрупкой раковины стены,
Как нежилого сердца дом,

Наполнишь шепотами пены,
Туманом, ветром и дождем...

1911

* * *

Я ненавижу свет
Однообразных звезд.
Здравствуй, мой давний бред, —
Башни стрельчатой рост!

Кружевом, камень, будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Будет и мой черед —
Чую размах крыла.
Так — но куда уйдет
Мысли живой стрела?

Или, свой путь и срок,
Я, исчерпав, вернусь:
Там — я любить не мог,
Здесь — я любить боюсь...

1912

* * *

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
"Господи!" — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

202

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится
И пустая клетка позади...

1912

* * *

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

1914

* * *

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:

203

Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся,

Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915

* * *

Сестры — тяжесть и нежность — одинаковы
ваши приметы.
Медуницы и осы тяжелую розу сосут.
Человек умирает, песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.

Ах, тяжелые соты и нежные сети,
Легче камень поднять, чем имя твое повторить!
У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землею была.
В медленном водовороте тяжелые нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела.

Март 1920

* * *

Умывался ночью на дворе —
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч — как соль на топоре,
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова.
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее,
Чище смерть, солёнее беда,
И земля правдивей и страшнее.

1921

Век

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И свою кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна,
И невидимым играет
Позвоночником волна.
Словно нежный хрящ ребенка
Век младенческой земли —

Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли.

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.
Это век волну колышет
Человеческой тоской,
И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.

И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век.
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап.

<1922>

* * *

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Декабрь 1930

* * *

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе, —

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17-28 марта 1931, 1935

* * *

Мы живем, под собою не чуя страны,
 Наши речи за десять шагов не слышны,
 А где хватит на полразговорца,
 Там припомнят кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
 И слова, как пудовые гири, верны,
 Тараканьи смеются глазища,
 И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей.
 Он играет услугами полулюдей.
 Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
 Он один лишь бабачит и тычет.

Как подковы, дарит за указом указ:
 Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
 Что ни казнь у него — то малина
 И широкая грудь осетина.

Ноябрь 1933

* * *

Куда мне деться в этом январе?
 Открытый город сумасбродно цепок...
 От замкнутых, я что ли, пьян дверей? —
 И хочется мычать от всех замков и скрепок.

И переулков лающих чулки,
 И улиц перекошенных чуланы —
 И прячутся поспешно в уголки
 И выбегают из углов угланы...

И в яму, в бородавчатую темь
 Скольжу к обледенелой водокачке
 И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
 И разлетаются грачи в горячке, —

А я за ними ахаю, крича
 В какой-то мерзлый деревянный короб:
 — Читателя! советчика! врача!
 На лестнице колючей — разговора б!

Конец января — 1 февраля 1937

Воронеж

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ

(1886–1973)

Подлинная дата рождения Михаила Александровича Зенкевича — 9 (21) мая 1886 г. Но после революции, желая уменьшить свой возраст, он стал указывать годом рождения 1888-й, 1889-й, а позднее — 1891 г. Первые стихотворения Зенкевича напечатаны в 1906 в саратовском журнале “Жизнь и школа”. На страницах петербургских журналов Зенкевич публикуется начиная с 1908. Годом позже состоялось знакомство поэта с Гумилевым, который способствовал публикации стихотворений Зенкевича в “Аполлоне”. С образованием первого “Цеха поэтов” Зенкевич становится его активным участником, а также членом кружка акмеистов. Наиболее тесные отношения складываются у него с В. Нарбутом, вместе с которым они составляют “левый фланг акмеизма”. В 1912 г. выходит первая книга стихов поэта — “Дикая порфира”, имевшая огромное число откликов.

В годы революции Зенкевич вступает добровольцем в Красную Армию, при этом не оставляет литературной деятельности. Затем переезжает в Москву, где работает в различных издательствах и журналах, в частности, заведует отделом поэзии “Нового мира”. До начала Великой Отечественной войны он издает несколько поэтических сборников. В дальнейшем наибольшую известность Зенкевич получил как переводчик западноевропейской поэзии.

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ

Ноябрьский день

Чад в мозгу, и в легких никотин —
И туман пополз... О, как тяжел ты
После льдистых дождевых крестин,
День визгливый под пеленкой желтой!

Узкий выход белому удушью, —
Все сирены плачут, и гудки
С воем одевают взморье тушью,
И трясут дома ломовики.

И бесстыдней скрытые от взоров
Нечистоты дня в подземный мрак
Пожирает чавкающий боров
Сточных очистительных клоак.

И в тревоге вновь душа томится,
Что себя пред тьмой не обмануть:
Золота промытого крупница
Не искупит всю дневную муть.

1912

В логовище

Пускай рога трубят по логу
И улюлюканье в лесу, —
Как зверь, в родимую берлогу
Комок кровавый унесу.

Гоните псов по мерзлым травам,
Ищите яму, где лежу.
Я языком своим шершавым
Все раны сердца залижу.

А нет... Так, оцетинясь к бою,
Втянув в разрытый пах кишки,
С железным лясканьем открою
Из пены желтые клыки.

1913

Смерть лося

Дыханье мощное в жерло трубы лилось,
Как будто медное влагалище вzywало,
Иссохнув и изныв. Трехгодовалый,
Его услышавши, взметнулся сонный лось.

И долго в сумраке сквозь дождик что-то нюхал
Ноздрей горячих хрящ, и, вспенившись, язык
Лизал мохры губы, и, вытянувшись, ухо
Ловило то густой, то серебристый зык.

И, заломив рога, вдруг ринулся сквозь прутья
По впадинам глазным хлеставших жестко лоз,
Теряя в беге шерсть, как войлока лоскутья,
И жесткую слюну склеивших пасть желез.

В гнилом валежнике через болото краток
Зеленый вязкий путь. Он, как сосун, не крыл
Еще увертливых и боязливых маток,
В погонях бешеных растрчивая пыл.

Все яростней ответ, стремящийся к завалу,
К стволам охотничьим на тягостный призыв.
Поляны темный круг. Свинцовый посвист шальный —
И, лопасти рогов, как якорь, в глину врыв,

С размаха рухнул лось. И в выдавленном ложе
По телу теплому перепорхнула дрожь

Как бы предчувствия, что в нежных тканях кожи
Пройдется, весело свежуха, длинный нож,

А надо лбом пила. И, петухам безглавым
Подобен в трепете, там возле задних ног
Дымился сев парной на трауре кровавом,
Как мускульный глухой отзыв на терпкий рог.

1913

* * *

Безумец! Дни твои убоги,
А ты ждешь жизни от любви, —
Так лучше каторгой в остроге
Пустую душу обнови.
Какая б ни была утрата,
Неси один свою тоску
И не беги за горстью злата
Униженно к ростовщику.
От женских любопытных взоров
Таи смертельный страх и дрожь
И силься, как в соломе боров,
Из сердца кровью выбить нож.

1913

* * *

Хотелось в безумьи, кровавым узлом поцелуя
Стянувши порочный, ликерами пахнувший рот,
Упасть и, охотничьим длинным ножом полосуха,
Кромсать обнаженный мучительно-нежный живот.
А прорубь окна караулили цепко гардины,

И там, за малиновым, складчатым плотным драпри
Вдоль черной Невы, точно лебеди, с Ладоги льдины
Ко взморью тянулись при блеске пунцовой зари.

1913

Тигр в цирке

Я помню, как девушка и тигр шаги
На арене сближали и, зарницы безмолвнее,
В глаза, где от золота не видно ни зги,
Кралась от прожектора белая молния.

И казалось — неволя не властна далее
Вытраивать в мозгу у зверя след
О том, что у рек священных Бенгалии
Он один до убоины лакомый людоед.

И мерещилось — хрустящие в алом челюсти,
Сладострастно мусоля, тянут в пасть
Нежногибкое тело, что в сладостном шелесте
От себя до времени утаивала страсть.

И щелкнул хлыст, и у ближних мест
От тугого молчанья, звеня, откололася
Серебристая струйка детского голоса —
“Папа, папа, он ее съест?”

Но тигр, наготове к прыжку медлительный,
Сменив на довольное мурлыканье вой,
От девушки запах кровей томительный
Почув, заластился о колени головой.

И, усами игольчатыми по шелку щупая
Раздушённую юбку, в такт с хлыстом

В золоченый обруч прыгнул, как глупая
Дрессированная собачонка с обрубленным хвостом...

Синих глаз и мраморных колен
Колодник голодный, и ты отстукивай
С королевским тигром когтями свой плен
За решеткой, где прутья — как ствол бамбуковый.

1913-1916

* * *

Ты для меня давно мертва
И перетлела в призрак рая,
Так почему ж свои права
Отстаиваешь ты, карая.
Когда среди немилых ласк
Я в забытьи, греша с другими,
Зубов зажатых скрывши ляск,
Шепну твоё родное имя, —
Исчезнет вдруг истома сна,
И обаянье отлетело,
И близость страстная страшна,
Как будто рядом мертвой тело.
И мне мерещится, что в тишь
Ночную хлынет золотом пламя
И ты мне душу искогтись,
Оледенив её крылами.

1917

Наваждение

По залу бальному она прошла,
Метеоритным блеском пламеня.

Казалась так ничтожна и пошла
 Толпа мужчин, спешащая за нею.
 И ей вослед хотелось крикнуть: "Сгинь,
 О, наваждение, в игре мгновенной
 Одну из беломраморных богинь
 Облекшее людскою плотью брэнной!"
 И он следил за нею из угла,
 Словам другой рассеянно внимая,
 А на лицо его уже легла
 Грозы, над ним нависшей, тень немая.
 Чужая страсть вдруг стала мне близка,
 И в душу холодом могил подуло:
 Мне чудилось, что у его виска
 Блеснуло сталью вороненой дуло.

Август 1918

Поздний пролет

За нивами настиг урон
 Леса. Обуглился и сорван
 Лист золотой. Какая прорва
 На небе галок и ворон!

Чей клин, как будто паутиной
 Означен, виден у луны?
 Не гуси... нет!.. То лебединый
 Косяк летит, то — кликуны.

Блестя серебряною грудью,
 Темнея бархатным крылом,
 Летят по синему безлюдью
 Вдоль Волги к югу — напролом,

Спешат в молчанье. Опоздали:
 Быть может, к солнцу теплых стран,

Взмутив свинцовым шквалом дали,
 Дорогу застит им буран.

Тревожны белых крыльев всплески
 В заре ненастно-огневой,
 Но крик, уверенный и резкий,
 Бросает вдруг передовой.

И подхватили остальные
 Его рокочущий сигнал,
 И долго голоса стальные
 Холодный ветер в вихре гнал.

Исчезли. И опять в пожаре
 Закатном, в золоте тканья
 Лиловой мглы, как хлопья гари,
 Клубятся стаи воронья...

1918

* * *

Твой сон передрагасветный сладок,
 И дразнит дерзкого меня
 Намеками прозрачных складок
 Чуть дышащая простыня.

Но, недотрога, ты свернулась
 Под стать мимозе иль ежу.
 На цыпочках, чтоб не проснулась,
 Уйду, тебя не разбужу.

Какая гладь и ширь какая!
 И с якоря вниз головой
 Сейчас слечу я, рассекая
 Хрусталь дремотный, огневой!

И, вспомнив нежную истому,
Еще зовущую ко сну,
Навстречу солнцу золотому
С саженок брызгами блесну.

1918

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

(1892–1972)

Георгий Викторович Адамович – поэт и литературный критик, входил в созданный акмеистами “Цех поэтов”. Его стихи отмечены легко узнаваемыми чертами акмеистической поэтики. Лирика Адамовича стремится к классической завершенности формы, но в ней, элегичной по своему характеру, всегда остается момент недосказанности. Критики отмечали “особенную зоркость к обыденной жизни”, свойственную поэту. Однако “зрительные образы” не являются для Адамовича самоцелью, для него важнее поиск эмоционально-напряженного содержания.

После революции Адамович участвовал в деятельности третьего “Цеха поэтов”, сотрудничал как критик в его альманахах. В 1923 г. он покинул Россию и поселился в Париже, где активно выступал во многих печатных изданиях, приобрел репутацию ведущего критика русского зарубежья. Стихов он писал мало, тем не менее, именно ему эмигрантская поэзия обязана появлением так называемой “парижской ноты” – предельно искреннего выражения душевной боли, “правды без прикрас”.

* * *

День был ранний и молочно-парный.

Ин. Анненский

Так тихо поезд подошел,
Пыхтя, к облезлому вокзалу,

Так грустно сердце вспоминало
Весь этот лес и частокол.

Все то же. Дождик поутру,
Поломанные георгины,
Лохмотья мокрой парусины
Всё бьются, бьются на ветру,

А на цепи собака воеет,
И выбегает на шоссе...
Здесь, правда, позабыли все,
Что было небо голубое.

Лишь помнит разоренный дом,
Как смерть по комнатам ходила,
Как черный поп взмахнул кадиллом
Над полинявшим серебром.

И сосны помнят. И скрипят,
Совсем, как и тогда скрипели, —
Ведь к ночи ранние метели
Уж снегом заметали сад.

[1916]

* * *

Опять, опять, лишь реки дождевые
Польются по широкому стеклу,
Я под дождем бредущую Россию
Все тише и тревожнее люблю.

Как мало нас, что пятна эти знают,
Чахоточные на твоей щеке,
Что гордым посохом не называют
Костыль в уже слабеющей руке.

[1916]

* * *

Вот всё, что помню: мосты и камни,
Улыбка наглая у фонаря...
И здесь забытые кем-то ставни.
Дожди, безмолвие и заря.

Брожу... Что будет со мной, не знаю,
Но мысли, — но мысли только одни.
Кукушка, грустно на ветке качаясь,
Считает гостю редкому дни.

И дни бессчетны. Пятнадцать, сорок,
Иль бесконечность? Все равно.
Не птице серой понять, как скоро
Ветхий корабль идет на дно.

[1915]

* * *

Георгию Иванову

Но, правда, жить и помнить скучно!
И падающие года,
Как дождик, серый и беззвучный,
Не очаруют никогда.

Летит стрела... Огни, любви,
Глухие отплески весла,
Вот, — ручеек холодной крови,
И раненая умерла.

Так. Близок час, — и свет прощальный
Пролетит вечерняя заря.

И к "берегам отчизны дальней"
Мой челн отпустят якоря.

[1916]

* * *

Звенели, пели. Грязное сукно,
И свечи тают. "Ваша тройка бита.
Позвольте красненькую. За напиток
Не беспокойтесь". И опять вино,

И снова звон. Ложится синий дым.
Все тонет — золото, окно и люди,
И белый снег. По улицам ночным
Пойдем, мой друг, и этот дом забудем.

И мы выходим. Только я один,
И ветер воет, пароходы вторят.
Нет, я не Байрон, и не арлекин,
Что делать мне с тобою, сердце-море?

Пойдем, пойдем... Ни денег, ни вина.
Ты видишь небо, и метель, и трубы?
Ты Музу видишь, и уже она
Оледеневшие целует губы.

1916

Воробьевы горы

Звенит гармоника. Летят качели.
"Не шей мне, мать, красный сарафан".
Я не хочу вина. И так я пьян.
Я песню слушаю под тенью ели.

Я вижу город в голубой купели,
Там белый Кремль — замоскворецкий стан,
Дым, колокольни, стены, царь-Иван,
Да розы и чахотка на панели.

Мне грустно, друг. Поговори со мной.
В твоей России холодно весной,
Твоя лазурь стирается и вянет.

Лежит Москва. И смертная печаль
Здесь семечки лушит, да песню тянет,
И плечи кутает в цветную шаль.

1917

По Марсову полю

Сияла ночь. Не будем вспоминать
Звезды, любви, — всего, что прежде было.
Пылали дымные костры, и гладь
Пустого поля йскрилась и стыла.

Сияла ночь. Налево над рекой
Остановился мост ракетой белой.
О чем нам говорить? Пойдем со мной,
По рюмке коньяку, да и за дело.

Сияла ночь. А может быть, и день,
И, может быть, февраль был лучше мая,
И замеченная, в снегу, сирень,
Быть может, шелестела, расцветая,

Но было холодно. И лик луны
Насмешливо смотрел и хмурил брови.
"Я вас любил... И как я ждал весны,
И роз, и утешений, и любви!"

Ночь холодней и тише при луне.
 “Я вас любил. Любовь еще, быть может...”
 — Несчастный друг! Поверьте мне,
 Вам только пистолет поможет.

1918

* * *

Когда, в предсмертной нежности слабя,
 Как стон плывущей головы,
 Умолкнет голос бедного Орфея
 На голубых волнах Невы,

Когда, открывшись италийским далям,
 Все небо станет голубеть,
 И девять Муз под траурным вуалем
 Придут на набережной петь,

Там, за рекой, пройдя свою дорогу
 И робко стоя у ворот,
 Там, на суде, — что я отвечу Богу,
 Когда настанет мой черед?

1919

* * *

По широким мостам... Но ведь мы все равно не успеем,
 Эта вьюга мешает, ведь мы заблудились в пути.
 По безлюдным мостам, по широким и черным аллеям
 Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь дымит и вздыхает тревожно столица.
 Рестораны распахнуты. Стынет дыханье в груди.

Отчего мне так страшно? Иль, может быть, все это снится,
 Ничего нет в прошедшем, и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где-то,
 Но как скошены ноги, я больше бежать не могу.
 О, еще б хоть минуту! И щелкнул курок пистолета,
 Все погубило, все кончено... Видишь ты, — кровь на снегу.

Тишина. Тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
 Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит.
 И под черным вуалем у гроба стоит Гончарова,
 Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит.

1921

* * *

Ни с кем не говори. Не пей вина.
 Оставь свой дом. Оставь жену и брата.
 Оставь людей. Твоя душа должна
 Почувствовать — к былому нет возврата.

Былое надо разлюбить. Потом
 Настанет время разлюбить природу,
 И быть все безразличней, — день за днем,
 Неделю за неделей, год от году.

И медленно умрут твои мечты.
 И будет тьма кругом. И в жизни новой
 Отчетливо тогда увидишь ты
 Крест деревянный и венок терновый.

[1923]

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

(1894–1958)

Георгий Владимирович Иванов — поэт, прозаик, критик, мемуарист, переводчик. В 1910-х гг. примыкал к акмеистам. В ранних его стихах преобладают мотивы грусти, поэтизация старины, религиозные настроения. В 1922 г. Иванов вместе с молодой поэтессой Ириной Одоевцевой, ставшей его женой, покинул Россию.

Зрелая поэзия Иванова, обретая цельность художественных форм, отразила трагическое мироощущение человека XX века, изведавшего горький опыт изгнанничества. Наиболее значительные его произведения были созданы в эмиграции. Умер в доме престарелых в Йере, недалеко от Ниццы.

* * *

Беспокойно сегодня мое одиночество —
У портрета стою — и томит тишина.
Мой прапрадед Василий — не вспомню я отчества —
Как живой, прямо в душу — глядит с полотна.

Темно-синий камзол отставного военного,
Арапчонок у ног и турецкий кальян.
В закорузлой руке — серебристого пенного
Круглый ковш. Только видно, помещик не пьян.

Хмурит брови седые над взорами карими,
Опустились морщины у темного рта.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

Эта грудь, уцелев под столькими ударами
Неприятельских шашек, — тоской налита.

Что ж? На старости лет с сыновьями не справиться,
Иль плечам тяжелы прожитые года,
Иль до смерти мила крепостная красавица,
Что завистник-сосед не продаст никогда?

Нет, иное томит. Как сквозь полог затученный
Прорезается белое пламя луны, —
Тихий призрак встает в подземелье замученной
Неповинной страдалицы — первой жены.

Не избыть этой муки в разгуле неистовом,
Не залить угрызения влагой хмельной...
Запершись в кабинете, покончил бы выстрелом
С невеселою жизнью, — да в небе темно.

И теперь, заклеянный семейным преданием,
Как живой, как живой, он глядит с полотна,
Точно нету прощенья его злодеяниям,
И загробная жизнь, как земная, — черна.

* * *

Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил,
Тонкий луч озарит разрушенья унылую грудь,
Теплый ветер вздохнет: я травой и облаком был,
Человеческим сердцем я тоже когда-нибудь буду.

Ты влюблен, ты грустишь, ты томишься
в прохладе ночной,
Ты подругу зовешь и Марией ее называешь,
Но настанет пора, и над нашей кудрявой землей
Пролетишь и не взглянешь, и этих полей не узнаешь.

А любовь — семицветною радугой станет она,
Кукованьем кукушки, иль камнем, иль веткою дуба,
И другие влюбленные будут стоять у окна,
И другие, в мучительной нежности, сблизятся губы...

Теплый ветер вздыхает, деревья шумят у ручья,
Легкий серп отражается в зеркале северной ночи,
И как ризу Господню, целую я платья края,
И колени, и губы, и эти зеленые очи...

1921

* * *

Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,
Сквозь звезды, и розы, и тьму,
На голос бессмысленно-сладкого пеня...
— И ты не поможешь ему.

Сквозь звезды, которые снятся влюбленным,
И небо, где нет ничего,
В холодную полночь — платком надушённым...
— И ты не удержишь его.

На голос бессмысленно-сладкого пеня,
Как Байрон за бледным огнем,
Сквозь полночь и розы, о, без сожаленья...
— И ты позабудешь о нем.

* * *

Увяданьем еле тронут
Мир печальный и прекрасный,
Паруса плывут и тонут.
Голоса зовут и гаснут.

Как звезда — фонарь качает.
Без следа — в туман разлуки.
Навсегда? — не отвечает,
Лишь протягивает руки —

Ближе к снегу, к белой пене,
Ближе к звездам, ближе к дому...

...И растут ночные тени,
И скользят ночные тени
По лицу уже чужому.

1930

* * *

Россия, Россия "рабоче-крестьянская" —
И как не отчаяться! —
Едва началось твое счастье цыганское
И вот уж кончается.

Деревни голодные, степи бесплодные...
И лед твой не тронется —
Едва поднялось твое солнце холодное
И вот уже клонится.

1930

* * *

Россия счастье. Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.

И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...

Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.

Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.

Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия — только страх.

Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.

Веревка, пуля, каторжный рассвет,
Над тем, чему названья в мире нет.

* * *

Только всего — простодушный напев,
Только всего — умирающий звук,
Только свеча, нагорев, догорев...
Только. И падает скрипка из рук.

Падает песня в предвечную тьму,
Падает мертвая скрипка за ней...

И, неподвластна уже никому,
В тысячу раз тяжелей и нежней,
Слаще и горестней в тысячу раз,
Тысячью звезд, что на небе горит,
Тысячью слез из растерянных глаз —

Чудное эхо ее повторит.

* * *

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

* * *

Звезды синеют. Деревья качаются.
Вечер как вечер. Зима как зима.
Все прощено. Ничего не прощается.
Музыка. Тьма.

Все мы герои и все мы изменники,
Всем одинаково верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

* * *

Так иль этак. Так иль этак.
Все равно. Все решено
Колыханьем черных веток
Сквозь морозное окно.

Годы долгие решалась,
А задача так проста.
Нежность под ноги бросалась,
Суетилась суета.

Все равно. Качнулись ветки
Снежным ветром по судьбе.
Слезы, медленны и едки,
Льются сами по себе.

Но тому, кто тихо плачет,
Молча стоя у окна,
Ничего уже не значит,
Что задача решена.

* * *

Только темная роза качнется,
Лепестки осыпая на грудь.
Только сонная вечность проснется
Для того, чтобы снова уснуть.

Паруса уплывают на север,
Поезда улетают на юг,
Через звезды, и пальмы, и клевер,
Через горе и счастье, мой друг.

Все равно — не протягивай руки,
Все равно — ничего не спасти.
Только синие волны разлуки.
Только синее слово “прости”.

И рассеется дым паровоза,
И плеснет, исчезая, весло...
Только вечность, как темная роза,
В мировое осыпется зло.

* * *

Над розовым морем вставала луна.
Во льду леденела бутылка вина.

И томно кружились влюбленные пары
Под жалобный рокот гавайской гитары.

— Послушай. О, как это было давно,
Такое же море и то же вино.

Мне кажется, будто и музыка та же.
Послушай, послушай, — мне кажется даже...

— Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой.
Мы жили тогда на планете другой.

И слишком устали, и слишком мы стары
Для этого вальса и этой гитары.

* * *

В шуме ветра, в детском плаче,
В тишине, в словах прощанья
“А могло быть иначе”
Слышу я, как обещаешь.

Одевает в саван нежный
Всю тщету, все неудачи —
Тень надежды безнадежной
“А могло бы быть иначе”.

Заметает сумрак снежный
Все поля, все расстоянья.
Тень надежды безнадежной
Превращается в сиянье.

Все сгоревшие поленья,
Все решенные задачи,
Все слова, все преступления...

А могло бы быть иначе.

Из книги "Портрет без сходства"

1

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность пораженья.

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья.

2

Игра судьбы. Игра добра и зла.
Игра ума. Игра воображенья.
"Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья..."

Мне говорят — ты выиграл игру!
Но все равно. Я больше не играю.
Допустим, как поэт я не умру,
Зато как человек я умираю.

ФУТУРИЗМ

Футуризм (от *лат.* futurum – будущее) – общее название художественных авангардистских движений 1910-х – начала 1920-х гг. XX в. прежде всего в Италии и России.

Основные признаки футуризма:

- бунтарство, анархичность мировоззрения, выражение массовых настроений толпы;
- отрицание культурных традиций, попытка создать искусство, устремленное в будущее;
- бунт против привычных норм стихотворной речи, экспериментаторство в области ритмики, рифмы, ориентация на произносимый стих, лозунг, плакат;
- поиски раскрепощенного “самовитого” слова, эксперименты по созданию “заумного” языка;
- культ техники, индустриальных городов;
- пафос эпатажа.

В отличие от акмеизма, футуризм как течение в отечественной поэзии возник отнюдь не в России. Это явление целиком привнесено с Запада, где оно зародилось и было теоретически обосновано. Родиной нового модернистского движения была Италия, а главным идеологом итальянского и мирового футуризма стал известный литератор Филиппо Томмазо Маринетти (1876–1944), выступивший 20 февраля 1909 года на страницах субботнего номера парижской газеты “Фигаро” с первым “Манифестом футуризма”, в котором

была заявлена “антикультурная, антиэстетическая и анти-философская” его направленность.

В принципе, любое модернистское течение в искусстве утверждало себя путем отказа от старых норм, канонов, традиций. Однако футуризм отличался в этом плане крайне экстремистской направленностью. Это течение претендовало на построение нового искусства — “искусства будущего”, выступая под лозунгом нигилистического отрицания всего предшествующего художественного опыта. Маринетти провозгласил “всемирно историческую задачу футуризма”, которая заключалась в том, чтобы “ежедневно плевать на алтарь искусства”¹.

Футуристы проповедовали разрушение форм и условностей искусства ради слияния его с ускоренным жизненным процессом XX века. Для них характерно преклонение перед действием, движением, скоростью, силой и агрессией; возвеличивание себя и презрение к слабому; утверждался приоритет силы, упоение войной и разрушением. В этом плане футуризм по своей идеологии был очень близок как правым, так и левым радикалам: анархистам, фашистам, коммунистам, ориентированным на революционное ниспровержение прошлого.

Манифест футуризма состоял из двух частей: текста-вступления и программы, состоявшей из одиннадцати пунктов-тезисов футуристической идеи. Милена Вагнер отмечает, что “в них Маринетти утверждает радикальные изменения в принципе построения литературного текста — “разрушение общепринятого синтаксиса”; “употребление глагола в неопределенном наклонении” с целью передачи смысла непрерывности жизни и упругости интуиции; уничтожение качественных прилагательных, наречий, знаков препинания, опущение союзов, введение в литературу “восприятия по аналогии” и “максимума беспорядка”² — словом,

¹ Маринетти Ф. Т. Футуризм. — СПб., 1914. С. 23.

² Маринетти Ф. Т. Первый манифест футуризма // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. — М.: Прогресс, 1986.

все, направленное к лаконичности и увеличению “быстроты стиля”, чтобы создать “живой стиль, который создается сам по себе, без бессмысленных пауз, выраженных запятыми и точками”. Все это предлагалось как способ сделать литературное произведение средством передачи “жизни материи”, средством “схватить все, что есть ускользающего и неуловимого в материи”, “чтобы литература непосредственно входила во вселенную и сливалась с нею”...

Слова футуристических произведений полностью освобождались от жестких рамок синтаксических периодов, от пут логических связей. Они свободно располагались в пространстве страницы, отвергая нормативы линейного письма и образуя декоративные арабески или разыгрывая целые драматические сцены, построенные по аналогии между формой буквы и какой-либо фигурой реальности: гор, людей, птиц и т. д. Таким образом, слова превращались в визуальные знаки...¹

Заключительный, одиннадцатый пункт “Технического манифеста итальянской литературы” провозглашал один из важнейших постулатов новой поэтической концепции: “уничтожить Я в литературе”.

“Человек, совершенно испорченный библиотекой и музеем <...> не представляет больше абсолютно никакого интереса... Нас интересует твердость стальной пластинки сама по себе, то есть непонятный и нечеловеческий союз ее молекул и электронов... Теплота куска железа или дерева отныне более волнует нас, чем улыбка или слеза женщины”².

Текст манифеста вызвал бурную реакцию и положил начало новому “жанру”, внеся в художественную жизнь возбуждающий элемент — кулачный удар. Теперь поднимающийся на сцену поэт стал всеми возможными способами эпатировать публику: оскорблять, провоцировать, призывать к мятежу и насилию.

¹ Вагнер М. И. Футуризм в Италии и в России: общее и особенное // Дипломная работа по итальянской литературе. — Минск, 2004.

² Маринетти Ф. Т. Футуризм. — СПб., 1914. С. 68.

Футуристы писали манифесты, проводили вечера, где манифесты эти зачитывались со сцены и лишь затем — публиковались. Вечера эти обычно заканчивались горячими спорами с публикой, переходившими в драки. Так течение получало свою скандальную, однако очень широкую известность.

Учитывая общественно-политическую ситуацию в России, зерна футуризма упали на благодатную почву. Именно эта составляющая нового течения была, прежде всего, с энтузиазмом воспринята русскими кубофутуристами в предреволюционные годы. Для большинства из них “программные опусы” были важнее самого творчества.

Хотя прием эпатажа широко использовался всеми модернистскими школами, для футуристов он был самым главным, поскольку, как любое авангардное явление, футуризм нуждался в повышенном к себе внимании. Равнодушие было для него абсолютно неприемлемым, необходимым условием существования являлась атмосфера литературного скандала. Преднамеренные крайности в поведении футуристов провоцировали агрессивное неприятие и ярко выраженный протест публики. Что, собственно, и требовалось.

Русские авангардисты начала века вошли в историю культуры как новаторы, совершившие переворот в мировом искусстве — как в поэзии, так и в других областях творчества. Кроме того, многие прославились как великие скандалисты. Футуристы, кубофутуристы и эгофутуристы, сциентисты и супрематисты, лучисты и будегляне, всеки и ничевоки поразили воображение публики. “Но в рассуждениях об этих художественных революционерах, — как справедливо отмечено А. Обуховой и Н. Алексеевым, — часто упускают очень важную вещь: многие из них были гениальными деятелями того, что сейчас называют “промоушн” и “паблик рилэйшнз”. Они оказались провозвестниками современных “художественных стратегий” — то есть умения не только создавать талантливые произведения, но и находить самые удачные пути для привлечения внимания публики, меценатов и покупателей.

Футуристы, конечно, были радикалами. Но деньги зарабатывать умели. Про привлечение к себе внимания с помощью всевозможных скандалов уже говорилось. Однако эта стратегия прекрасно срабатывала и во вполне материальных целях. Период расцвета авангарда, 1912–1916 годы — это сотни выставок, поэтических чтений, спектаклей, докладов, диспутов. А тогда все эти мероприятия были платными, нужно было купить входной билет. Цены варьировались от 25 копеек до 5 рублей — деньги по тем временам очень немалые. [Учитывая, что разнорабочий зарабатывал тогда 20 рублей в месяц, а на выставки порой приходило несколько тысяч человек. — Б. А.] Кроме того, продавались и картины; в среднем с выставки уходило вещей на 5–6 тысяч царских рублей¹.

В прессе футуристов часто обвиняли в корыстолюбии. Например: “Нужно отдать справедливость господам футуристам, кубистам и прочим -истам, они умеют устраиваться. Недавно один футурист женился на богатой московской купчихе, взяв в приданое два дома, экипажное заведение и... три трактира. Вообще декаденты всегда как-то “фатально” попадают в компанию толстосумов и устраивают возле них свое счастье...”².

Однако в своей основе русский футуризм был все же течением преимущественно поэтическим: в манифестах футуристов речь шла о реформе слова, поэзии, культуры. А в самом бунтарстве, эпатировании публики, в скандальных выкриках футуристов было больше эстетических эмоций, чем революционных. Почти все они были склонны как к теоретизированию, так и к рекламным и театрально-пропагандистским жестам. Это никак не противоречило их пониманию футуризма как направления в искусстве, формирующего будущего человека, — независимо от того, в каких стилях, жанрах работает его создатель. Проблемы единого стиля не существовало.

1 Обухова А., Алексеев Н. Золотые носы // Газета “Иностранец”, 1998. № 27 от 15 июля.

2 “Петербургская газета”, 1913. 2 апреля.

“Несмотря на кажущуюся близость русских и европейских футуристов, традиции и менталитет придавали каждому из национальных движений свои особенности. Одной из примет русского футуризма стало восприятие всевозможных стилей и направлений в искусстве. “Всечество” стало одним из важнейших футуристических художественных принципов.

Русский футуризм не вылился в целостную художественную систему; этим термином обозначались самые разные тенденции русского авангарда. Системой был сам авангард. А футуризмом его окрестили в России по аналогии с итальянским¹. И течение это оказалось значительно более разнородным, чем предшествующие ему символизм и акмеизм.

Это понимали и сами футуристы. Один из участников группы “Мезонин поэзии”, Сергей Третьяков писал: “В чрезвычайно трудное положение попадают все, желающие определить футуризм (в частности литературный) как школу, как литературное направление, связанное общностью приемов обработки материала, общностью стиля. Им обычно приходится плутать беспомощно между непохожими группировками <...> и останавливаться в недоумении между “песенником-архаиком” Хлебниковым, “трибуном-урбанистом” Маяковским, “эстет-агитатором” Бурлюком, “заумь-рычалой” Крученых. А если сюда прибавить “спеца по комнатному воздухоплаванию на фоккере синтаксиса” Пастернака, то пейзаж будет полон. Еще больше недоумения внесут “отваливающиеся” от футуризма — Северянин, Шершеневич и иные... Все эти разнородные линии уживаются под общей кровлей футуризма, цепко держась друг за друга! <...>

Дело в том, что футуризм никогда не был школой и взаимная сцепка разнороднейших людей в группу держалась, конечно, не фракционной вывеской. Футуризм не был бы самим собою, если бы он наконец успокоился на нескольких найденных шаблонах художественного производства и

1 Вагнер М. И. Там же.

перестал быть революционным ферментом-бродилком, неустанно побуждающим к изобретательству, к поиску новых и новых форм. <...> Крепкозадый буржуазно-мещанский быт, в который искусство прошлое и современное (символизм) входило, как прочные части, образующие устойчивый вкус безмятежного и беспечального, обеспеченного жития, — был основной твердыней, от которой оттолкнулся футуризм и на которую он обрушился. Удар по эстетическому вкусу был лишь деталью общего намечавшегося удара по быту. Ни одна архи-эпатажная строфа или манифест футуристов не вызвали такого гвалта и визга, как раскрашенные лица, желтая кофта и ассиметрические костюмы. Мозг буржуа мог вынести любую насмешку над Пушкиным, но вынести издевательство над покроем брюк, галстука или цветком в петличке — было свыше его сил...”¹.

Поэзия русского футуризма была теснейшим образом связана с авангардизмом в живописи. Не случайно многие поэты-футуристы были неплохими художниками — В. Хлебников, В. Каменский, Елена Гуро, В. Маяковский, А. Крученых, братья Бурлюки. В то же время многие художники-авангардисты писали стихи и прозу, участвовали в футуристических изданиях не только в качестве оформителей, но и как литераторы. Живопись во многом обогатила футуризм. К. Малевич, П. Филонов, Н. Гончарова, М. Ларионов почти создали то, к чему стремились футуристы.

Впрочем, и футуризм кое в чем обогатил авангардную живопись. По крайней мере, в плане скандальности художники мало в чем уступали своим поэтическим собратьям. В начале нового, XX века все хотели быть новаторами. Особенно художники, рвавшиеся к единственной цели — сказать последнее слово, а еще лучше — стать последним криком современности. И наши отечественные новаторы, как отмечается в уже цитированной статье из газеты “Иностранец”, стали использовать скандал как полностью осознанный художественный метод. Скандалы они устраивали

1 Третьяков С. Откуда и куда?: (Перспективы футуризма) // Леф. 1923. № 1.

разные, варьиовавшиеся от озорно-театральных выходов до банального хулиганства. Живописец Михаил Ларионов, к примеру, неоднократно подвергался аресту и штрафу за безобразия, творимые во время так называемых “публичных диспутов”, где он щедро раздавал оплеухи несогласным с ним оппонентам, кидался в них пюпитром или настольной лампой...

В общем, очень скоро слова “футурист” и “хулиган” для современной умеренной публики стали синонимами. Пресса с восторгом следила за “подвигами” творцов нового искусства. Это способствовало их известности в широких кругах населения, вызывало повышенный интерес, привлекало все большее внимание.

История русского футуризма являла собой сложные взаимоотношения четырех основных группировок, каждая из которых считала себя выразительницей “истинного” футуризма и вела ожесточенную полемику с другими объединениями, оспаривая главенствующую роль в этом литературном течении. Борьба между ними выливалась в потоки взаимной критики, что отнюдь не объединяло отдельных участников движения, а наоборот усиливало их вражду и обособленность. Однако время от времени члены разных групп сближались или переходили из одной в другую.

Кубофутуризм (“Гилея”)

Кубофутуризм — направление в искусстве 1910-х гг., наиболее характерное для русского художественного авангарда тех лет, стремившееся соединить принципы кубизма (разложение предмета на составляющие структуры) и футуризма (развитие предмета в “четвертом измерении”, т. е. во времени).

Когда заходит речь о русском футуризме, то сразу приходят на ум имена кубофутуристов — участников группы “Гилея”. Они запомнились и своим вызывающим поведением, и шокирующим внешним видом (знаменитая желтая кофта Маяковского, розовые сюртуки, пучки редиски и деревянные ложки в петлицах, раскрашенные неведомыми знаками лица, эпатажные выходы во время выступлений), и скандальными манифестами и резкими полемическими выпадами против литературных оппонентов, и тем, что в их ряды входил Владимир Маяковский, единственный из футуристов, “не гонимый” в советское время.

В 1910-х годах прошлого века известность “гилейцев” действительно превосходила остальных представителей этого литературного течения. Возможно, потому, что их творчество наиболее соответствовало канонам авангарда.

“Гилея” — первая футуристическая группа. Они называли себя также “кубофутуристы” или “будетляне” (это название предложил Хлебников). Годом ее основания принято считать 1908-й, хотя основной состав сложился в 1909–1910 гг. “Мы и не заметили, как стали гилейцами. Это про-

изошло само собой, по общему молчаливому соглашению, точно так же, как, осознав общность наших целей и задач, мы не принесли друг другу ганнибаловых клятв в верности каким бы то ни было принципам¹. Поэтому постоянного состава у группы не было.

В начале 1910 года в Петербурге "Гилея" заявила о своем существовании в составе Д. и Н. Бурлюков, В. Хлебникова, В. Маяковского, В. Каменского, Е. Гуро, А. Кручных и Б. Лившица. Именно они стали представителями наиболее радикального фланга русского литературного футуризма, который отличался революционным бунтом, оппозиционной настроенностью против буржуазного общества, его морали, эстетических вкусов, всей системы общественных отношений.

Кубофутуризм принято считать результатом взаимовлияния поэтов-футуристов и живописцев-кубистов. Действительно, литературный футуризм был тесно связан с авангардными художественными группировками 1910-х годов, такими как "Бубновый валет", "Ослиный хвост", "Союз молодежи". Активное взаимодействие поэзии и живописи, безусловно, явилось одним из важнейших стимулов формирования кубофутуристической эстетики.

Первым совместным выступлением кубофутуристов в печати стал поэтический сборник "Садок судей"², фактически определивший создание группы "Гилея". В числе авторов альманаха Д. и Н. Бурлюки, Каменский, Хлебников, Гуро, Ек. Низен и др. Иллюстрации выполнили Д. и В. Бурлюки.

Идея исчерпанности культурной традиции прежних веков была исходным пунктом эстетической платформы кубофутуристов. Программным стал их манифест, носивший намеренно скандальное название "Пощечина общественному

вкусу"¹. В нем декларировался отказ от искусства прошлого, звучали призывы "сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч. с парохода современности".

Впрочем, несмотря на достаточно резкий тон и полемический стиль манифеста, в альманахе было высказано немало идей о путях дальнейшего развития искусства, сближения поэзии и живописи. За внешней бравадой его авторов стояло серьезное отношение к творчеству. И знаменитая эпатажная фраза о Пушкине, не допускающая, казалось бы, иных интерпретаций, объяснялась Хлебниковым, которому, собственно, и принадлежала, совсем по-другому: "Будетлянин — это Пушкин в освещении мировой войны, в плаще нового столетия, учащий праву столетия смеяться над Пушкиным XIX века" и звучала уже совсем не эпатажно. В другой декларации (1913 г.) Хлебников писал: "Мы оскорблены искажением русских глаголов переводными значениями. Мы требуем раскрыть пушкинские плотины и сваи Толстого для водопадов и потоков черноморских сторон надменного русского языка... Помимо завываний многих горл, мы говорим: "И там и здесь одно море"³. А. Е. Парнис, комментируя это высказывание, констатирует: "Декларативный тезис Хлебникова, внешне направленный против классиков — Пушкина и Толстого, против их языковых канонов, на самом деле диалектически обращен к их же авторитету, в первую очередь к Пушкину: хлебниковская метафора "одно море" явно восходит к известному пушкинскому "Славянские ль ручьи сольются в русском море?"⁴."

В том же духе высказывается другой футурист, С. Третьяков:

"Издевка над кумирами: Пушкиным и Лермонтовым и т. д. — это... прямой удар по тем мозгам, которые, впитав в

1 Лившиц Б. Полугораглазый стрелец. — Л.: Издательство писателей, 1933.

2 Альманах "Садок судей". — СПб, 1910. Апрель. Вышел тиражом 300 экз. в издательстве Матюшина "Журавль". Напечатан на обойной бумаге. (По другим источникам, было отпечатано 480 экз., но поскольку счет за работу не был оплачен, весь тираж альманаха, кроме полученных Каменским 20 экз., остался на складе, а потом и вовсе пропал, так что издание стало библиографической редкостью.)

1 Альманах "Пощечина общественному вкусу". — М.: 1912. 18 декабря. Вышел тиражом 600 экз. в издании Г. Кузьмина и С. Долинского. Из семи авторов сборника (Д. Бурлюк, Хлебников, Кручных, Маяковский, Б. Лившиц, Н. Бурлюк, В. Кандинский) манифест "в защиту нового искусства" подписали четверо первых. В феврале 1913 г. в Москве вышла одноименная полемическая листовка.

2 Культурология (сборник лекций). — Уфа: Изд-во ВЭГУ, 1978. С. 239.

себя со школьной скамьи дух ленивой авторитарности, никогда не пытались дать себе отчета о той воистину футуристической роли, которую для своего времени сыграл хотя бы охальник Пушкин, принесший в офранцузенные салоны по существу самую простонародную частушку, а теперь, через сто лет, разжеванный и привычный, сделался аршином изящного вкуса и перестал быть динамитом! Не Пушкин мертвый, в академических томах и на Тверском бульваре, а живой сегодняшний Пушкин, через столетие живущий с нами в словесных и идейных взрывах футуристов, продолжающих сегодня работу, которую он проделывал над языком позавчера..."¹.

Публикация "Пощечины" была воспринята общественностью в основном отрицательно, как факт безнравственности и дурновкусия. Но кубофутуристы считали, что издание этой книги официально утвердило футуризм в России (хотя само слово "футуризм" в тексте не упоминалось ни разу).

В феврале 1913 г. в том же издательстве выходит (тоже на обоях, но в увеличенном формате) "Садок судей II". Если в первом манифесте речь шла в основном об идеологии футуристов, то здесь — о поэтических приемах, способных осуществить эти идеи на практике.

Один из основоположников течения, В. Хлебников активно занимался революционными преобразованиями в области русского языка. Он писал: "Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов одно в другое, свободно плавить славянские слова — вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призраки, за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки, — мое второе отношение к слову"².

Хлебников, стремясь расширить границы языка и его возможности, много работал над созданием новых слов. Согласно его теории, слово лишается смыслового значе-

ния, приобретая субъективную окраску: "Гласные мы понимаем, как время и пространство (характер устремления), согласные — краска, звук, запах".

Само понятие смысла слова с уровня звуковой ассоциации отныне переместилось на уровни графических построений и связей внутри одного слова по структурным признакам. Лексическое обновление литературных текстов теперь достигалось внесением в него вульгаризмов, терминов технического характера, изобретением непривычных словосочетаний, отказом от знаков препинания. Одни поэты производили новые слова из старых корней (Хлебников, Каменский, Гнедов), другие раскалывали их рифмой (Маяковский), третьи с помощью стихотворного ритма придавали словам неправильные ударения (Крученых). Все это вело к депозитизации языка.

Вслед за синтаксическими смещениями начали возникать смещения смысловые. Это проявлялось в нарочитой нестыковке фраз, в замене необходимого по смыслу слова противоположным ему по значению.

Большую роль играло теперь визуальное воздействие стихотворения. "Мы стали придавать содержание словам по их начертательной и фонетической характеристике. <...> Во имя свободы личного случая мы отрицаем правописание. Мы характеризуем существительное не только прилагательными... но и другими частями речи, также отдельными буквами и числами"¹. Суть стихотворчества переместилась с вопросов "содержания" текста на вопросы "формы" ("не что, а как"). Для этого футуристы применяли фигурное построение стиха, где активно использовались приемы рифмовки не конечных, а начальных слов, а также внутренние рифмы или способ расположения строк "лесенкой".

Проявляя обостренное чутье к слову, футуристы доходили до абсурда, занимаясь конструированием. Особое значение они придавали словотворчеству, "самовитому слову". В программной статье "Слово как таковое" были приведены заумные строки:

1 Из манифеста в сборнике "Садок судей II".

1 Третьяков С. Откуда и куда? // Леф. 1923. № 1. С. 197.

2 Хлебников В. "Творения". — М.: Советский писатель, 1986. С. 37.

Дыр бул щыл
убешщур
скум
вы со бу
р л эз

Их автор, А. Крученых утверждал, что “в этом пятистишии более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина”¹.

Результатом подобной деятельности футуристов явился небывалый всплеск словотворчества, что в конце концов привело к созданию теории “заумного языка” — зауми.

В литературном плане заумь являлась своеобразной акцией в защиту “самовитого слова” против того подчиненного значения, которое имело слово в поэтике символизма, где оно играло лишь подсобную роль в создании символа и где поэтическая лексика была чрезвычайно строго отделена от словаря разговорной речи.

В статье Л. Тимофеева, характеризующей данное явление, говорится, что “уже акмеизм значительно раздвинул свои словарные границы, еще дальше шел эгофутуризм. Не удовлетворяясь включением в поэтический словарь разговорного языка, кубофутуризм еще более расширял его лексические и звуковые возможности, идя по двум линиям: первая линия — создание новых слов из старых корней (в этом случае значение слова сохранялось), вторая линия, т. е. именно заумь — создание новых звуковых комплексов, лишенных значения, — доводившая этот процесс возвращения слову его “прав” до абсурда”².

Заумь явилась одним из основных творческих принципов русского кубофутуризма. В “Декларации заумного языка” Хлебников, Г. Петников и Крученых так определяли

1 “Слово как таковое” — 15-страничная брошюра, написанная Хлебниковым и Крученых, вышла в сентябре 1913 г. в Москве в издательстве “ЕУЫ” с иллюстрациями Малевича и Розановой. Сборник состоял из одноименного манифеста и стихов, подкрепляющих теоретические положения русских футуристов.

2 Литературная энциклопедия: В 11 т. — [М.], 1929—1939. Т. 4. — [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. С. 319—321.

сущность зауми: “Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком... но и личным... и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным. Общий язык связывает, свободный — позволяет выразиться полнее. Заумь пробуждает и дает свободу творческой фантазии, не оскорбляя ее ничем конкретным”¹.

Заумь, таким образом, представляется или сочетанием звуков, не имеющих значения, или таковых же слов. Новаторство футуристов являлось оригинальным, но, как правило, было лишено здравого смысла. М. Вагнер отмечает, что “от одного словесного корня футуристы производили целый ряд неологизмов, которые, однако, не вошли в живую, разговорный язык. Хлебников считался открывателем словесных “Америк”, поэтом для поэтов. Он обладал тонким чувством слова <...> в направлении поисков новых слов и словосочетаний. Например, от основы глагола “любить” он создал 400 новых слов, из которых, как и следовало ожидать, ни одно не вошло в поэтический обиход”².

Новаторская поэтика Хлебникова была созвучна устремлениям будетлян. После выхода “Садка судей II” стали появляться другие коллективные и индивидуальные сборники столь же эпатажного свойства, где публиковались и обсуждались стихи футуристов: “Дохлая луна”, “Рыкающий Парнас”, “Танго с коровами”, “Взорваль”, “Я!”, “Затычка”, “Требник троих” и другие.

Впрочем, у набиравшего силу движения тут же появилась масса эпигонов и подражателей, пытающихся на волне модного литературного течения превратить свои опусы в ходовой товар, не чуждый этакого “модерна”, и забывающих, что подражание полезно только для учебы. И можно вполне согласиться с утверждением О. Рыковой о том, что “поэты-футуристы, несмотря на общность предъявленных манифестов, безусловно различались творческими исканиями и глубиной. Бездарности пользовались одним лишь

1 “Заумники”. — Баку, 1922.

2 Вагнер М. И. Там же.

эпатажем, а истинные поэты со временем "переросли" существующее движение и остались в литературном процессе конкретными личностями — по-другому и быть не могло¹.

Весной 1914 года была предпринята попытка создать "официоз" кубофутуризма, каким должен был стать "Первый журнал русских футуристов", вышедший в созданном братьями Бурлюками "Издательстве первого журнала русских футуристов". Но издание прекратилось после первого номера — началась война.

Это самым непосредственным образом коснулось "Гилей", которая к концу 1914 года прекратила свое существование как единая группа². Ее члены пошли каждый своим путем. Многие футуристы покинули Москву и Петроград, скрываясь от призыва, либо, напротив, попав на фронт.

Молодежь, в мирное время составлявшая основную благодатную аудиторию футуристов, была мобилизована. Интерес в обществе к "футуристическим дерзостям" стал быстро падать.

При всех кардинальных внешних различиях история кубофутуризма в России поразительно напоминает судьбу русского символизма. Такое же яростное непризнание на первых порах, тот же шум при рождении (у футуристов только значительно более сильный, перераставший в скандал). Вслед за этим быстрое признание передовых слоев литературной критики, триумф, огромные надежды. Внезапный срыв и падение в пропасть в тот момент, когда казалось, что перед ним открылись небывалые доселе в русской поэзии возможности и горизонты.

Исследуя футуризм на заре его зарождения, Николай Гумилев писал: "Мы присутствуем при новом вторжении варваров, сильных своею талантливостью и ужасных сво-

ею небрезгливостью. Только будущее покажет, "германцы" ли это, или... гунны, от которых не останется и следа"¹.

Что ж, сегодня, по прошествии почти столетия, можно с уверенностью сказать, что искусство многих "будетлян" выдержало испытание временем.

1 Из вступительной статьи к сборнику: "Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания". — М.: Наследие, 1999.

2 Некоторые исследователи считают временем фактического прекращения существования "Гилей" 1920 год, связывая распад группы с отъездом за рубеж ее лидера Д. Бурлюка.

1 Гумилев Н. "Письма о русской поэзии" // Аполлон. 1914. № 1.

ДАВИД БУРЛЮК

(1882–1967)

Давид Давидович Бурлюк, “лучший художник среди поэтов и лучший поэт среди художников”, как он сам себя рекомендовал, был на самом деле лучшим продюсером начала XX века. Начиная Бурлюк как художник, даже участвовал в знаменитой выставке “Бубновый валет” (декабрь 1910) и в дальнейшем являлся активным членом одноименного художественного общества. Тогда же Бурлюк принял участие в первых поэтических альманахах — “Студия импрессионистов” и “Садок судей”, которые явились началом русского футуризма.

Он же, как принято сейчас говорить, “раскрутил” успешный проект под названием “Гилея”, объединив вокруг себя группу поэтов и художников, названных впоследствии кубофутуристами. Главной “звездой” Бурлюка стал Маяковский, которого, по словам Шершеневича, “он поднес на блюде публике, разжевал и положил в рот. Он был хорошим поваром футуризма и умел “вкусно подать” поэта”¹. Именно его скандальная фигура в глазах общест-венности стала воплощением сущности футуризма.

В 1918 г. Бурлюк покинул Москву, гастролировал по городам Сибири и Дальнего Востока, пропагандируя творчество футуристов. В 1920 г. уехал в Японию, а оттуда в 1922-м — на постоянное жительство в США.

¹ Шершеневич В. Великолепный очевидец // Сборник “Мой век, мой друзья и подруги”. — М.: Московский рабочий, 1990.

ДАВИД БУРЛЮК

* * *

Ор. 30. Внизу журчит источник светлый,
Вверху опасная стезя,
Созвездия вздымают метлы,
Над тихой пропастью скользят.
Мы все приникли к коромыслам
Под блеском ясной синевы,
Не уклоняясь от смысла
И Я, и ТЫ, и МЫ, и ВЫ.

1908

* * *

Ор. 8. Шестиэтажный возносился дом
Чернели окна скучными рядами
И ни одно не вспыхнуло цветом
Звуча знакомыми следами.
О сколько взглядов пронизало ночь
И бросилось из верхних этажей.
Безумную оплакавшие дочь
Под стук не спящих сторожей.
Дышавшая на свежей высоте
Глядя в окно под неизвестной крышей
Сколь ныне чище ты и жертвенно святей
Упавши вниз ты вознеслася выше¹.

[1910]

¹ Читателей не должна смущать необычная пунктуация в некоторых из публикуемых здесь стихотворений. Бурлюк, Каменский, Крученых и другие футуристы смело шли на радикальные изменения в принципе построения литературного текста: в частности, искоренение синтаксиса, уничтожение прилагательных, наречий, знаков препинания. Некоторые их стихи, взятые из сборников 1910-х годов, еще не “причесанные” поздними советскими изданиями, лучше (на взгляд составителя) отражают авторскую волю. В них сохранены все особенности оригинального издания. — *Примеч. ред.*

* * *

Ор. 9. Немая ночь людей не слышно
 В пространствах царствие зимы.
 Здесь вьюга намедает пышно
 Гробницы белые средь тьмы
 Где фонари где с лязгом шумным
 Скользят кошмарно поезда
 Твой взгляд казался камнем лунным
 Он как погасшая звезда.
 Как глубоко под черным снегом
 Прекрасный труп похоронён.
 Промчись промчись же шумным бегом
 В пар увиясь со всех сторон.

[1910]

Праздно голубой

Зеленый дух, метнул как смело камень
 В глубь озера, где спали зеркала,
 Взгляни теперь, как яркий вспыхнул пламень,
 Где тусклая гнездилась мгла.
 Как бессердечен ты, во мне проснулась жалость
 К виденьям вод, разрушенным тобой.
 Тебя сей миг сдержать хотелось малость
 Над бездной праздно голубой.

[1910]

Лето

Ленивой лани ласки лепестков
 Любви лучей лука
 Листок летит лиловый лягунов

Лазурь легка
 Ломаются летуны листокрылы
 Лепечут ЛОПАРИ ЛАЗОРЕВЫЕ ЛУН
 Лилейные лукавствуют леилы
 Лепотствует ленивый лгун
 Ливан лысейший летний ларь ломая
 Литавры лозами лить лапы левизну
 Лог лексикон лак люди лая
 Любовь лавины = латы лъну.

1911

* * *

Поля черны, поля темны
 Влеки влеки шипящим паром.
 Прижмись доскам гробовым нарам —
 Часы протяжны и грустны.
 Какой угрюмый полустанок —
 Проклятый остров средь морей,
 Несчастный каторжник приманок,
 Бегущий зоркости дверей.
 Плывет копящий стеарин,
 Вокруг *безмерная Россия*,
 Необозначенный Мессия
 Еще не созданных годин.

1912

* * *

Ор. 59. Корпи писец хитри лабазник
 Ваш проклят мерзостный удел
 Топчи венец мой-безобразник
 Что онаглел у сытых дел

Я всё запомню непреклонно
И может быть когданибудь
Стилет отплаты пораженной
Вонзит вам каменную грудь

[1913]

«Копья весны»

Ор. 68. Звени пчела порхая над цветами
Жизнь тяжела — построена не нами
Проклятый труд гнетет нас с колыбели
Одни умрут другие вновь запели
Прискучили слова озлоблены напевы
И терпим мы едва призыв трескучей девы
Звени пчела трудясь с колыбели
Жизнь тяжела объятиях метели

[1913]

И. А. Р.

Ор. 75. Каждый молод молод молод
В животе чертовский голод
Так идите же за мной...
За моей спиной
Я бросаю гордый клич
Этот краткий спич!
Будем кушать камни травы
Сладость горечь и отравы
Будем лопать пустоту
Глубину и высоту
Птиц, зверей, чудовищ, рыб,
Ветер, глины, соль и зыбь!
Каждый молод молод молод
В животе чертовский голод

Все что встретим на пути
Может в пищу нам идти.

[1913]

* * *

Закат маляр широкой кистью
Небрежно выкрасил дома
Не побуждаемый корыстью
Трудолюбивый не весьма
И краска эта так непрочна
Она слиняла и сошла
Лишь маляра стезя порочна
К забавам хмельным увела

[1913]

* * *

Солнцу светить ведь не лень,
Ветру свистеть незадача,
Веточку выбросит пень,
Море жемчужину, плача.
Мне же не жалко часов,
Я не лишуся охоты
Вечно разыскивать слов
Дружно шагающих роты...

[1914]

* * *

Ушел и бросил беглый взгляд
Неуловимого значенья,

И смутно окрылился зад
Им зарожденного влеченья,
Проткнулась тощая стезя
И заколдованные злаки
Лишь рвутся следом, егозя,
Воспоминая раки.

[1914]

* * *

Звуки на а широки и просторны,
Звуки на и высоки и проворны,
Звуки на у, как пустая труба,
Звуки на о, как округлость горба,
Звуки на е, как приплюснутость мель,
Гласных семейство смеясь просмотрел.

[1915]

* * *

Кинулся — камни, а щелях живут скорпионы...
Бросился бездну, а зубы проворной акулы...
Скрыться высотам? — разбойников хищных аулы.
Всюду таится *Дух Гибели* вечнобессонной!

[1916]

Василий Каменский

(1884–1961)

Василий Васильевич Каменский — поэт, прозаик, художник, пропагандист нового искусства. Входил в группу футуристов, где занимал ведущие позиции. В своих стихах он стремился объединить слово и изображение, использовал комбинации различных шрифтов и вводил в произведения графические элементы, добиваясь чтобы литературный текст воспринимался еще и как произведение изобразительного искусства.

Каменского завораживало обращение к истокам слова: звукоподражательные образы (чурлю-журль, циинь-цивью), тавтологии (развеснилась весна, колоколят колокола) и подобные им слово- и звукосопряжения не просто расширяют музыкальное пространство его стиха, но и создают иллюзию слитности всего со всем в первичном ощущении природы. Лучшие стихи Каменского, безудержно эмоциональные, пронизаны волей и ветром, удалью и силой.

В кабаке

Душно. Накурено. Пестрые звуки
Праздно-болтливых гостей.
С музыкой пошлой безумства и скуки
Дико сплелись... Ах, скорей
Только б скорей облегчить эти муки...
Жизнь — тоска!
Пей...

Тусклые лица, сухие, измятые,
 В волнах табачных горят.
 Громко смеются тоскою объятые,
 Весело все говорят.
 Все об одном, как слепые, заклые:
 Жизнь — тоска!
 Пей...

Женщин холодные, пошлые ласки,
 Скорбь в искаженных чертах,
 Пьяные слезы, дешевые краски,
 Правда на лживых устах.
 Все здесь слилось в вихре огневой пляски.
 Жизнь — тоска!
 Пей...

[1908]

Морская

Есть страна Дальняя
 Есть страна Дания
 Есть имя Анния
 Есть имя — Я.
 В пальмах раскинута
 Синь — Океания
 Синь — Абиссиния
 Синь — Апельсиния
 Синь — облака.

Где-то покинута
 Девушка с острова
 Острая боль глубока.
 Девушка Анния
 Мною покинута

Жить и томиться
 В шатре рыбака.

Может вернусь я
 Может погибну
 Может другую
 Найду полюблю.
 Девушку Аннию
 Раннею грустью
 Раннему устью —
 Отдам кораблю.

Девушки — девушки
 Рыжие девушки
 Вы для поэта —
 Березовый сок.

В море трава ли
 Чайки летали
 Чайки играли
 Целовали песок.

1912

Сарынь на кичку!

(Из поэмы "Степан Разин")

А ну, вставайте,
 Подымайте паруса,
 Зачинайте
 Даль окружающую,
 Звонким ветром
 Раздувайте голоса,
 Затевайте
 Песню дружную.

Эй, кудрявые,
 На весла налегай —
 Разом
 Ухнем,
 Духом
 Бухнем,
 Наворачивай на гай.
 Держи
 Май
 Разливье
 Май, —
 Дело свое сделаем, —
 Пуще
 Гуще
 Нажимай,
 Нажимай на левую.
 На струг вышел Степан —
 Сердцем яростным пьян.
 Волга — синь-океан.
 Заорал атаман:
 “Сарынь на кичку!”
 Ядреный лапоть
 Пошел шататься
 По берегам.
 Сарынь на кичку!
 В Казань!
 В Саратов!
 В дружину дружную
 На переключку,
 На лихо лишное
 Врагам!
 Сарынь на кичку!
 Бочонок с брагой
 Мы разошьем
 У трех костров,
 И на привольи

Волжской брагой
 Зарядим пир
 У островов,
 Сарынь
 На
 Кичку!
 Ядреный лапоть,
 Чеши затылок
 У перса-пса.
 Зачнем
 С низовья
 Хватать,
 Царапать
 И шкуру драть —
 Парчу с купца.
 Сарынь
 На кичку!
 Кистень за пояс,
 В башке гудит
 Разгул до дна.
 Свисти!
 Глуши!
 Зевай!
 Раздайся!
 Слепая стерва,
 Не попадайся! Вва!
Сарынь на кичку!
 Прогремли горы.
 Волга стала
 Шибче течь.
 Звоном отзвенели
 Осторожные затворы.
 Сыпалась горохом
 По воде картечь.

Грустинница

А. Коонен —
Вашей пластической солнцевейности

О не грусти грустинница
 У грустного окна —
 В небе льет вестинница
 Весенится луна.
 Цветут дороги бросные
 Качаются для гроз —
 Твои ресницы росные
 Венчаются для слёз.
 А розы в мае майные
 В ветвинностях близки
 Желанья неутайные
 Девинности тоски.
 Пойми покой томительный
 В мерцании огней —
 Вино свирели длительно
 Перед лампадой дней.
 В твою ли девью келию
 Мне грешному войти —
 Ведь все равно к веселию
 Мне не найти пути.
 О негрусти грустинница —
 Я тоже одинок —
 Томись и спи невинница
 Жених твой грустноок.

[1917] 1918

Эмигрант качается изысканно

К. Д. Бальмонт —
кто всегда цветет Юностью

Из Англии по Атлантическому океану
 На корабле плыву домой.
 Я накурился и немного пьяный
 Качаюсь бешено с кормой.

Вся — как бердслейская виньетка —
 Незнаю молодо или старо —
 На палубе сидит брюнетка
 С шотландских островов.

Гуд дэй. Приподнимаю шляпу
 Небрежно кэпстэном дымя —
 У ног ее терьерик лижет лапу
 Своей уютностью томя.

Брюнетка что то говорит
 И хочется мне петь.
 На солнце золотом горит
 Начищенная медь.

Я на барьер слегка прилег
 Встречая вихрь течений
 Мой глаз прищуренный далек
 От пошлых приключений.

В России тягостный царизм
 Скатился в адский люк —
 Теперь царит там футуризм
 Каменский и Бурлюк.

Брюнетка что то говорит.
 Румяна — как заря.

И я готов держать пари
Что вообще все зря.

У мачты белый капитан
Уперся вдруг в бинокль.
Какой то пьяный шарлатан
Рисуется в монокль.

Какое дело мне до всех —
Уайльд иль Дарвин Чарльз.
И лень подумать — в чем успех.
Насвистываю вальс.

В России буду жить в лесу
Охотиться на зайцев.
Есть ветчину и колбасу
И огурцы и яйца.

Мои культурные пути
Полны чудес наитий.
Я гордо славлю примитив —
Гогена на Таити.

Брюнетка снова говорит.
Гуд бай. Мне надоело.
Скорей бы ночь на фонари
Чулки свои надела.

1918

Метель

Лиде Цеге — звуочальной встрече

Инеет иней.
Кружится снежно
В окно мятежная метель.

Я слышу Имя —
Сквозь свист небрежный —
Святое имя, как мой Апрель.
Инеет иней.
Снегом звездным
Плетутся в окна кружева.
Я слышу Имя.
Сном морозным
Моя судьба закружена.
Инеет иней.
Я будто путник
Сбился с дороги и без огня.
Я слышу Имя —
Как струны лютни —
Чудо спасет Поэта меня.
Инеет иней.
И я один ведь
И ты ведь лебедь — Всегда одна.
Пьянеет Имя.
Я тоже лебедь
На небе желтая луна видна.
Инеет иней.
В своей избушке
Я у окошка — весь роковой.
Я слышу имя.
Тепло к подушке
Прижался белой головой.
Инеет иней.
Взвывает снова
Метет мятежная метель.
Я слышу снежно слово
Кинь ей —
Отдай свирельный свой Апрель.
Инеет иней.
Утром солнечным
Пусть увезет судьба хранимая.

Я слышу Имя.
Путем окольных
Приеду вольничать любимая.

1918

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

(1885–1922)

“Колумб новых поэтических материков”, по выражению Маяковского, создатель “целой периодической системы слова” – Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников при жизни был признан не многими. Поэт-экспериментатор – он много сделал в области реформы поэтического языка. Он, как писал Мандельштам, “возился со словами, как крот, он прорыл... ходы для будущего на целое столетие”.

До сих пор считается, что уникальный характер творчества Хлебникова затрудняет восприятие его поэзии для широкого круга читателей. Хлебников использовал свободный интонационный стих, искал новые типы рифм, стремился постигнуть внутренний смысл слов, изобретал неологизмы, сохраняя при этом пристрастие к архаической лексике.

* * *

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.

В беспорядке диком теней,
 Где, как морок старых дней,
 Закружились, зазвенели
 Стая легких времирей.
 Стая легких времирей!
 Ты поюнна и вабна,
 Душу ты пьянишь, как струны,
 В сердце входишь, как волна!
 Ну же, звонкие поюны,
 Славу легких времирей!

Начало 1908

* * *

Вечер. Тени.
 Сени. Лени.
 Мы сидели, вечер пья.
 В каждом глазе — бег оленя,
 В каждом взоре — лет копыя.
 И когда на закате кипела вселенская ярь,
 Из лавчонки вылетел мальчонка,
 Провожаемый возгласом: “Жарь!”
 И скорее справа, чем правый,
 Я был более слово, чем слева.

<1908>

Заклятие смехом

Op. № 2

О, рассмейтесь, смехачи!
 О, засмейтесь, смехачи!
 Что смеются смехами, что смеянствуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!
 О, рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
 О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
 Смёйево, смёйево,
 Усмей, осмей, смешики, смешики,
 Смеюнчики, смеюнчики.
 О, рассмейтесь, смехачи!
 О, засмейтесь, смехачи!

[1908-1909]

* * *

Op. № 13

Бобэоби пелись губы
 Вээоми пелись взоры
 Пиээо пелись брови
 Лиээй пелся облик
 Гзи-гзи-гзэо пелась цепь
 Так на холсте каких-то соответствий
 Вне протяжения жило Лицо.

[1908-1909]

* * *

Мои глаза бредут, как осень,
 По лиц чужим полям,
 Но я хочу сказать вам — мира осям:
 “Не позволяю”.
 Хотел бы шляхтичем на сейме,
 Руку положив на рукоятку сабли,
 Тому, ответ желаний чей мы,
 Крикнуть, чтоб узы волю ослабли.

Так ясновельможный пан Сапега,
В гневе изумленном возрастая,
Видит, как на плечо белее снега
Меха надеты горностая.
И падает, шатаясь, пан
На обгаренный свой жупан...

<1911>

* * *

Когда над полем зеленеет
Стекланный вечер, след зари,
И небо, бледное вдали,
Вблизи задумчиво синее,
Когда широкая зола
Угасшего кострища
Над входом в звездное кладбище
Огня ворота возвела, —
Тогда на белую свечу,
Мчась по текучему лучу,
Летит без воли мотылек.
Он грудью пламени коснется,
В волне огнистой окунется,
Гляди, гляди, и мертвый лег.

1911-1912

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ
“КОНЬ ПРЖЕВАЛЬСКОГО”

(Отрывок)

У колодца расколется
Так хотела бы вода,
Что в болотце с позолотцей

Отразились повода.
Мчась, как узкая змея,
Так хотела бы струя,
Так хотела бы водица
Убегать и расходиться,
Чтоб, ценой работы добыты,
Зеленее стали чёботы,
Черноглазые, ея.
Шепот, ропот, неги стон,
Краска темная стыда,
Окна, избы с трех сторон,
Воют сытые стада.
В коромысле есть цветочек,
А на речке синей челн.
“На, возьми другой платочек,
Кошелек мой туго полн”. —
“Кто он, кто он, что он хочет?
Руки дики и грубы!
Надо мною ли хохочет
Близко тяткиной избы?
Или? Или я отвечу
Чернооку молодцу, —
О, сомнений быстрых вече, —
Что пожалуюсь отцу?
Ах, юдоль моя гореть!”
Но зачем устами ищем
Пыль, гонимую кладбищем,
Знойным пламенем стереть?

И в этот миг к пределам горшим
Летел я, сумрачный, как коршун.
Воззреньем старческим глядя
на вид земных шумих,
Тогда в тот миг увидел их.

[1912]

* * *

Когда умирают кони — дышат,
 Когда умирают травы — сохнут,
 Когда умирают солнца — они гаснут,
 Когда умирают люди — поют песни.

[1912]

* * *

Свобода приходит нагая,
 Бросая на сердце цветы,
 И мы, с нею в ногу шагая,
 Беседуем с небом на «ты».
 Мы, воины, строго ударим
 Рукой по суровым щитам:
 Да будет народ государем,
 Всегда, навсегда, здесь и там!
 Пусть девы спуют у оконца,
 Меж песен о древнем походе,
 О верноподданном Солнца —
 Самодержавном народе.

Апрель 1917

Я и Россия

Россия тысячам тысяч свободу дала.
 Милое дело! Долго будут помнить про это.
 А я снял рубаху,
 И каждый зеркальный небоскреб моего волоса,
 Каждая скважина
 Города тела
 Вывесила ковры и кумачовые ткани.
 Гражданки и граждане
 Меня — государства

276

Тысячеоконных кудрей толпились у окон.
 Ольги и Игоря,
 Не по заказу
 Радуюсь солнцу, смотрели сквозь кожу.
 Пала темница рубашки!
 А я просто снял рубашку —
 Дал солнцу народам Меня!
 Гольный стоял около моря.
 Так я дарил народам свободу,
 Толпам загара.

1921

Не шалить!

Эй, молодчики-купчики,
 Ветерок в голове!
 В пугачевском тулупчике
 Я иду по Москве!
 Не затем высока
 Воля правды у нас,
 В соболях-рысаках
 Чтоб катались, глумясь.
 Не затем у врага
 Кровь лилась по дешевке,
 Чтоб несли жемчуга
 Руки каждой торговки.
 Не зубами скрипеть
 Ночью долгою —
 Буду плыть, буду петь
 Доном-Волгою!
 Я пошлю вперед
 Вечеровые устрицы.
 Кто со мною — в полет?
 А со мной — мои други!

Февраль 1922

АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ

(1886–1968)

Алексей Елисеевич Кручёных — поэт и художник, умудрившийся за короткое время взорвать все привычные и устоявшиеся поэтические каноны. Родом из Херсонской губернии, он в начале 1910-х приехал в Петербург. Войдя в группу “Гилея”, Крученых стал активным деятелем и теоретиком русского футуристического движения. С его именем связано зарождение и развитие “зауми” — одного из самых радикальных направлений футуризма. Никто из футуристов не встретил такого непонимания и не подвергался такой уничижительной критике, как Кручёных.

После революции теории словотворчества и зауми, развиваемые Кручёных, естественно, не могли прижиться в советской литературе, хотя именно футуристы активно поддерживали эту самую власть. Сам же основатель зауми уцелел лишь чудом, но до конца своих дней был полностью выведен из литературного процесса, став на старости лет собирателем и торговцем редкими книгами и автографами.

3 стихотворения

*написанные на
собственном языке
от др. отличается:
слова его не имеют
определенного значения*

АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ

№ 1

Дыр бул щыл
убешщур
скуп
вы со бу
р л эз

№ 2

фрот фрон ыт
не спорю влюблен
черный язык
то было у диких
племен

№ 3

Та са мае
ха ра бау
Саем сию дуб
радуб мола
аль¹

[1913]

Смерть художника

привыкнув ко всем безобразьям
искал я их днем с фонарем
но увы! все изнасились проказы
не забыться мне ни на чем!

¹ Как указано самим автором, слова в этих литературных опытах не имеют смыслового значения. При чтении они, в первую очередь, воспроизводят первородную мелодику русской речи, воссоздают звучание слов так, как они могут восприниматься человеком, не знающим русского языка. Приведенная здесь подборка дает представление и о радикальных формах словотворчества футуристов, и о литературной атмосфере и поэтических вкусах того времени. Эти стихотворения несомненно ценны как явление культуры начала XX века.

и взор устремивши к бесплотным
я тихо но твердо сказал:
мир вовсе не рвотное —
и мордой уткнулся в Обводный канал...

[1913]

* * *

Я жрец я разленился
к чему все строить из земли
в покои неги удалился
лежу и греюсь близ свиньи

на теплой глине
испарь свинины
и запах псины
лежу добрею на аршины.

Какой то вестник постучался
разбил стекло —
с постели приподнялся
вдали крыло

и кажется мелькнуло
сурово-милое плечо
то перст или мигуло
иль уст свеча.

Мозгам вареным страшно
куда сокрылся он
как будто в рукопашной
с другим упал за небосклон

иль прозвенело серебро
в лучах невидимых

что вечно не старо
над низкой хижинкой.

Тут вспомнилась чиная
что грозноуста
смотрит обещающая
дни мясопуста

и томной грустью жажды
томиться сердце стало
вздохну не раз не дважды
гляжу в светало

гроза ли грянет к ночи
весенний студень глины
и вянет кочень
среди долины

он видел глаза какие
в жерлах ресничных плит
ну что ж! сто солнц спеки я
но уж, змея шипит

я строгий запах крылий
запомнил но с свининой
но тихо тихо вылей
чугун души кувшинный

[1913]

* * *

Уехала!
Как молоток
влетело в голову
отточенное слово,
вколочено напропалую!

— Задержите! Караул!
 Не попрощался.
 В Коджоры! —
 Бегу по шпалам,
 кричу и падаю под ветер.
 Все поезда
 проносятся
 над онемелым переносьем...

* * *

Ты отделилась от вокзала,
 покорно сникли семафоры.
 Гудел
 трепыхался поезд,
 горлом
 прорезывая стальной воздух.
 В ознобе
 не попадали
 зуб-на-зуб шпалы.
 Петлей угарной ветер замахал.
 А я глядел нарядно-катафальный
 в галстукее...
 И вдруг — вдогонку:
 — Стой! Схватите!
 Она совсем уехала? —
 Над лесом рвутся силуэты,
 а я — в колодезь,
 к швабрам,
 барахтаться в холодной одиночке,
 где сырость с ночью спят в обнимку.
 Ты на Кавказец профуфырила в экспрессе
 и скоро выйдешь замуж,
 меня ж — к мокрицам,
 где костоломный осьмизуб
 настезь
 прощелкнет...

* * *

Умчался...
 Уездный гвоздь — в селезенку!
 И все-ж — живу!
 Уж третью пятидневку
 в слякоть и в стужу
 — ничего, привыкаю —
 хожу на службу
 и даже ежедневно
 что-то дряблкое
 обедаю
 с кислой капустой.
 Имени ее не произношу.
 Живу молчалником.
 Стиснув виски
 стараюсь выполнить
 предотъездное обещание.
 Да... Так спокойнее —
 анемичником...
 Занафталиненный медикамен-
 тами доктор
 двенадцатью щипцами
 сделал мне аборт памяти...

* * *

Меня зажало в люк.
 Я кувыркаяюсь без памяти,
 Стучу о камень,
 Знаю — не вынырну!
 На мокрые доски
 молчалкою —
 плюх!..

* * *

У меня совершенно по иному дрожат скулы
 — сабель атласных кляц —
 когда я выкрикиваю:
 хыр дыр чулы
 заглушаю движенье стульев
 и чавкающий
 раз двадцать
 под поцелуем матрац...

[1919]

* * *

В полночь я заметил на своей простыне черного и
 твердого,
 величиной с клопа
 в красной бахrome ножек.
 Прижег его спичкой. А он, потолстел без ожога,
 как повернутая дном железная бутылка...
 Я подумал: мало было огня?...
 Но ведь для такого — спичка как бревно!...
 Пришедшие мои друзья набросали на него щепок,
 бумаги с керосином — и подожгли...
 Когда дым рассеялся — мы заметили зверька,
 сидящего в углу кровати
 в позе Будды (ростом с $\frac{1}{4}$ аршина)
 И, как би-ба-бо ехидно улыбающегося.
 Поняв, что это ОСОБОЕ существо,
 я отправился за спиртом в аптеку
 а тем временем
 приятели ввертели ему окурками в живот
 пепельницу.
 Топтали каблуками, били по щекам, поджаривали
 уши,
 а кто то накаливал спинку кровати на свечке.

Вернувшись, я спросил:
 — Ну как?
 В темноте тихо ответили:
 — Все уже кончено!
 — Сожгли?
 — Нет, сам застрелился...
 ПОТОМУ ЧТО, сказал он,
 В ОГНЕ Я УЗНАЛ НЕЧТО ЛУЧШЕЕ!

[1922]

Осень (Ландшафт)

Сошлись черное шоссе с асфальтом неба
 И дождь забором встал
 Нет выхода из досок водяного плена
 — С-с-с-ш-ш-ш —
 Сквозят дома
 Шипит и ширится стальной оскал!
 И молчаливо сходит всадник с неба
 — Надавит холод металлической души —
 И слякотной любовью запеленат
 С ним мир пускает
 Смертельный спазмы
 Пузыри —
 (Бульк:) пульс... бульз... бульзыри...

1926

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ

(1887-1938)

Бенедикт Константинович (Наумович) Лившиц получил блестящее образование, прекрасно знал классическую литературу, а также, отлично владея несколькими языками, — французскую поэзию. Писать стихи он начал еще в гимназии. Его первая книга “Флейта Марсия” (Киев, 1911) получила похвальный отзыв Брюсова, отметившего “культуру стиха”. Надо сказать, что поэтика Лившица была очень близка традициям символизма, и его сближение с кубофутуристами вызвало много вопросов. Лившиц стал едва ли не самым активным участником группы “Гилея” — не только как автор, но и теоретик движения. Однако он не подписывал манифесты футуристов, да и, в отличие от них, прекрасно владел “правильным” языком. На эту творческую раздвоенность не раз указывали критики. В итоге Лившиц не принял крайностей футуризма. Ему претило словотворчество Хлебникова и заумь Крученых, более важной он считал эстетическую основу стиха, его мелодичность, образность. Разрыв с футуристами был предопределен, а уход поэта на фронт в начале Первой мировой войны лишь констатировал этот факт.

Позже он выпустил несколько поэтических сборников, а также книгу мемуаров “Полутораглазый стрелец”, содержащую множество интересных фактов из истории русского футуризма. В 1937 году Лившиц был арестован, а годом позже расстрелян.

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ

Пьянители рая

Пьянитель рая, к легким светам
Я восхожу на мягкий луг
Уже тоскующим поэтом
Последней из моих подруг.

И, дальней песнию томимы,
Облокотясь на облака,
Фарфоровые херувимы
Во сне качаются слегка, —

И, в сновиденьях замирая,
Вдыхают заозерный мед
И голубые розы рая
И голубь розовых высот.

А я пою и кровь, и кремни,
И вечно-женственный гашиш,
Пока не вступит мой преемник,
Раздвинув золотой камыш.

1911

Вокзал

Давиду Бурлюку

Мечом снопа опять разбуженный паук
Закапал по стеклу корявыми ногами.
Мизерикордией! — не надо лишних мук,
Но ты в дверях жуешь лениво сапогами,

Глядишь на лысину, плывущую из роз,
Окоченелых роз молочного прилавка,
И в животе твоём под ветерком стрекоз
Легко колышется подстриженная травка.

Чугунной молнией извив овечьих брони!
 Я шею вытянул вослед бегущим овцам,
 И снова спит паук, и снова тишь и сонь
 Над мертвым — на скамье — в хвостах —
 виноторговцем.

1911

Предчувствие

Расплещутся долгие стены,
 И вдруг, отрезвившись от роз,
 Крылатый и благословенный
 Пленитель жемчужных стрекоз,

Я стану тяжелым и темным,
 Каким ты не знала меня,
 И не догадаюсь, о чем нам
 Увядавшее золото дня

Так тускло и медленно блещет,
 И не догадаюсь, зачем
 В густеющем воздухе резче
 Над садом очертится шлем, —

И только в изгнание поэта
 Возникнет и ложе твое,
 И в розы печального лета
 Архангел струящий копье.

1912

Степной знак

И снова — четырехконечный —
 Невеста невестных звезд,

О Русь, приемлешь ты заплечный
 Степных широт суровый крест.

И снова в поле, польском поле,
 Возведена на пламена,
 Сокровищница тайной воли
 И четырех ветров страна.

Ты видишь: на зверином стержне
 Вращающийся небосвод?
 Ты слышишь, слышишь: безудержней
 Плескания балтийских вод?

Не на Царьград и не на Вавель —
 На Торн ведет твой торный путь:
 В болотный мох, в лесную завяль
 Тебе ли плеч не оковать?

И не тебя ль, на диком взезде,
 Прошедшую свинцеворот
 Бичей, и вихрей, и созвездий,
 Десница всадника влечет?

В закат, где плещет плащаница
 Тебе завещанных зыбей,
 Где легче слова водружится
 Суровый знак степных скорбей?

1914

Дождь в Летнем саду

О, как немного надо влаги,
 Одной лишь речи дождевой,
 Чтоб мечущийся в саркофаге
 Опять услышать голос твой!

Мы легковерно ищем мира,
Низвергнув царствие твое,
И в связке ликторской секира
Утоплена по острие.

Но плеск — и ты в гранитном склепе
Шевелишься, и снова нов
Твой плен, и сестры всё свирепей
Вопят с Персеевых щитов:

Ничто, ничто внутрирубежный,
Двухвековой — ничто — союз!
И полон сад левобережный
Мятежным временем медуз.

1915

Казанский собор

И полукрут, и крест латинский,
И своенравца римский сон
Ты перерос по-исполински —
Удвоенной дугой колонн.

И вздыбленной клавиатуре
Удары звезд и лёт копыт
Равны, когда вдыхатель бури
Жемчужным воздухом не сыт.

В потоке легком небоската
Ты луч отвергнешь ли один,
Коль зодчий тратил, точно золото,
Гиперборейский травертин?

Не тленным камнем — светопада
Опоясался ты кольцом,

И куполу дана отрада
Стать Колумбовым яйцом.

1914

Дворцовая площадь

Копыта в воздухе, и свод
Пунцовокаменной гортани,
И роковой огневорот
Закатом опоенных зданий:

Должны из царства багреца
Извергнутые чужестранцы
Бежать от пламени дворца,
Как черные протуберанцы.

Не цвет медузиной груди,
Но сердце, хлещущее кровью,
Лежит на круглой площади:
Да не осудят участь вдовью!

И кто же, русский, не поймет,
Какое сердце в сером теле,
Когда столпа державный взлет —
Лишь ось жестокой карусели?

Лишь ропоты твои, Нева,
Как отплеск, радующий слабо,
Лелеет гордая вдова
Под куполом бескровным Штаба:

Завтра бросится гонец
В сирень морскую, в серый вырез, —
И расцветает наконец
Златой адмиралтейский ирис.

1915

Пророчество

Когда тебя петлей смертельной
Рубеж последний захлестнет,
И речью нечленораздельной
Своих первоначальных вод

Ты воззовешь, в бреду жестоком
Лишь мудрость детства восприяв,
Что невозможно быть востоком,
Навеки запад потеряв, —

Тебе ответят рев звериный,
Шуршанье трав и камней рык,
И обретут уста единый
России подлинный язык,

Что дивным встретится испугом,
Как весть о новобытии,
И там, где над проклятым Бугом
Свистят осинники твои.

[1918]

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

(1893–1930)

Владимир Владимирович Маяковский — один из лидеров кубофутуризма и русского авангардного искусства. В русской поэзии XX века ему принадлежит исключительная роль. Поэт вторгся в традиционную, утвердившуюся еще в XVIII веке силлабо-тоническую систему стихосложения, сильно преобразовав ее. Стих Маяковского опирался не на музыку ритма, а на смысловое ударение, на интонацию. Количество слогов в строке утратило в его стихах решающее значение, возросла и качественно изменилась роль рифмы, резко проявился разговорный характер стиха, воспринимаемого теперь на слух, с голоса. Это был принципиально новый шаг в развитии русской поэзии.

Революция во многом изменила взгляды Маяковского на общественную роль искусства. В поздний период творчества (фактически выполняя поэтический госзаказ) он отошел от футуризма. Судьба поэта сложилась трагично: неудачные обстоятельства в борьбе литературных групп и в личной жизни привели его к самоубийству.

А вы могли бы?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

[1913]

* * *

У-
лица
лица
У
Догов
Годов
Рез-
Че
Че-
Рез

Железных коней с окон бегущих домов
Прыгнули первые кубы
Лебеди шей колокольных гнитесь в силках проводов
В небе жирафий рисунок готов
Выпестрить ржавые чубы

Пестр как фо-
рель сы-
Н,

Безузорной пашни
Фокусник
Рельсы
Тянет из пасти трамвая скрыт циферблатами башни
Мы завоеваны
Ванны
Души
Лифт

Лиф
Души
Расстегнули
Тело
Жгут
Руки
Кричи не кричи "я не хотела"
Резок
Жгут
Муки
Ветер колючий трубе вырывает
Дымчатой шерсти клок
Лысый фонарь сладострастно снимает
С улицы синий чулок

[1913]

* * *

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтобы обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!
А после

ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
“Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!”
Послушайте!
Ведь если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

[1914]

А все-таки

Улица провалилась, как нос сифилитика.
Река — сладострастье, растекшееся в слюни.
Отбросив белье до последнего листика,
сады похабно развалились в июне.

Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людам страшно — у меня из рта
шевелит ногами непрожеванный крик.

Но меня не осудят, но меня не облают,
как пророку, цветами устелят мне след.
Все эти, провалившиеся носами, знают:
я — ваш поэт.

Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!
Меня одного сквозь горящие здания

проститутки, как святыню, на руках понесут
и покажут богу в свое оправдание.

И бог заплачет над моею книжкой!
Не слова — судороги, слипшиеся комом;
и побежит по небу с моими стихами под мышкой
и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.

[1914]

Кое-что по поводу дирижера

В ресторане было от электричества рыжо.
Кресла облиты в дамскую мякоть.
Когда обиженный выбежал дирижер,
приказал музыкантам плакать.

И сразу тому, который в бороду
толстую семгу вкусно нес,
труба — изловчившись — в сытую морду
ударил горстью медных слез.

Еще не успел он, между икотами,
выпихнуть крик в золотую челюсть,
его избитые тромбонами и фаготами
смяли и скакали через.

Когда последний не дополз до двери,
умер щекою в соусе,
приказав музыкантам выть по-зверьи —
дирижер обезумел вовсе!

В самые зубы туше опоенной
втиснул трубу, как медный калач,
дул и слушал — раздутым удвоенный,
мечется в брюхе плач.

Когда наутро, от злобы не евший,
 хозяин принес расчет,
 дирижер на люстре уже посиневший
 висел и синел еще.

[1914]

Себе любимому
 посвящает эти строки автор

Четыре.
 Тяжелые, как удар.
 “Кесарево кесарю — богу богово”.
 А такому,
 как я,
 ткнуться куда?
 Где для меня уготовано логово?

Если б был я
 маленький,
 как Великий океан, —
 на цыпочки б волн встал,
 приливом ласкался к луне бы.
 Где любимую найти мне,
 такую, как и я?
 Такая не уместилась бы в крохотное небо!

О, если б я нищ был!
 Как миллиардер!
 Что деньги душе?
 Ненасытный вор в ней.
 Моих желаний разнузданной орде
 не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,
 как Дант
 или Петрарка!

Душу к одной зажечь!
 Стихами велеть истлеть ей!
 И слова
 и любовь моя —
 триумфальная арка:
 пышно,
 бесследно пройдут сквозь нее
 любовницы всех столетий.

О, если б был я
 тихий,
 как гром, —
 ныл бы,
 дрожью объял бы земли одряхлевший скит.
 Я
 если всей его мощью
 выреву голос огромный —
 кометы заломят горящие руки,
 бросятся вниз с тоски.

Я бы глаз лучами грыз ночи —
 о, если б был я
 тусклый,
 как солнце!
 Очень мне надо
 сияньем моим поить
 земли отощавшее лонце!

Пройду,
 любвищу мою волоча.
 В какой ночи,
 бредовой,
 недужной,
 какими Голиафами я зачат —
 такой большой
 и такой ненужный?

[1916]

Лиличка!

Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
 Комната —
 глава в кручёныховском аде.
 Вспомни —
 за этим окном
 впервые
 руки твои, исступленный, гладил.
 Сегодня сидишь вот,
 сердце в железе.
 День еще — выгонишь,
 может быть, изругав.
 В мутной передней долго не влезет
 сломанная дрожью рука в рукав.
 Выбегу,
 тело в улицу брошу я.
 Дикий,
 обезумлюсь,
 отчаяньем иссекаюсь.
 Не надо этого,
 дорогая,
 хорошая,
 дай простимся сейчас.
 Все равно
 любовь моя —
 тяжкая гири ведь —
 висит на тебе,
 куда ни бежала б.
 Дай в последнем крике вырветь
 горечь обиженных жалоб.
 Если быка трудом уморят —
 он уйдет,
 разляжется в холодных водах.

Кроме любви твоей,
 мне
 нету моря,
 а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
 Захочет покоя уставший слон —
 царственный ляжет в опожаренном песке.
 Кроме любви твоей,
 мне
 нету солнца,
 а я и не знаю, где ты и с кем.
 Если б так поэта измучила,
 он
 любимую на деньги б и славу выменял,
 а мне
 ни один не радостен звон,
 кроме звона твоего любимого имени.
 И в пролет не брошусь,
 и не выпью яда,
 и курок не смогу над виском нажать.
 Надо мною,
 кроме твоего взгляда,
 не властно лезвие ни одного ножа.
 Завтра забудешь,
 что тебя короновал,
 что душу цветущую любовью выжег,
 и суетных дней взметенный карнавал
 растреплет страницы моих книжек...
 Слов моих сухие листья ли
 заставят остановиться,
 жадно дыша?

Дай хоть
 последней нежностью выстелить
 твой уходящий шаг.

26 мая 1916

Наш марш

Бейте в площади бунтов топот!
 Выше, гордых голов гряда!
 Мы разливом второго потопа
 перемоем миров города.

Дней бык пег.
 Медленна лет арба.
 Наш бог бег.
 Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
 Нас ли сжалит пули оса?
 Наше оружие — наши песни.
 Наше золото — звенящие голоса.

Зеленю ляг, луг,
 выстели дно дням.
 Радуга, дай дуг
 лет быстролетным коням.

Видите, скушно звезд небу!
 Без него наши песни вьем.
 Эй, Большая Медведица! требуй,
 чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
 В жилах весна разлита.
 Сердце, бей бой!
 Грудь наша — медь литавр.

[1918]

Мелкая философия на глубоких местах

Превращусь
 не в Толстого, так в толстого, —
 ем,
 пишу,
 от жары балда.
 Кто над морем не философствовал?
 Вода.

Вчера
 океан был злой,
 как черт,
 сегодня
 смиренней
 голубицы на яйцах.
 Какая разница!
 Все течет..
 Все меняется.

Есть
 у воды
 своя пора:
 часы прилива,
 часы отлива.
 А у Стеклова
 вода
 не сходила с пера.
 Несправедливо.

Дохлая рыбка
 плывет одна.
 Висят
 плавнички,
 как подбитые крыльшки.
 Плывет недели,
 и нет ей — ни дна,
 ни покрывки.

Навстречу
медленней, чем тело тюленье,
пароход из Мексики,

а мы —
туда.

Иначе и нельзя.

Разделение
труда.

Это кит — говорят.

Возможно и так.

Вроде рыбного Бедного —

обхвата в три.

Только у Демьяна усы наружу,

а у кита

внутри.

Годы — чайки.

Вылетят в ряд —

и в воду —

брюшко рыбешкой пичкать.

Скрылись чайки.

В сущности говоря,

где птички?

Я родился,

рос,

кормили соскою, —

жил,

работал,

стал староват...

Вот и жизнь пройдет,

как прошли Азорские

острова.

3 июля 1925

Атлантический океан.

Эгофутуризм

“Эгофутуризм” был другой разновидностью русского футуризма, но кроме созвучия названий по существу имел с ним очень мало общего. История эгофутуризма как организованного направления была слишком коротка (с 1911 до начала 1914 г.).

В отличие от кубофутуризма, который вырос из творческого содружества единомышленников, эгофутуризм был индивидуальным изобретением поэта Игоря Северянина.

В литературу он входил трудно. Начав с серии патристических стихов, затем пробовал себя в стихотворной юмористике и, наконец, перешел к лирической поэзии. Впрочем, лирику молодого автора газеты и журналы тоже не печатали. Издав в 1904–1912 гг. за свой счет 35 стихотворных брошюр, Северянин так и не обрел желанной известности.

Успех пришел с неожиданной стороны. В 1910 г. Лев Толстой с возмущением высказался о ничтожестве современной поэзии, приведя в качестве примера несколько строк из книжки Северянина “Интуитивные краски”. Впоследствии поэт с удовольствием разъяснял, что стихотворение было сатирико-ироническим, но Толстой воспринял и истолковал его всерьез. “Об этом мгновенно всех оповестили московские газетчики... после чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня сразу известным на всю страну! — писал он в своих воспоминаниях. — С тех пор каждая моя брошюра тщательно

комментировалась критикой на все лады, и с легкой руки Толстого... меня начали бранить все, кому не было лень. Журналы стали охотно печатать мои стихи, устроители благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них <...> участие..."¹

Чтобы закрепить успех, а возможно, и с целью создать теоретическую базу своему поэтическому творчеству, идейной и содержательной основой которого являлось самое обычное противопоставление поэта толпе, Северянин вместе с К. Олиповым (сыном поэта К. М. Фофанова) основывает в 1911 году в Петербурге кружок "Его", с которого, собственно, и начался эгофутуризм. Слово, в переводе с латыни означающее "Я — будущее", впервые появилось в названии сборника Северянина "Пролог. Эгофутуризм. Поэза грандос. Апофеозная тетрадь третьего тома" (1911).

Однако, в отличие от кубофутуристов, имевших четкие цели (атака на позиции символизма) и стремившихся обосновать их в своих манифестах, Северянин не имел конкретной творческой программы либо не желал ее обнародовать. Как он сам позднее вспоминал: "В отличие от школы Маринетти, я прибавил к этому слову [футуризм] приставку "эго" и в скобках "вселенский"... Лозунгами моего эгофутуризма были: 1. Душа — единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы. 6. Борьба со "стереотипами" и "заставками". 7. Разнообразие метров"².

Даже из простого сравнения этих заявлений с манифестами кубофутуристов видно, что никаких теоретических новшеств данная "программа" не содержит. В ней Северянин фактически провозглашает себя единственной и неповторимой поэтической личностью. Встав во главе созданного им нового течения, он изначально противопоставляет себя литературным единомышленникам. То есть неизбеж-

ный распад группы был предрешен самим фактом ее создания. И нет ничего удивительного, что в скором времени так и произошло.

Но это было позднее. А в январе 1912 года, несколько раньше московской "Гилеи", в Петербурге была создана "Академия эгопоэзии", под крышей которой вокруг своего лидера И. Северянина объединились еще не имевшие литературного опыта Г. Иванов, К. Олипов, и Грааль-Арельский (С. Петров). Ими был выпущен манифест Вселенского эгофутуризма под громким названием "Скрижали эгопоэзии", где предтечами нового литературного течения были объявлены, как ни странно, Мирра Лохвицкая и Константин Фофанов, чьи эстетические позиции были гораздо ближе поэтике символизма, чем эфемерному "искусству будущего". Впрочем, и сами тезисы, состоящие главным образом из громких фраз типа "человек — эгоист", "божество — Единца", "человек — дробь Бога", кроме заявленной в разделе II некоей опоры на теософию, ничего нового не содержали: все это встречалось в русской поэзии задолго до появления эгофутуризма.

Серьезной литературной программы у соратников не было, а в силу декларируемого ими же запредельного эгоизма не существовало и четкой организационной структуры. Подписавшие манифест не составляли *единой группы*. Георгий Иванов вскоре отдалился от Северянина, перейдя к акмеистам, остальных "академиков" вряд ли можно назвать сколько-нибудь заметными поэтами.

Очень точную характеристику эгофутуризма (как петербургского, так и позднего, московского) дает С. Авдеев: "Это течение было какой-то смесью эпигонства раннего петербургского декаденства, доведения до безграничных пределов "песенности" и "музыкальности" стиха Бальмонта (как известно, Северянин не декламировал, а пел на "поэзоконцертах" свои стихи), какого-то салонно-парфюмерного эротизма, переходящего в легкий цинизм, и утверждения крайнего эгоцентризма <...> Это соединялось с заимствованным у Маринетти прославлением современного города,

¹ "Встречи с прошлым". — М., 1982. Вып. 4.

² Там же.

электричества, железной дороги, аэропланов, фабрик, машин (у Северянина и особенно у Шершеневича). В эгофутуризме, таким образом, было все: и отзвуки современности, и новое, правда робкое, словотворчество (“поэза”, “окалошить”, “бездарь”, “олилиен” и так далее), и удачно найденные новые ритмы для передачи мерного колыханья автомобильных рессор (“Элегантная коляска” Северянина), и странное для футуриста преклонение перед салонными стихами М. Лохвицкой и К. Фофанова, но больше всего влюбленность в рестораны, будуары <...> кафе-шантаны, ставшие для Северянина родной стихией. Кроме Игоря Северянина (вскоре от эгофутуризма отказавшегося) это течение не дало ни одного сколько-нибудь яркого поэта”¹.

Северянин остался единственным из эгофутуристов, вошедшим в историю русской поэзии. Его стихи, при всей их претенциозности, а нередко и пошлости, отличались безусловной напевностью, звучностью и легкостью. Северянин, бесспорно, виртуозно владел словом. Рифмы его были необычайно свежи, смелы и удивительно гармоничны: “в вечернем воздухе — в нем нежных роз духи!”, “по волнам озера — как жизнь без роз сера”, и т. д.

Книги и концерты Северянина, наряду с кинематографом и цыганским романсом, стали фактом массовой культуры начала века. Сборник его стихов “Громокипящий кубок”², который сопровождал восторженным предисловием Федор Сологуб, завоевал небывалое признание читателей и выдержал с 1913 по 1915 год девять изданий!

В эти годы слава Северянина воистину граничила с идолопоклонством. Поэтические вечера ломались от восторженной публики, сборники стихов выпускались огромными тиражами — и расхватывались, как горячие пирожки. Особый успех принесли Северянину его “поэзоконцерты”, с которыми он объездил чуть ли не всю Россию, а после эмиграции выступал в Европе.

1 Авдеев С. В. Поэзия “серебряного века”: основные течения и взгляды на них. Доклад.

2 Северянин И. Громокипящий кубок. — М.: Гриф, 1913.

Творчество поэта (как, впрочем, и его личность) вызвало самые полярные оценки — от абсолютного неприятия до восторженного поклонения. Диапазон критических мнений представлял чрезвычайно широким. Был даже выпущен большой сборник аналитических статей, целиком посвященный его поэзии, — издание само по себе беспрецедентное: ни один из знаменитых поэтов, его современников (ни Блок, ни Брюсов, ни Бальмонт), такой книги не удостоивался¹.

Триумф Северянина пытались умалить свои же “эгоисты”. Например, К. Олипов, с некоторой долей основания считавший себя автором основных положений “Скрижалей эгопоэзии”, термина “поэза” и самого символа “Его”, не преминул публично заявить об этом. Северянин, раздраженный попытками оспорить его лидерство, расстался со своими апологетами, в необходимости сотрудничества с которыми, утвердившись как поэт, он не нуждался. Его больше занимало признание старших символистов. Наигравшись в “эго”, Северянин похоронил собственное изобретение, написав в 1912 году “Эпилог эгофутуризма”.

На некоторое время Северянин объединился с кубофутуристами (Маяковским, Д. Бурлюком и Каменским), к которым присоединился во время их турне по городам юга России в 1914 г. и принимал участие в их выступлениях в Крыму. Но его полемика с Маяковским вскоре привела к разрыву намечавшегося союза, что, впрочем, уже не имело для Северянина никакого значения. Дав имя и славу новому литературному течению, он сам при этом стал явлением нарицательным. А 27 февраля 1918 г. на вечере в Политехническом музее в Москве Северянин был провозглашен “королем поэтов”. Вторым стал Маяковский, третьим был признан К. Бальмонт (по другим сведениям — В. Каменский).

Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив...

1 Критика о творчестве Игоря Северянина. — М., 1916. (Сам поэт писал свой псевдоним через дефис — как второе имя. Но традиция писать “Северянин” как фамилию закрепилась так же прочно, как традиция толковать поэта односторонне — по его “экстазным” стихам.)

Между “Прологом эгофутуризма” и его “Эпилогом” прошел всего лишь год. После ожесточенной полемики Олиंपов и Северянин, наговорив друг другу множество неприятных слов, разошлись; затем публично отреклись от “Академии” Грааль-Арельский и Г. Иванов... Казалось, что хрупкому, еще не сформировавшемуся течению наступил конец. Но знамя эгофутуризма подхватил 20-летний Иван Игнатъев, создав “Интуитивную ассоциацию эгофутуристов” — новое литературное объединение, куда, кроме него, вошли также П. Широков, В. Гнедов и Д. Крючков. Их программный манифест “Граммата” характеризовал эгофутуризм как “непрестанное устремление каждого Эгоиста к достижению возможностей Будущего в Настоящем посредством развития эгоизма — индивидуализации, осознания, преклонения и восхваления “Я””, по существу повторяя те же расплывчатые, но весьма трескучие лозунги, что и предшествующие ему “Скрижали”.

Выступая в роли идейного вдохновителя и теоретика “Ассоциации”, Игнатъев (И. Казанский) стремился от общей символистской ориентации северянинского эгофутуризма перейти к более глубокому философскому и эстетическому обоснованию нового направления. Он писал: “Да, Игорь Северянин печатно отказался от эгофутуризма, но отказался ли от него эгофутуризм — это вопрос <...> ибо тот эгофутуризм, который был до ухода “мэтра школы”, — есть только эгосеверянизм”.

Активно занимаясь словотворчеством, которое он называл “словством”, Игнатъев считал, что “когда человек был один, ему не нужно было способов сношения с прочими, ему подобными существами <...> [Но] пока мы коллективцы, общезнители — слово нам необходимо. Когда же каждая особь превратится в объединенное Его — Я, слова отбросятся самособойно. Одному не нужно будет сообщения с другими”. Игнатъев утверждал, что “каждая буква имеет не только звук и цвет, — но и вкус, но и неразрывную от прочих литер зависимость в значении, осязание, вес и пространственность”¹.

¹ Игнатъев И. Эгофутуризм (1913) // Литературные манифесты от символизма до наших дней. — М.: XXI век — Согласие, 2000.

Не останавливаясь на словотворчестве, он широко проектировал визуальную поэзию, вводя в стихи графические композиции из слов, строк, математических символов и нотных знаков. Например, в одной из своей книг Игнатъев публикует стихотворение “Опус-45”, в постскриптуме к которому указывает, что данный текст “написан исключительно для взирания, слушать и говорить его нельзя”¹.

Понимая, что для популяризации нового течения необходима трибуна, Игнатъев организует собственное издательство “Петербургский глашатай”, успевшее выпустить 4 номера одноименной газеты, 9 альманахов и несколько книг эгофутуристов².

Другим представителем “Ассоциации” был скандально известный Василиск Гнедов, который своими эксцентричными выходками ничуть не уступал поднаторевшим в этом деле кубофутуристам. В одной из заметок того времени говорилось: “Василиск Гнедов, в грязной холщовой рубахе, с цветами на локтях, плюет (в буквальном смысле слова) на публику, кричит с эстрады, что она состоит из “идиотов””³.

Гнедов писал стихи и ритмическую прозу (поэзы и ритмеи) на основе старославянских корней, используя алогизмы, разрушая синтаксические связи. В поисках новых поэтических путей он пытался обновить репертуар рифм, предложив вместо традиционной (музыкальной) рифмы новое согласованное сочетание — рифмы понятий. В своем манифесте Гнедов писал: “Также крайне необходимы диссонансы понятий, которые впоследствии станут главным строительным материалом. Например: 1) ...коромысло — дуга: рифма понятий (кривизна); сюда же — небо, радуга... 2) Вкусовые рифмы: хрен, горчица... те же рифмы — горькие. 3) Обонятельные: мышьяк — чеснок. 4) Осязательные — сталь, стекло — рифмы шероховатости, гладкости... 5) Зри-

¹ Игнатъев И. Эшафот (Эгофутуры). — СПб.: Петербургский глашатай, 1913.

² Эти тоненькие “эдиции”, не превышавшие двух печатных листов, выходили в мягкой обложке и почти не имели иллюстраций; отсутствовала проза, рецензии и критические статьи. Их мизерные тиражи стали достоянием букинистов.

³ Философов Д. “Василиск и Вилли” // Газета “Речь”, 1913.

тельные — как по характеру написания... так и по понятию: вода — зеркало — перламутр и проч. 6) Цветные рифмы — <...> с и з (свистящие, имеющие одинаковую основную окраску (желт<ый> цвет); к и г (гортанные)... и т. д.”¹.

Впрочем, в историю литературы он вошел не как поэто-теоретик, новатор, а скорее как зачинатель нового жанра — поэтической пантомимы. Развивая программные положения “Ассоциации”, где слову как таковому отводилась минимальная роль, Гнедов покончил со словесным искусством окончательно и бесповоротно, создав цикл из 15 поэм под названием “Смерть искусству”. Все это сочинение умещалось на одной странице и последовательно сводилось к единственной букве, составившей поэму “Ю”, лишённую даже традиционной точки в конце. Цикл завершался знаменитой “Поэмой конца”, состоявшей из молчаливого жеста. В. Пяст вспоминал об исполнении этого произведения в артистическом кабаре “Бродячая собака”: “Слов она не имела и вся состояла только из одного жеста руки, поднимаемой перед волосами, и резко опускаемой вниз, а затем вправо вбок. Этот жест, нечто вроде крюка, и был всею поэмой. Автор поэмы оказывался в прямом смысле слова ее творцом и замыкал в себе весь спектр ее возможных интерпретаций от вульгарно-низового до возвышенно философского”².

Словом, по уровню эпатажности это произведение сродни знаменитому “Черному квадрату” К. Малевича. Что же касается философского смысла, то автор высказывания несколько приукрашивает реальность. В обиходе этот жест — рука, опускаемая на низ живота и резко отводимая вбок, — означает “а вот тебе!”, а еще точнее “пошел на...”. И вся парадоксальность его заключается по сути в смысловой замене векторов направления, где “на” фактически означает “от”.

С. Сигей, составитель сборника стихотворений Гнедова, рассуждая о его месте в авангардном движении XX века, заметил, что если Хлебников дал первый импульс слово-

творчества, Крученых стал родоначальником заумной поэзии, то Гнедов возвел жест на уровень литературного произведения, предвосхитив таким образом современные перформансы и боди-арт.

Столь подробный очерк об участниках течения эгофутуристов дан потому, что большинство из них, играя заметную роль в поэтическом процессе описываемого периода, в силу различных причин практически неизвестны современному читателю. А ведь наряду с лидерами “Интуитивной ассоциации” в движении эгофутуристов участвовало много других поэтов. Это и Павел Широков, сотрудничавший с Игнатъевым в “Петербургском глашатае”, который при всей своей приверженности эгофутуризму был все же достаточно традиционным поэтом. То же можно сказать и о другом члене Ареопага “интуитов”, Дмитриии Крючкове. Не стоит забывать о Константине Олимпове, одном из основателей первого кружка “Его”, который и после шумного разрыва с Северяниным продолжал исповедовать доктрины Вселенского эгофутуризма.

В альманахах и эдициях “Петербургского глашатая” публиковались также московские эгофутуристы Рюрик Ивнев и Вадим Шершеневич (будущий основатель имажинизма). Сюда же следует причислить и упоминавшегося уже Грааль-Арельского, и молодого поэта Всеволода Князева, покончившего жизнь самоубийством в 1913 г., не дождавшись выхода своего первого сборника стихов. Были среди эгофутуристов и такие персонажи, как Вадим Баян (В. Сидоров) — симферопольский купец, организатор крымского турне футуристов в 1914 году, главной особенностью творчества которого являлась, по словам И. Северянина, написавшего предисловие к книге его стихов, “изнеженная жеманность... [но] его напудренные поэмы, несмотря на некоторую раскованность темы, всегда остаются целомудренными”¹.

К эгофутуристам в юности причисляли себя многие яркие поэты, ни в какие группы не входившие, — например,

1 Гнедов В. “Глас о согласе и злогласе” // Серебряный век русской поэзии. — М.: Локид-Пресс, 2001.

2 Пяст Вл. Встречи. // М.: Новое литературное обозрение, 1997.

1 Баян В. Лирический поток. Лирионетты и баркароллы. — СПб.: т-во Вольфа, 1914.

А. Вертинский, в стилевом плане обнаруживавший определенную близость с “иронической лирикой” Северянина.

Одним словом, сообщество “эгоистов” представляется движением еще более разношерстным, чем его оппоненты “будетляне”. Это особенно заметно на примере другого печатного органа эгофутуристов — “Очарованный странник”¹, в котором участвовали Каменский, Н. Евреинов, М. Матюшин, публиковали свои стихи Сологуб, Северянин, Е. Гуро, З. Гиппиус.

В январе 1914 года Игнатъев покончил с собой, перерезав горло бритвой. С его смертью перестал существовать официальный рупор эгофутуризма — издательство “Петербургский глашатай”. И хотя еще некоторое время продолжал выходить альманах “Очарованный странник”, на страницах которого в последний раз прозвучало название литературной группы эгофутуристов, сам эгофутуризм постепенно утрачивал свои позиции и вскоре прекратил существование.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

(1887–1941)

Игорь Северянин — псевдоним Игоря Васильевича Лотарева. По материнской линии он доводился потомком Н. М. Карамзину. Уже первые книги надолго закрепили за Северяниным славу исключительно салонного поэта. Многие его стихи отличались манерностью; чрезмерное пристрастие к неологизмам и иностранной лексике приводило поэта на грань безвкусицы. В то же время Северянину принадлежит целый ряд произведений, для которых характерны красочность, выразительность и мелодичность поэтической речи, сложная рифмовка, наличие оригинальных стихотворных форм (триолетов, миньонет и др.).

Летом 1918 года поэт находился в Эстонии и после создания там буржуазной республики оказался в эмиграции. В поздних его стихах явственно ощущается драма разлуки с родиной.

Когда ночами...

Когда ночами всё тихо, тихо,
Хочу веселья, хочу огней,
Чтоб было шумно, чтоб было лихо,
Чтоб свет от люстры гнал сонм теней!

Дворец безмолвен, дворец пустынен,
Беззвучно шепчет мне ряд легенд..
Их смысл болезнен, сюжет их длинен,
Как змеи черных ползучих лент...

¹ В течение 1913–1916 гг. под редакцией Виктора Ховина вышло десять выпусков с подзаголовком “Альманах интуитивной критики поэзии”.

А сердце плачет, а сердце страждет,
Вот-вот порвется, того и ждешь...
Вина, веселья, мелодий жаждет,
Но ночь замкнула — где их найдешь?

Сверкните, мысли! Рассмейтесь, грезы!
Пускайся, муза, в экстазный пляс!
И что нам — призрак! И что — угрозы!
Искусство с нами — и Бог за нас!..

1909

Не понять

Отчего ты, дорогая, так ко мне несправедлива?
Отчего ты не простила? не сказала ничего?
Отчего не улыбнулась примирительно-стыдливо?
Отчего же, дорогая, отчего?

Что люблю в тебе — ты знаешь, как люблю —
тебе известно, —
Почему же мы расстались и обязаны чему?
Наша страсть неудержима, мы сплелись
друг с другом тесно,
Почему ж ты не вернешься? почему?

Ты страдаешь одиноко, я страдаю перед всеми,
Мы не можем жить в разлуке, но не можем — и вдвоем.
Что за странное проклятье нашей страсти
скрыто в семе?
Никогда, — о, никогда! — мы не пойдем...

Июль 1909

Мыза Ивановка

Интермеццо

Сирень моей весны фимьямною лиловью
Изнежила кусты в каскетках набекрень.
Я утопал в траве, сзывая к изголовью
Весны моей сирень.

“Весны моей сирень! — И голос мой был звончат,
Как среброгорлый май. — Дыши в лицо пьяней...”
О да! о, никогда любить меня не кончит
Сирень весны моей!

Моей весны сирень грузила в грезы разум,
Пила мои глаза, вплетала в брови сны,
И, мозг испепелив, офлёрила экстазом
Сирень моей весны...

1910

Это было у моря...

Поэма-мильонет

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...

Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната паж.

Февраль 1910

На реке форелевой

На реке форелевой, в северной губернии,
В лодке, сизым вечером, уток не расстреливай:
Благостны осенние отблески вечерние
В северной губернии, на реке форелевой.

На реке форелевой, в трепетной осинке
Хорошо мечтается над крутыми веслами.
Вечерет, холодно. Зябко спят малиновки.
Скачет лодка скользкими камышами рослыми.
На отложье берега лен расцвел мимозами,
А форели шустрятся в речке грациозами.

Август 1911

Мисс Лиль

Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки,
Алогубки-цветики жарко протяни...
В грязной репутации хорошенько выпачкай
Имя светозарное гения в тени...

Ласковая девонька! крошечная грешница!
Ты еще пикантнее от людских помой!
Верю, ты измучилась... Надо онездешниться,
Надо быть улыбочивой, тихой и немой.

Все мои товарищи (так зовешь нечаянно
Ты моих поклонников и незлых врагов...)

Как-то усмеваются и глядят отчаянно
На ночную бабочку выше облаков.

Разве верят скептики, что ночную бабочку
Любит сострадательно молодой орел?
Честная бесчестница! белая арабочка!
Брызгай грязью чистою в славный ореол!..

1911

Клуб дам

Я в комфортабельной карете, на эллипсических
рессорах,
Люблю заехать в златополдень на чашку чая
в женоклуб,
Где вкусно сплетничают дамы о светских дрязгах
и о ссорах,
Где глупый вправе быть не глупым, но умный
непреренно глуп.

О, фешенебельные темы! от вас тоска моя развеется!
Трепещут губы иронично, как земляничное желе...
— “Индейцы — точно ананасы, и ананасы —
как индейцы”...

Острит креолка, вспоминая об экзотической земле.

Градоначальница зевает, облокотясь на пианино,
И смотрит в окна, где истомно
бредет хмелеющий Июль.

Вкруг золотеет паутина, как символ ленных пленов
сплина,

И я, сравнив себя со всеми, люблю клуб дам
не потому ль?..

Июнь 1912

Эпилог “Эго-футуризм”

1

Я, гений Игорь-Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!

От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покори́л литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!

Я — год назад — сказал: “я буду!”.
Год отсверкал, и вот — я есть!
Я зрил в Олимпове Иуду,
Но не его отверг, а — мечь.

“Я одинок в своей задаче!” —
Прозрленно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.

Нас стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила
И не мужала от числа.

Она росла в своем единстве,
Самодержавна и горда, —
И, в чаровном самоубийстве,
Шатнулась в мой шатер орда...

От снегоскалого гипноза
Бежали двое в тлен болот;
У каждого в плече заноза, —
Зане болезнен беглых взлет.

Я их приветил: я умею
Приветить *всё*, — божи, Привет!
Лети, голубка, смело к змею!
Змея, обвей орла в ответ!

24-го Октября, 1912 г.

Полдень

В блёсткой тьме

В смокингах, в шик опроборенные, великосветские олухи
В княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупив.
Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказмно о порохе:
Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.

Каждая строчка — пощечина. Голос мой — сплошь
издевательство.

Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.
Я презираю вас пламенно, тусклые ваши сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!

Блёткая аудитория, блеском ты зло отуманена!
Скрыт от тебя, недостойная, будущего горизонт!
Тусклые ваши сиятельства! Во времена Северянина
Следует знать, что за Пушкиным были и Блок и Бальмонт!

1913

Поэза истребления

(Манифест Игоря Северянина)

Меня взорвало это “кубо”,
В котором все бездарно сплошь, —

И я решительно и грубо
 Ему свой стих точу, как нож.
 Гигантно недоразуменье, —
 Я не был никогда безлик:
 Да, Пушкин стар для современья,
 Но Пушкин — Пушкински велик!
 И я, придя к нему на смену,
 Его благоговейно чту:
 Как он — Татьяну, я Мадлену
 Упорно возвожу в Мечту..
 Меж тем как все поэзодельцы,
 И с ними доблестный Парнас,
 Смотря, как наглые пришельцы —
 О, Хам Пришедший! — прут на нас, —
 Молчат в волшбе оцепенений,
 Не находя ударных слов,
 Я, среди них единый гений,
 Сказать свое уже готов:
 Позор стране, поднявшей шумы
 Вкруг шарлаганов и шутов! —
 Ослы на лбах, “пьеро”-костюмы
 И стихотомы... без стихов!
 Позор стране, дрожащей смехом
 Над вырожденьем! — Дайте слез
 Тому, кто приравнял к утехам
 Призывы в смерть! в свинью! в навоз!
 Позор стране, встречавшей “ржаньем”
 Глумленье надо всем святым,
 Былым своим очарованьем
 И над величием своим!
 Я предлагаю: неотложно
 Опомниться! и твердо впредь
 Псевдоноваторов — острожно
 Иль игнорирно — но презреть!
 Для ободрения ж народа,
 Который впал в угрозный сплин,
 Не Лермонтова — “с парохода”,

А бурлюков — на Сахалин!
 Они — возможники событий,
 Где символом всех прав — кастет...
 Послушайте меня! поймите! —
 Их от сегодня больше нет.

Февраль 1914

Петербург

Увертюра

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
 Удивительно вкусно, искристо, остро!
 Весь я в чем-то норвежском!

весь я в чем-то испанском!

Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекот аэропланов! беги автомобилей!
 Ветропросвист экспрессов! Крылолет буэров!
 Кто-то здесь зацелован! там кого-то побили!
 Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
 Я трагедию жизни претворю в грезо-фарс...
 Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
 Из Москвы — в Нагасаки! из Нью-Йорка — на Марс!

Январь 1915

Томление бури

Сосны качались, сосны шумели,
 Море рыдало в бело-седом,
 Мы замолчали, мы онемели,
 Вдруг обеззвучил маленький дом.

Облокотившись на подоконник,
В думе бездумной я застывал.
В ветре галопом бешеным кони
Мчались куда-то, пенился вал.

Ты на кровати дрожно лежала
В полуознобе, в полубреду.
Сосны гремели, море рыдало,
Тихо и мрачно было в саду.

Съежились листья желтых акаций.
Рыжие лужи. Карий песок.
Разве мы смели утром смеяться?
Ты одинока. Я одинок.

*Июнь 1915
Эст-Тойла*

Рескрипт короля

Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосягаемым стихам.

Я так велик и так уверен
В себе, настолько убежден,

Что всех прощу и каждой вере
Отдам почтительный поклон.

В душе — порывистых приветов
Неисчислимое число.
Я избран королем поэтов, —
Да будет подданство светло!

1918

Любовь — беспричинность

Любовь — беспричинность. Бессмысленность даже,
пожалуй.

Любить ли за что-нибудь? Любится — вот и люблю.
Любовь уподоблена тройке, взбешенной и шалой,
Стремящей меня к отплывающему кораблю.

Куда? Ах, неважно... Мне нравятся рейсы без цели.
Цветенье магнолий... Блуждающий, может быть, лед...
Лети, моя тройка, летучей дорогой метели
Туда, где корабль свой волнистый готовит полет!

Топчи, моя тройка, анализ, рассудочность, чинность!
Дымись кружевным, пенно-пламенным белым огнем!
Зачем? Беззачемно! Мне сердце пьянит
беспричинность!

Корабль отплывает куда-то. Я буду на нем!

1919

Элегия изгнания

В моем добровольном изгнание
Мне трудно представить, что где-то

Есть мир, где живут и мечтают,
 Хохочут и звонко поют.
 Да полно! не только мечтанье —
 Соблазны культурного света?
 Не всюду ли жизнь проживают
 Как я в заточении тут?

И разве осталась культура,
 Изыски ее и выборы,
 Утонченные ароматы
 Симфоний, стихов и идей?
 И разве полеты Амура
 Ткут в воздухе те же узоры?
 И разве мимозы не смяты
 Стопой озверелых людей?

Вот год я живу, как растение,
 Спасаясь от ужасов яви,
 Недавние переживанья
 Считаю несбыточным сном.
 Печально мое заточенье,
 В котором грущу я по славе,
 По нежному очарованью
 В таком еще близком быллом...

Классические розы

*Как хороши, как свежи были розы
 В моем саду! Как взор прельщали мой!
 Как я молил весенние морозы
 Не трогать их холодною рукой!*

И. Мятлев. 1843 г.

В те времена, когда роились грезы
 В сердцах людей, прозрачны и ясны,
 Как хороши, как свежи были розы
 Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
 Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
 Как хороши, как свежи нынче розы
 Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы.
 Вернуться в дом Россия ищет троп...
 Как хороши, как свежи будут розы,
 Моей страной мне брошенные в гроб!

1925

ВАСИЛИСК ГНЕДОВ
(1890–1978)

Василиск (Василий Иванович) Гнедов фактически оказался главным эгофутуристом после ухода из их рядов Игоря Северянина. Самый активный и самый скандальный поэт “Интуитивной Ассоциации Эгофутуризма”, Гнедов стал в литературных кругах “enfant terrible”, своими эксцентричными выходками ничуть не уступая в скандальности и популярности таким ярким фигурам, как Маяковский, Крученых, Бурлюк.

Гнедов писал стихи и ритмическую прозу на основе старославянских корней, используя алогизмы, разрушая синтаксические связи. Он также выдвинул иной способ рифмовки — понятийный. Однако в истории литературы он больше известен не как теоретик, а как автор нашумевшей “Поэмы конца”, сводившейся в итоге к одному-единственному не совсем приличному жесту. Его крайняя в эстетическом отношении позиция была больше близка к “гилейцам”. К. Чуковский охарактеризовал Гнедова как “тайного кубо-футуриста, ничем не связанного с традициями эго-поэзии”.

Азбука вступающим

Посолнцезеленуленьгоскю
Перепелусатошершавит
Осиянноносипоносит

ВАСИЛИСК ГНЕДОВ

Красносерпопроткнувшему жаба
Кудролещеберезевеньиспой
Переспойулетилосолнцем
Насчитаютдураками
Амыдуракилучшеумных

1913 по Р. X.

Летана

И. В. Игнатьеву

Уверхаю лёто на муравой
Крыло уверхаю по зеленке.
Сторожую Лёто-дом горавый...
Дёрзо под рукой каленки...
Лёто-дом сторожкий, часый —
Круговид — не сной глаз —
Пеленит пеленку газой,
Цветой соной Летка нас...
Уверхаю лёто! Крыло уверхаю!..

[1913]

Придорогая думь

Ранцода

Ах! дуб — белый — белый —
Властник гигантый Верши —
Куст передумки-свирели —
Звон залихваткой пляши...
Листник в Голубку закрапан —
Небо в листник вполоснуто...
Эх! Дубы́-беляки, ржавленки-дубцы,

Крапкие ржавки свирели,
Дубкие ветигудцы...
Ах! Дуб — белый — белый —
Куст придорогой свирели...

[1913]

Муравая
Эскиз

Крик...
Блик...
Да двадцать улик...
Травой отравой —
Зеленко-муравой...

Смерть искусству
Пятнадцать (15) поэм

Поэма 1

СТОНГА
Полынчается — Пепелье Душу.

Поэма 2

КОЗЛО
Бубчики Козлевая — Сиреня. Скрымь Солнца.

Поэма 3

СВИРЕЛЬГА
Разломчено — Просторечевье... Мхи-Звукопас.

Поэма 4

КОБЕЛЬ ГОРЬ
Затумло-Свирельжит. Распростите.

Поэма 5

БЕЗВЕСТИЯ
Пойму — пойму — возьмите Душу.

Поэма 6

РОБКОТ
Сом! — а — ви — ка. Сомка! — а — виль — до.

Поэма 7

СМОЛЬГА
Кудрени — Вышлая Мораль.

Поэма 8

ГРОХЛИТ
Сереброй Нить — Коромысля. Брови.

Поэма 9

БУБАЯ ГОРЯ
Буба. Буба. Буба.

Поэма 10

ВОТ
Убезкраю.

Поэма 11

ПОЮЙ
у —

Поэма 12

ВЧЕРАЕТ
Моему Братцу 8 лет. — Петруша.

Поэма 13

Издеват

Поэма 14

Ю

Поэма Конца (15)

ВАСИЛИСК ГНЕДОВ

На возле бал

Слезетки невеселий заплакучились на Текивой,
Борзо гагали веселям — березячьям охотеи —

Веселочьем сыпало перебродье Грохло
Голоса двоенились на двадцать кричаков —

Засолнило на развигой листьяге —
Обхвачена целовами бьетая ненасыта, —

И Вы понимаете в этом что-нибудь:
Слезетки эти — плакуха — извольте — Крыса...

[1914]

* * *

Выступают жаворонки ладно
Обратив коготья пухирядна
Преподав урок чужих законов
Ковьяют лоном кони
Когтем сжимая сонце
Положив язык на грани.
Может был проездом на Уране
А теперь петля кобыле
Были ноги было сердце
Были.

[1914]

[1913]

ИВАН ИГНАТЬЕВ

(1892–1914)

Иван Васильевич Игнатъев (наст. фамилия Казанский) до знакомства с футуристами сотрудничал в периодических изданиях, печатал стихи, рассказы, театральные рецензии. После разрыва отношений Игоря Северянина с эгофутуристами Игнатъев стал его преемником и возглавил движение. Он образовал “Интуитивную Ассоциацию Эгофутуризма”, где стремился к философскому и эстетическому обоснованию нового направления как интуитивного творчества индивида. В итоге новое лицо эгофутуризма стали определять поэты-радикалы, эпатажные экспериментаторы. Сам Игнатъев вводил в стихи математические знаки, нотную запись, проектируя визуальную поэзию, создавал образцы спонтанной прозы, фиксирующие нечто похожее на “поток сознания”.

Он выступал как теоретик, критик, поэт; основал издательство “Петербургский глашатай”, выпускал одноименную газету, издавал альманахи и ряд книг эгофутуристов. В январе 1914 года Игнатъев покончил жизнь самоубийством. С его смертью издательство прекратило существование и “ареопаг” эгофутуристов распался.

* * *

Василиску Гнедову

Почему Я не Арочный Сквозь?
Почему Плен Судьбы?

ИВАН ИГНАТЬЕВ

Почему не средьмирная Ось,
А Средьмирье Борьбы?

Почему не Желая живу?
Почему уМИРАЮ ЖИВЯ?
Почему оживая уМРУ?
Почему Я — лишь я.

Почему Я Мое — Вечный Гид,
Вечный Гид без ЛИЦА?
Почему Бесконечность страшит
Безначальность Конца?

Я не знаю Окружности Ключ.
Знаю — кончится Бег.
И тогда Я увижу всю Звучь
И услышу Весь спектр.

[1912]

Мигающее пламя

Взоры Проклятьем молитвенны.
В отмели чувств
Серые рытвины
Медлительны, как лангуст.

Сердце Бодрю Отчаяньем,
Пью ужас закрыв глаза.
Бесцельно раскаянье —
Тихая гроза.

Жду. Кончаются лестницы —
Неравенства Светлый Знак...
Начертит Какая Кудесница
Новый Зодиак?

[1913]

Opus: + – s :

В. С. Мейерхольду

Улыбнется Ведьма Элегическая
Шакалом Проспектных снов.
Перебираются на небо вывески Венерические
По плечам Растущих Дворцов.

Обезьянье в капуги собрано
И причесан, надушен Дух.
Остаток
Когтей в Перчатках –
Притаился – Потух.

Расстегните Шокирующую Кнопку
И садитесь в Аэро-кеб.
Я промчу Вас Мудрую Тропкой
В республику Покоренных Амеб.

[1913]

Opus : – 45

н
Величайшая
Е
Рье
умомАс
е
б
е

P. S. Opus: – 45 написан исключительно для взирания,
слушать и говорить его нельзя.

[1913]

Три погибели

Я выкую себе совесть из Слоновой кости
И буду дергать ее за ниточку, как паяца.
Черные розы вырастут у Позолоченной Злости
И взорвется Подземный Треугольник Лица.

Я зажгу Вам Все Числа Бесчисленной Мерзости,
Зеленые Сандвичи в Бегающих пенсне.
Разрежьте, ретортами жаля, отверзость и
Раи забудутся от Несущих стен.

[1913]

* * *

Аркан на Вечность накинуть
И станет жалКОЮ она в РУКЕ.
Смертью Покинутый
Зевнет Судьбе.

Заглянуть в Вентилятор Бесконечности,
Захлопнуть его торопливо ВНОВЬ.
Отдаться Милой беспечности,
Бросив в Снеготаялку Любовь.

[1913]

* * *

Тебя, Сегодняшний Навин
Приветствую Я радиопешей.
Скорей на Марсе Землю Вешай
И фото Бег останови.

Зажги Бензиной зажигалкой
Себе пять Солниц и сорок Лун
И темпом Новым и Нежалким
Завертит Космос свой Валун.

[1913]

* * *

Я пойду сегодня туда, где играют веселые вальсы,
И буду плакать, как изломанный Арлекин.
А она подойдет и скажет: — Перестань! Не печалься! —
Но и с нею вместе я буду один.

Я в этом саване прощальном
Целую Лица Небылиц
И ухожу дорогой Дальней
Туда к Границе без Границ.

19. XI. 1913

“Мезонин поэзии”

Следует выделить в особую группу еще одну разновидность русского футуризма — поэтическое объединение “Мезонин поэзии”, созданное в 1913 году московскими эгофутуристами. В него входили В. Шершеневич, Р. Ивнев (М. Ковалев), Л. Зак (псевдонимы — Хрисанф и М. Россиянский), С. Третьяков, К. Большаков, Б. Лавренев и целый ряд других молодых поэтов.

Идейным вдохновителем группы, а также самым энергичным ее участником являлся Вадим Шершеневич. Он был хорошим организатором, дельным издателем, умелым редактором, острым критиком и способным поэтом, который, однако, никак не мог найти своего собственного поэтического “я”.

Рюрик Ивнев вспоминал: “Познакомились мы в 1913 году на вечере в честь приезда из заграницы К. Бальмонта [в начале года] <...> На этом же вечере В. Шершеневич объявил о вновь организуемом издательстве “Мезонин поэзии”, во главе... [которого] он стоял все время его существования... С этого момента, то есть с 1913 года, Шершеневич объявил себя футуристом. Само собой разумеется, издательство “Мезонин поэзии” было основано как издательство футуристическое...”¹

Эта группа пыталась повторить успех “Гилеи” и противопоставить себя ей в литературе. Но в “Мезонине поэзии”

¹ Рюрик Ивнев. Воспоминания // Журнал “Арион” № 1, 1995.

не имелось крупных поэтических величин, сопоставимых с Маяковским или Хлебниковым, поэтому его участникам было достаточно сложно выработать какую-то самостоятельную теоретическую базу своей группы. Они всячески подчеркивали родство с петербургскими эгофутуристами, часто публиковались в их изданиях, но занимали при этом достаточно неопределенную позицию. Отношение к родоначальникам футуризма выражались у членов группы в критических выступлениях против главных противников — “Гилей”, а затем “Центрифуги”. Особенно преуспел в этом Шершеневич, что признавали даже его соратники:

“Интересно отметить тот факт, что В. Шершеневич, будучи организатором и главой издательства “Мезонин поэзии”, был в резко враждебных отношениях со всеми другими футуристическими издательствами. Так, например, в сборниках другого футуриздательства “Центрифуга”, которым руководил поэт Сергей Бобров, он не только не принимал участия, но в критическом отделе “Мезонина” всячески поносил эти сборники, несмотря на то, что многие из его сотрудников (я в том числе) печатались и там. Я уже не говорю про группу футуристов: Хлебникова, братьев Бурлюков, Крученых, Маяковского, Каменского, которые к футуристам “Мезонина поэзии” и “Центрифуги” относились враждебно, не считая их настоящими “кровными” футуристами”¹.

Вот в этой атмосфере борьбы, вражды и литературных сражений развивался и укреплялся талант Вадима Шершеневича.

Б. Лившиц в книге воспоминаний отмечает другой аспект полемики с кубофутуристами: “...Шершеневич впитал особое пристрастие к итальянскому футуризму, упорным пропагандистом которого он являлся. Гилейцы же подчеркивали свое русское происхождение и эстетическую независимость от запада. Хлебников, не желавший принимать футуристическую кличку для будетлян, протестовал против контактов с Маринетти. Шершеневич, напротив, пере-

вел и издал основные манифесты итальянского футуризма, поэму Маринетти “Битва у Триполи” и его роман “Футурист Мафарка”. В 1914 г. по инициативе Шершеневича и Кульбина приехал Маринетти. Ларионов, Маяковский и Бурлюк не явились. Шершеневич и Большаков заявили: “Отрицая всякую преемственность от италофутуристов, укажем на литературный параллелизм: футуризм — общественное течение, рожденное большим городом, который сам уничтожает всякие национальные различия. Поэзия грядущего космополитична”².

“Мезонин поэзии” считался в литературных кругах умеренным крылом футуризма. Это движение было построено не на общей идеологической платформе, а, скорее, на деловых, издательских интересах его участников.

Объединение распалось в конце 1913 года. Под маркой “Мезонина поэзии” вышло три альманаха: “Вернисаж”, “Пир во время чумы”, “Крематорий здравомыслия” и несколько сборников.

¹ Рюрик Ивнев. Там же.

² Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. — Л.: Издательство писателей, 1933.

РЮРИК ИВНЕВ

(1891–1981)

Выступавший под этим псевдонимом поэт, прозаик и мемуарист Михаил Александрович Ковалев начал печатать стихи еще в студенческие годы, затем в футуристических изданиях Москвы и Петрограда, а также в различных журналах. Смесь декаданса и футуризма, “безалаберности”, “нервной интимности” (характеристики критиков 1910-х гг.) и грусти; резкие переходы от религиозного переживания, доходящего до экстаза и самобичевания, к эротизму отличают ранние произведения Ивнева.

После революции он занимался общественной работой: был секретарем наркома просвещения А. В. Луначарского, корреспондентом газеты “Известия ВЦИК”; активно выступал как пробольшевистский публицист. С 1920 — председатель Всероссийского союза поэтов. Творчество этих лет соединяет ярко выраженную политическую ангажированность с имажинистскими тенденциями (в 1919 и 1924 был председателем правления “Общества имажинистов”). В годы Отечественной войны работал в газете. Ивнев является автором многочисленных сборников стихов, а также рассказов, повестей, воспоминаний, эссе, беллетризованных мемуаров о литературной и общественной жизни 1910–1930 гг.

* * *

С каждым часом все ниже и ниже
Опускаюсь, падаю я.

РЮРИК ИВНЕВ

Вот стою я, как клоун рыжий,
Изнемогающий от битья.

Захвачу я платочек рванный,
Заверну в него сухари,
И пойду пробивать туманы
И бродить до зари.

Подойдет старичок белый,
Припаду к мозольной руке,
Буду маяться день целый,
Томиться в тоске.

Он скажет: есть способ,
Я избавлю от тяжких пут,
Вот достал бы мне папиросу,
Без нее горько во рту.

Папиросу ему достану,
Он затянется, станет курить.
Словами лечить мою рану,
Душу мою лечить.

Но теперь печальна дорога
И не тяжек мой удел,
Я не смею тревожить Бога —
У Него много дел.

1912

* * *

Я надену колпак дурацкий
И пойду колесить по Руси,
Вдыхая запах кабацкий...
Будет в поле дождь моросить.

Будут ночи сырые, как баржи,
Затерявшиеся в реке.
Так идти бы все дальше. Даже
Забывать про хлеб в узелке.

Не услышу я хохот звонкий.
Ах! Как сладок шум веток и трав,
Будут выть голодные волки,
Всю добычу свою сожрав.

И корявой и страшной дорогой
Буду дальше идти и идти...
Много радостей сладких, много
Можно в горьком блужданье найти.

1914

* * *

Душу измученную и перепачканную,
Отвратительную, но родную мою,
Господь, укрепи своею подачкою,
Видишь: я на краю.

Может быть, завтра забуду о раскаянии,
Паясничая, как клоун из последнего кабака...
Все возмутительнее и необычайнее
Моя крестьящаяся рука.

1914

Новгород

* * *

Не думай, друг, что лучшие плоды
Всегда сладки. Не так проста природа.

Прими же терпкий плод. Узнай, что есть сады,
Где хина иногда бывает лучше меда.

Не только сахарные груши хороши.
Возьми лимон, айву, кусты рябины.
Скажу по правде: горечь для души —
Немеркнущие краски для картины.

Пока есть в мире хоть один калека
И кто-то горько плачет в шалаше,
О, сможем ли назвать мы человеком
Того, кто горечи не чувствует в душе!

1915

Царское Село

* * *

Я знаю, годы не проходят даром,
Моя душа к любви теперь скупа.
Последний луч тускнеющим пожаром
На листья желтые упал.

Уже мне чужды — нежность, умиление,
И, точно воск, могу я совесть мять.
Как мне хотелось на одно мгновение
Вечерний свет на листьях задержать!

Чтоб долго, долго видеть это небо
И эти листья в розовом огне
И ждать того, кто в этой жизни не был,
Кто никогда не явится ко мне.

Последний луч, как путник запоздалый,
Спешит к лучам. Угаснувшим уже,

И голос мой — мне больно, больно стало, —
Как тучный ветер, тяжелел.

1916

* * *

Опускаются веки, как шторы,
Одному остаться позволь.
Есть какой-то предел, за которым
Не страшна никакая боль.

И душа не трепещет, не бьется,
И глядит на себя, как на тень,
И по ней, будто конь, несется,
Ударяя копытами, день.

Будто самое страшное горе,
Как актер, отыграло роль.
Есть какой-то предел, за которым
Не страшна никакая боль.

1916

* * *

Как все пустынно. Пламенная медь.
Тугих колоколов язвительное жало.
Как мне хотелось бы внезапно умереть,
Как Анненский у Царскосельского вокзала.

И чтоб не видеть больше никогда
Ни этих язв на человеческой коже,
Ни эти мертвые пустынные года,
Что на шары замерзшие похожи.

Какая боль, какая тишина.
Где ж этот шум, когда-то теплокровный?
И льется час мой, как из кувшина,
На голову — холодный, мертвый, ровный.

Декабрь 1918

* * *

В моей душе не громоздятся горы,
Но в тишине ее равнин
Неистовства безумной Феодоры
И чернота чумных годин.

Она сильна, как радуги крутые
На дереве кладбищенских крестов.
Она страшна, как темная Россия,
Россия изуверов и хлыстов.

Зачем же я в своей тоске двуликой
Любуюсь на ее красу?
Зачем же я с такой любовью дикой
Так бережно ее несу?

Январь 1919

Москва

* * *

Не надо солнца, не надо свободы,
Движенья мира останови.
Верни, верни мне черные годы
Моей позорной, жалкой любви.

Тяжелый лес, как черное платье,
Слепит мне кожу своею мглой,

Всем простить и все раздать —
Я не мечтал о жизни другой.

Я знаю, Боже, что значит время
И шум морей Твоих в крови.
Верни мне, верни мне ужасное бремя
Моей полоумной любви.

3 мая 1919

Киев

* * *

Сергею Есенину

Был тихий день и плыли мы в тумане.
Я отроду не видел этих мест.
В последний раз на крест взглянул в Рязани
И с этих пор я не гляжу на крест.

Тяжелый сон мне сдавливает горло
И на груди как будто море гор,
Я вижу: надо мною ночь простерла
Свой удручающий простор.

12 октября 1920

Рязань

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ

(1892–1939)

Начало литературной деятельности Сергея Михайловича Третьякова тесно связано с московскими эгофутуристами. Его первые стихи опубликованы в альманахах группы “Мезонин поэзии”. Там же подготовлена его первая книга, вышедшая лишь несколько лет спустя на Дальнем Востоке (1919), куда Третьяков уехал, скрываясь от призыва в армию. Во Владивостоке он вместе с Асеевым и другими футуристами создал группу “Творчество”, ориентированную на революционную тематику. Поэзии Третьякова свойственны экспериментальность, схематизм, лаконизм. В поздних его стихах чувствуется подчеркнутый антиэстетизм.

В 1922 г. он возвращается в Москву, сближается с Маяковским и принимает активное участие в разработке теоретической программы ЛЕФа. Это изменяет направленность его творчества. В частности, пропагандируемая им “литература факта” ведет его к работе над агитстихами и пьесами для театра Пролеткульта. В дальнейшем Третьяков переключается на прозу: пишет очерки, киносценарии, путевые заметки. В конце 1930-х годов он был незаконно репрессирован.

Первоснег

Город в нижнем белье.
Мелки положены на подоконники.
Хрупкие листья червонцами на горностаевое боа.

Коньки в шкафу зазвякали.
Голубь извне к стеклу жметя.
А глаза у него морозно-оранжевые.

1913

Восковая свеча

Со святыми упокой!
Кадило воздух проломило.
Вместо лиц платки носовые.
Шарят горбатые люди.
Исайя ликуй!
Пей, пей, пена перельется!
Поле пахнет.

1913

Веер

Вея	Пестрея,
В крае	Страдая
Пьяных	В павлиньих кружанах,
Маев,	Тепло горностаев
Пойте	Раскройте, закройте,
Явно	Чтоб плавно
Пейте	На флейте
Юно	Разбрызгались луны,
Яд!	Что в окнах плескучих стоят.

1913

* * *

Зафонарело слишком скоро.
Октябрь взошел на календарь.
Иду в чуть-чуть холодный город
И примороженную гарь.
Там у корней восьмиэтажий
Я буду стынуть у витрин
И мелкий стрекот экипажей
Мне отстучит стихи былин.
Я буду схватывать, как ветер,
Мельканья взглядов и ресниц,
А провода спрядутся в сети
Стально-дрожащих верениц.
Мне будут щелкать в глаз рекламы
Свои названья и цвета
И в смене шороха и гама
Родится новая мечта.
И врежется лицо шофера,
И присталь взора без огня,
И дрожь беззвучного опора,
Чуть не задевшая меня.

[1913]

* * *

Мы строим клетчатый бетонный остов.
С паучей ловкостью сплетаем рельсы.
Усните, слабые, в земле погостов,
И око сильного взглянуть осмелся!
Мы стекла льдистые отлили окнам,
В земле и в воздухе мы тянет провод.
Здесь дым спиралится девичьим локоном.
Быть островзглядными — наш первый довод.

Нам — день сегодняшний, а вам — вчерашний.
 Нам — своеволие, момент момента,
 Мы режем лопасти, взываем башни,
 Под нами нервная стальная лента.
 Швыряем на землю былые вычески.
 Бугристый череп наш — на гребне мига.
 Нам будет музыкой звяк металлический,
 А капельмейстером — хотенье сдвига.
 В висках обтянутых — толчки артерий...
 Инстинкт движения... Скрутились спицы...
 Все ритмы вдребезги... И настезь двери...
 И настоящее уже лишь снится. —

1913

Лифт

Вы в темноте читаете, как кошка,
 Мельчайший шрифт.
 Отвесна наша общая дорожка,
 Певун-лифт.
 Нас двое здесь в чуланчике подвижном.
 Сыграем флирт!
 Не бойтесь взглядом обиженным
 Венка из мирт.
 Ведь, знаете, в любовь играют дети!
 Ах, боже мой!
 Совсем забыл, что Ваш этаж — третий,
 А мой — восьмой.

[1913]

* * *

Снег ножами весны распорот.
 В белых кляксах земля-горизонт.

Отскочил размоченный город,
 Где в музее вздохнул мастодонт.
 С линзы неба сливается синька
 В лужи, реки, а край их ржав.
 Поезд с похотной дрожью сангвиника
 Зачервился, в поле заржав.
 Я в купе отщелкнул щеколды.
 В небо — взмахи взглядных ракет.
 Сзади город — там щеки молоды,
 Юбки гладки, в цветах жакет.
 Пересмех синеватой закалки,
 А под сердцем песни бродяг...
 На лице твоём две фиалки
 Продаются на площадях.

1914

* * *

Сердце изношено, как синие брюки
 Человека, который носит кирпичи.
 И четко шагает гнев сухорукий
 По пустому сердцу от угла к печи.

Когда у печи — с плеч до колен теплыню
 Окачивает из шайки грузная простыня.
 Когда у окна — оскаливаются клинья:
 Треуголь стекла разбитого январского дня.

Сердце, как лес, когда в нем порубка.
 Топоры к топорам, лезья в мякоть — раз-раз!
 Сердце изношено, как синяя юбка
 Девушки с синяками у синих глаз.

1914

* * *

Вадиму Шершеневичу

Отрите слезы! Не надо плакать!..
Мстить смерти смертью — бессмертно весело!
О сердце сердцем прицельно звякать...
Лизать подошвой теплое месиво.

В подушку неба хнычут не звезды ли?..
А вам не страшно — вы зрячи ошупью.
В лесах за Вислой вы Пасху создали,
В степи за Доном я эхо мощи пью.

Не спя недели... Вгрызаясь в глину..
Прилипши к седлам... И всё сполагоря.
А ночью небо горбило спину
Крестя палатки гнилого лагеря.

Железо с кровью по-братски сблизилась
Подпруту мести вольны рассечь они.
А поздно в ямах собаки грызлись
Над вкусным мясом солдатской печени.

Любви предсмертной не заподозрим.
Ведь, если надо, сдавивши скулы,
Последний бросит себя на дула
И смерть покроет последним козырем.

1915

КОНСТАНТИН БОЛЬШАКОВ

(1895-1938)

Первая книга Константина Аристарховича Большакова — небольшая поэма “Le future” (М., 1913) была конфискована. Вторая книга его стихов, “Сердце в перчатке”, вышла в том же году в издательстве “Мезонин поэзии”. С 1914 по 1916 г. Большаков последовательно примыкал к разным футуристическим группировкам, участвовал в их мероприятиях; регулярно печатался в журналах и футуристических альманахах, став заметной фигурой русского футуризма. Однако вскоре Большаков несколько отделился от литературной деятельности. В 1915 г., бросив университет, он поступил в кавалерийское училище. Окончив его, корнет Большаков оказался в действующей армии. В эти годы поэт иногда печатал свои произведения в газетах и поэтических сборниках.

С 1918 воевал в Красной Армии, в конце Гражданской войны был военным комендантом Севастополя. После демобилизации в 1922 г. писал в основном прозу. До своего ареста в сентябре 1936 г. Большаков издал романы “Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова” (1928) и “Маршал сто пятого дня: Книга 1. Построение фаланги” (М., 1936).

Был арестован и расстрелян; реабилитирован посмертно.

Городская весна

Эсмерáми, вердóми, трувэрит весна,
Лисилéя полей элилóй алиэлит.

Визизáми визáми снует тишина,
 Поцелуясь в тишénные вéреллоэ трели,
 Аксимéю, оксáми зизáм изо сна,
 Аксимéю оксáми засíм изомéлит.
 Пенясь ласки велéми велáм веленá,
 Лилалёт алилóвые вéлеми мели.
 Эсмерáми, вердóми трувэрит весна.
 Аллиэль! Бескрылатость надкрылий пропели.
 Эсмерáми, вердóми трувэрит весна.

[1913]

Несколько слов к моей памяти

Я свой пиджак повесил на луну.
 По небу звезд струят мои подошвы,
 И след их окунулся в тишину.
 В тень резкую. Тогда шептали ложь вы?

Я с давних пор мечтательно плевал
 Надгрезному полету в розы сердца,
 И губ моих рубинящий коралл
 Вас покорял в цвету мечты вертеться.

Не страшно вам, не может страшно вам
 Быть там, где вянет сад мечты вчерашней,
 И наклоняются к алмазящим словам
 Ее грудей мечтательные башни,
 Ее грудей зауренные башни.

И вечер кружево исткал словам,
 И ветер острие тоски нащупал,
 Я в этот миг вошел, как в древний храм,
 Как на вокзал под стекло-синий купол.

[1913]

Осененочь

Ветер, небо опрокинуть тужась,
 Исключивил мокрым поцелуем стекла.
 Плащ дождя срываая, синий ужас
 Рвет слепительно фонарь поблеклый.

Телеграфных проволок все скрипки
 Об луну разбили пальцы ночи.
 Фонари, на лифте роковой ошибки
 Поднимая урну улицы, хохочут.

Медным шагом через колокольни,
 Тяжеля, пяты ступили годы,
 Где, усталой дробью дань трамвай-невольник
 Отбивая, вялые секунды отдал.

[1914]

Осень годов

Иду сухой, как старинная алгебра,
 В гостинной осени, как молочный плафон,
 Блудливое солнце на палки бра,
 Не электричащих, надевает сияние,
 треща в немой телефон.

И осыпаются мысли усталого провода,
 Задумчивым звоном целуют огни.
 А моих волос бесценное серебро водой
 Седой обливают хилые дни.

Хило прокашляли шаги ушедшего шума,
 А я иду и иду в венке жестоких секунд.
 Понимаете? Довольно видеть вечер
 в позе только негра-грума,

Слишком черного, чтоб было видно,
как утаптывается земной грунт.

Потом времени испуанный, может,
еще не совсем достаточно,
Еще не совсем рассыпавшийся и последний.
Не кажусь ли вам старик — паяцем святочным,
Богоделкой, вяжущей на спицах бредни.

Я века лохмотьями солнечной задумчивости
бережно
Укрывал моих любовниц в рассеянную тоску,
И вскисший воздух мне тогу из суеверий шил,
Едва прикрывающий наготу лоскут.

И, упорно споря и хлопая разбухшим глазом,
нахально качается,
Доказывая: с кем знаком и незнаком,
А я отвечаю, что я только скромная чайница,
Скромная чайница с невинно-голубым ободком.

[1914]

О ветре

Звезды задумчиво роздали в воздухе
Небрежные пальчики своих поцелуев,
И ночь, как женщина, кидая роз духи,
Улыбку запахивает шубой голубую.

Кидаются экипажи на сумрак неистово,
Как улыбка пристава, разбухла луна,
Быстрою дрожью рук похоть выстроила
Чудовищный небоскреб без единого окна

И, обрывая золотистые, свислые волосики
С голого черепа моей тоски,

Высоко и быстро пристальность подбросила,
Близорукости сметая распыленные куски.

Вышитый шелком и старательно свешенный,
Как блоха, скакал по городу ночной восторг,
И секунды добросовестным танцем повешенных,
Отвозя вышедших в тираж в морг.

А меня, заснувшего несколько пристально,
У беременного мглюю переулка в утробе
торопит сон
Досчитать выигрыш, пока фонари стальной
Ловушкой не захлопнули синего неба поклон.

[1914]

Осень

Под небом кабаков, хрустальных скрипок в кубке
Растет и движется невидимый туман,
Берилловый ликер в оправе рюмок хрупких,
Телесно розовый, раскрывшийся банан.

Дыханье нежное прозрачного бесшумья
В зеленый шепот трав и визг слепой огня,
Из тени голубой вдруг загрузевшей думе,
Как робкий шепот дней, просить: "возьми меня".

Под небо кабаков старинных башен проседь
Ударом утренних влетается часов.
Ты спишь, а я живу, и в жилах кровь проносит
Хрустальных скрипок звон из кубка голосов.

25. IX. 1914

Le chemin de fer

“Выпили! Выпили!” — жалобно плачем ли
 Мы, в атласных одеждах фигуры карт?
 Это мы, как звезды, счастьем маячили
 В слезящийся оттепелью Март,
 Это мы, как крылья, трепыхались и бились
 Над лестницей, где ступени шатки,
 Когда победно-утренний вылез
 Черный туз из-под спокойной девятки.
 А когда заглянуло в сердце отчаянье
 Гордыми взорами дам и королей,
 Будто колыхнулся забредший случайно
 Ветерок с обнажающихся черных полей,
 Это мы золотыми дождями выпали
 Мешать тревоги и грусть,
 А на зеленое поле сыпали и сыпали
 Столько радостей, выученных наизусть...
 “Выпили! Выпили!” — жалобно плачем ли
 Мы, в атласных одеждах фигуры карт?
 Это мы, как звезды, счастьем маячили
 В слезящийся оттепелью Март.

Март 1915

И еще

В час, когда гаснет закат и к вечеру,
 Будто с мольбой протянуты руки дерев,
 Для меня расплескаться уж нечему
 В этом ручье нерасслышанных слов.

Но ведь это же ты, чей взор ослепительно нужен
 Чтоб мой голос над жизнью был поднят,
 Чья печаль, ожерелье из слезных жемчужин
 На чужом и далеком сегодня.

И чьи губы не будут моими
 Никогда, но святей всех святынь,
 Ведь твое серебристое имя
 Пронизало мечты.

Не все ли равно, кому вновь загорятся
 Как свеча перед образом дни.
 Светлая, под этот шепот святотатца
 Ты усни...

И во сне не встретишь ты меня,
 Нежная и радостно тиха
 Ты, закутанная в звон серебряного имени,
 Как в ласкающие вкрадчиво меха.

Январь 1916

“Центрифуга”

Обзор поэтических течений Серебряного века был бы неполон без упоминания о московской футуристической группе “Центрифуга”, образовавшейся в январе 1914 г. из левого крыла поэтов, ранее связанных с издательством “Лирика”.

Основные участники будущей группы — С. Бобров, Б. Пастернак и Н. Асеев — были знакомы задолго до ее основания. Сергей Бобров — поэт, живописец и литературовед, в то время являлся среди них, пожалуй, самой значительной фигурой. Большой резонанс вызвал его реферат “Русский пуризм”, в котором проповедовались идеи пуризма как ответ на усложненность общественной жизни.

“Сейчас основы русского пуризма, — говорил Бобров, — в русском архаизме: древних иконах, лубках, вышивках, каменных бабах, барельефах, вроде печатей, просфор и пряников, где все так просто и характерно, полно огромной живописной ценности”¹. И хотя предложенный им термин, призванный обозначить новое литературное течение, не прижился, важнейшие положения его реферата были встречены одобрительно.

Бобров вынашивал идею создания литературного объединения. В результате весной 1913 года им был организован кружок молодежи и открыто небольшое, но реально функционировавшее в период 1913–1914 гг. издательство

¹ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. — Л.: Издательство писателей, 1933.

“Лирика”, в котором вышли первые книги “Центрифуги”. Однако ровно через год объединение перестало существовать. Вот что пишет о его дальнейшей судьбе М. Вагнер:

“1 марта 1914 года кружок раскололся. Одна часть из них организовалась под именем “Центрифуга”, другая намеревалась принять имя “Стрелец”. Была составлена Грамота, подписанная Пастернаком, Асеевым, Бобровым и И. Зданевичем, и определены соперники в лице кубофутуристов и “Мезонина поэзии”. Первым изданием “Центрифуги” был сборник “Руконог”, посвященный памяти погибшего в январе 1914 года И. Игнатъева. Так авторы устанавливали свою преемственность от петербургского эгофутуризма. В “Центрифуге” нашли приют петербургские эгофутуристы Олимпов, Широков, Крючков, а после распада “Мезонина поэзии” — Большаков, Ивнев, Третьяков”¹.

Основной особенностью в теории и художественной практике участников “Центрифуги” было то, что при построении лирического произведения центр внимания со слова как такового перемещался на интонационно-ритмические и синтаксические структуры. В их творчестве органично соединялось футуристическое экспериментаторство и опоры на традиции.

Это подметил Валерий Брюсов, который в обзоре 1914 г. “Год русской поэзии” писал: “Пока кружок [издательства “Лирика”] был еще единым, он издал альманах стихов “Лирика”, сборники стихов С. Боброва, Б. Пастернака, Н. Асеева и несколько других книжек. Хотя эти издания нигде не были названы “футуристическими”, однако на их участников, особенно на трех названных нами, влияние футуристических идей было несомненно; позднее, образовав ядро “Центрифуги”, они в своем новом альманахе [“Руконог”] уже открыто признали себя футуристами. Но все же футуризм поэтов “Центрифуги” (не говорим о присоединившихся к ним писателях из “Петербургского глашатая”) имеет особый оттенок и сочетается со стремлением

¹ Вагнер М. И. Футуризм в Италии и в России: общее и особенное // Дипломная работа по итальянской литературе. — Минск, 2004.

связать свою деятельность с художественным творчеством предшествовавших поколений¹.

“Центрифуга” была самым длительным по времени футуристическом объединением. Кроме вышеназванных поэтов, в него входили Божидар (Б. Гордеев), Г. Петников, И. Аксенов и другие. Как поэтическая группа они просуществовали до конца 1917-го, а книги под маркой “Центрифуги” продолжали выходить до 1922 года.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

(1889–1963)

Активная литературная деятельность Николая Николаевича Асеева начинается с 1913 г., когда в альманахе “Лирика” появляется подборка стихов молодого поэта. Будучи сперва приверженцем символизма, Асеев пересмотрел свое отношение к поэзии, сблизившись с В. Маяковским. В 1914 г. Асеев вместе с Б. Пастернаком и С. Бобровым образует группу “Центрифуга”. Ранние произведения Асеева окрашивал острый интерес к народному фольклору. Опорой его творчества были замечательное чувство языка и редкое чувство ритма. Стих Асеева неповторим по интонационной раскованности. Часто в нем заложена мелодическая сила, которая, не нуждаясь в музыке, превращает его в песню.

Во время Гражданской войны он оказался на Дальнем Востоке, где входил в футуристическую группу “Творчество”. Октябрьскую революцию Асеев принял безоговорочно. В 1922 г. по предложению А. Луначарского он был вызван в Москву. В 1923-м вошел в состав ЛЕФа. Его стихи и поэмы тех лет проникнуты революционно-романтическим пафосом.

В поздней его поэзии, лирической и мелодичной по своей основе, сплелись песенные и ораторские интонации; в создании поэтического образа Асеев обычно идет от звуковой, фонетической ассоциации, углубляющей смысловую сторону слова.

¹ Брюсов В. Год русской поэзии. Порубежники // Журнал “Русская мысль”, 1914. № 6.

Башня королей

В далеком поле вечер,
а здесь и свет и боль...
О, где твой белый кречет,
покинутый король?
Замолкнули забавы,
отпел ловитный рог,
не светят звезды славы
на бедственный порог.
И мантии богатой
державные цвета
и звонкий меч и латы
сменила нищета.

И видит вдаль бегущий
суровый мореход —
над королевской пущей,
над копиями ворот...

И вдруг, убавив шаг,
салютует с морей
приспущенному флагу
на башне королей.

1910

Фантасмагория

Н. С. Гончаровой

Летаргией бульварного вальса
усыпленные лица подернув,
в электрическом небе качался
повернувшийся солнечный жернов;
покивали, грустя, манекены
головами на тайные стражи;

опрокинулись тучами стены,
звезды стали, стеная, в витражи;
над тоскующей каменной плотью,
простремглавив земное круженье,
магистралью на бесповоротье
облаками гремело забвенье;
под бичами качающей стужи
коченел бледный знак Фаренгейта,
и безумную песенку ту же
выводила полночная флейта.

1913

Песня сотен

Тулумбасы, бей, бей,
Запороги, гей, гей!
Запороги-вороги —
Головы не дороги.

Доломаны — быстрь, быстрь,
Похолоним Истрь, Истрь,
Харалужье паново
Переметим наново.

Чубовье раскрутим,
Разовьем хоругвь путём,
А тугую сутемь —
Раньше света разметим!

То ли не утеха ли,
Соловейко-солоду,
То ли не порада ли,
Соловейко-солоду!

По грудям ли ехали —
По живому золоту,

Ехали не падали
По глухому золоту.

Соловее, вей, вей,
Запороги, гей, гей!
Запороги-вороги —
Головы не дороги.

[1914]

* * *

Я знаю: все плечи смело
ложатся в волны, как в простыни,
а Ваше лицо из мела
горит и сыплется звездами;

Вас море держит в ладони,
с горячего сняв песка,
и кажется, вот утонет
изгиб золотистого виска...

Тогда разорвутся губы
от злой и холодной ругани,
и море пойдет на убыль
задом, как зверь испуганный.

И станет коситься глазом
в небо, за помощью, к третьему,
но брошу лопнувший разум
с размаха далёко вслед ему.

И буду плевать без страха
в лицо им дары и таинства
за то, что твоя рубаха
одна на песке останется.

Август 1915

Объявление

Я запретил бы "Продажу овса и сена"...
Ведь это пахнет убийством Отца и Сына?
А если сердце к тревогам улиц пребудет глухо,
руби мне, грохот, руби мне глупое, глухое ухо!

Буквы сигают, как блохи,
облепили беленькую страничку.
Ум, имеющий привычку,
притянул сухие крохи.

Странноприимный дом для ветра
или гостиницы весны —
вот что должно рассыпать щедро
по рынкам выросшей страны.

1915

* * *

Когда земное склонит лень,
выходит с тенью тени лань,
с ветвей скользит, белея, лунь,
волну сердито взроет линь.

И чей-то стан колеблет стон,
то, может, Пан, а может, пень...
Из тины тень, из сини сон,
пока на Дон не ляжет день.

А коса твоя — осени сень, —
ты звездам приходишься родственницей.

1916

Венгерская песнь

Простоволосые ивы
бросили руки в ручьи.
Чайки кричали: “Чьи вы?”
Мы отвечали: “Ничьи!”

Бьются Перун и Один,
в прасини захрипев.
Мы ж не имеем родин
чайкам сложить припев.

Так развивайся над прочими,
ветер, суровый утонченник,
ты, разрывающий клочьями
сотни любовей оконченных.

Но не умрут глаза —
мир ими видели дважды мы, —
крикнуть сумеют “назад!”
смерти приспешнику каждому.

Там, где увяли ивы,
где остывают ручьи,
чаек, кричащих “чьи вы?”,
мы обратим в ничьих.

1916

* * *

За отряд улетевших уток,
за сквозной поход облаков
мне хотелось отдать кому-то
золотые глаза веков...

370

Так сжимались поля, убегая,
словно осенью старые змеи,
так за синюю полу гая
ты схватилась, от дали немея,

Что мне стало совсем не страшно:
ведь какие слова ни выстрой —
всё равно стоят в рукопашной
за тебя с пролетающей быстрью.

А крылами взмахнувших уток
мне прикрыла лишь осень очи,
но тебя и слепой — зову так,
что изорвано небо в клочья.

1916

* * *

Ушла от меня, убежала,
не надо, не надо мне кляत्व!
У пчел обрываются жала,
когда их тревожат и злят.

Но эти стихи я начал,
чтоб только любить иначе,
и злобой своей не очень
по ним разгуляется осень.

1916

* * *

Я буду волком или шелком
На чьем-то теле незнакомом,

371

Силе такой
 становясь поперек,
 ты бы хоть других —
 не себя —
 поберег!

2

Белыми копытами
 лед колотя,
 тени по Литейному —
 дальше летят.
 — Я тебе отвечу,
 друг дорогой, —
 гибель нестрашная
 в петле тугой!
 Позорней и гибельней
 в рабстве таком,
 голову выбелив,
 стать стариком.
 Пора нам состукнуть
 клинок о клинок:
 в свободу —
 сердце мое
 влюблено!

3

Розовые губы,
 витой чубук!
 Синие гусары —
 пытай судьбу!
 Вот они,
 не сгинув,
 не умирав,
 снова собираются
 в номерах.

Скинуты ментики,
 ночь глубока,
 ну-ка — вспеньте-ка
 полный бокал!
 Нальем и осушим
 и станем трезвей:
 — За Южное братство,
 за юных друзей!

4

Глухие гитары,
 высокая речь...
 Кого им бояться
 и что им беречь?
 В них страсть закипает,
 как в пене стакан:
 впервые читаются
 строфы "Цыган"...
 Тени по Литейному
 летят назад.
 Брови из-под кивера
 дворцам грозят.
 Кончена беседа.
 Гони коней!
 Утро вечера —
 мудреней.

5

Что ж это,
 что ж это,
 что ж это за песнь?!
 Голову
 на руки белые
 свесь.

Тихие гитары,
стыньте, дрожа:
синие гусары
под снегом лежат!

1925

* * *

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрёка и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую —
все нежней и все тесней, —
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как вьюга вьючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где синей заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя.

Где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,

хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос,
ты — всему была заказчица,
что в строке отозвалось.

1926

БОРИС ПАСТЕРНАК

(1890–1960)

Истоки поэтического стиля Бориса Леонидовича Пастернака лежат в модернистской литературе начала XX века, в эстетике импрессионизма. Однако его футуристическая деятельность во многом зависела от инициативы других членов объединения. Как отмечал В. Брюсов: «Футуристичность стихов Б. Пастернака — не подчинение теории, а своеобразный вклад души»¹. Да и сам поэт признавался, что его позиция не зависит ни в чем от программы футуристов.

Ранние его стихотворения сложны по форме, густо насыщены метафорами. Но уже в них чувствуется свежесть восприятия, искренность и глубина. С годами Пастернак освобождается от излишней субъективности образов и ассоциаций. Оставаясь философски глубоким и напряженным, его стих обретает все большую прозрачность, классическую ясность.

Кроме того, Пастернак — выдающийся мастер перевода (трагедии Шекспира, «Фауст» Гете, стихи поэтов Грузии), а созданный им в первое послевоенное десятилетие роман «Доктор Живаго» и стихотворения, написанные от имени его героя, принесли автору всемирное признание.

¹ Брюсов В. Год русской поэзии. «Порубежники» // Журнал «Русская мысль», 1914. № 6.

БОРИС ПАСТЕРНАК

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

1912

Сон

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло, и старилось, и глохло,
И, паволокой рамы серебра,
Заря из сада обдавала стекла
Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лед, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень, темен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Грядущих по небу берез.

1913, 1928

Вокзал

Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук,
Испытанный друг и указчик,
Начать — не исчислить заслуг.

Бывало, вся жизнь моя — в шарфе,
Лишь подан к посадке состав,
И пышут намордники гарпий,
Парами глаза нам застлав.

Бывало, лишь рядом усядусь —
И крышка. Приник и отник.
Прощай же, пора, моя радость!
Я спрыгну сейчас, проводник.

Бывало, раздвинется запад
В маневрах ненастий и шпал
И примется хлопьями цапать,
Чтоб под буфера не попал.

И гложет свисток повторенный,
А издали вторит другой,

И поезд метет по перронам
Глухой многогорбой пургой.

И вот уже сумеркам невтерпь,
И вот уж, за дымом вослед,
Срываются поле и ветер, —
О, быть бы и мне в их числе!

1913, 1928

Пиры

Пью горечь тубероз, небес осенних горечь
И в них твоих измен горящую струю.
Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ,
Рыдающей строфы сырую горечь пью.

Исчадья мастерских, мы трезвости не терпим.
Надежному куску объявлена вражда.
Тревожный ветер ночей — тех здравиц виночерпьем,
Которым, может быть, не сбьется никогда.

Наследственность и смерть — застольцы наших трапез.
И тихую зарей — верхи дерев горят —
В сухарнице, как мышь, копается анапест,
И Золушка, спеша, меняет свой наряд.

Полы подметены, на скатерти — ни крошки,
Как детский поцелуй, спокойно дышит стих,
И Золушка бежит — во дни удач на дрожках,
А сдан последний грош — и на своих двоих.

1913, 1928

Зимняя ночь

Не поправить дня усилиями светилен,
 Не поднять теням крещенских покрывал.
 На земле зима, и дым огней бессилен
 Распрямить дома, полегшие вповал.

Булки фонарей и пышки крыши, и черным
 По белу в снегу — косяк особняка:
 Это — барский дом, и я в нем гувернером.
 Я один, я спать уснул ученика.

Никого не ждуг. Но — наглухо портьеру.
 Тротуар в буграх, крыльцо замечено.
 Память, не ершись! Срастись со мной! Уверуй
 И уверь меня, что я с тобой — одно.

Снова ты о ней? Но я не тем взволнован.
 Кто открыл ей сроки, кто навел на след?
 Тот удар — исток всего. До остального,
 Милостью ее, теперь мне дела нет.

Тротуар в буграх. Меж снеговых развилин,
 Вмерзшие бутылки голых черных льдин.
 Булки фонарей, и на трубе, как филин,
 Потонувший в перьях, нелюдимый дым.

1913, 1928

Из цикла «Весна»

1

Что почек, что клейких заплывших огарков
 Налеплено к веткам! Затеплен
 Апрель. Возмужалостью тянет из парка,
 И реплики леса окрепли.

Лес стянут по горлу петлею пернатых
 Гортаней, как буйвол арканом,
 И стонет в сетях, как стонет в сонатах
 Стальной гладиатор органа.

Поэзия! Греческой губкой в присосках
 Будь ты, и меж зелени клейкой
 Тебя б положил я на мокрую доску
 Зеленой садовой скамейки.

Расти себе пышные брыжжи и фижмы,
 Вбирай облака и овраги,
 А ночью, поэзия, я тебя выжму
 Во здравие жадной бумаги.

1915

Импровизация

Я клавишей стаю кормил с руки
 Под хлопанье крыльев, плеск и клетот.
 Я вытянул руки, я встал на носки,
 Рукав завернулся, ночь терлась о локоть.

И было темно. И это был пруд
 И волны. — И птиц из породы люблю вас,
 Казалось, скорей умертвят, чем умрут
 Крикливые, черные, крепкие клювы.

И это был пруд. И было темно.
 Пылали кубышки с полуночным дегтем.
 И было волною обглодано дно
 У лодки. И грызлись птицы у локтя.

И ночь полоскалась в гортанях запруд.
 Казалось, покамест птенец не накормлен,

И самки скорей умертвят, чем умрут,
Рулады в крикливом, искривленном горле.

1915

* * *

Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе.

У старших на это свои есть резоны.
Беспорно, беспорно смешон твой резон,
Что в грозу лиловы глаза и газоны
И пахнет сырой резедой горизонт.

Что в мае, когда поездов расписание
Камышинской веткой читаешь в купе,
Оно грандиозней Святого Писанья
И черных от пыли и бурь канапе.

Что только нарвется, разлаявшись, тормоз
На мирных сельчан в захолустном вине,
С матрацев глядят, не моя ли платформа,
И солнце, садясь, соболезнает мне.

И в третий плеснув, уплывает звоночек
Сплошным извиненьем: жалею, не здесь.
Под штorkу несет обгорающей ночью
И рухнет степь со ступенек к звезде.

Мигая, моргая, но спят где-то сладко,
И фата-морганой любимая спит
Тем часом, как сердце, плеча по площадкам,
Вагонными дверцами сыплет в степи.

Лето 1917

Из цикла "Осень"

* * *

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.
— Поздно, выплюсь, чем свет перечту и пойму.
А пока не разбудят, любимую трогать
Так, как мне, не дано никому.

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью
Трогал так, как трагедией трогают зал.
Поцелуй был как лето. Он медлил и медлил,
Лишь потом раздражалась гроза.

Пил, как птицы. Тянул до потери сознания.
Звезды долго горлом текут в пищевод,
Соловьи же заводят глаза с содроганьем,
Осушая по капле ночной небосвод.

1918

Из цикла "Разрыв"

9

Рояль дрожащий пену с губ облизет.
Тебя сорвет, подкосит этот бред.
Ты скажешь: — милый! — Нет, — вскричу я, — нет!
При музыке?! — Но можно ли быть ближе,

Чем в полутьме, аккорды, как дневник,
Меча в камин комплектами, pogodно?
О пониманье дивное, кивни,
Кивни, и изумишься! — ты свободна.

Я не держу. Иди, благотвори.
Ступай к другим. Уже написан Вертер,

А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно — что жилы отворить.

1919

Заместительница

Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет,
У которой суставы в запястьях хрустят,
Той, что пальцы ломает и бросить не хочет,
У которой гостят и гостят и грустят.

Что от треска колод, от бравады Ракочи,
От стекляшек в гостиной, от стекла и гостей
По пианино в огне пробежится и вскочит
От розеток, костяшек, и роз, и костей.

Чтоб, прическу ослабив, и чайный и шалый,
Зачаженный бутон заколов за кушак,
Провальсировать к славе, шутя, полушалок
Закусивши, как муку, и еле дыша.

Чтобы, комкая корку рукой, мандарина
Холодящие дольки глотать, торопясь
В опоясанный люстрой, позади, за гардиной,
Зал, испариной вальса запахший опять.

Так сел бы вихрь, чтоб на пари
Порыв паров в пути
И мглу и иглы, как мюрид,
Не жмуря глаз снести.

И объявить, что не скакун,
Не шалый шепот гор,
Но эти розы на боку
Несут во весь опор.

Не он, не он, не шепот гор,
Не он, не топ подков,
Но только то, но только то,
Что — стянута платком.

И только то, что тюль и ток,
Душа, кушак и в такт
Смерчу умчавшийся носок
Несут, шумя в мечтах.

Им, им — и от души смеша,
И до упаду, в лоск,
На зависть мчащимся мешкам,
До слез, — до слез!

Лето 1917

* * *

Любимая — жуть! Когда любит поэт,
Влюбляется бог неприкаянный.
И хаос опять выползает на свет,
Как во времена ископаемых.

Глаза ему тонны туманов слезят.
Он застлан. Он кажется мамонтом.
Он вышел из моды. Он знает — нельзя:
Прошли времена и — безграмотно.

Он видит, как свадьбы справляют вокруг.
Как спаивают, просыпаются.
Как общелягушечью эту икру
Зовут, обрядив ее, — паюсной.

Как жизнь, как жемчужную шутку Ватто,
Умеют обнять табакеркою.

И мстят ему, может быть, только за то,
Что там, где кривят и коверкают,

Где лжет и кадит, ухмыляясь, комфорт
И трутнями трутся и ползают,
Он вашу сестру, как вакханку с амфор,
Подымет с земли и использует.

И таянье Андов волеет в поцелуй,
И утро в степи, под владычеством
Пылящихся звезд, когда ночь по селу
Белеющим бляньем тычется.

И всем, чем дышалось оврагам века,
Всей тьмой ботанической ризницы
Пахнёт по тифозной тоске тюфяка,
И хаосом зарослей брызнется.

Лето 1917

Поэзия

Поэзия, я буду клясться
Тобой и кончу, прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты — лето с местом в третьем классе,
Ты — пригород, а не припев.

Ты — душная, как май, Тверская,
Шевардина ночной редут,
Где тучи стоны испускают
И врозь по роспуске идут.

И в рельсовом витье двоясь, —
Предместье, а не перепев —
Ползут с вокзалов восвояси
Не с песней, а оторопев.

Отростки ливня грязнут в гроздьях
И долго, долго до зари
Кропают с кровель свой акrostих,
Пуская в рифму пузыри.

Поэзия, когда под краном
Пустой, как цинк ведра, трюизм,
То и тогда струя сохранна,
Тетрадь подставлена — струись!

1922

* * *

Любить иных — тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Все это — не большая хитрость.

1931

* * *

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один

Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, — никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

И опять кольнут доньне
Не отпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но неожиданно по портьере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами мера,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

1931

* * *

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1932

Закат футуризма

Начало Первой мировой войны стало также началом конца футуризма в России. И хотя художественные поиски футуристов продолжались еще некоторое время, последняя вспышка их активности приходится на весну и осень 1915 года. Поэтому можно считать, что футуризм как течение, формально прекративший свое существование к началу следующего десятилетия, начал распадаться именно в это время.

Уже в 1915 году Горький пишет: “Русского футуризма нет, есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Д. Бурлюк и Каменский. Среди них есть несомненно талантливые люди, которые в будущем, отбросив плевелы, вырастут в определенную величину”¹.

Весьма характерно, что вслед за Горьким о распаде футуризма как литературного направления заявил также Маяковский: “Не видя футуризма перед собой и не умея заглянуть в себя, вы закричали о смерти. Да! футуризм умер как особенная группа, но во всех вас он разлит наводнением <...> Но раз футуризм умер как идея избранных, он нам не нужен. Первую часть нашей программы — разрушение, мы считаем завершенной”². А впоследствии и некоторые другие футуристы (Б. Лившиц, М. Матюшин) рассматривали военные годы как закат футуризма.

1 М. Горький // “Журнал журналов”. М., 1915. № 1.

2 Маяковский В. Капля дегтя // Альманах “Взял. Барабан футуристов”. Пг., 1915.

Война изменила ритм жизни и восприятие реальности. Снижился интерес к публичным акциям футуристов: общество волновали совсем другие проблемы. Ученик и последователь К. Малевича, художник-супрематист И. Клюн пишет в своих мемуарах: “Жизнь вышла из наезженной колеи, забыты все мелкие, суетные дела, все смешалось, сорвалось с места, и захвачено было одной целью, одной идеей — идеей войны...”¹. На первый план выходит чувство патриотизма, объединяющее футуристов с их прежними идеологическими противниками. Сошел на нет накал политических страстей: теперь произведения бывших непримиримых врагов мирно соседствуют под одной обложкой. Так, в сборнике “Стрелец”, выпущенном в 1915 году, наряду с футуристами опубликованы стихотворения Ремизова, Блока, Кузмина.

В. Каменский поясняет это следующим образом: “Отныне футуризм как бы завершил круговую оборону. Мы вступили в новую фазу вполне самостоятельного монументального мастерства: теперь каждый из нас делал отдельные книги, независимо выступал с лекциями-стихами, печатался где хотел”².

Движение футуристов исчерпало себя. Одни его члены сами вышли из рядов, другие были призваны на фронт, третьи уехали, спасаясь от мобилизации. Большинство футуристических групп распалось, а оставшиеся существовали чисто формально.

По мнению литературоведа Е. Бобринской, “как определенное стилевое течение футуризм в военные годы практически исчез, но в то же время футуризм продолжал существовать как общая формула нового мироощущения, идеология обновления в искусстве”³.

Однако, если бы в среде “гилейцев”, к примеру, не было Маяковского, Хлебникова и, пожалуй, В. Каменского, — фу-

1 Клюн И. Мой путь в искусстве. Воспоминания, дневники, статьи. М., 1999.

2 Каменский В. Путь энтузиаста. — М., 1931.

3 Бобринская Е. А. Футуризм. — М., 2000.

туризм бы, скорее всего, действительно быстро “умер” и был бы, вероятно, забыт. Однако присутствие этих крупных поэтических личностей обеспечило ему не только дальнейшую жизнеспособность, но и заметное место в истории литературы.

Взамен распавшихся футуристических объединений возникают новые группы. В конце 1910-х годов центром активности футуристов становится Грузия, находившаяся тогда под властью меньшевиков, где по различным причинам оказались некоторые столичные поэты и художники. Например А. Крученых, который в конце 1914 года, спасаясь от мобилизации, уехал на Кавказ, где некоторое время работал учителем рисования в женской гимназии в Баталпашинске (ныне Черкесск).

Осенью 1917 года в Тифлисе он основал группу “Синдикат футуристов”, куда, кроме него, вошли поэты и художники: Н. Чернявский, К. и И. Зданевичи, С. Валишевский, Ладос Гудиашвили, Кара-Дарвиш. Просуществовав всего несколько месяцев, “Синдикат” успел, однако, организовать широкую пропагандистскую деятельность, публичные лекции и диспуты, энергичную издательскую работу.

В начале 1918 года из “Синдиката” выделилась группа “41°” (названная так по географической широте Тифлиса), куда вошли А. Крученых, И. Зданевич и И. Терентьев. Из манифеста, опубликованного в одноименной газете, следовало, что основным направлением художественных исканий группы является изобретенный Крученых заумный язык: “Компания 41° объединяет левобережный футуризм и утверждает заумь как обязательную форму воплощения искусства. Задача 41° – использовать все великие открытия сотрудников и надеть мир на новую ось”¹.

В 1917 году попытки оживления футуризма были предприняты и на Дальнем Востоке, где также оказались некоторые бывшие футуристы. В начале 1920 г. во Владивосток приехали Н. Асеев, Д. Бурлюк и С. Третьяков, которые ор-

¹ Из Манифеста, опубликованного в газете “41°” // А. Крученых, В. Хлебников, Г. Петников. Заумники. – М., 1922).

ганизовали группу “Творчество” (туда вошли также П. Незнамов, Н. Чужак, С. Алымов и др.), выпустившую в феврале 1920 г. свой манифест¹. После японского переворота в 1921-м центр дальневосточных футуристов переместился в Читу, а в 1922 после отъезда Асеева в Москву (по приглашению Луначарского) дальневосточный футуризм пришел к своему концу. Несмотря на общую футуристическую основу с тифлисскими коллегами, пути у этих групп были абсолютно разные: заумное искусство (“41°”) и контакт с революционной действительностью (“Творчество”).

Революцию большинство футуристов приветствовали как шаг к тому будущему, к которому они и стремились. Но несмотря на то, что многие футуристы заявили о своей поддержке новой власти, а та, в свою очередь, признала футуризм как искусство, отношение большевиков к авангарду было двойным. Новая власть ставила в заслугу футуристам борьбу с “упадочной” буржуазной культурой, но не могла принять ухода к беспредметности и зауми. Она делала ставку на искусство, “которое ясно и всякому понятно”. Ориентация на массы была одной из главных установок большевиков в культуре.

Разрушительная энергия, свойственная футуризму, как одна из сторон их программы, на первых порах была полезна большевистской партии. Придя к власти, большевики ставили своей задачей разрушение прежних общественных связей до основания. Такие понятия, как “мораль”, “милосердие”, “Бог” и пр., подлежали уничтожению в общественном сознании. В этот период некоторые идеи футуристов оказались как нельзя кстати. По прошествии недолгого времени, прочно прибрав к рукам государство, большевики перестали нуждаться в бунтарях, индивидуальностях, да и попросту в личностях. Трагический финал жизни поэтов-футуристов оказался предрешенным. Для большинства из них он выглядел одинаково: арест и гибель.

¹ Манифест дальневосточных футуристов // Журнал “На рубеже”. Хабаровск, 1935. № 1.

Вышесказанное подтверждает, что исторических перспектив к дальнейшему развитию у футуризма не было. Его пик пришелся на середину 1910-х годов. Все происходившее в недрах этого течения после 1915 года можно назвать его закатом, а крен в сторону большевизма после Октябрьского переворота — попросту агонией.

“Что футуризм — течение значительное и глубокое — не подлежит сомнению. Также несомненно его значительное внешнее влияние (в частности Маяковского) на форму пролетарской поэзии, в первые годы ее существования. Но так же несомненно, что футуризм не вынес тяжести поставленных перед ним задач и под ударами революции полностью развалился. То обстоятельство, что творчество нескольких футуристов — Маяковский, Асеев и Третьяков — в последние годы проникнуто революционной идеологией, говорит только о революционности этих отдельных поэтов: став певцами революции, эти поэты утратили свою футуристическую сущность в значительной степени, и футуризм в целом от этого не стал ближе к революции, как не стали революционными символизм и акмеизм оттого, что членами РКП и певцами революции стали Брюсов, Сергей Городецкий и Владимир Нарбут, или оттого, что почти каждый поэт-символист написал одно или несколько революционных стихотворений”¹.

Подводя итог значению футуризма в истории русской поэзии можно сказать, что он, несмотря на наличие серьезных внутренних противоречий, сыграл значительную роль в становлении таких крупнейших поэтов, как Маяковский, Хлебников, Каменский. Новаторские приемы в области лексики, ритмики, рифмы обогатили русскую поэзию, оказав большое влияние на творчество С. Есенина, Б. Пастернака, Н. Асеева, М. Кузмина, О. Мандельштама, Д. Хармса, Н. Заболоцкого, С. Кирсанова и многих других. А словотворчество Хлебникова открыло неизведанные пу-

ти для дальнейшего развития национальной поэтической школы.

Тем не менее, существуют и другие (причем достаточно многочисленные и авторитетные) мнения о разрушительной сущности футуризма, квинтэссенцией которых является высказывание Корнея Чуковского:

“Вот оно — то настоящее, то единственно подлинное, что так глубоко тайлось у них подо всеми их манифестами, декларациями, заповедями: сбросить, растоптать, уничтожить! Разве здесь не величайший бунт против всех наших святынь и ценностей? Тут бунт ради бунта, тут восторг разрушения, и уж им не остановиться никак. Так и озираются по сторонам, что бы им еще ниспровергнуть. Всю культуру рассыпали в пыль, все наслоения веков, и уже до того добунтовались, что, кажется, дальше и некуда, — до дыры, до пустоты, до нуля, до полного и абсолютного *nihil*, до той знаменитой поэмы... Василиска Гнедова, где нет ни единой строки: белоснежно чистый лист бумаги, на котором ничего не написано! Вот воистину последнее освобождение, последнее оголение души. Это бунт против всего без изъятия, нигилистический, анархический бунт, вечная наша нечаевщина, и это совершенная случайность, что теперь она прикрылась футуризмом”¹.

Как это обычно бывает при наличии столь полярных точек зрения, истина располагается где-то посередине. Чтобы иметь собственное мнение по данному вопросу, следует для начала познакомиться с творчеством поэтов-футуристов, чьи стихотворения были представлены в этом разделе.

¹ Авдеев С. В. Поэзия “серебряного века”: основные течения и взгляды на них. Доклад.

¹ Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1969. С. 234.

После революции многие футуристы решительно встали на сторону новой власти и выражали готовность к активному сотрудничеству с ней. К футуристическому искусству проявлял интерес народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, сам выступавший как критик и драматург. В аппарате у Луначарского в первые послереволюционные годы работало немало недавних футуристов. Современники даже жаловались, что “борьба против футуризма получила страшную видимость одной из форм контрреволюции”¹.

Именно от имени Наркомпроса стал издаваться футуристический орган — газета “Искусство коммуны” (1918), вокруг которой объединилась группа наиболее политически активных футуристов. Здесь и были сформулированы основные принципы теоретической платформы будущего ЛЕФа: создание действенного революционного искусства, поиски новых форм художественной выразительности².

В начале 1923 группа преобразовывается в литературно-художественное объединение ЛЕФ (Левый фронт [искусств]), которое возглавил В. Маяковский. Кроме него членами объединения стали: Н. Асеев, Б. Арватов, О. Брик, В. Каменский, Б. Кушнер, С. Третьяков, Н. Чужак, Б. Пастернак (до 1927 г.). Впоследствии к ним примкнули С. Кирсанов, В. Перцов и др. Близки к ЛЕФу были художники (А. Род-

ченко, В. Степанова, В. Татлин), деятели кино (С. Эйзенштейн, Дзига Вертов, Л. Кулешов), писатели, критики и теоретики искусства (В. Шкловский, А. Лавинский).

ЛЕФ призывал к созданию утилитарных произведений, имеющих определенную функцию. Его идеологи (Арватов, Брик, Третьяков, Шкловский и др.) выдвинули теорию искусства как “жизнестроения”, теорию “социального заказа” (согласно ей, художник являлся только “мастером”, выполняющим задания своего класса), идею “революции формы” (что вело к отрицанию художественно-познавательных функций искусства, недооценке классического наследия), а также программу “производственного искусства”, способствовавшую зарождению художественного конструктивизма. Лефовцы отрицали многие традиционные виды художественного творчества (в т. ч. станковую живопись в изобразительном искусстве, художественный вымысел в литературе), противопоставляя им документ, т. н. “литературу факта”.

Эта вульгарно-социологическая концепция оказала влияние и на лирику Маяковского, выступившего против “вселенского” быта за полное растворение индивидуальных форм жизнедеятельности людей в коллективных формах. Лефовцы афишировали себя как “гегемона революционной литературы” и нетерпимо относились к другим группам. Они пришли к отрицанию художественной условности, а из литературных жанров признавали только очерк, репортаж, лозунг.

Впрочем, говоря о ЛЕФе — так же как и о других литературных объединениях 1920-х годов, — о противоречивых и путаных положениях его программы, необходимо помнить и о том, как часто и решительно опровергали ее своими поэмами и стихами поэты, эту программу подписавшие.

Объединение издавало свой журнал “ЛЕФ” (1923–1925). Затем (в 1927 г.) был организован другой журнал меньшего объема “Новый ЛЕФ”, прекративший свое существование к концу 1928-го, когда ряды лефовцев покинул

1 Эфрос А. Концы без начала // “Шиповник”. М., 1922. С. 117.

2 Эстетические принципы объединения изложены в коллективном манифесте “За что борется ЛЕФ?” // Журнал “Лев”. М., 1923. № 1.

Маяковский. В начале 1929 года объединение ЛЕФ по инициативе Маяковского было преобразовано в РЕФ (Революционный фронт [искусств]), куда не вошли Третьяков, Чужак и др., оставшиеся на старых левовских позициях. Но после разгромной статьи в "Правде" (4 декабря 1929 г.) и вступления Маяковского в РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей) РЕФ прекратил свое существование.

СЕМЕН КИРСАНОВ

(1906–1972)

Красной строкой через все творчество Семена Исааковича Кирсанова проходит его страсть к экспериментаторству — игре словом, языком, внешней формой, за что впоследствии поэт был неоднократно обвинен в "формализме". В самом начале творческого пути Кирсанов входил в "Левый фронт искусств". Он объявил себя левовцем еще до того, как покинул свой родной город — Одессу, на что его подвигло знакомство с Маяковским в начале 1924 г. Москвичом Кирсанов стал лишь два года спустя, но уже до этого в первых номерах журнала "ЛЕФ" печатались его стихи.

Сотрудничество с Маяковским ограничило и отшлифовало несомненный талант Кирсанова, в частности, его обостренный слух на звуко-смысловые связи в языке. Рифмовка, ритм, каламбуры, даже графическая структура стихотворных произведений захватывали Кирсанова, эмоционально им переживались и нередко составляли их творческую основу. Подобный версификационный дар в чистом виде — явление чрезвычайно редкое; в советской поэзии Кирсанов остался уникальной фигурой. Это определило ему заметное место в истории русской литературы XX века.

Девушка и манекен

С папироскою
"Дюшес" —
девушка
проносится.

Лет примерно
 двадцать шесть
 пенсне
 на переносице.

Не любимая
 никем
 (места нет
 надежде!)
 вдруг увидит —
 манекен
 в “Ленинградодежде”.

Дрогнет ноготь
 (в полусне)
 лайкового
 пальца.

Вот он
 девушке в пенсне
 тайно
 улыбается.

Ногу под ногу
 поджав,
 и такой
 хорошенький!
 Брюки в елочку,
 спинжак,
 галстук
 в горошинку.

А каштановая
 прядь
 так спадает
 на лоб,
 что невинность
 потерять

за такого
 мало!

Вот откинёт
 серый плащ
 (“Выйди,
 обними меня!”).
 Подплывает
 к горлу плач.
 “Милый мой!
 Любименький!”

И её
 со всей
 Москвой
 затрясет
 от судорог.
 Девушка!
 Он восковой.
 Уходи
 отсюда!

Гулящая

Завладела
 киноварь
 молодыми
 ртами,
 поцелуя
 хинного
 горечь
 на гортани.

Черны очи —
 пропасти,
 беленькая
 челка...

— Ты куда
 торопишься,
шустрая
 девчонка?

Видно,
 что еще тебе
бедовать
 нетрудно,
что бежишь,
 как оттпель
ручейком
 по Трубной.

Всё тебе,
 душа моя,
ровная
 дорожка,
кликни
 у Горшанова
пива
 да горошка.

Тай-гара,
 гараи-ра! —
нынче
 ничего нет,
к завтраму
 у фрайера
выману
 червонец!

Станет тесно
 в номере,
свяжет руки
 круто,
выглянет

из кофточки
молодая
 грудка.

Я скажу-те,
 кралечка,
отлетает
 лето,
глянет осень
 краешком
желтого
 билета.

Не замолишь
 Господа
никакою
 платой —
песня спета:
 госпиталь,
женская
 палата...

Повылазят
 волосы,
пожелтеют
 щеки,
с жизнью
 покончатся
все дела
 и счета.

Завернешься,
 милая,
под землей
 в калачик.
Над сырой
 могилою

дети
не заплачут.

Туфельки
лядащие,
беленькая
челка...
Шустрая,
пропашая,
милая
девчонка!

Буква М

Малиновое М —
мое метро,
метро Москвы.
Май, музыка, много молодых москвичек,
метростроевцев,
мечутся, мнутя:
— Мало местов?
— Милые, масса места,
мягко, мух мало!
Можете! Мерси... —
Мрамор, морской малахит, молочная мозаика —
мечта!
Михаил Максимович молвит механику:
— Магарыч! Магарыч! —
Мотнулся мизинец манометра.
Минута молчания...
Метро мощно мычит
мотором.
Мелькает, мелькает, мелькает
магнием, метеором, молнией.
Мать моя мамочка!
Мирово!

Мурлычит мотор — могучая музыка машины.
Моховая!
Митя моргнул мечтательной Марусе!
— Марь Михална, метро мы мастерили!
— Молодцы, мастерски! —
Мелькает, мелькает, мелькает...
Махонький мальчик маму молит:
— Мама, ма, можно мне, ма?.. —
Минута молчания...
Мучаюсь, мысли мну...
Слов не хватает на букву эту...
(Музыка... Муха... Мечта... Между тем...)
Мелочи механизма!

Внимайте поэту! —
я заставлю

слова

начинаться

на букву эМ:

МЕТИ МОЕЗД МЕТРО МОД МОСТИНИЦЕЙ
МОССОВЕТА
МИМО МОЗДВИЖЕНКИ
К МОГОЛЕВСКОМУ МУЛЬВАРУ!
МОЖАЛУЙСТА!

Лирика

Человек
стоял и плакал,
комкая конверт.
В сто
ступенек
эскалатор
вез его наверх.
К подымавшимся
колоннам,
к залу,
где светло,

люди
 разные
 наклонно
 плыли
 из метро.

Видел я:
 земля уходит
 из-под его ног.
 Рядом плыл
 на белом своде
 мраморный венок.
 Он уже
 не в силах видеть
 движущийся зал.
 Со слезами,
 чтоб не выдать,
 борются глаза.
 Подойти?
 Спросить:
 “Что с вами?” —
 просто ни к чему.
 Неподвижными
 словами
 на помочь ему.
 Может,
 именно ему-то
 лирика нужна.
 Скорой помощью,
 в минуту,
 подоспеть должна.
 Пусть она
 беду чужую,
 тяжесть всех забот,
 муку
 самую большую
 на себя возьмет.

И поправит,
 и поставит
 ногу на порог,
 и подняться
 в жизнь
 заставит
 лестничками
 строк.

Письмо без адреса

Первое

Я всю ночь
 писал письмо,
 все
 сказал
 в письме.
 Не писать его
 не смог,
 а послать —
 не смел.
 Я писал письмо
 всю ночь,
 в строки
 всматривался,
 только
 нет на свете
 почт
 для такого адреса.
 Если б я
 письмо послал —
 что слова
 на ветер.

Той,
 которой
 я писал,
 нет
 на свете.

Второе

А я
 кораблик сделал
 из письма,
 листок
 бумаги белой
 сложил, не смял.
 И в уйму
 светлых капелек
 пустил по реке:
 “Плыви,
 плыви,
 кораблик,
 к ее руке”.
 А вдруг
 она на пристани,
 спеша домой,
 заметит
 издали
 бумажный мой...
 Но я боюсь —
 бумажный
 потонет, протечет,
 и строки
 очень важные
 она не прочтет.

Третье

А я
 письмо переписал,

и все
 сказал в письме я,
 и сделал —
 бросил в небеса
 воздушного змея.
 “Лети, лети,
 почтовый змей,
 пусть туча
 не догонит,
 но где-то в мире
 встретиться с ней
 и дайся ей
 в ладони”.
 Но я боюсь —
 сверкнет гроза
 зарницами
 и зорями, —
 и где лежит,
 и что сказал
 мой бедный змей
 изорванный?

Четвертое

А я,
 не смыкая глаз,
 до рассвета сизого,
 буду
 много, много раз
 письмо переписывать.
 По улицам,
 по шоссе,
 у вокзальной башенки —
 буду класть его
 во все
 почтовые ящики,
 вешать его
 на дубы,

клеить его
 на клены,
 на стены
 и на столбы,
 на окна
 и колонны.

Последнее

Я пришел,
 и знать не знал,
 ведать не ведал,
 и во сне
 не видел сна,
 и не ждал ответа.
 А пришел,
 подумал только:
 “Вот пришел бы ответ”, —
 лишь подумал
 и со столика
 поднял конверт.
 Я узнал
 любимый почерк,
 ее руку около,
 завитки
 знакомых строчек,
 волосинки с локона.
 А написано
 в письме
 голосом в тиши:
 “Ты искать меня
 не смей,
 писем не пиши.
 Я ушла
 навек — надолго
 и не в близкий путь,

не пиши
 и не надо,
 лучше забудь.
 И не надо
 змеев по небу
 и листков на столбы, —
 я прошу тебя:
 кого-нибудь
 найди, полюби...”
 А страницы
 в пальцах тают,
 не дочитан ответ,
 я еще письмо
 читаю,
 а письма уже нет.
 Завитки
 любимых строчек
 ищут глаза еще,
 но меж пальцев
 только почерк,
 и то — исчезающий.

Воспоминание

Тихое облако в комнате ожило
 тенью стены
 свет заслоня.
 Голос из дальнего, голос из прошлого
 из-за спины
 обнял меня.
 Веки закрыл мне ладонями свежими,
 розовым югом
 дышат цветы...
 Пальцы знакомые веками взвешены,
 я узнаю:
 да, это ты!

Поэзия Серебряного века

Горькая. Краткая радость свидания;
наедине

и не вдвоем...

Начал расспрашивать голос из дальнего:

— Помнишь меня

в доме своем?

С кем ты встречаешься? Как тебе дышится?

Куришь помногу?

Рано встаешь?

Чем увлекаешься? Как тебе пишется?

Кто тебя любит?

Как ты живешь?

Я бы ответил запряганной правдою:

мысль о тебе

смыть не могу...

Но — не встревожу, лучше — обрадую.

— Мне хорошо, —

лучше солгу.

Все как по-старому — чисто и вымыто,

вовремя завтрак,

в окнах зима.

Видишь — и сердце из траура вынуто,

я же веселый,

знаешь сама.

Руки сказали: — Поздно, прощаемся.

Пальцы от глаз

надо отнять.

Если мы любим — мы возвращаемся,

вспомнят о нас —

любят опять.

ИМАЖИНИЗМ

Имажинизм (от *фр.* и *англ.* image — образ) — литературно-художественное течение, возникшее в России в первые послереволюционные годы на основе литературной практики футуризма.

Основные признаки имажинизма:

- главенство “образа как такового”; образ — максимально общая категория, подменяющая собой оценочное понятие художественности;
- поэтическое творчество есть процесс развития языка через метафору;
- эпитет есть сумма метафор, сравнений и противоположений какого-либо предмета;
- поэтическое содержание есть эволюция образа и эпитета как самого примитивного образа;
- текст, имеющий определенное связное содержание, не может быть отнесен к области поэзии, так как выполняет скорее идеологическую функцию; стихотворение же должно представлять собой “каталог образов”, одинаково читаться с начала и с конца.

Имажинизм был последней нашумевшей школой в русской поэзии XX века. Это направление было создано через два года после революции, но по всей своей содержательной направленности ничего общего с революцией не имело.

29 января 1919 г. в Московском отделении Всероссийского союза поэтов прошел первый поэтический вечер имажинистов. А уже на следующий день была опубликована первая Декларация¹, в которой провозглашались творческие принципы нового движения. Ее подписали претенциозно назвавшиеся “передовой линией имажинистов” поэты С. Есенин, Р. Ивнев, А. Мариенгоф и В. Шершеневич, а также художники Б. Эрдман и Г. Якулов. Так появился русский имажинизм, у которого с его английским предшественником общим было только название.

Среди исследователей и литературоведов до сих пор идут споры о том, следует ли имажинизм поместить в один ряд с символизмом, акмеизмом и футуризмом, трактуя творческие достижения этой поэтической группы как “интересное явление литературы постсимволизма и как определенный этап развития”², или корректнее было бы рассматривать это явление в ряду многочисленных течений и объединений 20-х годов XX века, которые, развиваясь в общем духе авангардизма, не смогли открыть принципиально новых путей развития поэзии и в итоге остались только эпигонами футуризма.

“Одной из причин “теоретического бума” первых пореволюционных лет была попытка волевым усилием, используя рациональные и научные методы, оперируя понятиями ремесла и мастерства, генерировать все новые и новые поэтические системы, а имажинизм, безусловно, был одним из самых жизнеспособных поэтических течений того времени. Поэтому вопрос о состоятельности и самостоятельности имажинизма как течения имеет важное методологическое значение, так как показывает возможность или невозможность подобного пути развития поэтического языка”³.

1 Журнал “Сирена” (Воронеж), 1919. № 4/5, 30 января.

2 Тернова Т. История и практика русского имажинизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. фил. наук. Воронеж, 2000. С. 3.

3 Иванова Е. Существует ли имажинизм? (К вопросу о вариативности теоретических доктрин имажинизма) // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сборник научных трудов. Саратов, 2003. С. 241.

Так же, как символизм и футуризм, имажинизм зародился на Западе и уже оттуда был пересажен Шершеневичем на русскую почву. И так же, как символизм и футуризм, он значительно отличался от имажинизма западных поэтов.

Термин заимствован у авангардистской школы англоязычной поэзии – *имажизма*. Это слово впервые попало в поле зрения русских читателей в 1915 году с появлением статьи З. Венгеровой¹, в которой рассказывалось о лондонской поэтической группе имажистов, во главе которой стояли Эзра Паунд и Уиндем Льюис. Однако русских имажинистов нельзя назвать преемниками имажистов. И хотя теоретические установки английских поэтов во многом соответствовали творческим исканиям Шершеневича и К^о (“Мы не футуристы, – писал Паунд, – в поэзии мы “имажисты”. Наша задача сосредоточиться на образах, составляющих первоначальную стихию поэзии...”), сами представители имажинизма никогда не называли лондонских имажистов своими предшественниками. Их теоретическая программа скорее перекликалась с содержанием деклараций кубофутуристов, несмотря на взаимное отрицание этими группами друг друга.

Теория имажинизма основным принципом поэзии провозглашала примат “образа как такового”. Не слово-символ с бесконечным количеством значений (символизм), не слово-звук (кубофутуризм), не слово-название вещи (акмеизм), а слово-метафора с одним определенным значением является основой имажинизма. В вышеупомянутой Декларации имажинисты утверждали, “что единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов... Образ, и только образ <...> – вот орудие производства мастера искусства... Только образ, как нафталин, пересыпающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ – это броня строки. Это панцирь кар-

1 Венгерова З. “Английские футуристы” // Альманах “Стрелец”. Пг., 1915. № 1.

тины. Это крепостная артиллерия театрального действия. Всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картины". Теоретическое обоснование этого принципа сводилось у имажинистов к уподоблению поэтического творчества процессу развития языка через метафору.

По существу, в их приемах, так же как и в их "образности", не было ничего особенно нового. "Имажинизм" как один из приемов художественного творчества широко использовался не только футуризмом, но и символизмом. Новым было лишь упорство, с которым имажинисты выдвигали образ на первый план и сводили к нему все в поэзии — и содержание и форму.

Характерной особенностью развития русской поэзии первых десятилетий XX века являлось то, что каждое литературное направление рождалось под знаком непримиримой борьбы, соперничества со своими предшественниками. И если начало 1910-х годов прошло под знаком "преодоления символизма" акмеистами и футуристами, то возникший в конце десятилетия имажинизм обозначил конечной целью своей борьбы "преодоление футуризма", с которым он по сути состоял в родственных отношениях. Возможно, именно прежнее участие некоторых имажинистов в футуристическом движении явилось причиной появления уже в первой Декларации имажинистов выпада против своих прежних соратников: "Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 — умер 1919). Издох футуризм. Давайте грянем дружнее: футуризму и футурую смерть!".

Одним из организаторов и признанным идейным лидером группы был В. Шершеневич. Известный как теоретик и пропагандист имажинизма, яростный критик и ниспровергатель футуризма, начинал он именно как футурист. Е. Иванова справедливо замечает, что "причины, побудившие Шершеневича объявить войну футуризму, носят отчасти личный ("Принимая футуризм, я не принимаю футури-

тов"), отчасти политический характер. Но если отвлечься от его антифутуристической риторики ("Футуризм умер. Да будет ему земля клоунадой."), становится очевидной зависимость поэтических и теоретических экспериментов Шершеневича от идей Ф. Маринетти и творческих исканий других футуристов — В. Маяковского, В. Хлебникова"¹.

Что касается другого активного члена группы, А. Мариенгофа, то, несмотря на эстетический нигилизм, порой далеко превосходивший даже авангардные опыты бывшего футуриста Шершеневича, его теоретическую концепцию в некоторых аспектах следует признать более консервативной. Как указано в другой работе Е. Ивановой, "роль А. Мариенгофа в группе имажинистов исследователи определяют неоднозначно, порой объявляя его последователем С. Есенина (исходя, вероятно, в большей степени из факта их дружеских отношений), порой объединяя с Шершеневичем и противопоставляя Есенину. Хотя Мариенгоф оспаривал пальму первенства теоретика у Шершеневича, в его высказываниях сравнительно небольшое внимание уделяется образу как таковому <...> Область интересов Мариенгофа преимущественно сосредоточена на сфере содержания"². Сам Мариенгоф говорит об этом так: "Искусство есть форма. Содержание — одна из частей формы. Целое прекрасно только в том случае, если прекрасна каждая из его частей. Не может быть прекрасной формы без прекрасного содержания. Глубина в содержании — синоним прекрасного"³.

В состав объединения имажинистов входили поэты довольно (а иногда и совершенно) разные и непохожие. Большое значение для группы имели не только эстетическая позиция соратника и воплощавшая ее творческая деятельность, но и внелитературное поведение, бытовое об-

1 Иванова Е. Шершеневич: в поисках истинного футуризма // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы международной научной конференции. М., 2003.

2 Иванова Е. Существует ли имажинизм? // Указ. изд. С. 245.

3 Мариенгоф А. Буян-остров: Имажинизм. — М., 1920.

щение и дружеские связи. Например, критики неоднократно отмечали, что поэзия Ивнева, мягко говоря, не совсем отвечает требованиям имажинистской теории. В частности, В. Брюсов писал: “По какому-то недоразумению, в списках имажинистов значится Рюрик Ивнев, <...> стоящий на полпути от акмеизма к футуризму”. Но соратники по объединению высоко ценили стихи Ивнева, считали его “своим”.

Во многом повлияли на развитие течения теоретические работы и поэтическое творчество С. Есенина, который входил в костяк объединения. К моменту образования группы у него уже была собственная программа, изложенная в трактате “Ключи Марии”¹, где поэт на основании личного опыта размышлял о творчестве в целом и словесном искусстве в частности. В нем выражалось есенинское стремление творчески овладеть “органической фигуральностью” русского языка и содержался ряд весьма интересных соображений об опоре на национальную стихию и фольклор. Народная мифология была одним из главных источников образности Есенина, а мифологическая параллель “природа — человек” стала основополагающей для его поэтического мироощущения.

Тем не менее, Есенин вступил в ряды имажинистов и подписался под Декларацией, отражавшей представления в основном Шершеневича и Мариенгофа, первый из которых был выходцем из околофутуристических кругов, второй тяготел к ним духовно. Этих новых приятелей Есенина нескрывая раздражал его “национализм”, но им нужно было его громкое имя как знамя набирающего силу движения. Шершеневич в рецензии на “Ключи Марии” писал: “Эта небольшая книга одного из идеологов имажинизма рисует нам философию имажинизма, чертит то миропонимание новой школы, которое упорно не хотят заметить враги нового искусства. <...> Отмежевавшись от беспочвен-

ного машинизма русского и итальянского футуризма, Есенин создает новый образ современной идеологии”¹.

Есенин скоро отошел от имажинизма, уже в 1921 году печатно назвав занятия своих приятелей “кривлянием ради самого кривляния” и связав их адресованное окружающим бессмысленное ерничество с отсутствием “чувства родины”².

Детальнее охарактеризовать всю школу в целом едва ли возможно: в ее состав входили поэты, весьма разнородные по своим теоретическим взглядам и поэтической практике. К имажинистскому движению наряду с подписавшими Декларацию присоединились И. Грузинов, А. Кусиков (Кусикян), Н. Эрдман (брат художника Б. Эрдмана), М. Ройзман, В. Эрлих и другие. Возник “Орден имажинистов”. В Петрограде был основан “Воинствующих Орден имажинистов” (1923), который, однако, широкой известности не приобрел. Наиболее активными его участниками являлись В. Ричиотти, И. Афанасьев-Соловьев и Г. Шмерельсон.

В разное время в распоряжении имажинистов имелось несколько издательств — “Имажинисты”, “Чихи-Пихи” и “Сандро”, известное литературное кафе “Стойло Пегаса” (закрылось в 1922), а также журнал “Гостиница для путешественников в прекрасном” (всего за время его существования 1922–1924 вышло 4 номера).

Пытаясь в очередной раз эксплуатировать скандальный успех, когда-то выпавший на долю русского кубофутуризма, имажинисты подражали футуристическому эпатажу публики, но их давно уже не новые “дерзости” носили театрально-наивный, если не откровенно вторичный, характер.

Сам Шершеневич в своих воспоминаниях писал: “Скандал в дореволюционной России был одним из легальных способов “протеста” <...> Скандал тогда был и способом саморекламы. После революции мы, имажинисты, попробовали “по традиции” пойти по этому пути. Но в изменив-

¹ Есенин С. Ключи Марии. — М.: Изд-во “Московской трудовой артели художников слова”, 1920 (на обороте титула — 1919). Рукопись датирована “сентябрь — ноябрь 1918 г.”.

¹ Журнал “Знамя”. — М., 1920. № 2(4), май. С. 57, 58.

² Есенин С. Собр. соч., т. 5. — М., 1962. С. 61.

шейся обстановке факт скандала стал давать уже другой резонанс. Реклама получилась печальная, протеста не получалось совсем. Мы пробовали идти в бой с картонными мечами”¹.

За пять лет активной деятельности имажинисты смогли завоевать громкую, хотя и скандальную славу. Постоянно проходили поэтические диспуты, где мэтры нового течения весьма успешно доказывали окружающим превосходство новоизобретенной поэтической системы над всеми предшествующими.

Акции имажинистов порой выходили за пределы общепринятых норм поведения. К числу таковых можно отнести и роспись стен Страстного монастыря богохульными надписями, и “переименование” московских улиц (табличка “Тверская” менялась на “Есенинская”) и т. п.

В 1919 году имажинисты потребовали ни много ни мало “отделения государства от искусства”. Шершеневич в своей статье писал: “...государству нужно для своих целей искусство совершенно определенного порядка, и оно поддерживает только то искусство, которое служит ему хорошей ширмой. Все остальные течения искусства затираются. Государству нужно не искусство исканий, а искусство пропаганды. <...> Мы, имажинисты... с самого начала... не становились на задние лапки перед государством. Государство нас не признает — и слава Богу! Мы открыто кидаем свой лозунг: Долой государство! Да здравствует отделение государства от искусства!”²

Если с привлечением общественного внимания дела у имажинистов обстояли не лучшим образом (что отмечали даже современники), то в области издательской и книготорговой они явно преуспевали. Имажинистам принадлежали два книжных салона: лавка “Московской трудовой артели художников слова”, где вели торговлю Есенин и

Мариенгоф, и конкурирующий с ними книжный магазин Шершеневича и Кусикова. Кроме того, имажинисты владели кинотеатром “Лилипут”. А имея несколько собственных издательств, они в начале 1920-х гг. печатают столько книг, что критик А. Кауфман не преминул ехидно заметить: “...издания имажинистов поглотили бумажную выработку, по крайней мере, одной бумагоделательной фабрики за год”. Пресса отмечала, что “интенсивно работает “Книгоиздательство имажинистов”, выпустившее с ноября прошлого года более десяти книг поэтов-имажинистов...”¹. И это в самый разгар бумажного голода!

Правда, после того как летом 1922 года был образован Главлит, печататься имажинистам стало уже значительно сложнее.

Отношения имажинистов с властями — в силу особенностей их творческой позиции, внелитературных связей и исторического момента — требуют особого внимания. А. Евстратовым приводятся некоторые эпизоды, касающиеся специфики общественно-политической жизни того времени.

“Политизация общественной жизни в послереволюционной России сказалась и на особенностях культурного мира того времени. В 1919 создается анархистского толка “Ассоциация вольнодумцев”, под крылом которой до 1924 находилась литературная группа имажинистов. Основателями и членами правления “Ассоциации” были Есенин и Мариенгоф; они написали устав, официально утвержденный А. В. Луначарским.

Имажинисты в силу своего скандального, богемного образа жизни часто попадали в руки милиции и работников ЧК. Выручали их только многочисленные связи с теми же чекистами. Помимо этого, Рюрик Ивнев был личным секретарем наркома просвещения Луначарского, состоял во Всероссийской коллегии по организации РККА, занимался организацией агитпоезда им. А. В. Луначарского, публиковал в

¹ “Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова”. — М.: Московский рабочий, 1990.

² Ш е р ш е н е в и ч В. Искусство и государство (1919) // Шершеневич В. Листы имажиниста. Ярославль, 1997.

¹ Журнал “Жизнь искусства”, 1921, 16–18 марта.

“Известиях ВЦИК” политические статьи, призывавшие интеллигенцию работать на новую власть. Имажинисты поддерживали отношения с эсером Я. Блюмкиным, с Л. Троцким, Л. Каменевым”¹.

Или еще такой факт: “В 1920 году Шершеневич удостоивается редкой для современных ему поэтов чести: его читает Ленин. Правда, происходит это благодаря недоразумению. Весь тираж поэтического сборника В. Шершеневича “Лошадь как лошадь”² в силу “лошадиного названия” отправляется на склад Наркомзема для дальнейшего распространения среди трудового крестьянства. О случившемся “вопиющем факте” докладывают Ильичу...”³.

Творческие разногласия имажинистов в конце концов привели к тому, что группа разделилась на правое (Есенин, Ивнев, Кусиков, Грузинов, Ройзман) и левое крыло (Шершеневич, Мариенгоф, Н. Эрдман) с противоположными взглядами на задачи поэзии, ее содержательную сторону, форму, образ.

В 1924 году С. Есенин опубликовал в газете письмо⁴, подписанное также И. Грузиновым (подобно ему, поэтом крестьянского происхождения), в котором оба автора официально заявили, что выходят из группы имажинистов: “Мы, создатели имажинизма, доводим до всеобщего сведения, что группа “Имажинисты” в доселе известном составе объявляется нами распущенной”.

Заявление Есенина явилось для имажинистов крайней неожиданностью. Сами они, предполагая большое будущее своей школы, только собирались приступить к “деланию большого искусства”, числя все созданное ими ранее лишь

неким подготовительным этапом. В “Письме в редакцию” журнала “Новый зритель” Ивнев, Мариенгоф, Ройзман, Шершеневич и Н. Эрдман выступили с резким опровержением есенинского заявления о роспуске группы, назвав его “развязным и безответственным”. Они обвинили поэта в приспособленчестве: “...Есенин примыкал к нашей идеологии, поскольку она ему была удобна, и мы никогда в нем, вечно отказывавшемся от своего слова, не были уверены как в соратнике”. Здесь же бывшие “собратья” постарались перехватить инициативу, заявив, что “у группы наметилось внутреннее расхождение с Есениным, и она принуждена была отмежеваться от него...”. В публикации содержались грубые и оскорбительные выпады в адрес поэта: “Есенин в нашем представлении безнадежно болен физически и психически, и это единственное оправдание его поступков”¹.

С уходом Есенина закончил свое существование и официальный орган имажинистов, журнал “Гостиница для путешественников в прекрасном”. И хотя имажинисты по инерции еще издавали сборники, пытались реанимировать “Стойло Пегаса” и даже, уже в 1927 году, основать новый журнал; хотя еще какое-то время функционировал ленинградский “Воинствующий Орден имажинистов” и группы поэтов-имажинистов в некоторых провинциальных городах, — без Есенина имажинизм угасал. Последний коллективный сборник “Имажинисты” (1925) вызвал и такой, к примеру, отклик прессы: “Агония идеологического вырождения имажинизма закончилась очень быстро, и первые же годы НЭПа похоронили почти окончательно имажинизм как литературную школу: “моль времени” оказалась сильнее “нафталина образов””.

Есенин писал: “В 1919 г. я с рядом товарищей опубликовал манифест имажинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой...”².

¹ Журнал “Новый зритель”. 1924. № 35, 9 сентября. С. 16.

² “О себе”. Автобиография (октябрь 1925 г.).

¹ Евстратов А. Имажинизм // Опул.: <http://www.krugosvet.ru/articles>.

² Шершеневич В. Лошадь как лошадь. — М.: Книгоиздательство имажинистов, 1919.

³ Из вступительной статьи В. Бобрецова к книге: Шершеневич В. Листы имажиниста. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

⁴ Газета “Правда”, 31 августа.

Итог теоретической и практической деятельности группы подвел Шершеневич в статье “Существуют ли имажинисты?” Признав, что “имажинизма сейчас нет ни как течения, ни как школы”, он так объясняет его кончину: “Это произошло в силу объективных причин, лежащих вне поэзии. <...> Сущность поэзии переключена: из искусства он превращен в полемику. <...> От поэзии отнята лиричность. А поэзия без лиризма это то же, что беговая лошадь без ноги. Отсюда и вполне понятный крах имажинизма, который все время настаивал на поэтизации поэзии”¹.

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

(1893–1942)

Вадим Габриэлевич Шершеневич в поисках своего места в литературе был в разное время апологетом многих течений: символизма, футуризма, в котором претендовал на роль лидера и главного теоретика; был организатором издательства “Мезонин поэзии”, вокруг которого сформировалась одноименная группа. После революции провозгласил новое поэтическое направление — имажинизм. В своей зрелой лирике активно развивал урбанистическую тему, разработав оригинальный акцентный стих с переносными и неравносложными рифмами.

Шершеневич активно участвовал в литературной борьбе тех лет, выступал как теоретик-стиховед. В дальнейшем вынужденно занимался переводами пьес и либретто и написанием мемуаров, которые при его жизни не были опубликованы. Умер в эвакуации.

A Claire

Опять старинною вуалью
Окутывает очи грусть...
Читаю с жалобной печалью
Мою судьбину наизусть.

Грядущим людям, не усталым,
Не расслышать моих шагов,
Мне не дойти хоть тихим валом
До отдаленных берегов!

¹ Шершеневич В. Существуют ли имажинисты? // Газета “Читатель и писатель”. 1928, 1 февраля.

Я их покоя не нарушу,
К ним голос мой не долетит.
Храните пасмурную душу,
Истертые обломки плит.

Доверчиво-прозрачна доля,
Ее не заплетает мгла:
Так замирает ветер в поле,
Не долетая до села.

Мой век мои стенанья спрячет,
Как разговор подруги грудь;
Я не грущу, что путь мой начат:
Я знаю, что недолог путь!

[1913]

* * *

“Фотографирует сердце”

Хрисанф

Вы не думайте, что сердцем-кодаком
Канканирующую секунду запечатлеете!..
Это вечность постригла свою бороду
И зазывает на поломанной флейте.

Ленты губ в призывчатом далеке...
Мы — вневременные — уйдемте!
У нас гирлянды шарлатаний в руке,
Их ли бросить кричащему в омуте?!

Мы заборы новаторством рубим!
Ах, как ласково новую весть нести...
Перед нами памятник-кубик,
Занавешенный полотняной неизвестностью.

Но поймите — я верю — мы движемся
По проспектам электронервным.
Вы шуты! Ах, я в рыжем сам!
Ах, мы все равны!

Возвратите объедки памяти!
Я к памятнику хочу!.. Пустите!
Там весть об истеричном Гамлете
(Моем друге) стоит на граните.

Ломайте и рвите, клоуны, завесы,
Если уверены, что под ними принц!..
Топчут душу взъяренные аписы!
Я один... Я маленький... Я мизинец!..

[1913]

Эскизетта

Ее сиятельству графине Клафе

Белые гетры... Шляпа без фетра...
Губ золотой сургуч...
Синие руки нахального ветра
Трогают локоны туч.
Трель мотоцикла... Дама поникла...
Губы сжаты в тоске...
Чтение галантное быстрого цикла
В лунном шале на песке.
В городе где-то возле Эгрета
Модный кружит котелок,
В траурном платье едет планета
На голубой five o'clock.

1913

* * *

В рукавицу извощика серебряную каплю пролил,
Взлифтился, отпер дверь легко...
В потерянной комнате пахло молью
И полночь скакала в черном трико.

Сквозь глаза пьяной комнаты, игрив и юродив,
Втягивался нервный лунный тик,
А на гениальном диване — прямо напротив
Меня — хохотал в белье мой двойник.

И Вы, разбухшая, пухлая, разрыхленная,
Обнимали мой вариант костяной.
Я руками взял Ваше сердце выхолненное,
Исцарапал его ревностью стальной.

И, вместе с двойником, фейерверя тосты,
Вашу любовь до утра грызли мы
Досыта, досыта, досыта
Запивая шипучею мыслью.

А когда солнце на моторе резком
Уверенно выиграло главный приз —
Мой двойник вполз в меня, потрескивая,
И тяжелою массою бухнулся вниз.

[1913]

* * *

Порыжела небесная наволочка
Со звездными метками изредка...
Закрыта земная лавочка
Рукою вечернего призрака.
Вы вошли в розовом капоре,

И, как огненные саламандры,
Ваши слова закапали
В мой меморандум.
Уронили, как пепел оливковый,
С догоревших губ упреки...
По душе побежали вразбивку
Воспоминания легкие.
Проложили отчетливо рельсы
Для рейсов будущей горечи...
Как пузырьки в зельтерской,
Я забился в нечаянных корчах.
Ах, как жег этот пепел с окурка
Все, что было тоскливо и дорого!
Боль по привычке хирурга
Ампутировала восторги.

[1913]

Тост

все мы как будто на роликах
свалиться легко носейчас
мчатся и веселой оисколько
дам Лорнируют Гменно нас
наш гербу крашенликерами
име дерзкие душасьши пром
ищем ЮгИюляиво все форму
мча СилоЮоткрыток клиппер
зн Ойнознаемчто все юноши
и все почти говору беззусые
утверждая это чашкупунша
пьем с радостью забрюсова

[1913]

Марш

Где с гор спущенных роц прядки,
 Где поезд вползает в туннель, как крот, —
 Там пульс четкий военной лихорадки,
 Мерный шаг маршевых рот.
 Идут и к небу поднимают, как взоры,
 Крепкие руки стальных штыков, —
 Бряцают навстречу им, как шпоры
 Лихого боя, пули стрелков.
 В вечернем мраке — в кавказской бурке
 С кинжалом лунным, мир спрятал взгляд...
 В пепельницу котловин летят окурки
 Искусанных снарядами тел солдат.

[1916]

* * *

В переулках шумящих мы бредим и бродим.
 Перебои мотора заливают площадь.
 Как по битому стеклу — душа по острым мелодиям
 Своего сочиненья гуляет, тощая.
 Воспоминанья встают, как дрожжи; как дрожжи,
 Разрыхляют душу, сбившуюся в темпе.
 Судьба перочинным заржавленным ножиком
 Вырезает на сердце пошловатый штампель.
 Улыбаюсь брюнеткам, блондинкам, шатенкам,
 Виртуозу негритянские фабулы.
 Увы! Остановиться не на ком
 Душе, которая насквозь ослабла!
 Жизнь заgrimирована фактическими бреднями,
 А впрочем, она и без грима вылитый фавн.
 Видали Вы, как фонарь на столбе повесился медленно,
 Обернутый в электрический саван?

1916

* * *

Из-за глухонемых серых портьер, це-
 пляясь за кресла кабинета,
 Вы появились и свое сердце
 Положили в бронзовые руки поэта.
 Разделись, и только в брюнетной голове чер-
 епашилась гребенка и желтела.
 Вы завернулись в прозрачный вечер.
 Как будто тюлем в июле
 Завернули
 Тело.
 Я метался, как на пожаре огонь, ше-
 пча: Пощадите, не надо, не надо!
 А Вы становились всё тише и тоньше,
 И продолжалась сумасшедшая бравада.
 И в страсти и в злости кости и кисти на
 части ломались, трещали, сгибались,
 И вдруг стало ясно, что истина —
 Это Вы, а Вы улыбались.
 Я умолял Вас: “Моя? Моя!”, вол-
 нуясь и бегая по кабинету.
 А сладострастный и угрюмый Дьявол
 Расставлял восклицательные скелеты.

[1916]

Принцип развернутой аналогии

Вот, как черная искра, и мягко и тускло,
 Быстро мышшь прошмыгнула по ковру за порог...
 Это двинулся вдруг ли у сумрака мускул?
 Или демон швырнул мне свой черный смешок?

Словно пот на виске тишины, этот скорый,
 Жесткий стук мышеловки за шорохом ниш...

Ах! Как сладко нести мышеловку, в которой,
Словно сердце, колотится между ребрами проволок мышья!

Распахнуть вдруг все двери! Как раскрытые губы!
И рассвет мне дохнет резедой,
Резедой.
Шаг и кошка... Как в хохоте быстрые зубы.
В деснах лап ее когти блеснут белизной.

И на мышья, на кусочек
Мной пойманной ночи,
Кот усы возложил, будто ленты венков,
В вечность свесивши хвостик свой длинный,
Офелией черной, безвинно-
Невинной,
Труп мышонка плывет в пышной пене зубов.

И опять тишина... Лишь петух — этот маг голосистый,
Лепестки своих криков уронит на пальцы встающего дня...

.....

Как Тебя понимаю, скучающий Господи чистый,
Что так часто врагам предавал, как мышонка, меня!..

Ноябрь 1917

Инструментовка образом

Эти волосы, пенясь прибоем, тоскуют,
Затопляя песочные отмели лба,
На котором морщинки, как надпись, рисует,
Словно тростью, рассеянно ваша судьба.

Вам грустить тишиной, набегающей резче,
Истекает по каплям, по пальцам рука.

Синих жилок букет васильками
Трепещет
В этом поле вечернем ржаного виска.

Шестиклассник влюбленными прячет руками
И каракульки букв, назначающих час...
Так готов сохранить я строками
На память,
Как вздох, освященный златоустьем глаз.

Вам грустить тишиной... Пожалейте: исплачу
Я за вас этот грустный, истомляющий хруп!
Это жизнь моя бешеной тройкою скачет
Под малиновый звон ваших льющих губ.

В этой тройке —
Вдвоем. И луна в окна бойко
Натянула, как желтые вожжи лучи.
Под малиновый звон звонких губ ваших, тройка,
Ошалелая тройка,
Напролом проскачи.

Март 1918

Эстрадная архитектура

Мы последние в нашей касте
И жить нам недолгий срок.
Мы — коробейники счастья,
Кустари задушевных строк!

Скоро вытекут на смену оравы
Не знающих сгустков в крови —
Машинисты железной славы
И ремесленники любви.

И в жизни оставят место
Свободным от машин и основ:
Семь минут для ласки невесты,
Три секунды в день для стихов.

Со стальными, как рельсы, нервами
(Не в хулу говорю, а в лесть!)
От двенадцати до полчаса первого
Будут молиться и есть!

Торопитесь же, девушки, женщины,
Влюбляйтесь в певцов чудес.
Мы пока последние трещины,
Что не залил в мире прогресс!

Мы последние в нашей династии,
Любите же в оставшийся срок
Нас, коробейников счастья,
Кустарей задушевных строк!

Сентябрь 1918

Сердце частушка молитв

Я. Бломкину

Другим надо славы, серебряных ложечек,
Другим стоит много слез, —
А мне бы только любви немножечко
Да десятка два папирос.

А мне бы только любви вот столечко
Без истерик, без клятв, без тревог,
Чтоб мог как-то просто какую-то Олечку
Обсосать с головы до ног.

И, право, не надо злополучных бессмертий,
Блестяще разрешаю мировой вопрос, —
Если верю во что — в шерстяные материи,
Если знаю — не больше, чем знал и Христос.

И вот за душою почти несуразною
Ширококолейно и как-то в упор
Май идет краснощекий, превесело праздную
Воробыною сплетней распертый простор.

Коль о чем я молюсь, так чтоб скромно мне в дым уйти,
Не оставить сирот — ни стихов, ни детей;
А умру — мое тело плечистое вымойте
В сладкой воде фельетонных статей.

Мое имя, попробуйте, в Библию всуньте-ка.
Жил, мол, эдакий комик святой,
И всю жизнь проискал он любви бы полфунтика,
Называя любовью покой.

И смешной, кто у Данте влюбленность наследовал,
Весь грустящий от пят до ушей,
У веселых девчонок по ночам исповедовал
Свое тело за восемь рублей.

На висках у него вместо жилок — по лилии,
Когда плакал — платок был в крови,
Был последним в уже вымиравшей фамилии
Агасферов единой любви.

Но пока я не умер, простудясь у окошечка,
Все смотря: не пройдет ли по Арбату Христос, —
Мне бы только любви немножечко
Да десятка два папирос.

Октябрь 1918

Принцип басни

А. Кусикову

Закат запыхался. Загнанная лиса.
Луна выплывала воблою вяленой.
А у подъезда стоял рысак.
Лошадь как лошадь. Две белых подпалины.

И ноги уткнуты в стаканы копыт.
Губкою впитывало воздух ухо.
Вдруг стали глаза по-человечьи глупы,
И на землю заплюхало глухо.

И чу! Воробьев канитель и полет
Чириканьем в воздухе машется.
И клювами роют теплый помет,
Чтоб зернышки выбрать из кашицы.

И старый угрюмо учил молодежь:
— Эх! Пошла нынче пища не та еще!
А рысак равнодушно глядел на галдеж,
Над кругляшками вырастающий.

Эй, люди! Двупаши воробьи,
Что несутся с чириканьем, с плачами,
Чтоб порыться в моих строках о любви,
Как глядеть мне на вас по-иному?!

Я стою у подъезда придуших веков,
Седока жду отчаяньем нищего
И трубою свой хвост задираю легко,
Чтоб покорно слетались на пищу вы!

Весна 1919

Прощай

Ты изменила, как жена,
Ну что ж, язвы, хули, злорадствуй,
О, нищая моя страна
Неисчислимого богатства!

Ты хорошеешь с каждым днем,
Таким соленым и жестоким,
Мы очарованные пьем
Заздравье годам краснощеким.

Ты позабыла навсегда,
Ты накрепко, страна, забыла
Всклокоченные те года,
Когда меня ты так любила!

О, та ли ты? Иль я не тот?
Но ясно после расставанья,
Что говор твой не так поет,
Как горькое мое молчанье.

Прими ж последнее прости,
Спеша, смеясь и не краснея,
Но урну с пеплом помести
Ты в залу лучшего музея.

Ведь не совсем уж все мертво
В твоей душе невольной братской,
Я был любовник верный твой,
И трогательный, и дурацкий!

14 сентября 1931

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

(1897–1942)

Анатолий Борисович Мариенгоф родился в Нижнем Новгороде, в семье служащего. После смерти матери переехал в Пензу. Окончив пензенскую гимназию (1916), поступил на юридический факультет Московского университета, но вскоре был призван на военную службу. После революции вернулся в Пензу, в 1918 г. создал там группу имажинистов, выпускал журнал «Комедиант», принимал участие в альманахе «Исход». В этом же году переехал в Москву, познакомился с Есениным, с которым был почти неразлучен вплоть до конца 1923 г. В 1918-м издал первую книгу стихов «Витрина сердца». В 1919 вошел в новую группу имажинистов. В 1919–1922 гг. вместе с Есениным ездил по стране с чтением стихов, написал несколько статей по теории имажинизма. В 1928 г. переехал в Ленинград, занимался литературным трудом; с начала Великой Отечественной войны работал на Ленинградском радио.

В издательстве «Имажинисты» вышло семь сборников поэта, получивших неоднозначную оценку критики. В 1927–1930 гг. напечатаны три книжки его стихов для детей; в 1942-м в Кирове вышли две книги стихов. Мариенгоф написал более десяти больших пьес и множество скетчей, несколько прозаических произведений, около десяти сценариев.

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

* * *

Пятнышко, как от раздавленной клюквы.
Тише. Не хлопайте дверью. Человек...
Простенькие четыре буквы:
— умер.

[1918]

* * *

Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза
И на крыши сползла по ресницам.
Встала печаль, как Лазарь,
И побежала на улицы рыдать и виниться.
Кидалась на шею — и все шарахались
И кричали: безумная!
И в барабанные перепонки вопами страха
Били, как в звенящие бубны.

1917

* * *

Кровью плюем зазорно
Богу в юродивый взор.
Вот на красном черным:
«Массовый террор».
Метлами ветру будет
Говядину чью подместь.
В этой черепов груди
Наша красная месть.
По тысяче голов сразу
С плахи к пречистой тайне.
Боженька, сам Ты за пазухой
Выносил Каина,
Сам попригрел периной

Мужицкий топор, —
Молимся Тебе матерщиной
За рабьих годов позор.

1918

* * *

Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в Чрезвычайке.

Что же, что же, прощай нам, грешным,
Спасай, как на Голгофе разбойника, —
Кровь Твою, кровь бешено
Выплескиваем, как воду из рукомойника.

Кричу: “Мария, Мария, кого вынашивала! —
Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!..”
Зато теперь: на распеленутой земле нашей
Только Я — человек горд.

1918

* * *

Памяти отца

Острым холодным прорежу килем
Тяжелую волну соленых дней —
Всё равно, друзья ли, враги ли
Лягут вспухшими трупами на желтом дне.

Я не оплачу слезой полынной
Пулями зацелованного отца —

Пусть ржавая кровью волна хлынет
И в ней годовалый брат захлебнется.

И даже стихов серебряную чешую
Я окрашу в багряный цвет, —
А когда все зарыдают, спокойно на пробор расчешу
Холёные волосы на своей всезнающей голове.

1919

* * *

Я пришел к тебе, древнее вече,
Темный люд разбудил медным гудом,
Бросил зов, как собакам печень,
Во имя красного чуда.

Назови же меня посадником,
Дай право казнить и миловать.
Иль других не владею ладней
Словом, мечом и вилами?

Застонет народ чистый
От суда моего правого —
С вами вместе пойдем на приступ
Московии златоглавой.

Затопим боярьей кровью
Погреба с добром и подвалы,
Ушкуйничать поплывем на низовья
И Волги и к гребням Урала.

Я и сам из темного люда,
Аль не сажень косая — плечи?
Я зову колокольным гудом
За собой тебя, древнее вече.

1919

* * *

Сергею Есенину

На каторгу пусть приведет нас дружба,
Закованная в цепи песни.
О день серебряный,
Наполнив века жбан,
За край переплесни.

Меня всосут водопроводов рты,
Колодези рязанских сел — тебя.
Когда откроются ворота
Наших книг,
Певуче петли ритмов проскрипят.

И будет два пути для поколений:
Как табуны пройдут покорно строфы
По золотым следам Мариенгофа
И там, где, оседлав, как жеребенка, месяц,
Со свистом проскакал Есенин.

Март 1920

* * *

Наш стол сегодня бедностью накрыт:
Едим — увядшей славы горькие плоды,
Пьем — лести жидкий чай, не обжигая рот.
Не нашим именем волнуются народы,
Не наши песни улица поет.

Ночь закрывает стекла черной ставней,
Мы утешаемся злословьем.
Тот говорит, что в мире все не вечно,
А этот замышляет месть.

Однообразное повествованье:
У побежденных отнимают меч,
У полоненных — честь,
У нас — высокое призванье.

Я говорю: не стоит сожалеть,
Мы обменяли медь
На золото.
Чужую песнь пусть улица поет.
Не нашим именем волнуются народы!
Что юность, слава и почет?
В стакане комнатной воды
Шипенье кислоты и соды.

Декабрь 1922

* * *

А ну вас, братцы, к черту в зубы!
Не почитаю старину.
До дней последних юность будет любя
Со всею прытью к дружбе и вину.

Кто из певцов не ночевал в канаве,
О славе не мечтал в обнимку с фонарем!
Живем без мудрости лукавой,
Влюбившись по уши, поем.

Горят сердца, когда родному краю
Железо шлет суровый враг.
Поэтам вольность молодая
Дороже всех житейских благ.

1925

НОВОКРЕСТЬЯНСКИЕ
ПОЭТЫ

Термин “новокрестьянские”¹ в современном литературоведении употребляется для того, чтобы отделить представителей новой формации – модернистов, которые обновляли русскую поэзию, опираясь на народное творчество, – от традиционалистов, подражателей и эпигонов поэзии Никитина, Кольцова, Некрасова, штампующих стихотворные зарисовки деревенских пейзажей в лубочно-патриархальном стиле.

Поэты, относившиеся к этой категории, *развивали* традиции крестьянской поэзии, а не замыкались в них. Поэтизация деревенского быта, нехитрых крестьянских ремесел и сельской природы являлись главными темами их стихов.

Основные черты новокрестьянской поэзии:

- любовь к “малой Родине”;
- следование вековым народным обычаям и нравственным традициям;
- использование религиозной символики, христианских мотивов, языческих верований;
- обращение к фольклорным сюжетам и образам, введение в поэтический обиход народных песен и частушек;
- отрицание “порочной” городской культуры, сопротивление культу машин и железа.

¹ Впервые это определение было дано критиком А. Львовым-Рогачевским в книге “Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин” (М., 1919) и позднее прочно закрепилось за ними.

В конце XIX века из среды крестьян не выдвинулось сколько-нибудь крупных поэтов. Однако авторы, пришедшие тогда в литературу, во многом подготовили почву для творчества своих особо даровитых последователей. Идеи старой крестьянской лирики возрождались на ином, более высоком художественном уровне. Тема любви к родной природе, внимание к народному быту и национальному характеру определили стиль и направление поэзии нового времени, а раздумья о смысле человеческого бытия посредством образов народной жизни сделались в этой лирике ведущими.

Следование народнопоэтической традиции было присуще всем новокрестьянским поэтам. Но у каждого из них было и особо острое чувство к малой родине в ее щемящей, уникальной конкретности. Осознание собственной роли в ее судьбе помогало найти свой путь к воспроизведению поэтического духа нации.

На формирование новокрестьянской поэтической школы большое влияние оказало творчество символистов, и в первую очередь Блока и Андрея Белого, способствовавшее развитию в поэзии Клюева, Есенина и Клычкова романтических мотивов и литературных приемов, характерных для поэзии модернистов.

Вхождение новокрестьянских поэтов в большую литературу стало заметным событием предреволюционного времени. Ядро нового течения составили наиболее талантливые выходцы из деревенской глубинки — Н. Клюев, С. Есенин, С. Клычков, П. Орешин. Вскоре к ним присоединились А. Ширяевец и А. Ганин.

Осенью 1915 г., во многом благодаря усилиям С. Городецкого и писателя А. Ремизова, опекавшим молодых поэтов, была создана литературная группа “Краса”; 25 октября в концертном зале Тенишевского училища в Петрограде состоялся литературно-художественный вечер, где, как писал впоследствии Городецкий, “Есенин читал свои стихи, а кроме того, пел частушки под гармошку и вместе с Клюевым — страдания...”. Там же было объявлено об организации одно-

именного издательства (оно прекратило существование после выхода первого сборника).

Впрочем, говорить о каком-то коллективном статусе новокрестьянских поэтов было бы неправомерным. И хотя перечисленные авторы входили в группу “Краса”, а затем и в литературно-художественное общество “Страда” (1915–1917), ставшее первым объединением поэтов (по определению Есенина) “крестьянской купницы”, и пусть некоторые из них участвовали в “Скифах” (альманахе левозерского направления, 1917–1918), но в то же время для большинства “новокрестьян” само слово “коллектив” являлось лишь ненавистным штампом, словесным клише. Их больше связывало личное общение, переписка и общие поэтические акции.

Поэтому о новокрестьянских поэтах, как указывает в своем исследовании С. Семенова, “правильнее было бы говорить как о целой поэтической плеяде, выразившей с учетом индивидуальных мироощущений иное, чем у пролетарских поэтов, видение устройства народного бытия, его высших ценностей и идеалов — другое ощущение и понимание русской идеи”¹.

У всех поэтических течений начала XX века имелась одна общая черта: их становление и развитие происходило в условиях борьбы и соперничества, словно наличие объекта полемики было обязательным условием существования самого течения. Не минула чаша сия и поэтов “крестьянской купницы”. Их идейными противниками являлись так называемые “пролетарские поэты”.

Став после революции организатором литературного процесса, партия большевиков стремилась к тому, чтобы творчество поэтов было максимально приближено к массам. Самым важным условием формирования новых литературных произведений, который выдвигался и поддерживался партийной печатью, был принцип “одухотворения” революционной борьбы. “Поэты революции являются неумолимыми критиками всего старого и зовут вперед, к

1 Семенова С. Русская поэзия и проза 1920–1930 годов.

борьбе за светлое будущее <...> Они зорко подмечают все характерные явления современности и рисуют размашистыми, но глубоко правдивыми красками <...> В их творениях многое еще не отшлифовано до конца, ...но определенное светлое настроение отчетливо выражено с глубоким чувством и своеобразной энергией¹.

Острота социальных конфликтов, неизбежность столкновения противоборствующих классовых сил стали главными темами пролетарской поэзии, находя выражение в решительном противопоставлении двух враждебных станов, двух миров: "отжившего мира зла и неправды" и "подымающейся молодой Руси". Грозные обличения перерастали в страстные романтические призывы, восклицательные интонации господствовали во многих стихах ("Беснуйтесь, тираны!..", "На улицу!" и т. п.). Специфической чертой пролетарской поэзии (стержневые мотивы труда, борьбы, урбанизм, коллективизм) являлось отражение в стихах текущей борьбы, боевых и политических задач пролетариата.

Пролетарские поэты, отстаивая коллективное, отрицали все индивидуально-человеческое, все то, что делает личность неповторимой, высмеивали такие категории, как душа и т. д. Крестьянские поэты, в отличие от них, видели главную причину зла в отрыве от природных корней, от народного мировосприятия, находящего отражение в быту, самом укладе крестьянской жизни, фольклоре, народных традициях, национальной культуре.

Приятие революции новокрестьянскими поэтами эмоционально шло от их народных корней, прямой причастности к народной судьбе; они чувствовали себя выразителями боли и надежд "нищих, голодных, мучеников, кандалников вековых, серой, убогой скотины" (Клюев), низовой, задавленной вековым гнетом Руси. И в революции они увидели прежде всего начало осуществления чаяний, запечатленных в образах "Китеж-града", "мужицкого рая".

¹ Калинин М. Сборник пролетарских писателей // Пг.: Газета "Рабочий". 1914, 23 июня.

В обещанный революционерами рай на земле верили поначалу и Пимен Карпов, и Николай Клюев, который после Октября становится даже членом РКП(б).

Фактом остаются и попытки сближения именно в 1918 году — апогее революционно-мессианских иллюзий — крестьянских литераторов с пролетарскими, когда делается попытка создать в Москве секцию крестьянских писателей при Пролеткульте.

Но даже в этот относительно небольшой исторический промежуток времени (1917–1919), когда, казалось, один революционный вихрь, одно вселенское чаяние, один "громокипящий" пафос врывались в творчество и пролетарских, и крестьянских поэтов, все же чувствовалась существенная мировоззренческая разница. В стихах "новокрестьян" было немало революционно-мессианских неистовств, мотивов штурма небес, титанической активности человека; но вместе с яростью и ненавистью к врагу сохранялась и идея народа-богоносца, и нового религиозного раскрытия своей высшей цели: "Невиданного Бога / Увидит мой народ", — писал Петр Орешин в своем сборнике стихов "Красная Русь" (1918). Вот несколько риторическое, но точное по мысли выражение того, что по большому счету разводило пролетарских и крестьянских поэтов (при всех их "хулиганских" богоборческих срывах, как в есенинской "Инонии").

Объявление в послереволюционное время пролетарской поэзии самой передовой поставило крестьянскую поэзию в положение второстепенной. А проведение в жизнь курса ликвидации кулачества как класса сделало крестьянских поэтов "лишними". Поэтому группа новокрестьянских поэтов с начала 1920-х годов являлась объектом постоянных нападок, ядовитых "разоблачений" со стороны критиков и идеологов, претендовавших на выражение "передовой", пролетарской позиции.

Так рушились иллюзии, исчезала вера крестьянских поэтов в большевистские преобразования, копились тревожные раздумья о судьбах родной деревни. И тогда в их сти-

хах зазвучали мотивы не просто трагедии революционно-го распятия России, но и вины растоптавшего ее непутевого, разгульного, поддавшегося на подмены и соблазны дьявольских козней ее сына — ее собственного народа. Произошла адская подтасовка, когда светлые мечты народа соскользнули в темный, неистовый союз с дьявольской силой.

Н. Солнцева в своей книге “Китежский павлин” приходит к выводу, что именно крестьянские поэты в послеоктябрьские годы “приняли на себя крест оппозиции”¹. Однако не всё так однозначно.

В рецензии на вышеупомянутую книгу Л. Воронин заметил, что “творческие и жизненные судьбы Н. Клюева, А. Ширяевца, А. Ганина, П. Карпова, С. Клычкова, в общем-то, вписываются в эту концепцию. Однако рядом и другие новокрестьянские поэты: Петр Орешин с его гимнами новой, советской Руси, оставшиеся “за кадром” исследования Н. Солнцевой, вполне лояльные Павел Радимов, Семен Фомин, Павел Дружинин. Да и с “крамольным” Сергеем Есениным не так все просто. Ведь в те же годы, когда им была написана “Страна негодяев”, появились его поэмы “Ленин”, “Песнь о великом походе”, “Баллада о двадцати шести”².

По мнению А. Михайлова, “общественная дисгармония, к которой привела революция, явилась отражением целого клубка противоречий: идейных, социальных, экономических и других. Однако в задачу советских идеологов входило представить новое государственное устройство как единственно правильное, поэтому они стремились во что бы то ни стало перекодировать механизм национальной памяти. Чтобы предать прошлое забвению, носителей родовой памяти уничтожали. Погибли все новокрестьянские поэты — хранители национальных святынь”³. Только А. Ширяевец, рано ушедший из жизни (1924), и С. Есенин

1 Солнцева Н. Китежский павлин. Филологическая проза: Документы. Факты. Версии. — М.: Скифы, 1992.

2 Воронин Л. Судьбы крестьянской купницы // Журнал “Новый мир”. 1994. № 2.

3 Михайлов А. Пути развития новокрестьянской поэзии. — Л., 1990.

не дожили до времен массовых репрессий, поглотивших их единомышленников.

Первым эта участь постигла А. Ганина. Осенью 1924 г. его в числе группы молодежи арестовывают по обвинению в принадлежности к “Ордену русских фашистов”. За улику принимаются найденные у Ганина при обыске тезисы “Мир и свободный труд — народам”, содержащие откровенные высказывания против существующего режима. Попытка выдать текст тезисов за фрагмент задуманного романа (списав тем самым криминал на счет отрицательного героя — “классового врага”) не удалась. Ганин был расстрелян в Бутырской тюрьме в числе семи человек, составляющих группу “ордена”, как его глава.

В апреле 1920 г. “за религиозные взгляды” был исключен из партии Н. Клюев. А после публикации поэмы “Деревня” (1927) он подвергся резкой критике за тоску по разрушенному сельскому “раю” и был объявлен “кулацким поэтом”. Затем последовала ссылка в Томск, где Клюев умирал от голода, продавал свои вещи, просил подаюния. Он писал М. Горькому и умолял помочь “кусочком хлебушка”. Осенью 1937 г. поэт был расстрелян в Томской тюрьме.

В разгар массовых репрессий погиб С. Клычков, чья поэзия избежала и опьянения Октябрем, и резкой, откровенно разочарованной реакцией. Тем не менее, с конца 1920-х годов критики занесли его в разряд “певцов кулацкой деревни”, а в 1937 г. Клычков был арестован и сгинул бесследно.

Не смог избежать участи своих собратьев по литературному цеху даже П. Орешин, тот из новокрестьянских поэтов, кто, по выражению С. Семенович, “один из всех как будто искренне, от души форсируя голос, побегал и за комсомолом, и за партией, и за трактором, довольно механически стыкуя поэзию родной природы (от которой он никогда не отказывался) и “новую красоту” колхозной деревни, не брезгая и производственными агитками в виде сказов в стихах <...> Последний его сборник “Под счастливым небом” (1937) состоял из препарированных, прилаженных стихотворений его предшественников <...> Но

и такое “счастливое” совпадение с требованиями эпохи не отвело от поэта, когда-то дружно выступавшего в одной “крестьянской купнице”, десницы террора. “Под счастливым небом” 1937 года он был арестован и расстрелян¹.

Из числа новокрестьянских поэтов уцелел в этой мясорубке лишь П. Карпов, который дожил до 1963 года и умер в полной безвестности. Его, правда, к данному течению можно отнести лишь с большой долей условности.

Новокрестьянская поэзия с полным правом может считаться неотъемлемой частью творческого наследия русского Серебряного века. Показательно, что крестьянская духовная нива оказалась значительно плодотворнее, чем пролетарская идеологическая почва, на яркие творческие личности. С. Семенова обращает внимание на “разительное отличие творческого результата: если пролетарская поэзия не выдвинула по-настоящему крупных мастеров слова, то крестьянская [раскрыла] первоклассный талант Клычкова — поэта и прозаика, замечательное дарование Орешина и Ширяевца, Ганина и Карпова <...> А два поэта — Клюев и Есенин, будучи духовными и творческими лидерами “крестьянской купницы” и выразив точнее и совершеннее своих собратьев ее устремления, встали в ряд классиков русской литературы”².

Добавлю, что из пролетарских поэтов можно вспомнить разве что Демьяна Бедного, агитационно-публицистическая поэзия которого в годы революции и гражданской войны была весьма популярной у народных масс. Но и это объясняется не столько ее качеством, сколько наличием, как сейчас модно говорить, большевистского “административного ресурса”, т. е. попросту пропаганды.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

(1884–1937)

Николай Алексеевич Клюев, выступавший идеологом новокрестьянского течения в русской поэзии, был самым крупным и влиятельным, а возможно, и самым одаренным ее представителем. Его детство прошло на р. Вытегре в Олонецком крае (ныне Вологодская область), где мать поэта, известная сказительница, приобщила сына к местному фольклору и т. н. “отреченной” — раскольнической литературе. В его ранних стихах, имевших яркую религиозную окраску, чувствовалось влияние “гражданской лирики” народников. Многие образы поэт черпает из церковно-приходского обихода. Язык его произведений насыщен местечковыми словами и архаизмами. Позднее в стихах Клюева появилось стремление к поэтическому отображению деревенской жизни, поэтизации патриархальной старины, что поставило его в ряд новокрестьянских поэтов.

Революцию Клюев принял и даже стал членом РКП(б), в 1917–1919 гг. работал в большевистской газете Вытегры. Но в 1920 г. за “религиозные взгляды” был исключен из партии, а после опубликования поэм “Деревня” и “Мать-Суббота” объявлен “кулацким поэтом”. В 1934 г. Клюев был выслан из Москвы, а в 1937-м арестован и расстрелян в Томской тюрьме.

Пусть я в лаптях

Пусть я в лаптях, в сермяге серой,
В рубахе грубой, пестрядной,

¹ Семенова С. Русская поэзия и проза 1920–1930 годов.

² Там же.

Но я живу с глубокой верой
В иную жизнь, в удел иной!

Века насилия и невзгоды,
Всевластие злых палачей
Желанье пылкое свободы
Не умертвят в груди моей!

Наперекор закону века,
Что к свету путь загородил,
Себя считать за человека
Я не забыл! Я не забыл!

[1905]

* * *

Ты все келейнее и строже,
Непостижимее на взгляд...
О, кто же, милостивый Боже,
В твоей печали виноват?

И косы пепельные глаже,
Чем раньше, стягиваешь ты,
Глухая мать сидит за пряжей —
На поминальные холсты.

Она нездешнее постигла,
Как ты, молитвенно строга...
Блуждают солнечные иглы
По колесу от очага.

Зимы предчувствием объаты,
Рыдают сосны на бору;
Опять глухие казематы
Тебе приснятся ввечеру.

Лишь станут сумерки синее,
Туман окутает реку, —
Отец, с веревкою на шее,
Придет и сядет к камельку.

Жених с простреленною грудью,
Сестра, погибшая в бою, —
Все по вечернему безлюдью
Сойдутся в хижину твою.

А Смерть останется за дверью,
Как ночь, загадочно темна.
И до рассвета суеверью
Ты будешь слепо предана.

И не поверишь яви зрячей,
Когда торжественно в ночи
Тебе — за боль, за подвиг плача —
Вручатся вечности ключи.

[1908]

Из цикла "Александру Блоку"

2

Я болен сладостным недугом —
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось небо надо мной.

Она везде, неуловима,
Трепещет, дышит и живет:
В рыбачьей песне, в свитках дыма,
В жужжанье ос и блеске вод.

В шуршанье трав — ее походка,
В нагорном эхо — всплески рук,
И казематная решетка —
Лишь символ смерти и разлук.

Ее ли космы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...
О, кто Ты: Женщина? Россия?
В минуту черную собрат!

Поведай: тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?

[1911]

* * *

В златотканые дни сентября
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладан курия,
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины
Замечает листвою шелестящей,
Распахни узорочье сосны,
Промелькни за березовой чашей!

Я узнаю косынки кайму,
Голосок с легковейной походкой...
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,
Про мерцание звезд за решеткой,

Про бубенчик в жестоком пути,
Про седые бурятские дали...

Мир вам, сосны, вы думы мои,
Как родимая мать, разгадали!

В поминальные дни сентября
Вы сыновнюю тайну узнайте
И о той, что погибла любя,
Небесам и земле передайте.

[1911]

* * *

Прохожу ночной деревней,
В темных избах нет огня,
Явью сказочною, древней
Потянуло на меня.

В настоящем разуверюсь,
Стародавних полон сил,
Распахнул я лихо ферязь,
Шапку-соболь заломил.

Свистнул, хлопнул у дороги
В удалецкую ладонь,
И, как вихорь, звонконогий
Подо мною взвился конь.

Прискакал. Дубровым зверем
Конь храпит, копытом бьет, —
Предо мной узорный терем,
Нет дозора у ворот.

Привязал гнедого к тыну;
Будет лихо али прок,
Пояс шелковый закину
На точеный шелонок.

Скрипнет крашенная ставня...
"Что, разлапушка, — не спишь?
Неспроста повесу-парня
Знают Кама и Иртыш!

Наши хаживали струги
До Хвальнщины подчас, —
Не иссякнут у подруги
Бирюза и канифас..."

Прояснились избенки,
Речка в утреннем дыму.
Гусли-морок, вслипнув звонко,
Искрой канули во тьму.

Но в душе, как хмель, струится
Вещих звуков серебро —
Отлетевшей жаро-птицы
Самоцветное перо.

[1912]

* * *

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горним, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:

Разве зори — не ласка твоя,
И лучи — не твои поцелуи?

1911?

* * *

Обозвал тишину глухومانью,
Надругался над белым "молчи",
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папирсой
И плевком незабудку обжег, —
Зарябило слезинками плёсо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок — лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке пугает след горностай...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай.

Между 1914 и 1916

Рождество избы

От кудрявых стружек пахнет смолью,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крупногрудый плотник тешет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тёпел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянкой выпестрен конек.

По стене, как зернь, пройдут зарубки:
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Явь и сонь мережились — легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепя как письма:
Запоет резная пава с крылец,
Брызнет ярь с наличника окна.

И когда очёсками кудели
Над избой взлохматится дымок —
Сказ пойдет о красном древодеде
По лесам, на запад и восток.

Между 1915 и 1917

Из цикла "Поэту Сергею Есенину"

2

Изба — святилище земли,
С запечной тайною и раем,
По духу росной конопки
Мы сокровенное узнаем.

На грядке веников ряды —
Душа берез зеленоустых...
От звезд до луковой гряды
Всё в вешем шепоте и хрустах.

Земля, как старище-рыбак,
Сплетаёт облачные сети,
Чтоб уловить загробный мрак
Глухонемых тысячелетий.

Предвижу я: как в верше сом,
Заплещет мгла в мужицкой длани, —
Золотобревный, Отчий дом
Засолнцевет на поляне.

Пшеничный колос-исполин
Двор осенит целящей тенью...
Не ты ль, мой брат, жених и сын,
Укажешь путь к преображенью?

В твоих глазах дымок от хат,
Глубинный сон речного ила,
Рязанский маковый закат —
Твои певучие чернила.

Изба — питательница слов
Тебя взрастила не напрасно:
Для русских сел и городов
Ты станешь Радунницей красной.

Так не забудь запечный рай,
Где хорошо любить и плакать!
Тебе на путь, на вечный май,
Сплетаю стих — матерый лапоть.

Между 1916 и 1918

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

(1889–1937)

Поэт, прозаик и переводчик Сергей Антонович Клычков (наст. фамилия Лешенков) родом из Тверской губернии. Учился в Московском университете. Уже в ранних поэтических сборниках “Песни” (1911) и “Потаенный сад” (1913) заявил о себе как о поэте новокрестьянского направления. Возрождая в отечественной лирике жанр народной песни, развивая мотивы русского предания и сказки, Клычков переосмыслял их в романтически-символистском плане. С началом Первой мировой войны был призван в армию. В 1921 г. вернулся в Москву, работал в журнале “Красная новь” и издательстве “Круг”.

Революцию Клычков встретил с восторгом, продолжая разрабатывать свое фольклорно-романтическое направление. Но затем из его творчества уходят сказочность и напевность, появляются вечные, философские темы, мотивы прощания и тревоги за сохранность мира природы. С середины 1920-х гг. поэт обращается к прозе (написано 6 романов). Кампания борьбы с “кулацкой литературой” не миновала и Клычкова. Его последняя книжка стихов “В гостях у журавлей” (1930) была злобно встречена критикой. Клычков вынужден был заняться переводами. В 30-е годы выходят его переложения эпических произведений народов СССР. В июле 1937 г. Клычков был арестован и вскоре расстрелян.

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

Леший

За туманной пеленою,
На реке у края
Он пасет себе ночное,
На рожке играя.

Он сидит нога на ногу
Да молсёт осоку...
Звезд на небе много, много,
Высоко, высоко.

— Ай-люли! Ай-люли!
Весь в серебряной пыли
Месяц пал на ковыли!
— Ай-люли! Да ай-люли!

Задремал в осоке леший —
Старичок преклонный...
А в бору пылают клены
От столетней плеши...

А в тумане над лугами
Сбилось стадо в кучу,
И бычок бодает тучу
Красными рогами.

[1910]

* * *

Была над рекою долина,
В дремучем лесу у села,
Под вечер, собирая малину,
На ней меня мать родила...

В лесной тишине и величьи
 Меня пеленал полумрак,
 Баюкало пение птичье,
 Бегущий ручей под овраг...

На ягодах спелых и хмеле,
 Широко раскрывши глаза,
 Я слушал, как ели шумели,
 Как тучи скликала гроза...

Мне виделись в чаще хоромы,
 Мелькали в заре терема,
 И гул отдаленного грома
 Меня провожал до дома.

Ах, верно, с того я и дикий,
 С того-то и песни мои —
 Как кузов лесной земляники
 Меж ягод с игольем хвои...

[1912, 1918]

* * *

Лель цветами все поле украсил,
 Все деревья листьями убрал.
 Слышал я, как вчера он у прясел
 За деревнею долго играл...

Он играл на серебряной цевне,
 И в осиннике смолкли щеглы,
 Не кудахтали куры в деревне,
 Лишь заря полыхала из мглы...

На Дубне журавли не кричали,
 Сыч не ухал над чащей лесной,

И стояла Дубравна в печали
 На опушке под старой сосной...

Каждый год голубую весною
 Он плывет, как безвестный рыбак,
 И над нашей сторонкой лесною
 Виснет темень — туманы и мрак...

Редко солнце из облака выйдет,
 Редко звезды проглянут в ночи,
 И не видел никто и не видит
 На кафтане узорном парчи...

Невдомек и веселой молодке,
 Что сгоняет коров поутру,
 Чей же парус белеет на лодке,
 Чей же голос слышать на ветру?..

Он плывет, и играет на луке
 Ранний луч золотою стрелой,
 Но не вспомнят о прадедах внуки,
 Не помянут отрады былой...

Не шелохнут лишь сосны да ели,
 Не кольхнут вершины берез,
 И они лишь одни видят Леля,
 Обступая у берега плес...

[1914, 1918]

* * *

Золотятся ковровые нивы
 И чернеют на пашнях комли...
 Отчего же задумались ивы,
 Словно жаль им родимой земли?..

Как и встарь, месяц облаки водит,
Словно древнюю рать богатырь,
И за годами годы проходят,
Пропадая в безвестную ширь.

Та же Русь без конца и без края,
И над нею дымок голубой —
Что ж и я не пою, а рыдаю
Над людьми, над собой, над судьбой?

И мне мнится: в предугрии пламя
Пред бедою затеплила даль,
И сгустила туман над полями
Небывалая в мире печаль...

[1914, 1918]

* * *

*Над серебряной рекой
На златом песочке...*

Песня

Лада плавает в затоне,
В очарованной тиши...
На реке рыбачьи тони
И стеною камыши...

И в затоне, как в сулее,
Словно в чаше средь полей,
Ладе краше, веселее,
Веселее и белей...

В речку Лада окунулась,
Поглядела в синеву,
Что-то вспомнилось — взгрустнулось,
Что не сбылось наяву...

Будто камушки бросая,
Лада смотрится в реку,
И скользит нога босая
Снова в реку по песку...

Лада к ивушка присела,
И над нею меж ветвей
Зыбь туманная висела,
Пел печально соловей...

И волна с волной шепталась,
И катились жемчуга,
Где зарей она купалась
По-за краю бочага.

А вокруг нее русалки,
Встав с туманами из вод,
По кустам играли в салки
И водили хоровод...

[1912-1913]

* * *

Душа моя, как птица,
Живет в лесной глуши,
И больше не родится
На свет такой души.

По лесу треск и скрежет:
У нашего села
Под ноги ели режет
Железный змей-пила.

Сожгут их в тяжких горнах,
Как грешных, сунут в ад,

А сколько бы просторных
Настроить можно хат!

Прости меня, сквозная
Лесная моя весь,
И сам-то я не знаю,
Как очутился здесь,

Гляжу в безумный пламень
И твой целую прах
За то, что греешь камень,
За то, что гонишь страх!

И здесь мне часто снится
Один и тот же сон:
Густая ель-светлица,
В светлице хвойный звон,

Светлы в светлице сени,
И тепел дух от смол,
Прилесный скат — ступени,
Крыльцо — приречный дол,

Разостлан мох дерюгой,
И слились ночь и день,
И сели в красный угол
За стол трапезный — пень...

Гадает ночь-цыганка,
На звезды хмурия бровь:
Где ж скатерть-самобранка,
Удача и любовь?

Но и она не знает,
Что скрыто в строках звезд!..
И лишь с холма кивает
Сухой рукой погост...

[1924]

* * *

Мы отошли с путей природы
И потеряли вехи звезд...
Они ж плывут из года в годы
И не меняют мест!

Наш путь — железная дорога,
И нет ни троп уж, ни дорог,
Где человек бы встретил Бога
И человека — Бог!

Летаем мы теперь, как птицы,
Приделав крылья у телег,
И зверь взглянуть туда боится,
Где реет человек!

И пусть нам с каждым днем послушной
Вода, и воздух, и огонь:
Пусть ржет на привязи в конюшне
Ильи громовый конь!

Пускай земные брони-горы
Мы плавим в огненной печи —
Но миру мы куем запоры,
А нам нужны ключи!

Закинут плотно синий полог,
И мы, мешая явь и бред,
Следим в видениях тяжелых
Одни хвосты комет!

[1925, 1930]

* * *

Я устал от хулы и коварства
Головой колотиться в бреду,
Скоро я в заплотинное царство,
Никому не сказавшись, уйду...

Мне уж снится в ночи безголосой,
В одинокой бессонной тиши,
Что спускаюсь я с берега плеса,
Раздвигаю рукой камыши...

Не беда, что без пролаза тина
И Дубна обмелела теперь:
Знаю я, что у старой плотины,
У плотины есть тайная дверь!

Как под осень, опушка сквозная,
И взглянуть в нее всякий бы мог,
Но и то непреложно я знаю,
Что в пробоях тяжелый замок!

Что положены сроки судьбою,
Вдруг не хлынули б хляби и синь,
Где из синих глубин в голубое
Полумесяц плывет, словно линь...

Вот оно, что так долго в печали
Все бросало и в жар и озноб:
То ль рыбацкий челнок на причале,
То ль камкой околоченный гроб!

Вот и звезды, как окуни в стае,
Вот и лилия, словно свеча...
Но добротны плотинные сваи,
И в песке не нашел я ключа...

Знать, до срока мне снова и снова
Звать, и плакать, и ждать у реки:
Еще мной не промолвлено слово,
Что, как молот, сбивает оковы
И, как ключ, отпирает замки.

[1928-1929]

* * *

Меня раздели донага
И достоверной были
На лбу приделали рога
И хвост гвоздём прибили...

Пух из подушки растрясли
И вывалили в дётге,
И у меня вдруг отросли
И в самом деле когти...

И вот я с парюю клешней
Теперь в чертей не верю,
Узнав, что человек страшней
И злей любого зверя...

[1929]

* * *

Пока из слов не пышет пламя
И кровь не рвется на дыбы,
Я меж бездельем и делами
Брожу, как мученик судьбы!..

Не веселит тогда веселье,
И дело валится из рук,

И только слышен еле-еле
Мне сердца дремлющего стук!..

Потянутся лихие годы
В глухой и безголосой мгле,
Как дым, в осеннюю погоду
Прибитый дождиком к земле!..

И в безглагольности суровой,
В бессловной сердца тишине
Так радостно подумать мне,
Что этот мир пошел от слова...

[1929]

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

(1895–1925)

Сергей Александрович Есенин родился в селе Константинове на Рязанщине. Отсюда берут начало истоки его творчества, главными в котором поэт считал “лирическое чувство” и “образность”. Источник образного мышления он видел в фольклоре, народном языке. Вся метафорика Есенина построена на взаимоотношениях человека и природы, которые, по его мнению, сохранились только в укладе крестьянской жизни. Лучшие его стихотворения ярко запечатлели духовную красоту русского человека. Тончайший лирик, волшебник русского пейзажа, Есенин был удивительно чутким к земным краскам, звукам и запахам. Его емкие и ошеломляюще свежие образы почти всегда являлись настоящим художественным открытием.

Первое стихотворение Есенина было опубликовано в журнале “Мирок” (1914, № 1), а первая книга стихов “Радуница” вышла в 1916 году. Городская жизнь заметно повлияла не только на творческое “я” самого поэта, но и на облик его лирического героя. После революции в трогательной и нежной есенинской лирике, подверженной до этого влиянию Клюева и Блока, появляются новые “разбойно-разгульные” черты, сблизившие его с имажинистами. Судьба поэта сложилась трагически. В состоянии депрессии он покончил жизнь самоубийством.

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в аlostях зари.

1910

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,

Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю!”
Я скажу: “Не надо рая,
Дайте родину мою”.

1914

* * *

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роня весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

[1916]

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,

А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

1915

* * *

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

[1916]

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скуперее стал в желаньях,
Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.

1921

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабывшись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.

Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

1923

* * *

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

1923

* * *

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла бывшая
Наша жизнь, что бывлой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

1923

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, помереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.

Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

[1924]

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле утрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...

Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

1924

Из цикла “Персидские мотивы”

* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Польхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий, синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не клянью,

Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумую о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

21 декабря 1924

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

28 ноября 1925

* * *

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспльчивая связь, —
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнись, спокойно разойдись.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: "Добрый вечер..."
Я отвечу: "Добрый вечер, miss".

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, —
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова.
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

[1925]

ПОЭТЫ "САТИРИКОНА"

Говоря о магистральных направлениях русской поэзии Серебряного века, поэтических школах и отдельных группах, нельзя не упомянуть о еще одном объединении, вошедшем в историю литературы под названием “Сатирикон”.

Речь пойдет не столько о сатире как жанре, сколько о поэтическом стиле (не всегда фельетонном), которому в силу разного рода обстоятельств было позволено вести себя более свободно в рамках цензуры, чем другим течениям.

Здесь сложно говорить о каком-то новаторстве – скорее о развитии богатых традиций этого жанра русской литературы, имеющего блистательных предшественников. Но во время “революционных преобразований”, коими в данном случае и является рассматриваемый нами период, в сатирико-поэтической области тоже происходили если и не революционные, то все же изменения. По крайней мере, в методике, поскольку, во-первых, модернистские веяния оказывали влияние не только на литературу, но и вообще на все области искусства, во-вторых, в этом жанре работали талантливейшие поэты своего времени, о которых и пойдет рассказ в данном разделе.

1 апреля 1908 года стало символической датой. В этот день в Петербурге вышел в свет первый номер нового еженедельного журнала “Сатирикон”, который затем целое десятилетие оказывал заметное влияние на общественное сознание. Первым главным редактором журнала стал художник Алексей Александрович Радаков (1877–1942), а с девятого номе-

ра этот пост перешел к писателю-сатирику, драматургу и журналисту Аркадию Тимофеевичу Аверченко.

Редакция журнала располагалась на Невском проспекте, в доме № 9. "Сатирикон" был изданием веселым и едким, саркастическим и злым; в нем остроумный текст перемежался с язвительными карикатурами, забавные анекдоты сменялись политическим шаржем. В то же время журнал отличался от множества других юмористических изданий тех лет своим социальным содержанием: здесь, не выходя за рамки приличий, бескомпромиссно высмеивались, бичевались представители власти, мракобесы, черносотенцы. Позицию журнала в последнем пункте определяли не столько писатели и журналисты с еврейскими корнями – В. Азов, О. Дымов, О. Л. Д'Ор, сколько чистокровные русские: А. Аверченко, А. Бухов, Тэффи и другие, которые давали антисемитам куда более яростный отпор, чем их коллеги-евреи.

В "Сатириконе" в разное время сотрудничали такие писатели-сатирики, как В. Князев, Саша Черный и А. Бухов, печатались Л. Андреев, А. Толстой, В. Маяковский, с иллюстрациями выступали прославленные русские художники Б. Кустодиев, И. Билибин, А. Бенуа. За сравнительно короткий срок – с 1908 по 1918 год – этот сатирический журнал (и его поздний вариант "Новый Сатирикон") создал целое направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху.

Особая заслуга в столь громкой популярности "Сатирикона" в значительной степени принадлежала даровитым поэтам – сатирикам и юмористам, сотрудничавшим в журнале.

"Сатирикон" привлекал читателей тем, что его авторы практически отказались от обличения конкретных высокопоставленных лиц. Не было у них и "общеобязательной любви к младшему дворянину". Ведь глупость везде остается глупостью, пошлость – пошлостью, а потому на первый план выдвигается стремление показать человеку такие ситуации, когда он *сам* бывает смешон. На смену объектив-

ной сатире приходят "сатира лирическая", самоирония, позволяющие раскрыть характер "изнутри". Особенно ярко это проявлялось в поэзии, где объектом сатирического или юмористического изображения является лирический герой.

Творчество Саши Черного, Тэффи, П. Потемкина, В. Горянского, В. Князева, Е. Венского и других ведущих поэтов "Сатирикона" было представлено на его страницах разнообразными жанрами: стихотворными шаржами, памфлетами, юморесками, пародиями, баснями, эпиграммами. Очень популярным жанром в начале XX века был фельетон (в том числе и стихотворный), привлекавший публику злободневностью, четко выраженной авторской позицией, полемичностью, остроумием.

В период расцвета журнала, в 1911 году, его издатель М. Г. Корнфельд выпустил в журнальной библиотеке "Всеобщую историю, обработанную "Сатириконом"". Авторами этого пародийно-сатирического произведения были Тэффи, О. Дымов, Арк. Аверченко и О. Л. Д'Ор; иллюстрировали книгу художники-сатириконцы А. Радаков, А. Яковлев, А. Юнгер и Ре-Ми (Н. Ремизов).

Популярности Тэффи и Аверченко в те годы трудно найти аналоги. Достаточно сказать, что сам Николай Второй с удовольствием читал этих авторов и переплетал их книги в кожу и атлас. И совсем не случайно начало "Всеобщей истории" поручили "обработать" именно Тэффи: зная, чьей любимой писательницей она являлась, возражений цензуры можно было не опасаться. Таким образом, выступая против Думы, правительства, чиновников, бюрократов всех мастей, "Сатирикон" с высочайшего благоволения неожиданно попал на роль *легальной оппозиции*; его авторы умудрялись своим поэтическим и прозаическим творчеством делать в политике гораздо больше, чем любой политик.

Однако в мае 1913 года в журнале произошел раскол на почве финансовых вопросов. В результате Аверченко и все лучшие литературные силы покинули редакцию и основа-

ли журнал “Новый Сатирикон”. Прежний “Сатирикон” под руководством Корнфельда еще какое-то время продолжал выходить, но терял лучших авторов и в результате закрылся в апреле 1914 года. А “Новый Сатирикон” продолжал успешно существовать (вышло 18 номеров) до лета 1918, когда был запрещен большевиками за контрреволюционную направленность.

ТЭФФИ

(1872–1952)

Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая; в замужестве — Бучинская) — поэтесса, драматург, фельетонист, блестящий прозаик. Свой псевдоним (якобы из Киплинга) взяла, вероятно, потому, что под собственной фамилией печаталась ее сестра — поэтесса Мария (Мирра) Лохвицкая, которую называли “русской Сафо”. С детства любившая рисовать карикатуры и сочинять сатирические стихотворения, Тэффи начинает писать фельетоны. Систематически печататься она стала с 1904 года. Уже в это время у нее появились постоянные читатели. Среди поклонников ее таланта был даже император Николай II. Со дня основания журнала “Сатирикон” и до самого закрытия Тэффи была его ведущим сотрудником. Публиковалась она и в других изданиях, завоевав большую известность еще до выхода своей первой книги рассказов (1910).

В лирической поэзии проявились другие грани таланта Тэффи. Стихи ее, холодновато-жеманные, несколько театральные, хранящие, по словам Гумилева, “подлинные, изящно простые сказки Средневековья”, пришлись по душе читателям. О степени ее популярности, к примеру, говорят модные тогда духи “Тэффи”, названные в ее честь. После Октября писательница уехала в Париж, где по праву стала одной из крупнейших фигур русского литературного зарубежья.

* * *

Н. М. Минскому

Есть у сирени темное счастье —
Темное счастье в пять лепестков!
В грезах безумья, в снах сладострастья,
Нам открывает тайну богов.

Много, о много, нежных и скучных
В мире печальном вянет цветов,
Двухлепестковых, четносозвучных...
Счастье сирени — в пять лепестков!

Кто понимает ложь единений,
Горечь слияний, тщетность оков,
Тот разгадает счастье сирени —
Темное счастье в пять лепестков!

[1910]

Бедный Азра

Каждый день чрез мост Аничков,
Поперек реки Фонтанки,
Шагом медленным проходит
Дева, служащая в банке.

Каждый день на том же месте,
На углу, у лавки книжной,
Чей-то взор она встречает —
Взор горящий и недвижимый.

Деве томно, деве странно,
Деве сладостно сугубо:
Снится ей его фигура
И гороховая шуба.

А весной, когда пробилась
В скверах зелень первой травы,
Дева вдруг остановилась
На углу, у книжной лавки.

“Кто ты? — молвила. — Откройся!
Хочешь — я запламенею,
И мы вместе по закону
Предадимся Гименею?”

Отвечал он: “Недосуг мне.
Я агент. Служу в охране
И поставлен от начальства,
Чтоб дежурить на Фонтанке”.

[1911]

* * *

Мне сегодня как будто одиннадцать лет —
Мне так просто, так пусто, так весело.
На руке у меня из стекляшек браслет,
Я к нему два колечка привесила.
Вы звените, звените, колечки мои,
Тешьте сердце веселой забавою.
Я колечком одним обручилась любви,
А другим повенчалась со славою.
Засмеюсь, разобью свой стеклянный браслет,
Станут кольца мои расколдованы,
И раскатятся прочь, и пусть сгинет их след
Оттого, что в душе моем имени нет
И что губы мои не целованы!

1915

* * *

Меня любила ночь, и на руке моей
Она сомкнула черное запястье...
Когда ж настал мой день — я изменила ей
И стала петь о солнце и о счастье.

Дорога дня пестра и широка —
Но не сорвать мне черное запястье!
Звенит и плачет звездная тоска
В моих словах о солнце и о счастье!

* * *

На острове моих воспоминаний
Есть серый дом. В окне цветы герани...
Ведут три каменных ступени на крыльцо...
В тяжелой двери медное кольцо...
Над дверью барельеф: меч и головка лани,
А рядом шнур, ведущий к фонарю...
На острове моих воспоминаний
Я никогда ту дверь не отворю.

* * *

Он ночью приплывет на черных парусах
Серебряный корабль с пурпурною каймою!
Но люди не поймут, что он приплыл за мною
И скажут: "Вот луна играет на волнах"...

Как черный серафим три парные крыла,
Он вскинет паруса над звездной тишиною!
Но люди не поймут, что он уплыл со мною,
И скажут: "Вот она сегодня умерла"...

* * *

Гаснет моя лампада...
Полночь глядит в окно...
Мне никого не надо,
Я умерла давно!

Я умерла весною,
В тихий вечерний час...
Не говори со мною, —
Я не открою глаз!

Не оживу я снова —
Мысли о счастье брось!
Черное, злое слово
В сердце мое впилося...

Гаснет моя лампада...
Тени кругом слились...
Тише!.. Мне слез не надо...
Ты за меня молись!

САША ЧЕРНЫЙ
(1880–1932)

Саша Черный (псевдоним Александра Михайловича Гликберга) был очень популярен в начале XX века. Его первую книгу “Разные мотивы” (1906), вышедшую под настоящей фамилией автора, конфисковали, а сам поэт вынужден был уехать за границу. После возвращения он стал ведущим поэтом журнала “Сатирикон”. Своеобразие стиля Саши Черного — в сочетании юмора и сатиры с точностью психологических характеристик и лиризмом, а также в неподражаемой афористичности.

После ухода из “Сатирикона” он сотрудничал в различных сатирических журналах, где приобрел, по словам Куприна, “и громадную аудиторию, и широкий размах в творчестве, и благодарное признание публики”. В своих острях стихах, пронизанных едким сарказмом и некоторой долей скептицизма, поэт разоблачал реакцию, бичевал консервативные и декадентские тенденции в литературе и искусстве, зло высмеивал проявление мещанства и прочие общественные пороки.

После революции Саша Черный эмигрировал. На Западе он стал известен и как детский поэт, и как прозаик. Умер во Франции.

До Реакции

Пародия

Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,

САША ЧЕРНЫЙ

Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.

Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! будь покоен, —
Старый гнет вернется...

[1906]

Потомки

Наши предки лезли в клетки
И шептались там не раз:
“Туго, братцы... Видно, дети
Будут жить вольготней нас”.

Дети выросли. И эти
Лезли в клетки в грозный час
И вздыхали: “Наши дети
Встретят солнце *после нас*”.

Нынче, также как вовеки,
Утешение одно:
Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено.

Даже сроки предсказали —
Кто лет двести, кто пятьсот,
А пока лежи в печали
И мычи, как идиот.

Разукрашенные дули,
Мир умыт, причесан, мил...
Лет чрез двести? Черта в стуле!
Разве я Мафусаил?

Я, как филин, на обломках
Переломанных богов.
В неродившихся потомках
Нет мне братьев и врагов.

Я хочу немножко света
Для себя, пока я жив,
От портного до поэта,
Всем понятен мой призыв...

А потомки... Пусть потомки,
Исполняя жребий свой
И кляня *свои* потемки,
Лупят в стену головой!

[1908]

Молитва

Благодарю Тебя, Создатель,
Что я в житейской кутерьме
Не депутат и не издатель
И не сижу еще в тюрьме.

Благодарю Тебя, Могучий,
Что мне не вырвали язык,
Что я, как нищий, верю в случай
И к всякой мерзости привык.

Благодарю Тебя, Единый,
Что в Третью Думу я не взят, —
От всей души, с блаженной миной,
Благодарю Тебя стократ.

Благодарю Тебя, мой Боже,
Что смертный час, гроза глупцов,

Из разлагающейся кожи
Исторгнет дух в конце концов.

И вот тогда, молю беззвучно,
Дай мне исчезнуть в черной мгле —
В раю мне будет очень скучно,
А ад я видел на земле.

[1908]

Недержание

У поэта умерла жена...
Он ее любил сильнее гонора! —
Скорбь его была безумна и страшна —
Но поэт не умер от удара.

После похорон пришел домой — до дна
Весь охвачен новым впечатленьем
И, спеша, родил стихотворенье:
“У поэта умерла жена”.

[1909]

Недоразумение

Она была поэтесса,
Поэтесса бальзаковских лет.
А он был просто повеса —
Курчавый и пылкий брюнет.

Повеса пришел к поэтессе,
В полумраке дышали духи,
На софе, как в торжественной мессе,
Поэтесса гнусила стихи:

“О, сумей огнедышащей лаской
Всколыхнуть мою сонную страсть.
К пене бедер, за алой подвязкой
Ты не бойся устами припасть!

Я свежа, как дыханье левкоя...
О, сплетем же истомности тел!”
Продолжение было такое,
Что курчавый брюнет покраснел.

Покраснел, но оправился быстро
И подумал: была ни была!
Здесь не думские речи министра,
Не слова здесь нужны, а дела...

С несдержанной силой кентавра
Поэтессу повеса привлек,
Но визгливо-вульгарное: “Мавра!!”
Охладило кипучий поток.

“Простите... — вскочил он. — Вы сами...”
Но в глазах ее холод и честь:
“Вы смели к порядочной даме,
Как дворник, с объятьями лезть?!”

Вот чинная Мавра. И задом
Уходит испуганный гость.
В передней растерянным взглядом
Он долго искал свою трость...

С лицом белее магнезии
Шел с лестницы пылкий брюнет:
Не понял он новой поэзии
Поэтессы бальзаковских лет.

[1909]

Обстановочка

Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом.
Жена на локоны взяла последний рубль,
Супруг, убитый лавочкой и флюсом,
Подсчитывает месячную убыль.

Кряхтят на счетах жалкие копейки:
Покупка зонтика и дров пробила брешь,
А розовый капот из бумазейки
Бросает в пот склонившуюся плешь.

Над самой головой насвистывает чирик
(Хоть птичка Божия не кушала с утра),
На блюде киснет одинокий рыжик,
Но водка выпита до капельки вчера.

Дочурка под кроватью ставит кошке клизму,
В наплыве счастья полуоткрывши рот, —
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичным голосом взволнованно орет.

Безбровая сестра в облезшей кацавейке
Насилует простуженный рояль,
А за стеной жиличка-белошвейка
Поет романс: “Пойми мою печаль...”

Как не понять?! В столовой тараканы,
Оставя черствый хлеб, задумались слегка,
В буфете дребезжат сочувственно стаканы
И сырость капает слезами с потолка.

[1909]

Последние модернисты

В предыдущих разделах были достаточно подробно рассмотрены основные поэтические течения Серебряного века, их теоретические установки, программы и характерные особенности. Речь шла о магистральных литературных направлениях, устоявшихся поэтических школах, выдержавших испытание временем, зарекомендовавших себя новаторскими поэтическими приемами, подкрепленными эстетической и философской концепцией.

Но литературный процесс начала XX века не исчерпывается только крупными поэтическими течениями. Этот короткий в историческом плане период сконцентрировал в себе столь обширное стилевое и идейное разнообразие, что его с лихвой хватило бы на долгие, долгие годы.

Если в прежние времена над выработкой и утверждением литературного стиля трудилось порой не одно поколение творцов, то поэтические опыты первых модернистов в конце XIX столетия словно прорвали плотину. Наряду с действительно одаренными поэтами появилось множество подражателей, а то и просто графоманов, пытавшихся если не мастерством, то оригинальностью заявить о себе в литературе. И вся эта поэтическая лавина хлынула на страницы печати.

Хотя результат в итоге вышел положительный, т. е. именно в этом тигле выплавились представленные выше поэтические школы, но сам процесс "плавки" предполагает наличие шлака. И, в полном соответствии с технологи-

ческим процессом, поэтического шлага было больше чем достаточно. У новых течений появились почитатели и поклонники. Писать стихи стало модным занятием. Это повлекло за собой появление массы эпигонов, которые, следуя веяниям времени, образовывали многочисленные группы и объединения. Экспрессионисты и биокосмисты, люминисты и дадаисты, форм-либристы и неоклассицисты, фуисты, эмоционалисты и прочие -исты — несть им числа! — пихаясь локтями, давя и отталкивая друг друга, бились за место под солнцем современности, пытались перетянуть на свою сторону обывателей, которые вскорости уже оставили всякие попытки разобраться в хитросплетениях стилей и концепций и только с интересом наблюдали за околολитературной грызней. "...Он приучается чувствовать себя зрителем в партере... морщится, гримасничает, привередничает..." — написал в одной из статей Мандельштам о читателе, развращенном быстрой сменой поэтических школ и поколений.

Ему вторит известный футурист Сергей Третьяков: "Тупиковые и искривленные группы и группки, усваивая себе на копейку футуризма, пытаются лишь освежить его лачком свою труху и заваль — для превращения их в ходовой товар, не чуждый этакого "модерна". Важно помнить, что подражание полезно только для учебы. Надо усвоить поэта, преодолеть его, и отбросить во имя самостоятельного тренажа, чтобы наконец прийти к самостоятельным приемам работы..."¹.

Чаще всего поэты объединялись по своим литературным пристрастиям, интересам, которые декларировали в манифестах или заявляли во время выступлений перед аудиторией. Такие сообщества нередко состояли из людей, попросту занимавшихся самоутверждением. А поскольку одиночке все дается гораздо труднее, то они собирались в небольшие группы, которые возникали, если находилась подходящий вожак. Но, как замечает в своих мемуарах Надежда Мандельштам, "такие объединения не свидетельст-

¹ Третьяков С. Откуда и куда? // Лэф. 1923. № 1. С. 192.

вуют об общности, потому что состоят из индивидуалистов, преследующих свои цели. Они говорят про себя "мы", но это "мы" чисто количественное, множественное число, не скрепленное внутренним содержанием и смыслом. Это "мы" готово распасться в любой момент, если забрезжит другая, более заманчивая цель"¹.

Реже это были группы единомышленников, проповедующих определенную эстетическую позицию либо стилевые особенности стихосложения. В этой среде вырабатывались новые литературные приемы (в дальнейшем применяемые на практике) и готовились теоретические платформы для их обоснования. Яркий образец такой группы — "Гилея".

В некоторых случаях объединение происходило на основе личных знакомств и дружеских симпатий, что можно наглядно проследить на примере становления будущих акмеистов, участников "Цеха поэтов", представлявших собой содружество молодых стихотворцев, регулярно собиравшихся и читавших друг другу свои произведения.

При этом совершенно не обязательно было формирование каких-то новых поэтических течений. Зачастую поэтов, даже относящихся к разным группам, объединяли общие творческие взгляды или взаимный интерес. Можно вспомнить образованную в Москве в 1921 году очень сильную литературную группу "Лирический круг", куда входили К. Липскеров, С. Парнок, В. Ходасевич, Г. Шенгели, С. Соловьев, С. Шервинский, А. Эфрос (а формально еще А. Ахматова, О. Мандельштам). Или возникшее в 1926 г. кооперативное издательство "Узел", с участием тех же Парнок и Эфроса, а также Б. Пастернака, Б. Лившица, М. Зенкевича, А. Ромма и многих других, которое было создано исключительно для публикации книг его основателей. Для этих целей каждый из учредителей ежегодно должен был делать взносы. Издательство "Узел" имело также разрешение на выпуск одноименного литературного альманаха.

¹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Книга вторая. — М.: Согласие, 1999.

Еще одна тенденция — формирование поэтических объединений в пике уже существующим. Тот же “Цех поэтов” был создан (как утверждала А. Ахматова) как противоядие “Академии стиха” Вяч. Иванова. Иногда это происходило из-за разногласий, возникающих в уже сложившихся группах. Как пример подобного противоборства — становление эгофутуризма.

Кроме того, различные группы возникали как дань тому времени, а также потому, что молодым малоизвестным поэтам легче было выступать и печататься как участникам литературной организации, выпускавшей зачастую собственные альманахи и поэтические сборники.

Группы создавались также поэтами-индивидуалистами, имеющими, как они считали, оригинальную поэтическую концепцию. Это были лидеры по своему складу, вербовавшие себе единомышленников и апологетов из числа менее искушенных и мастеровитых собратьев по перу, наличие которых создавало им определенный имидж, вес и значимость в литературном мире. Примеров множество. Михаил Семенко, глашатай украинского кверо-футуризма (1914), был создателем целого ряда групп: “Фламинго” (1919), “Аспанфут” (1922–1924), “Коммункульт” (1924) и “Нова генерация” (1927–1931), которая выпускала одноименный журнал с участием деятелей левого искусства Запада. Или Семен Кирсанов — поздний футурист, организатор “Южной Ассоциации Футуристов” (Одесса, 1921) и группы “ЮгоЛЕФ” (1924); с 1925 г. он жил в Москве, примыкал к ЛЕФу, а с конца 1920-х подвергался резкой критике как формалист. Впрочем, иногда такой подход приводил к блестящему результату: чего стоит одна “Академия эгопоэзии”, которая вознесла своего создателя Игоря Северянина до звания “короля поэтов”!

Некоторые поэты были членами сразу нескольких групп или мигрировали из одного объединения в другое. К. Большаков, к примеру, переходил из группы в группу, побывав и в “Мезонине поэзии”, и в “Центрифуге”, и в рядах кубофутуристов. Хотя и это иногда было оправдано, если

подобные метания не являлись поисками “где лучше”, а имели целью найти свой, созвучный внутреннему мироощущению стиль. Удачный пример таких поэтических исканий — Вадим Шершеневич. Начавший с символизма, с подражаний Бальмонту, Кузмину и Блоку, а в 1912 году выступавший как один из вождей эгофутуризма и писавший “поэзы” в духе Северянина, — он лишь в послереволюционные годы создал свою “имажинистскую” поэзию.

Иногда в сообщества объединялись очень яркие личности, которые в какой-то отрезок времени выступали под знаменами определенной группы, претворяя в жизнь общие творческие идеи. Причем не только поэтические, но и художественные, и философские. Для них подобные сообщества были хорошей школой, определенным этапом совершенствования мастерства. Например, еще до революции появилась группа лингвистов и филологов, назвавшая себя “ОПОЯЗ” (Общество изучения поэтического языка). Через несколько лет после возникновения группа как конкретное объединение перестала существовать, хотя ее члены — Ю. Тынянов, В. Шкловский, Р. Якобсон, Б. Эйхенбаум и другие — продолжали свою деятельность. Затем, в начале 20-х годов, ряд писателей объединился под названием “Серапионовы братья”. В состав группы входили не только прозаики, но и поэты (например, Н. Тихонов), была в их рядах даже “сестра” — поэтесса Елизавета Полонская. И это объединение в дальнейшем распалось, но М. Зощенко, М. Слонимский, Вс. Иванов сохраняли и развивали свой индивидуальный творческий стиль.

Первая мировая война охладила юный пыл модернистов, но не надолго. В 1920-е годы, возбужденные новым социальным опытом революции, они опять принялись экспериментировать. Однако новых, революционных идей практически не возникало. Да и откуда им было взяться? Это в далеких 1910-х у Маяковского и его соратников было вождьенное будущее. А в 1920-х никакого будущего у русского авангарда уже не было — оно превратилось в суровую реальность с полным отсутствием каких-либо перспектив.

Идеологическое давление не по дням, а по часам возрастало, становясь все тягостнее даже для тех, кто поначалу питал романтические иллюзии по поводу происходивших социальных перемен. Глашатаи “искусства будущего” узрели наконец лик этого самого будущего в изменившемся мире, к которому они так стремились, — и... впору было ужаснуться.

Изменилось и отношение к стихам. Слух у людей словно отупел, и, как писала Н. Мандельштам, “требовались особые средства, чтобы пробиться сквозь их глухоту: ум обленился и “задарма” работать не желал”.

Конечно, еще можно было побарахтаться, приспособиться к новым реалиям, делая хорошую мину при плохой игре. Можно было “...себя смирять, становясь // На горло собственной песне”, но это больше напоминало уже не модернизм, а мазохизм.

Разумеется, новые группы появлялись, но все они, за редким исключением, относились к первой из рассмотренных нами здесь категорий. Например, ленинградские — “Кольцо поэтов им. Фофанова”, “Островитяне” и другие. А из достаточно крупных... ну не считать же модернистским объединение пролетарских поэтов или кинувшихся сотрудничать с новой властью московских футуристов-перерожденцев — “лефовцев”.

Тем более, что характеристика идеологической и творческой платформы ЛЕФа была подробно рассмотрена в главе “Закат футуризма”. А в этом разделе речь пойдет о четырех самых значительных из последних модернистских объединений, существовавших в двадцатые годы прошлого столетия.

“Лирический круг”

В 1920-х годах в стране начала формироваться новая пролетарская культура, изобилующая многочисленными бездарями, желающими урвать причитающиеся по статусу блага. И ей, этой культуре, классово чуждые — пусть даже талантливые — поэты, писатели, художники драматурги и иже с ними были не нужны. В этой ситуации группа писателей и поэтов создала объединение “Лирический круг”, дабы противостоять попыткам уничтожения старой культуры.

Летом 1921 г. в одном из центральных журналов¹ появилось сообщение о том, что в Москве образовалась новая литературная группа “Лирический круг”, в которую вошли Вл. Ходасевич, С. Соловьев, К. Липскеров, С. Шервинский, А. Эфрос, Ю. Верховский, В. Лидин, Н. Бромлей, А. Глоба. Собираются примкнуть А. Ахматова и О. Мандельштам.

Если судить по фамилиям, состав группы был очень сильный. Но нельзя в то же время не заметить, что все они относились к разным поэтическим течениям. Это наводит на мысль, что каждый из участников объединения преследовал какие-то свои цели. Хотя внешне все выглядело вполне солидно и официально: была разработана программа, намечены “цели и задачи”, подведена теоретическая база, изложенная в программной статье А. Эфроса “Дух классики”, даже выпущен манифест — “Декларация “неоклассиков”, как они сами себя называли. В нем, в частности, говорилось:

¹ “Театральное обозрение”. 1921. № 8.

“Дух классики овеивает нас уже со всех сторон. Им дышат все, но не умеют его различить. <...> “Классика есть реакция; революция не потерпит классики”, — твердили нам столько раз за эти годы. И мы поверили, что перед нами действительная и точная формула... Вот почему так стремились мы приобщиться к тому, что выдавало себя за подлинное и кровное порождение нашего времени: к триаде-измов, — к кубизму, футуризму и экспрессионизму. Они носили имя левого искусства, их поэты и художники провозгласили себя поэтами и художниками революции, они и в самом деле побывали у власти и именем революции правили искусством и нами.

Теперь же мы знаем, что они самозванцы, что мы протодушно отдали им свои права и что нам надо вернуть себя на должное место. <...> Искусство классики есть искусство революции, следовательно, наша борьба за классику есть борьба за поэзию революции, <...> за жизненность нашего искусства и за современность нашего мастерства. Вот каким кругом очерчиваемся мы!..”¹ [Теперь ясно, что название группы отнюдь не случайно! — Б. А.]

Единственным значимым мероприятием нового объединения, кроме общих собраний его членов и чтения новых стихов, был выход весной 1922 г. альманаха “Лирический круг”, где были, в частности, опубликованы стихотворение Ахматовой “Я с тобой, мой ангел, не лукавил...” и два стихотворения Мандельштама: “Умывался ночью на дворе...” и “Когда Психея-жизнь спускается к теням...”. В предисловии к альманаху говорилось: “Лирический круг” — не альманах, а сборник определенного течения. Его участники — не случайные товарищи по изданию, а члены одной группы...”² Хотя участие в альманахе Ахматовой и Мандельштама объяснялось, скорее всего, именно возможностью опубликовать свои стихи³.

1 Дж и м б и н о в С. Б. Литературные манифесты от символизма до наших дней. — М.: Согласие, 2000.

2 Лирический круг: Страницы поэзии и критики // М., 1922 (сб.); автором предисловия был, вероятно, А. Эфрос.

3 На эту тему см.: М а н д е л ь ш т а м Н. Я. Воспоминания. Книга вторая. — М.: Согласие, 1999. С. 104–106.

На этом все и закончилось. До чего же оптимистичными выглядят в этом свете завершающие строки манифеста “неоклассиков”:

“Надолго ли пришла классика и надолго ли приняла в себя эту левизну? <...> ненужный вопрос. Может быть, — на десятилетия, может быть, — на годы...”

Наивные! “Лирический круг” был уничтожен ревнителями пролетарского “стихотворчества” в мгновение ока. Уже осенью Парнок пишет Волошину о жесткой политике партии по отношению к словотворчеству, о том, что скоро публикация стихов станет делом невозможным и о конце благоприятной для поэзии поры: “...Жизнь в Москве невероятно трудна, и не знаю долго ли я еще смогу так бороться за существование. Устала, и все мне омерзело до последней степени...”¹.

София Парнок

(1885–1933)

Поэтесса, переводчица и литературный критик София Яковлевна Парнок (Парнох) родилась в Таганроге. Впервые стихи Парнок были опубликованы в 1906 г. в альманахе “Проталинки”, затем в разных журналах появляются ее переводы, проза, детские сказки. С 1913 г. она становится постоянным сотрудником журнала “Северные записки”, где кроме стихов публикует критические статьи под псевдонимом “Андрей Полянин”.

В 1907 г. она вышла замуж за литератора М. М. Волькенштейна, но вскоре разошлась с ним, убедившись, что любовь к мужчине противоречит ее природным наклонностям. Скандальные романы Парнок были известны в литературных кругах, но эта особенность личной жизни ею самой не скрывалась. В октябре 1914 г. Парнок познакомилась с М. Цветаевой. Их “лесбосское содружество” стало этапом в творчестве обеих, нашедшим свое отражение в их поэзии, и длилось до 1916 г. Тогда же вышел первый ее сборник “Стихотворения”. Всего же Парнок выпустила пять стихотворных книг.

Формально она была одним из учредителей поэтического объединения “Лирический круг” и кооперативного издательства “Узел”, но ни к одному из литературных направлений не принадлежала. Ее поэзию отличает мастерское владение словом, широкая эрудиция и абсолютный “поэтический слух”.

София Парнок

* * *

Люблю тебя в твоём просторе я
И в каждой вязкой колее.
Пусть у Европы есть история, —
Но у России: житие.

В то время как в духовном зодчестве
Пытает Запад блеск ума,
Она в великом одиночестве
Идет к Христу в себе сама.

Порфиру сменит ли на рубище,
Державы крест на крест простой, —
Над странницею многолюбящей
Провижу венчик золотой.

Ноябрь 1915 (?)

* * *

Скажу ли вам: я вас люблю?
Нет, ваше сердце слишком зорко.
Ужель его я утолю
Любовною скороговоркой?

Не слово, — то, что перед ним:
Молчание минуты каждой,
Томи томленьем нас одним,
Единой нас измучай жаждой.

Увы, как сладостные “да”,
Как все “люблю вас” будут слабы,
Мой несравненный друг, когда
Скажу я, что сказать могла бы.

[1916]

* * *

Окиньте беглым, мимолетным взглядом
Мою ладонь:
Здесь две судьбы, одна с другою рядом,
Двойной огонь.

Двух жизней линии проходят остро,
Здесь “да” и “нет”, —
Вот мой ответ, прелестный Калиостро,
Вот мой ответ.

Блеснут ли мне спасительные дали,
Пойду ль ко дну, —
Одну судьбу мою вы разгадали,
Но лишь одну.

[1916]

* * *

Паук заткал мой темный складень,
И всех молитв мертвы слова,
И обезумевшая за день
В подушку никнет голова.

Вот так она придет за мной, —
Не музыкой, не ароматом,
Не демоном темнокрылатым,
Не вдохновенной тишиной, —

А просто пес завоюет, или
Взвьется взвизг автомобиля
И крыса прошмыгнет в нору.

Вот так! Не добрая, не злая,
Под эту музыку жила я,
Под эту музыку умру.

1922

Агарь

Сидит Агарь опальная
И плачутся струи
Источника печального
Беэрлахай-рой.

Там — земли Авраамовы,
А сей простор — ничей:
Вокруг, до Сура самого,
Пустыня перед ней.

Тоска, тоска звериная!
Впервые жжет слеза
Египетские, длинные,
Пустынные глаза.

Блестит струя холодная,
Как лезвие ножа, —
О, страшная, бесплодная,
О, злая госпожа!..

“Агарь!” — И кровь отхлынула
От смуглого лица.
Глядит, — и брови сдвинула
На Божьего гонца...

* * *

И так же кичились они,
И башню надменную вздыбили, —
На Господа поднятый меч.

И вновь вавилонские дни,
И вот она, вестница гибели, —
Растленная русская речь!

О, этот кощунственный звук,
Лелеемый ныне и множимый.
О, это дыхание тьмы!

Канун неминуемых мук!
Иль надо нам гибели, Боже мой,
Что даже не молимся мы?

* * *

Налей мне, друг, искристого
Морозного вина.
Смотри, как гнется истоиво
Лакейская спина.

Пред той ли, этой сволочью, —
Не все ли ей равно?..
Играй, пускай игопочки,
Морозное вино!

Все так же пробки хлопают,
Струну дерет смычок,
И за окошком хлопьями
Курчавится снежок,

И там, в глуши проселочной,
Как встарь темным-темно...

Играй, пускай игопочки,
Морозное вино!

Ну, что ж, богатства отняли,
Сослали в Соловки,
А все на той же отмели
Сидим мы у реки.

Не смоешь едкой щелочью
Родимое пятно...
Играй, пускай игопочки,
Морозное вино!

7 декабря 1925

* * *

Е. Я. Тараховской

Мне снилось: я бреду впотьмах,
И к тьме глаза мои привыкли.
И вдруг — огонь. Духан в горах.
Гортанный говор. Пьяный выкрик.

Вхожу. Сажусь. И ни один
Не обернулся из соседей.
Из бурдюка старик лезгин
Вино неторопливо цедит.

Он на меня наводит взор.
(Зрачок его кошачий сужен.)
Я говорю ему в упор:
“Хозяин! Что у вас на ужин?”

Мой голос переходит в крик,
Но, видно, он совсем не слышен:

И бровью не повел старик, —
Зевнул в ответ, и за дверь вышел.

И страшно мне. И не пойму:
А те, что тут, со мною, возле,
Те — молодые — почему
Не слышали мой громкий возглас?

И почему на ту скамью,
Где я сижу, как на пустую,
Никто не смотрит?.. Я встаю,
Машу руками, протестую —

И тотчас думаю: Ну что ж!
Итак, я невидимкой стала?
Куда теперь такой пойдешь? —
И подхожу к окну устало...

В горах, перед началом дня,
Такая тишина святая!
И пьяный смотрит сквозь меня
В окно — и говорит: "Светает..."

12 мая 1927

* * *

Старая под старым вязом,
Старая под старым небом,
Старая над болью старой
Приздумалась я.

А луна сверлит алмазом,
Заметает лунным снегом,
Застилает лунным паром
Полуночные поля.

Ледяным сияньем облит,
Выступает шаткий призрак,
В тишине непостижимой
Сам непостижимо тих, —

И лучится светлый облик,
И плывет в жемчужных ризах,
Мимо,

 мимо,
 мимо,
 мимо
Рук протянутых моих.

21–24 сентября 1927

* * *

Марии Петровне Максаковой

Бывает разве среди зимы гроза
И небо синее, как синька?
Мне любо, что косят твои глаза,
И что душа твоя с косинкой.

И нравится мне зябкость этих плеч,
Стремительность походки бодрой,
Твоя пустая и скупая речь,
Твои русалочки, тугие бедра.

Мне нравится, что в холодке твоём
Я, как в огне высоком, плавлюсь,
Мне нравится — могу ль сознаться в том! —
Мне нравится, что я тебе не нравлюсь.

6 октября 1931

* * *

Без оговорок, без условий
Принять свой жребий до конца,
Не обрывать на полуслове
Самодовольного лжеца.

И самому играть во что-то —
В борьбу, в любовь — во что горазд,
Покуда к играм есть охота,
Покуда ты еще зубаст.

Покуда правит миром шалый,
Какой-то озорной азарт,
И смерть навеки не смешала
Твоих безвыигрышных карт.

Нет! К черту! Я сыта по горло
Игрой — Демьяновой ухой.
Мозоли в сердце я натерла
И засорила дух трухой, —

Вот что оставила на память
Мне жизнь, — упрямая игра,
Но я смогу переупрямить
Ее, проклятую!.. Пора!

2 ноября 1932

Константин Липскеров

(1889-1954)

Поэт, переводчик и драматург Константин Абрамович Липскеров родился в Москве в семье газетного издателя. Учился живописи в мастерской К. Юона. Иллюстрировал книжные издания. Его стихи были впервые опубликованы в 1910 г. в журнале "Денди". В 1914 г. он совершил путешествие по Средней Азии. Это повлекло за собой увлечение молодого поэта Востоком, что и определило дальнейшее направление его творчества. В первый поэтический сборник Липскерова "Песок и розы", увидевший свет в 1916 г., вошел цикл "Туркестанские стихи". Эта тема нашла свое развитие во втором, дополненном издании "Туркестанских стихов" (М., 1922), и двух других сборниках того же года — "Золотая ладонь" и "День шестой", где, наряду с мусульманскими, присутствуют и библейские мотивы. Он автор драматической поэмы "Морская горошина" (1922) и ряда пьес, занимался переводами восточных поэтов.

Липскеров был одним из основателей литературной группы "неоклассиков" "Лирический круг". В разное время его считали и акмеистом, и символистом. Литературоведы до сих пор не решили, к какому течению его следует отнести, что, впрочем, не мешает ему быть по праву причисленным к блестящей плеяде поэтов Серебряного века.

* * *

Пустыня, ширь! Пустыня, по которой
Прошли и стали караваны скал,

Где ветер, то медлительный, то скорый,
Взрывал пески и в розах задремал.

Пустыня, ширь! Пустыня, по которой,
Среди гробниц, шумит базаров рой,
Где звери войн прошли суровой сворой
И где простерт покорности покой.

Пустыня, ширь! Пустыня, по которой
Бродил, взирая, некогда, и я, —
Моим напевам мудрою опорой
Ты стала в переходах бытия.

* * *

Дни и ночи, дни и ночи,
Вы сменяете друг друга.
Всех людей следили очи
Цепи звездных узорочий.

Расскажите мне, всегда ли,
Дни и ночи, дни и ночи,
Люди в даях чуда ждали?
Вечно ль люди умирали?

Если снам везде преграда,
Дни и ночи, дни и ночи, —
То и мне промолвить надо:
Есть в страдании отрада.

Если сменит смех доuku,
Дни и ночи, дни и ночи, —
То принять мне должно муку
И печали, и разлуку.

Позабуду я потерю,
Дни и ночи, дни и ночи,

Я в неверное поверю,
Мир мгновеньями измерю.

Роза с берега упала,
Дни и ночи, дни и ночи,
Но в пути речного вала
Мне она сверкнула ало.

Явь кратка, мечта короче,
Друг придет и сменит друга.
Внемлю вам, смыкая очи,
Дни и ночи, дни и ночи.

* * *

Зачем опять мне вспомнился Восток!
Зачем пустынный вспомнился песок!
Зачем опять я вспомнил караваны!
Зачем зовут неведомые страны!
Зачем я вспомнил смутный аромат,
И росной розы розовый наряд!
Как слитно-многокрасочен Восток!
Как грустен нескончаемый песок!
Как движутся размерно караваны!
Как манят неизведанные страны!
Как опьяняет юный аромат,
И росной розы розовый наряд!
Моей мечты подобие – Восток,
Моей тоски подобие – песок,
Моих стихов подобье – караваны,
Моих надежд – неведомые страны,
Моей любви подобье – аромат,
И росной розы розовый наряд!
Вот почему мне помнится Восток,
Вот почему мне видится песок,
Вот почему я слышу караваны,

Вот почему зовут скитаться страны,
Вот почему мне снится аромат,
И росной розы розовый наряд.

Газелла вторая

Неудача иль удача: всё — равно.
День ли смеха, день ли плача, всё — равно.

Выходи ж навстречу вихрю, если он
Встанет, гибель обознача: всё — равно.

Верь и птицам, что лукавят над тобой,
О любви опять судача: всё — равно.

Наши судьбы упадают на весы,
Ничего для них не знача: всё — равно.

Как принять тебе и радость, и печаль?
Разрешимая задача: всё — равно.

* * *

Всё душа безмолвно взвесила
В полуночной, звездной мгле.
Будем петь о том, что весело
На морях и на земле.

Мир объемлет нас обманами —
Он туман людского сна.
Будем петь мы, как над странами
Мира — царствует Весна.

Счастья мига быстрокрылого
Что короче? О поэт,

Будем петь о том, что милого
Стана — сладостнее нет.

Смерть играет жизнью нашею.
Что ж? Поднят безмолвья щит?
Будем петь, как жизни чашею
Смело юноша стучит.

Чаша пенится. Расколота
Будет временем она.
Будем петь, что чаша золота
Будет выпита до дна.

За душой, что звезды взвесила,
Боги шлют вожатых к нам.
Будем петь, что души весело
Возвращаются к богам.

Пруд

Вечер и утро, свод бирюзовый и тучи —
Всё отражая, пруд принимает зеркальный.
Все, что обычно, все, что приходит, как случай:
Вечер и утро, свод бирюзовый и тучи,
Суток мельканье — Вечности образ плывучий —
Стебель прибрежный, брызги от звездочки дальней,
Вечер и утро, свод бирюзовый и тучи —
Всё отражая, пруд принимает зеркальный.

Возвращение

Я знаю, был я некогда царем:
Мне тяготят былые бармы плечи.
Обширный край забывшихся наречий
Мной был к преуспеванию влеком.

Покорным был я некогда рабом.
Среди песков, с вожатым встречным речи
С верблюда вел о том, что редки встречи,
Что долог день над зыблущим горбом.

Всё возвращает солнце круговое:
Вновь вижу мир и слушаю былое,
Как родины ветропечуций зов.

Держава неколеблемая слов
Подвластна мне, и вещи печали
В моих словах, как древле, зазвучали.

Из цикла "Голова Олоферна"

6

Победа

В тимпаны бьет ликующий народ.
Везут шатры, блестя на мулах сбруи.
Отринут враг. В сосуды хлещут струи,
Маслинами увенчан хоровод.

Торжествен хор и звонки поцелуи.
В толпе жрецы продвинулись вперед
Близ дома той, чей будет славен род,
Кем спасена твердыня Ватилуи.

Но скорбная Юдифь отводит взор
От жен, ей в косы вправивших убор.
Ее полно отчаянием око.

Ей мнится: к ней склоняет алый рот
Та голова, которую высоко
Взнесло копые у башенных ворот.

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

(1894–1956)

Шенгели Георгий Аркадьевич – поэт, переводчик, теоретик стиха. В 1920–30-е годы как поэт был очень известен (в период 1925–1927 гг. он занимал пост председателя Всероссийского союза поэтов) и очень продуктивен: при жизни вышло семнадцать книг его стихов, первая – "Розы с кладбища" – в 1914 г. Но после 1939 г. его стихи практически перестали печатать.

В советскую эпоху Шенгели известен в основном как переводчик (им переведены все эпические произведения Байрона, почти вся поэзия Верхарна, а также стихи Гейне, Гюго, Эредиа, Бодлера и многих других авторов) и стиховед. Его главные научные и научно-популярные работы: "Трактат о русском стихе" (1923); "О лирической композиции" (в кн.: "Проблемы поэтики", 1925) и "Техника стиха", два издания которой (1940 и 1960) представляют собой фактически разные книги. Следует добавить, что Шенгели был виртуозом стихотворного экспромта, а также отличным рисовальщиком, автором множества портретных зарисовок, изображающих, в основном, литераторов.

Барханы

Безводные золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожженную неизведанную страну,
Где правят в уединении златолицые богдыханы,
Вдыхая тяжелодымчатую златоопийную волну.

Где в набережных фарфоровых императорские каналы
Поблескивают, переплескивают коричневой чешуей,
Где в белых обсерваториях и библиотеках опахала
Над рукописями ветхими точно ветер береговой.

Но медленные и смутные не колышатся караваны,
В томительную полуденную не продвинуться глубину.
Лишь яркие золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожженную неизведанную страну.

1916

* * *

Январским вечером, раскрывши том тяжелый,
С дикарской радостью их созерцать я мог, —
Лесной геральдики суровые символы:
Кабанью голову, рогатину и рог.

И сыпал снег в окно, взвивался, сух и мелок,
И мнились чадные охотничьи пиры:
Глухая стукотня ореховых тарелок,
И в жарком пламени скворчащие дары.

Коптится окорок медвежий, туша козья
Темно румянится, янтарный жир течет;
А у ворот скрипят всё вновь и вновь полозья,
И победителей встречает старый мед.

Январским вечером меня тоска томила.
Леса литовские! Увижу ли я вас?
И — эхо слабое — в сених борзая выла,
Старинной жалобой встречая волчий час.

1919

Александрия

Здесь перо и циркуль, и прекрасная
Влага виноградная в амфоре,
И заря, закатная и страстная,
Кроет фиолетовое море.

И над белым чертежом расстеленным,
Над тугим папирусом развитым
Иудей склонился рядом с эллином
И сармат ведет беседу с бриттом.

А внизу, отряд фалангой выстроив,
Проезжает меднолатый всадник,
И летит крутая роза быстрая
На террасу через палисадник.

— Добрый час! — Ладони свел воронкою. —
Это я, центурион Валерий.
Написалось ли что-либо звонкое
В золотом алкеевском размере?

— Добрый час! Мы за иной беседою;
В сей чертеж вся Азия вместилась,
И увенчан новою победою
Мудрого Эратосфена стилос.

И глядят с улыбками осенними
Риторы и лирики седые,
А закат играет в жмурки с тенями
В белых портиках Александрии.

1927

Мы живем на звезде

Мы живем на звезде, на зеленой,
Мы живем на зеленой звезде,
Где спокойные пальмы и клены
К затененной клонятся воде.

Мы живем на звезде, на лазурной,
Мы живем на лазурной звезде,
Где Гольфштром пробегает безбурный,
Зарождаясь в прогретой воде.

Но кому-то захочется славой
Прогреть и провеять везде, —
И живем на звезде, на кровавой,
И живем на кровавой звезде!

31.VII.1942

Фрунзе

Ничевоки

Эта литературная группа числилась одной из самых скандальных, превзойдя в этом плане даже имажинистов и ранних кубофутуристов. Она сложилась в Москве в начале 1920 и окончательно оформилась в августе того же года при Союзе поэтов в Ростове-на-Дону. Членами группы были Рюрик Рок (Р. Ю. Геринг), Сергей Садиков, Борис Земенков, Аэций Ранов, Лазарь Сухаребский, Елена Николаева, Дэвис Уманский, Сусанна Мар (Чалхушьян) и Олег Эрберг. С ничевоками были связаны и сотрудничали ростовский поэт Владимир Филов и представитель тифлисского издательства "Хобо" в Москве Мовсес Агабабов.

Оценивая состояние литературы, ничевоки признавали жизненным направлением творчества лишь имажинизм; о себе же в своем первом декрете они заявили следующее: "...4. Фокус современного кризиса явлений мира и мироощущений Ничевоком прояснен: кризис — в нас, в духе нашем. В поэтпроизведениях кризис этот разрешается истончением образа, метра, ритма, инструментовки, концовки. (Единственное пока что жизненное течение в поэзии — имажинизм нами принимается как частичный метод). Истончение сведет искусство на нет, уничтожит его: приведет к ничего и в Ничего. Итак, истоки Всего — из Ничего. <...> Отсюда: 5. В поэзии ничего нет; только — Ничевоки. 6. Жизнь идет к осуществлению наших лозунгов: Ничего не пишите! Ничего не читайте! Ничего не говорите!

Ничего не печатайте!"¹, — и указывали на свое кровное родство с дадаистами.

Дадаизм (фр. dadaïsme от dada — бессвязный детский лепет) — авангардистское направление в западноевропейском, преимущественно французском и немецком искусстве, выражающееся в иррационализме, нигилистическом антиэстетизме, художественном эпатаже. Дадаизм возник в 1916 г. в нейтральной Швейцарии, в Цюрихе, после войны центр движения переместился в Париж, а в 1921 г. основная часть дадаистов влилась в новую, куда более влиятельную группировку сюрреалистов.

Поскольку дадаистское движение родилось во время Первой мировой войны, то главная его идея состояла в том, чтобы на абсурд войны ответить таким же абсурдом искусства. Отсюда становится понятной эпатажность ничевоков, их тяга к эстетизации безобразного и дисгармоничного.

В том же 1920 г. ничевоки выпустили еще несколько манифестов, затем в 1921-м вышла их московская Декларация. В следующем своем "декрете" ничевоки провозгласили "отделение искусства от государства", а свое творческое бюро выдвигали в качестве аппарата по руководству искусством.

Ничевоки известны своими постоянными нападками на Маяковского. 19 января 1922 г. состоялся вечер "Читка Современной Поэзии" в Политехническом Музее с участием ничевоков, осмеявших Маяковского, который, в свою очередь, в долгу не остался. В ответ ничевоки подвергли его заочному суду своего "ревтрибунала" и запретили писать. Это "Постановления ревтрибунала Ничевоков" было напечатано в бесплатном приложении ко 2-му изданию "Собачьего ящика" (С.В.О.Л.О.Ч.). Там же опубликовано открытое письмо Маяковскому от П. Митурича, который обвинил поэта в сознательном укрытии рукописей В. Хлебникова.

1 Декрет о Ничевоках Поэзии // Ростов н/Д. Августа 1920 года.

За время своего существования (всего около двух лет: 1920–1922) ничевоки смогли выпустить лишь два небольших альманаха: "Вам"¹ и "Собачий ящик"² (в двух изданиях), а также два сборника стихов Рюрика Рока³.

В 1921 г. Рюрик Рок был обвинен в подделке печати Всероссийского союза поэтов. Понятно, что после такого скандала его организаторская деятельность продолжаться не могла, и лидер ничевоков эмигрировал в Западную Европу. А гибель в 1922 г. С. Садикова, возглавлявшего "Творничбюро", привела к окончательному распаду группы.

В поэзии ничевоки не оставили заметного следа, ибо даже самые способные из них (С. Мар, О. Эрберг, Р. Рок) благодаря занятой ими позиции занимались подражательством имажинизму. Остались в литературе лишь имена Бориса Земенкова, ставшего позднее известным москвоведом, и Сусанны Мар, создавшей большое количество поэтических переводов с английского, польского и других языков.

Судьба остальных ничевоков сложилась довольно курьезно, как, впрочем, и все их творчество. Но если некоторые из группы все же стали пусть небольшими, но писателями, то Аэций Ранов и Лазарь Сухаребский занялись санпросветработой. В рижском журнале "Родник" опубликованы любопытные детали: в конце 1960-х в Челябинске была издана последняя брошюра *Аэция* (Александра) *Ранова* "Из истории санэпидслужбы Курганской области". А *Лазарь Маркович Сухаребский*, доживший до весьма преклонных лет, делал сценарии учебных лент по всем областям знания. Сперва он присоединял к своему имени титул "доктор", с конца 1920-х — "приват-доцент", а с 1957 даже имено-

1 "От ничевоков чтение Вам" / Под ред. Л. М. Сухаребского. — М.: кн-во "Хобо", 1920. (20 с.)

2 "Собачий ящик. Труды творческого бюро ничевоков", под ред. Главного секретаря Творничбюро С. В. Садикова. Вып. I. — М.: кн-во "Хобо", 1921. (16 с.)

3 "От Рюрика Рока чтение". Ничевоко-поэма. — М.: кн-во "Хобо", 1921; и Рюрик Рок. Сорок сороков. Диалектические поэмы Ничевоком содеянные. — М.: кн-во "Хобо", 1923.

вался доктором медицинских наук. О его деятельности удалось найти такую цитату: "...Врач-психиатр, доктор медицинских наук Лазарь Маркович Сухаребский, более полувека изучавший лица людей, одним из первых в Советском Союзе ввел в практику лечения психических заболеваний диагностику по лицу..."

О других членах группы сведений не имеется.

Конст. Эрберг

(1871–1942)

Конст. Эрберг — псевдоним Константина Александровича Сюненберга, поэта, философа, теоретика искусства, известного своими работами по теории творчества ("Цель творчества", 1913). Входил в состав многих литературных объединений: "Вольфина" (Вольно-философская ассоциация, созданная при издательстве "Скифы"), "ОПОЯЗ" и др.; был членом группы "Ничевоки". Выпустил книгу стихов "Плен" (1918).

Искры

Гудит огонь, шипят дрова,
И вьются искры в дымке,
И непонятные слова
Вновь шепчут невидимки.

— Хоть черен дым, хоть душен дым,
Мы в дымных вихрях все ж летим,
Летим, летим к планетам.
Мы так бледны, едва видны,
Мы здесь на смерть обречены,
Но там — мы будем светом!

Погас огонь. Конец мечте.
Лег траур сажки тонкой.
Кто это плачет в темноте?
Кто двигает заслонкой?

СУСАННА МАР

(1890–1965)

Поэтесса и переводчица Сусанна Георгиевна Чалхушьян, писавшая под псевдонимом Сусанна Мар, была легендарной “ничевочкой”, женой лидера группы, Рюрика Рока, и подругой Анатолия Мариенгофа (единственный сборник ее стихов “Абен” [1922] является аббревиатурой инициалов Мариенгофа). Мечтавшая стать “имажинистической Анной Ахматовой” (по выражению Шершеневича), Сусанна Мар упорно придерживалась в своих стихах принципов поэтики имажинизма. В дальнейшем она много работала в области поэтического перевода, где добилась определенных успехов.

* * *

Доброй нянькой баюкает маятник
Времени вкрадчивый бег,
Расплескала ковшом из памяти
Последнюю ночь о тебе.

И уже не видеть, не слышать
Белых рук и серебряных строк,
Только рифмы взвывают выше,
Словно птицы за душный порог.

За любовь, за ласки, за улыбки
В переплете радостном греха,

СУСАННА МАР

Расплачусь за все свои ошибки
Звонкою монетою стиха.

Август 1920

* * *

А. Мариенгофу

Осушить бы всю жизнь, Анатолий,
За здоровье твое, как бокал.
Помню душевные дни не за то ли,
Что взлетели они, словно сокол.

Так звенели Москва, Богословский
Обугленный вечер, вчера еще...
Сегодня перила скользкие —
Последняя соломинка утопающего.

Ветер, закружившийся на воле,
Натянул, как струны, провода.
Вспоминать ли ласковую наволоку
В деревянных душевных поездах?

Только дни навсегда потеряны,
Словно скошены травы ресниц,
Наверное, так дерево
Роняет последний лист.

Август 1921

РЮРИК РОК

(1898 — ПОСЛЕ 1932)

Рюрик Рок (псевдоним Рюрика Юрьевича Геринга) — лидер литературной группы “Ничевоки”, был одной из самых ярких и заметных фигур этого движения. В 1919 г. вместе с Есениным, Ю. Балтрушайтисом, А. Белым, П. Коганом, А. Кусиковым, В. Шершеневичем и др. был избран в состав Президиума Всероссийского союза поэтов. В 1921 г. Рюрик Рок был обвинен в подделке печати ВСП, после чего эмигрировал в Западную Европу и со второй половины 1920-х годов жил в Германии.

Чтение 1-е

Н. Николаевой

1. Не дрогнет бровь и губы стынут строго.
Круги черчу.
И все ясней в пространствах крышка гроба
большою птицей реет чуть.
2. Я ныне, в царствие антихристово,
в годы собачьей любви нег
вперяю слова на ветра волчий вой,
к Матери Божьей взываю: Машине.
3. И к Тебе, и к Тебе, Трояново отродье,
с гирями маковых кос,

РЮРИК РОК

к Тебе, поправшей, как окурки, годы
с лаптей сдунувшей их навоз;

к Тебе, не знающей бр. Альшванг скрижалей,
ни очереди у Вандрага:
гудками бури явись из дали,
явись, о явись, Кассандра.

В музыканье аэроплана,
в тяжелой походке орудий,
в смерти лейтенанта Глана,
в женской щекатуренной груди,

и в минаретах слов поэта
чую, Кассандра, чую Тебя:
руки переломленные заката
твой рдяный стяг;

и в этих рдяных кос зигзаг
каждый новый день кутает в сон,
а трава семафоров глаз
никогда не звенит “Благополучно”.

И Тебе мяукает рысьи,
с головою в листьях осенних,
мой любимый Иоанн Креститель
отрок Сережа Есенин.

Мать, ива мать,
где сын твой махровый?
Вижу у него на груди талисман —
крест дубовый.

И вы, жены, неверные жены,
где свежие сгнили тела мужей?
Только бархат ковра травы зеленой
покрыл трупье от червей и от вшей.

Всеми жизнями сжатыми
с сладкой земли польни —
Кассандра гремела: “Братья,
в корявое верьте Имя”
— Никого теперь не жаль.

Пулеметами с Метрополя
Ты стучалась в каждые двери,
но могуча забвенья воля,
и вы, как всегда, ей не верили.

Осинным жужжаньем ставила к стенке,
крякала выстрела самоубийцы комнате,
напоминала тиком секундной стрелки,
молнией лязгала:
“Помните!
Помните!
Помните”. —

Но вижу, вижу и знаю:
как соколы, кружат слова —
их Кассандра картавым кварталом пускает,
и они бумерангом ковыляют к вам.

Не дрогнет бровь и губы стынут строго.
Слова черчу.
И все ясней в пространствах крышка гроба
большую птицей реет чуть.

Конструктивисты

По своим принципам, теоретической платформе, широте творческих взглядов его участников и, наконец, по продолжительности существования конструктивизм вполне мог бы претендовать на то, чтобы считаться самостоятельным литературным течением. Поэтические принципы, декларируемые (и осуществляемые) конструктивистами на практике, в отличие от многих псевдосамостоятельных поэтических групп того времени, действительно отличались “лица необщим выраженьем”. К тому же конструктивизм выдвинул немало известных имен.

И все же обычно не принято выделять конструктивизм в отдельное поэтическое направление. Возможно, потому, что он носил слишком утилитарный (в значении “прикладной”) характер. В отличие от задач этого направления в других областях искусства, выдвинувшего идею конструирования материальной среды, окружающей человека, для создания простых, логичных, функционально оправданных форм (архитектурные проекты братьев Весниных, М. Гинзбурга, И. Леонидова; плакаты, книги, театральная сценография художников А. Родченко, В. Татлина, Л. Лисицкого), в поэзии конструктивизм проявился в ориентации на рациональную “конструкцию материала” вместо интуитивно найденного стиля.

Впрочем, возможно еще одно объяснение. Выше уже говорилось, что одним из “обязательных” условий формирования нового поэтического течения было наличие “внеш-

него врага” — точки приложения творческих усилий членов группы, — в борьбе с которым и происходило становление. Конструктивистам же, по большому счету, не с кем было полемизировать, кроме самих себя. Вялые нападки на футуризм вряд ли могли кого-то обмануть, поскольку “конструирование” поэтического текста восходит к принципам, провозглашенным еще идеологом футуризма Ф. Маринетти, который стремился отразить динамизм современной машинной цивилизации и технический прогресс. Правда, для этой цели футуристы использовали несколько иные средства, больше прибегая к эксперименту с лексикой и синтаксисом. Однако методы были очень схожи — перенос центра тяжести с изображения человека на изображение его материально-технического окружения.

Конструктивисты в качестве самостоятельной литературной группы впервые заявили о себе в Москве весной 1922 г. Первыми ее членами стали поэты А. Чичерин, И. Сельвинский и критик К. Зелинский (теоретик группы). Изначально программа конструктивистов имела узко формальную направленность: на первый план выдвигался принцип понимания литературного произведения как конструкции. В окружающей действительности главным провозглашался технический прогресс, акцентировалась роль технической интеллигенции. Причем трактовалось это вне социальных условий, вне классовой борьбы. В частности было заявлено: “Конструктивизм как *абсолютно творческая* школа утверждает универсальность поэтической техники; если современные школы, порознь, вопят: звук, ритм, образ, заумь и т. д., мы, акцентируя *И*, говорим: *И* звук, *И* ритм, *И* образ, *И* заумь, *И* всякий новый возможный прием, в котором встретится действительная необходимость при установке конструкции <...> Конструктивизм есть высшее мастерство, глубинное, исчерпывающее знание всех возможностей материала и умение сгущаться в нем”¹.

1 Чичерин А., Сельвинский И. Клятвенная конструкция конструктивистов-поэтов. 1922–1923.

Но в дальнейшем конструктивисты постепенно освободились от этих узко очерченных эстетических рамок и выдвинули более широкие обоснования своей творческой платформы.

В литературной и художественной жизни страны самое активное участие в те годы принимали именно представители модернизма, и многие из них оказались отнюдь не невольными проводниками господствовавшей в ту эпоху политической идеологии. Вот, например, мнение известной художницы-иллюстратора из объединения так называемой “производственной книги” О. Чичаговой: “По существу своему конструктивизм отрицает искусство как продукт буржуазной культуры. Конструктивизм — это идеология, возникшая в пролетарской России во время революции, и как всякая идеология <...> может быть жизнеспособным и не построенным на песке, [лишь] когда создает себе потребителя; а потому — задачей конструктивизма является организация коммунистического быта через создание конструктивного человека. Средствами к этому являются интеллектуальное производство — изобретательство и совершенствующее производство — техника”¹.

То есть произошла подмена понятий: методология конструктивизма теперь ставилась в прямую зависимость от идеологических принципов. Здесь возникли первые разногласия, в связи с чем от конструктивизма отошел Чичерин, а вокруг Сельвинского и Зелинского сгруппировался ряд авторов: Б. Агапов, Дир Туманный (Н. Панов), В. Инбер, Е. Габрилович. В 1924 был организован Литературный центр конструктивистов (ЛЦК). Позднее к ним присоединяются Н. Адуев, В. Луговской, А. Квятковский, В. Асмус, Э. Багрицкий, Н. Огнёв, Н. Ушаков, а также группа молодых поэтов: В. Гусев, Г. Кац, И. Колтунов, А. Кудрейко (Зеленяк), К. Митрейкин, Л. Лавров и др., шутивно именуемых “костромольцами”. Поначалу встречи конструктивистов проходили поочередно на квартирах кого-нибудь из членов ЛКЦ, а

1 Чичагова О. Конструктивизм. — М., 1923.

с 1927 г. они стали собираться в “Доме Герцена” на Тверской улице (д. 25).

В Декларации ЛЦК прежде всего указывалось, что “конструктивизм есть упорядоченные в систему мысли и общественные умонастроения, которые подчеркнута отражают организационный натиск рабочего класса”¹, и далее говорилось о необходимости для искусства максимально близкого участия конструктивистов в строительстве социалистической культуры. Отсюда возникает установка на насыщение искусства (в частности поэзии) современной тематикой. Для придания этой теме максимальной действенности конструктивисты выдвигают принцип “грузофикации” слова, т. е. максимальной его “уплотненности”. Это достигается при помощи “локальной семантики”, заключающейся в сосредоточении всех изобразительных и выразительных средств “стиха вокруг основного смыслового содержания темы” [у Б. Агапова в стихотворении “Машинистка Топчук” сравнения, эпитеты и т. п. берутся из канцелярского быта: “брови, как подпись директора треста”; у Н. Панова в стихотворении о генерале Корнилове ритм имитирует барабанный марш и т. п.], а также путем “введения в область поэзии приемов прозы”, если это продиктовано логикой сюжета [например, “Рапорт” Сельвинского, или у него же ряд подсчетов и технических терминов в “Пушторге”].

Там же резко критиковались “правые социальные слои, интеллигентские и мелкобуржуазные группы, [которые] приспособливают формальные требования конструктивизма в качестве эстетических окопов для отсиживания в них от натиска революционной современности”.

Такое сползание из сферы искусства в область идеологии не могло не сказаться на судьбе конструктивизма как поэтического направления. И хотя ЛКЦ еще претендует на ведущую роль, заявляя: “Конструктивизм идет на смену футуризму и как литературной школе, и как нигилистичес-

кому мироощущению. Футуризм сделал свое дело. Он был могильщиком буржуазной декадентщины в предреволюционные годы. В своем новом облики — ЛЕФа футуризм продолжает свое старое дело — борьбу с гнилым охвостом. Но <...> новая литература, новая социалистическая культура будет уже твориться не его руками. Эта новая культура созидает свой новый стиль, свои новые методы, и это есть методы конструктивизма”¹, но в последние годы программа конструктивистов во многом напоминала программу критикуемого ими ЛЕФа.

Постоянная острая критика конструктивистов со стороны теоретиков марксистского толка привела в 1930 г. к ликвидации ЛЦК и образованию “Литературной бригады М. Г”, вошедшей в федерацию объединений советских писателей (ФОСП), осуществлявшей “объединение различных писательских группировок, желающих активно участвовать в строительстве СССР и считающих, что наша литература призвана сыграть в данной области одну из ответственных ролей”².

В декабре 1930 “Бригада” самораспустилась.

1 “О конструктивизме” (М., 1928).

2 Федерация // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 11. — М.: Художественная литература, 1939. С. 674.

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ
(1895-1934)

Эдуард Георгиевич Багрицкий (наст. фамилия Дзюбин) вошел в историю советской литературы как певец молодости. Первые его стихи были опубликованы в 1915 г. Во время Гражданской войны был в Красной Армии в качестве сотрудника Агитпропа. Затем работал в Одессе, а в 1925 г. переехал в Москву, где стал членом литературного объединения "Перевал". Главными героями произведений Багрицкого стали строители нового мира. Он автор известной поэмы "Дума про Опанаса" (1926) и поэтических сборников "Юго-Запад" (1928) и "Победители" (1932), проникнутых революционным романтизмом, что, впрочем, было свойственно многим конструктивистам, в ряды которых он вступил в 1926 г.

Творчество Багрицкого отличалось романтическим пафосом, эмоциональностью, красочностью, предметно-чувственным восприятием мира. В его поздних стихах принципы конструктивистской поэтики наиболее заметны. В 1930 Багрицкий наряду с некоторыми другими соратниками по ЛЦК переходит в РАПП. Книга поэм с пророческим названием "Последняя ночь", вышедшая в 1932 г., оказалась и в самом деле последним прижизненным изданием поэта.

Славяне

Мы жили в зеленых просторах,
Где воздух весной напоён,

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

Мерцали в потупленных взорах
Костры кочевавших племен...

Одеты в косматые шкуры,
Мы жертвы сжигали тебе,
Тебе, о безумный и хмурый
Перун на высоком столбе.

Мы гнали стада по оврагу,
Где бисером плещут ключи,
Но скоро кровавую брагу
Испьют топоры и мечи.

Приходят с заката тевтоны
С крестом и безумным орлом,
И лебеди, бросив затоны,
Ломают осоку крылом.

Ярила скрывается в тучах,
Стрибог подымается в высь,
Хохочут в чащобах колючих
Лишь волк да пятнистая рысь...

И желчью сырой опоенный,
Трепещет Перун на столбе.
Безумное сердце тевтона,
Громовник, бросаю тебе...

Пылают холмы и овраги,
Зарделись на башнях зубцы,
Проносят червонные стяги
В плащах белоснежных жрецы.

Рычат исступленные трубы,
Рокочут рыдания струн,
Оскалив кровавые зубы,
Хохочет безумный Перун!..

1915

Полководец

1

За пыльным золотом тяжелых колесниц,
Летящих к пурпуру слепительных подножий,
Курчавые рабы с натертой салом кожей
Проводят под уздцы нубийских кобылиц.

И там, где бронзовым закатом сожжены
Кроваво-красных гор обрывистые склоны,
Проходят медленно тяжелые слоны,
Влача в седой пыли расшитые попоны.

2

Свирепых воинов сзывают в бой рога;
И вот они ползут, прикрыв щитами спины,
По выжженному дну заброшенной стремнины
К раскинутым шатрам — становищу врага.

Но в тихом лагере им слышен хрип трубы,
Им видно, как орлы взнеслись над легионом,
Как пурпурный закат на бронзовые лбы
Льет медь и киноварь потоком раскаленным.

3

Ржавеет густо кровь на лезвиях мечей,
Стекает каплями со стрел, пронзивших спины,
И трупы бледные сжимают комья глины
Кривыми пальцами с огрызками ногтей.

Но молча он застыл на выжженной горе,
Как на воздвигнутом веками пьедестале,
И профиль сумрачный сияет на заре,
Как будто выбитый на огненной медали.

1916

Баллада о нежной даме

Зачем читаешь ты страницы
Унылых, плачущих газет?
Там утки и иные птицы
В тебя вселяют ужас. — Нет,
Внемли мой дружеский совет:
Возьми ты объявлений пачку,
Читай, — в них жизнь, в них яркий свет;
“Куплю японскую собачку!”
О дама нежная! Столицы
Тебя взлелеяли! Корнет
Именовал тебя царицей,
Бела ты как вишневый цвет.
Что для тебя кровавый бред
И в горле пушек мяса жвачка, —
Твоя мечта светлей планет:
“Куплю японскую собачку”.
Смеживши черные ресницы,
Ты сладко кушаешь шербет.
Твоя улыбка как зарница,
И содержатель твой одет
В тончайший шелковый жилет,
И нанимает третью прачку, —
А ты мечтаешь, как поэт:
“Куплю японскую собачку”.
Когда от голода в скелет
Ты превратишься и в болячку,
Пусть приготовят на обед
Твою японскую собачку.

1919

Контрабандисты

По рыбам, по звездам
 Проносит шаланду:
 Три грека в Одессу
 Везут контрабанду.
 На правом борту,
 Что над пропастью вырос:
 Янаки, Ставраки,
 Папа Сатырос.
 А ветер как гикнет,
 Как мимо просвищет,
 Как двинет барашком
 Под звонкое днище,
 Чтоб гвозди звенели,
 Чтоб мачта гудела:
 “Доброе дело!
 Хорошее дело!”
 Чтоб звезды обрызгали
 Грудю наживы:
 Коньяк, чулки
 И презервативы...

Ай, греческий парус!
 Ай, Черное море!
 Ай, Черное море!..
 Вор на воре!

Двенадцатый час —
 Осторожное время.
 Три пограничника,
 Ветер и темень.
 Три пограничника,
 Шестеро глаз —
 Шестеро глаз
 Да моторный баркас...

Три пограничника!
 Вор на дозоре!
 Бросьте баркас
 В басурманское море,
 Чтобы вода
 Под кормой загудела:
 “Доброе дело!
 Хорошее дело!”
 Чтобы по трубам,
 В ребра и винт,
 Виттовой пляской
 Двинул бензин.

Ай, звездная полночь!
 Ай, Черное море!
 Ай, Черное море!..
 Вор на воре!

Вот так бы и мне
 В налетающей тьме
 Усы раздувать,
 Развалясь на корме,
 Да видеть звезду
 Над бугшпритом склоненным,
 Да голос ломать
 Черноморским жаргоном,
 Да слушать сквозь ветер,
 Холодный и горький,
 Мотора дозорного
 Скороговорки!
 Иль правильной, может,
 Сжимая наган,
 За вором следить,
 Уходящим в туман...
 Да ветер почуять,
 Скользящий по жилам,

Вослед парусам,
Что летят по светилам...
И вдруг неожиданно
Встретить во тьме
Усамого грека
На черной корме...

Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал
Оголтелый народ,
Чтоб злобная песня
Коверкала рот, —
И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
“Ай, Черное море,
Хорошее море!..”

1927

Илья Сельвинский

(1899–1968)

Илья Львович (псевд. Эллий-Карл) Сельвинский — поэт, драматург, литературовед. Пробовал себя во многих областях: театральный актер, портовый грузчик, цирковой борец — далеко не полный список его профессий. В годы Гражданской войны Сельвинский в рядах Красной Армии воевал под Перекопом. Первые поэтические опыты принесли ему большую известность: виртуозные стихи с полифонической мелодикой, буйством красок и ритмических переходов произвели на читателей и специалистов очень сильное впечатление.

Стихотворные и стилиевые эксперименты Сельвинского во многом определили поэтическое направление, именуемое конструктивизмом. В середине 1920-х гг. он стал организатором “Литературного центра конструктивистов”, а также его идейным вдохновителем. Этот этап был наиболее ярким в литературной биографии поэта. В дальнейшем его поэтическая манера претерпела значительные изменения. В 30-е годы Сельвинский по делам службы и в качестве корреспондента “Правды” много ездил по стране. Это нашло свое отражение в творчестве поэта. Эпос и драма, воссоздающие облик разных эпох и народов, занимают в нем главное место.

Красное манто

Красное манто с каким-то бурым мехом,
Бархатный берет, зубов голубизна,

Милое лицо с таким лукавым смехом,
 Пьяно-алый рот, веселый как весна.
 Черные глаза, мерцающие лаской,
 Загнутый изгиб, что кукольных, ресниц,
 От которых тень ложится полумаской,
 От которых взгляд, как переблик зарниц.
 Где же вы — Шарден, Уистлер и Квентисти,
 Где вы, Фрагонар, Барбе или Ватто?
 Вашей бы святой и вдохновенной кисти
 Охватить берет и красное манто.

1917

Вор

Вышел на арапа. Канает буржуй.
 А по пузу — золотой бамбер.
 “Мусью, сколько время?” — Легко подхожу..
 Дзззызь промеж роги... — и амба.

Только хотел было снять часы —
 Чья-то шмара кричит: “Шестая”.
 Я, понятно, хода. За тюк. За весы.
 А мильтонов — чертова стая.

Подняли хай: “Лови!”, “Держи!”
 Елки зеленые: бегут напротив..
 А у меня, понимаешь ты, шанец жить, —
 Как петух недорезанный, сердце колотит.

Заскочил в тупик: ни в бок, ни черта.
 Вжался в закрытый сарай я..
 Вынул горячий от живота
 Пятизарядный шпайер:

— Нну-ну! Умирать так будем умираать.
 В компании-таки да веселее. —

Но толпа как поперла в стороны, в мрак
 И построилась целую аллею.

И я себе прошел, как какой-нибудь ферть,
 Скинул джонку и подмигнул с глазом:
 “Вам сегодня не везло, мадамочка Смерть?
 Адью до следующего раза!”

1922

Рапорт

Председателю Тройки
 Господину Долинину
Ротмистра Браудэ
 РАПОРТ

Приказом коменданта в Кронштадскот Равелине
 На четвертом бастионе (юго-запад)
 За командование мной при интервенции Карелии
 Белым бронепоездом “Ревун” —
 В ночь на третьье я был расстрелян
 И похоронен во рву.
 Бдя честь Российского знамени,
 Прошу сей просьбе внять:
 За дрянь работу — солдат шомполами,
 Меня ж — дострелять.

Подпись: *Браудэ*
 Деревня Люцерн.
 Марта 6-го дня.

Входящий номер и резолюция:
 По пункту второму — внять.

Рапорт

Конструктивная тема “Рапорта” — дать в насухо выжатой форме — эпопею, если под ней понимать широкую картину борения родов, наций и классов. Широта картины может зависеть не столько от величины окуляра, сколько от перспективы — так морской горизонт ясно виден и в иллюминаторы корабля.

Семантическая тема вещи — конфликт классовых психологий, взятых в разрезе морали: с одной стороны, чванное геройство старого крепостника, назло всему видящего в красноармейце только русского солдата и в суровой рисовке требующего своей смерти для исправления его плохой работы — и с другой — лишенная всякой сентиментальности четкая деловитость большевика¹.

Мотькэ-Малхамовес

Новелла

Красные краги. Галифе из бархата.
Где-то за локтями шахматный пиджак.
Мотькэ-Малхамовес считался за монарха
И любил родительского падежа.

Полчаса назад — усики нафабрены,
По горлу рубчик, об глаз пятно —
Он как вроде балабус обошел фабрику,
Он! А знаменитэр ин Одэсс блатной.

Там в корпусах ходовые девочки,
У них еще деньжата за ночной “марьяж”, —

¹ Примечание И. Л. Сельвинского.

Сонька, и Любка, и Шурочка Первая,
Которую отбил у всего ворья.

Те повыходили — но снаружи не сердятся,
Размотали чулок и, пожалуйста, — на...
Вы же понимаете: для такого мердэра
Что там может значить бабья война?..

Мотькэ хорошо. Чем плоха профессия?
Фирма работает — и вашших нет.
На губе окурочок подмигивает весело,
Солнце обляпало носы штиблет.

Но тут вышел номер: сзади рабочие.
Сутенер на тень позыривает скосу...
Вдруг: “Стой!” Цап за лапу:

“Кар-роче...”

Брови вороном на хребет носа.

Губы до горла лицо врезали,
Зубы от злобы враскрошь — пемзой...
Оробели ребята... Обмякло железо-то...
Взяла тута оторопь и Тамбов и Пензу.

Мотькэ-Малхамовес идет по Коллонтаевской...
Сдрейфили хамулы — холера им в живот!..
Он уже расхотился, руками махается
И ищет положить глаз на живое.

И вдруг ему встрелись и совсем-таки нечаянно
Хунчик-дер-Заика и Сашка Жмьх.
Ну, как полагается, завернули в чайную
И долго гиргиркали за стаканом на троих.

А назавтра днем меж домов пятиярусных
К магазину “Ювелир М. Гуревич и сын”
Подкатил. Грузовик. Содрогаясь. Яростно.
Волоча. Потроха. У мускулистых. Шин.

Магазин стал. Под наблюдением “приказчика”
Зеленых и рыжих два бородача
Не спеша выносили сундуки и ящики
И с шофером нагружали оцинкованный чан.

Когда же подошли биржевые зайцы,
Задние колеса прямо в них навели:
“Я извиняюсь: магазин перебирается,
На следующем квартале есть еще один ювелир”.

Внутри же сам хозяин и все покупатели
Внавалку, как бараны, перли в стену,
Налезали на мозоли и опять-таки пяtilись,
И один дер другого за штаны тянул.

А над ними с фасоном главного махера,
Успев отскочь до дверей смерить,
Мотькэ-Малхамовес за хвост размахивал
Синим перцем фаршированную смерть.

“Господин Гуревич, вы неважно выглядите,
Может быть, что-нибудь, не дай бог, съели?
Молодой человек, дайте ж место родителю!
Что это за такое, на самом деле.

А вы? Эй, псс!.. Белый галстук!.. Тросточка...
Извинить за выраженье — вы теряете брюк.
Мне чтобы было за ваши косточки —
Вы же так простудитесь: на самом сентябрю”.

“Нет, кроме шуток, — что вы смотрите, как цуцки?
Вы ввозили сюда, мы вывозим туда.
В наше время, во время революции,
Надо же какое-нибудь разделение труда”.

Никакая статуя и никакой памятник
Ни тут, ни за границей, ни где-нибудь еще,

Наверно, не рассаживались так нагло в памяти,
Как вот этот вот налетчик, кривоногий черт.

В конце же концов, когда все были как пьяницы,
Он поставил бомбу коло самых дверей:
“Ша! Эта бомба уже от взгляда взрывается,
И только через час в ней потухнет вред...”

Но только их зажмурили через шторы рыжие,
Мотькэ с автобуса закричал: “Мурá!”
Какую жар-птицу вы там думаете высиживать?
Ведь это же не бомба, а просто бурак...”

1923

Норвежская мелодия

1

Я с тоской,
Как с траурным котом,
День-деньской
Глядим на старый дом,
До зари
В стакан гремит струя...
(О, Мария
Милая моя...)

2

Корабли
Сереют сквозь туман,
Моря блик
Сведет меня с ума.
Стой! Замри,
Скрипичная змея!

(О, Мария
Милая моя...)

3

Разве снесть
В глазах бессонных соль?
Разве есть
Еще такая боль?
О миры
Скрежещетсся ноябрь!
(О, Мария
Милая моя...)

4

Кончен грог.
Молочницы скрипят.
Скрипку в гроб,
Как девочку, скрипач.
Звонари
Уходят на маяк.
(О, Мария
Милая моя...)

5

День как год,
Как черный наговор.
Я да кот,
И больше никого,
Примири
Хоть с гибелью меня,
О, Мария
Милая моя!

1932,

*Пароход "Пронто" (Норвегия),
пролив Лаперуза*

Владимир Луговской

(1901–1957)

Первые стихи Владимира Александровича Луговского были главным образом о Гражданской войне. Но искренний революционный энтузиазм сочетался в его поэзии с растерянным восприятием грозных событий и мучительным непониманием того, что происходит вокруг. Содержание стихов подчеркивало верность поэта идеям конструктивистов, к которым он примкнул в 1926 году. Но многое в его стихах выходило за рамки конструктивистских догм — они были лиричнее, теплее, сентиментальнее, — и вскоре последовал неизбежный разрыв.

В послевоенных стихах Луговского раскрылась бездна неизвестных возможностей поэта. Его мускулистый и крылатый стих отличается огромным масштабом мысли. В последних книгах звучит тревога поэта за судьбы мира и человеческой культуры.

Жестокое пробуждение

Сегодня ночью

ты приснилась мне...

Не я тебя нянчил, не я тебя славил,
Дух русского снега и русской природы,
Такой непонятной и горькой уследы
Не чувствовал я уже многие годы.
Но ты мне приснилась,
как детству — русалки,

Как детству —
 коньки на прудах поседельх,
 Как детству —
 веселая бестолочь салок,
 Как детству —
 бессонные лица сиделок.
 Прощай, золотая,
 прощай, золотая!
 Ты легкими хлопьями
 вкось улетаешь.
 Меня закрывает
 от старых нападок
 Пуховый платок
 твоего снегопада.
 Молочница цедит мороз из бидона,
 Точильщик торгуется с черного хода.
 Ты снова приходишь,
 рассветный, бездонный,
 Дух русского снега и русской природы.
 Но мне ты приснилась
 как юности — парус,
 Как юности —
 нежные губы подруги,
 Как юности —
 шквал паровозного пара,
 Как юности —
 слава в серебряных трубах.
 Уйди, если можешь,
 прощай, если хочешь.
 Ты падаешь сеткой
 крутящихся точек.
 Меня закрывает
 от старых нападок
 Пуховый платок
 твоего снегопада.
 На кухне, рыча, разгорается примус,
 И прачка приносит простынную одурь.

Ты снова приходишь,
 необозримый
 Дух русского снега и русской природы.
 Но ты мне приснилась,
 как мужеству — отдых,
 Как мужеству —
 книг неживое соседство,
 Как мужеству —
 вождь, обходящий заводы,
 Как мужеству —
 пуля в спокойное сердце.
 Прощай, если веришь,
 забудь, если помнишь!
 Ты инеем застишь
 пейзаж заоконный.
 Меня закрывает
 от старых нападок
 Пуховый платок
 твоего снегопада.

1929

Курсантская Венгерка

Сегодня не будет поверки,
 Горнист не играет поход.
 Курсанты танцуют венгерку, —
 Идет девятнадцатый год.

В большом беломраморном зале
 Коптилки на сцене горят,
 Валторны о дальнем привале,
 О первой любви говорят.

На хорах просторно и пусто,
 Лишь тени качают крылом,

Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталем.

Комроты спускается сверху,
Белесые гладит виски,
Гремит курсовая венгерка,
Роскошно стучат каблуки.

Летают и кружатся пары —
Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чиненых тупых башмаках.

Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улицах склад темноты.

И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.

Ты что впереди увидела?
Заснеженный черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон.

Заветная ляжет дорога
На юг и на север — вперед!
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовет!

Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме.
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.

На хорах — декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам;
Четверку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.

И шелест потертого банта
Навеки уносится прочь.
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!

Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идет — девятнадцатый год.

1939

Так называли себя представители литературной группы поэтов, писателей и деятелей культуры, организованной при Ленинградском Доме печати, директор которого Н. Баскаков довольно доброжелательно относился к представителям “левого” искусства. Этот термин произошел от сокращенного названия “Объединение реального искусства” (ОБЭРИУ), причем буква “у” была добавлена в аббревиатуру, как принято сейчас выражаться, “для прикола”, что как нельзя нагляднее демонстрирует суть творческого мировоззрения участников группы.

Датой образования ОБЭРИУ считается 24 января 1928 года, когда в Ленинградском Доме печати состоялся вечер “Три левых часа”. Именно на нем обэриуты впервые заявили об образовании группы, представляющей “отряд левого искусства”. В ОБЭРИУ вошли И. Бахтерев, А. Введенский, Д. Хармс (Ювачёв), К. Вагинов (Вагенгейм), Н. Заболоцкий, писатель Б. Левин. Хотя состав группы менялся: после ухода Вагинова к ней присоединились Ю. Владимиров и Н. Тювелев. К обэриутам были близки Н. Олейников, Е. Шварц, а также художники К. Малевич и П. Филонов.

Тогда же увидел свет первый (и последний) манифест нового литературного объединения¹, в котором декларировался отказ от традиционных форм поэзии, излагались взгляды обэриутов на различные виды искусства. Там же

¹ Декларация ОБЭРИУ // Журнал “Афиши Дома печати”. 1928. № 2.

было заявлено, что эстетические предпочтения членов группы находятся в сфере авангардного искусства.

Следует добавить, что еще до появления в литературе обэриутов возникло неофициальное литературно-философское содружество, участники которого – Введенский, Хармс и Л. Липавский – называли себя “чинарями”.

“Слово “чинарь” придумано А. И. Введенским, – пишет друг обэриутов, литературовед Яков Друскин. – Произведено оно, я думаю, от слова “чин”; имеется в виду, конечно, не официальный чин, а духовный ранг. С 1925 до 1926 или 1927 года Введенский подписывал свои стихи: “Чинарь авторитет бессмыслицы”, Даниил Иванович Хармс называл себя “чинарем-взиральником”...”¹.

“Чинари” писали в авангардистском духе, присущий им “нигилизм” носил юмористический характер. Они были противниками официоза и литературной прилаженности. Но первые эксперименты “чинарей” с рифмой и ритмом, а главное – со смыслами слов имели успех лишь в узком дружеском кругу. Их опыты не только не печатали, но и подвергали насмешкам и освистанию на выступлениях. Один из таких скандалов едва не закончился плачевно, когда ведущая ленинградская газета опубликовала разгромную статью о происшествии, омрачившем собрание литературного кружка Высших курсов искусствоведения². В ней было подчеркнуто, что поэты не просто нахулиганили, но и оскорбили советское (!) высшее учебное заведение... К счастью, в тот раз инцидент не получил никакого продолжения.

После этого, решив расширить свой состав, “чинари” образовали литературную группу, которую первоначально хотели назвать “Академия левых классиков”. Но в результате получилось то, что получилось, – ОБЭРИУ.

Обэриуты попытались в конце 1920-х годов вернуться к некоторым традициям русского модернизма, в частности, футуризма, обогатив их гротескностью и алогизмом. Они

¹ Друскин Я. Чинари // Журнал “Аврора”. 1989. № 6. С. 104.

² “Смена”. 1927. 30 марта.

культивировали поэтику абсурда, предвосхитив европейскую литературу абсурда по крайней мере на два десятилетия.

Поэтика обэриутов основывалась на понимании ими слова “реальность”. В Декларации ОБЭРИУ говорилось: “Может быть, вы будете утверждать, что наши сюжеты “нереальны” и “нелогичны”? А кто сказал, что “житейская” логика обязательна для искусства? Мы поражаемся красотой нарисованной женщины, несмотря на то, что, вопреки анатомической логике, художник вывернул лопатку своей героине и отвел ее в сторону. У искусства своя логика, и она не разрушает предмет, но помогает его познать”.

“Истинное искусство, — писал Хармс, — стоит в ряду первой реальности, оно создает мир и является его первым отражением”¹. В таком понимании искусства обэриуты являлись “наследниками” футуристов, которые также утверждали, что искусство существует вне быта и пользы.

С футуристами соотносится обэриутская эксцентричность и парадоксальность, а также антиэстетический эпатаж, который в полной мере проявлялся во время публичных выступлений.

Выступления “обэриутов” проходили повсеместно: в Кружке друзей камерной музыки, в студенческих общежитиях, в воинских частях, в клубах, в театрах и даже в тюрьме. В зале развешивались плакаты с абсурдистскими надписями: “Искусство — это шкаф”, “Мы не пироги”, а в концертах почему-то участвовали фокусник и балерина.

Желая положить конец выступлениям обэриутов, ленинградская молодежная газета “Смена” поместила статью с подзаголовком “Об одной вылазке литературных хулиганов”, в которой прямо говорилось, что “литературные хулиганы” (т. е. обэриуты) ничем не отличаются от классового врага. Автор заметки (некто Л. Нильвич) воспроизводит, по всей вероятности, фрагменты реальной дискуссии, имевшей место во время выступления обэриутов в студенческой аудитории: “...Владимиров [Юрий Владимиров, самый мо-

1 Из частного письма к К. В. Пугачевой от 16 октября 1933 г.

лодой обэриут] с неподражаемой наглостью назвал собравшихся дикарями, которые, попав в европейский город, увидели там автомобиль... Левин заявил, что их “пока” (!) не понимают, но что они единственные представители (!) действительно нового искусства, которые строят большое здание. — Для кого строите? — спросили его. — Для всей России, — последовал классический ответ...”¹.

В этой же статье, разумеется, в негативном контексте говорилось о прозе Левина.

Нападки со стороны официозной критики, невозможность печататься заставили некоторых обэриутов (Введенский, Хармс, Владимиров и др.) переместиться в сферу детской литературы. По предложению С. Маршака они начали сотрудничать с детской редакцией ленинградского Госиздата, где с конца 1928 г. стал выходить забавный журнал для школьников “Еж” (Ежемесячный журнал), а несколько позже — “Чиж” (Чрезвычайно интересный журнал), для младшего возраста. Здесь большую роль сыграл Н. Олейников, который, формально не являясь членом группы, творчески был близок ей. Будучи главным редактором “Ежа”, он привлек обэриутов к работе в журнале. В 1930-е годы, с началом идеологической травли, тексты для детей были единственными публикуемыми произведениями обэриутов.

Однако и в этой нише они продержались недолго. Свободное художественное мироощущение абсурдистов-обэриутов, их неумещаемость в контролируемые рамки не могли не вызвать недовольства властей. Вслед за резкими откликами на их публичные выступления в печати прошла “дискуссия о детской литературе”, где подверглись жесткой критике К. Чуковский, С. Маршак и другие идеологически невыдержанные писатели, в том числе молодые авторы детской редакции Ленгиза. После этого группа обэриутов перестала существовать как объединение. В конце 1931 года Хармс, Введенский и некоторые другие сотрудники редакции были арестованы.

1 “Реакционное жонглерство” // “Смена”. 1930. 9 апреля.

В предисловии к Полному собранию сочинений А. Введенского, вышедшему в Америке, его редактор и составитель М. Мейлах пишет: “Неприемлемая в условиях тридцатых годов и официально приравненная к контрреволюции позиция поэтов-обэриутов не могла, конечно, не играть своей роли. Известно, во всяком случае, что несмотря на предъявленные им обвинения в контрреволюционной деятельности по 58 статье, шли они по “литературному отделу” ГПУ, и им инкриминировалось, что они отвлекают людей от задач строительства своими “заумными стихами”¹”.

Что касается зауми, то ее новая власть не жаловала особенно рьяно (хотя это изобретение А. Крученых, по принадлежности — футуриста, чьи соратники активно поддерживали эту самую власть). В начале 1920-х годов к заумному творчеству обращается поэт и теоретик Александр Туфанов, на короткое время к нему примкнули будущие обэриуты Хармс и Введенский, что позволило Туфанову в 1925 году образовать “Орден Заумников”. И хотя Хармс и Введенский вскоре перешли от зауми фонетической к алогизму и абсурду, это не помешало ОГПУ провести в 1931 году обэриутов и Туфанова по одному делу о зауми как подрывной работе против советской власти.

Заумь была изведена под корень. По приговору от 21 марта 1932 года Туфанов получил пять лет концлагеря. Был уничтожен И. Терентьев, талантливый ученик А. Крученых. Сам же основатель зауми чудом уцелел, но до конца своих дней был полностью выведен из литературного процесса.

Хармс, Введенский и Бахтерев полгода провели в тюрьме на Шпалерной (питерской Лубянке), а затем были сосланы в Курск. Хармса приговорили к трем годам заключения, а Бахтерев и Введенский на несколько лет были лишены прав проживания в Московской, Ленинградской областях, а также в крупных городах.

¹ Введенский А. Полное собрание сочинений: в 2 т. // Вступ. ст., сост. и примеч. М. Мейлаха. — Ардис, 1980—1984.

В 1933–1934 гг. вернувшиеся в Ленинград обэриуты продолжали встречаться, несмотря на то, что литературная группа распалась. Их беседы были записаны литератором Л. Липавским и составили не опубликованную при жизни обэриутов книгу “Разговоры”. Так же не был издан при жизни авторов коллективный сборник обэриутов “Ванна Архимеда”.

Судьба всех участников группы была на редкость печальной: арестованы были почти все, одни расстреляны, другие прошли через лагеря, третьи были репрессированы, погибли в заключении.

Первым покинул ряды обэриутов Ю. Владимиров, самый молодой из них (умер от туберкулеза в 1931 г., в возрасте 22 лет).

К. Вагинов умер в Ленинграде 26 апреля 1934 г. Вскоре после смерти писателя была арестована его мать; тогда-то выяснилось, что имелся ордер и на арест самого Вагинова.

Н. Олейников вместе с другими детскими писателями Ленинграда арестован в 1937 г. по следам убийства Кирова. Расстрелян в тюрьме 24 ноября 1937 г. Официально датой его смерти было объявлено 5 мая 1942 года, от тифа.

Н. Тувелев был арестован в 1938 и погиб.

Н. Заболоцкий арестован в 1938 и сослан в ГУЛАГ, в Сибирь, позднее — ссылка в Казахстан. Освобожден после войны.

Б. Левин погиб в 1941 г. у села Погостье недалеко от Ленинграда.

А. Введенский после ссылки переехал в Харьков в 1936-м. Был вновь арестован в 1941 г. Умер при неизвестных обстоятельствах. Точное время и место его гибели неизвестны. Видимо, это произошло на железной дороге между Воронежем и Казанью, где он, мертвый или полуживой от дизентерии, был выброшен из вагона, а может быть, ослабевший, застрелен конвоем. Официальная дата смерти Введенского — 20 декабря 1941 года.

Д. Хармс вторично подвергся аресту в августе 1941 г. и после недолгого рассмотрения своего дела был направ-

лен в психиатрическую больницу, где и умер 2 февраля 1942 г.

И. Бахтерев уцелел ценой отказа от всяких попыток обнародовать что-либо непонятное.

Хармс и Введенский, чьи творческие установки лежали в основе поэтики обэриутов, при всем различии их литературной манеры имели одну общую черту: и алогичность Хармса, и “бессмыслица” Введенского были призваны продемонстрировать, что только абсурд передает бессвязность жизни и смерти в постоянно меняющемся пространстве и времени.

Проводимые в стране новой властью абсурдные социальные преобразования, современниками которых оказались обэриуты, подтверждали актуальность их художественно-философских установок.

Николай Заболоцкий

(1903–1958)

Николай Алексеевич Заболоцкий – поэт, прозаик, переводчик. Входил в творческое объединение обэриутов. В ранних стихах зло обличал нэпманов и мещан, прибегая к причудливому гротеску. Позже стиль его резко изменился: в стихах стали преобладать философско-лирические размышления о природе, о месте в ней человека, о борьбе стихии и разума, о гармонии в мироздании.

В 1938 году поэт был арестован по ложному обвинению, отправлен в лагерь, затем в ссылку. Реабилитирован в 1946 году. В поздних стихах предстает уже зрелый Заболоцкий – поэт мысли, прекрасно владеющий точным и зримым образом, при всей строгости своего языка. Кроме того, Заболоцкий является выдающимся мастером поэтического перевода.

Рыбная лавка

И вот, забыв людей коварство,
Вступаем мы в иное царство.

Тут тело розовой севрюги,
Прекраснейшей из всех севрюг,
Висело, вытянувши руки,
Хвостом прицеплено на крюк.
Под ней кета пылала мясом,
Угри, подобные колбасам,
В копченой пышности и лени

Дымились, подогнув колени,
 И среди них, как желтый клык,
 Сиял на блюде царь-балык.
 О самодержец пышный брюха,
 Кишечный бог и властелин,
 Руководитель тайный духа
 И помыслов архитриклин!
 Хочу тебя! Отдайся мне!
 Дай жрать тебя до самой глотки!
 Мой рот трепещет, весь в огне,
 Кишки дрожат, как готтентотки.
 Желудок, в страсти напряжен,
 Голодный сок струями точит,
 То вытянется, как дракон,
 То вновь сожмется что есть мочи,
 Слюна, клубясь, во рту бормочет,
 И сжаты челюсти вдвойне...
 Хочу тебя! Отдайся мне!

Повсюду гром консервных банок,
 Ревут сиги, вскочив в ушат.
 Ножи, торчащие из ранок,
 Качаются и дребезжат.
 Горит садок подводным светом,
 Где за стеклянною стеной
 Плывут лещи, объаты бредом,
 Галлюцинацией, тоской.
 Сомненьем, ревностью, тревогой...
 И смерть над ними, как торгаш,
 Поводит бронзовой остройгой.

Весы читают "Отче наш",
 Две гирьки, мирно встав на блюде,
 Определяют жизни ход,
 И дверь звенит, и рыбы бьются,
 И жабры дышат наоборот.

1928

Движение

Сидит извозчик, как на троне,
 Из ваты сделана броня,
 И борода, как на иконе,
 Лежит, монетами звеня.
 А бедный конь руками машет,
 То вытянется, как налим,
 То снова восемь ног сверкают
 В его блестящем животе.

[1927-1928]

Меркнут знаки Зодиака

Меркнут знаки Зодиака
 Над просторами полей.
 Спит животное Собака,
 Дремлет птица Воробей.
 Толстозадые русалки
 Улетают прямо в небо,
 Руки крепкие, как палки,
 Груды круглые, как репа.
 Ведьма, сев на треугольник,
 Превращается в дымок.
 С лешачихами покойник
 Стройно пляшет кекуок.
 Вслед за ними бледным хором
 Ловят муху колдуны,
 И стоит над косогором
 Неподвижный лик луны.

Меркнут знаки Зодиака
 Над постройками села,
 Спит животное Собака,
 Дремлет рыба Камбала.

Колотушка тук-тук-тук,
 Спит животное Паук,
 Спит Корова, Муха спит,
 Над землей луна висит.
 Над землей большая плоска
 Опрокинутой воды.
 Леший выгацил бревёшко
 Из мохнатой бороды.
 Из-за облака сирена
 Ножку выставила вниз,
 Людоед у джентльмена
 Неприличное отгрыз.
 Все смешалось в общем танце,
 И летят во все концы
 Гамадрилы и британцы,
 Ведьмы, блохи, мертвецы.

Кандидат былых столетий,
 Полководец новых лет,
 Разум мой! Уродцы эти —
 Только вымысел и бред.
 Только вымысел, мечтанье,
 Сонной мысли колыханье,
 Безутешное страданье, —
 То, чего на свете нет.

Высока земли обитель.
 Поздно, поздно. Спать пора!
 Разум, бедный мой воитель,
 Ты заснул бы до утра.
 Что сомненья? Что тревоги?
 День прошел, и мы с тобой —
 Полузвери, полубоги —
 Засыпаем на пороге
 Новой жизни молодой.

Колотушка тук-тук-тук,
 Спит животное Паук,

Спит Корова, Муха спит,
 Над землей луна висит.
 Над землей большая плоска
 Опрокинутой воды.
 Спит растение Картошка.
 Засыпай скорей и ты!

1929

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ

(1904-1941)

Ярчайший представитель поэтического авангарда, Александр Иванович Введенский в начале своего творческого пути относился к футуризму скорее иронически. Однако влияние футуризма, в частности "заумная" поэзия А. Крученых, а также сотрудничество с футуристом И. Терентьевым сыграло большую роль в его последующем творчестве.

С середины 1920-х годов судьба тесно связала Введенского с Даниилом Хармсом. Вместе с А. Туфановым они в 1925 г. организуют "Орден заумников", затем кружок "Чинарей", позже создают группу ОБЕРИУ. Поэзия Введенского, проникнутая элементами алогизма и абсурда, была чужда рабоче-крестьянской власти. В 1932 г. поэт был отправлен в ссылку, после нее вернулся в Ленинград, а в 1936-м переехал в Харьков. Лишенный возможности печататься, он на протяжении этих лет писал (для заработка) исключительно детские стихи. В начале войны был арестован вторично, подвергнут принудительной эвакуации и погиб по дороге.

Гость на коне

Конь степной
бежит устало,
пена каплет с конских губ.
Гость ночной
тебя не стало,

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ

вдруг исчез ты на бегу.
Вечер был.
Не помню твердо,
было все черно и гордо.
Я забыл
существованье
слов, зверей, воды и звезд.
Вечер был на расстояньи
от меня на много верст.
Я услышал конский топот
и не понял этот шепот,
я решил, что это опыт
превращения предмета
из железа в слово, в ропот,
в сон, в несчастье, в каплю света.
Дверь открылась,
входит гость.
Боль мою пронзила
кость.
Человек из человека
наклоняется ко мне,
на меня глядит как эхо,
он с медалью на спине.
Он обратною рукою
показал мне — над рекою
рыба бегала во мгле,
отражаясь как в стекле.
Я услышал, дверь и шкаф
сказали ясно:
конский храп.
Я сидел и я пошел
как растение на стол,
как понятие неживое,
как пушинка
или жук,
на собранье мировое
насекомых и наук,

гор и леса,
 скал и беса,
 птиц и ночи,
 слов и дня.
 Гость я рад,
 я счастлив очень,
 я увидел край коня.
 Конь был гладок,
 без загадок,
 прост и ясен как ручей.
 Конь бил гривой
 торопливой,
 говорил —
 я съел бы щей.
 Я собрания председатель,
 я на сборище пришел.
 — Научи меня Создатель.
 Бог ответил: хорошо.
 Повернулся боком конь,
 и я взглянул
 в его ладонь.
 Он был нестрашный.
 Я решил,
 я согрешил,
 значит, Бог меня лишил
 воли, тела и ума.
 Ко мне вернулся день вчерашний.
 В кипятке
 была зима,
 в ручейке
 была тюрма,
 был в цветке
 болезней сбор,
 был в жуке
 ненужный спор.
 Ни в чем я не увидел смысла.
 Бог Ты может быть отсутствуешь?
 Несчастье.

Нет я все увидел сразу,
 поднял дня немую вазу,
 я сказал смешную фразу —
 чудо любит пятки греть.
 Свет возник,
 слова возникли,
 мир поник,
 орлы притихли.
 Человек стал бес
 и покуда
 будто чудо
 через час исчез.

Я забыл существованье,
 я созерцал
 вновь
 расстоянье.

[1931-1934]

Элегия

*Так сочинилась мной элегия
 о том, как ехал на телеге я.*

Осматривая гор вершины,
 их бесконечные аршины,
 вином налитые кувшины,
 весь мир, как снег, прекрасный,
 я видел горные потоки,
 я видел бури взор жестокий,
 и ветер мирный и высокий,
 и смерти час напрасный.

Вот воин, плавающая навагой,
 наполнен важною отвагой,

с морской волнующейся влагой
вступает в бой неравный.
Вот конь в могучие ладони
кладет огонь лихой погони,
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной.

Где лес глядит в полей просторы,
в ночей неслышные уборы,
а мы глядим в окно без шторы
на свет звезды бездушной,
в пустом сомненье сердце прячем,
а в ночь не спим томимся плачем,
мы ничего почти не значим,
мы жизни ждем послушной.

Нам восхищенье неизвестно,
нам туго, пасмурно и тесно,
мы друга предаем бесчестно
и Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы взрастили,
мы нас самим себе простили,
нам, тем кто как зола остыли,
милей орла гвоздика.

Я с завистью гляжу на зверя,
ни мыслям, ни делам не веря,
умов произошла потеря,
бороться нет причины.
Мы всё воспримем как паденье,
и день и тень и сновиденье,
и даже музыки гуденье
не избежит пучины.

В морском прибое беспокойном,
в песке пустынном и нестройном

и в женском теле непристойном
отрады не нашли мы.
Беспечную забыли трезвость,
воспели смерть, воспели мерзость,
воспомянье мним как дерзость,
за то мы и палимы.

Летят божественные птицы,
их развеваются косицы,
халаты их блестят как спицы,
в полете нет пощады.
Они отсчитывают время,
Они испытывают бремя,
пускай бренчит пустое стремя —
сходить с ума не надо.

Пусть мчится в путь ручей хрустальный,
пусть рысью конь спешит зеркальный,
вдыхая воздух музыкальный —
вдыхаешь ты и тленье.
Возница хилый и сварливый,
в последний час зари сонливой,
гони, гони возок ленивый —
лети без промедленья.

Не плещут лебеди крылами
над пиршественными столами,
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье,
на смерть, на смерть держи равненье
певец и всадник бедный.

[1940]

ДАНИИЛ ХАРМС

(1905–1942)

Даниил Иванович Хармс (наст. фамилия Ювачёв) — поэт, прозаик, драматург, детский писатель. Первые его литературные произведения написаны в 1922 г. Уже в то время Хармс избрал себе не только судьбу писателя, но и псевдоним. В начале 1925 г. Хармс знакомится с поэтом А. Туфановым, основавшим “Орден Заумников”. Его идеи об особом восприятии пространства и времени, и вследствие этого — особом языке современной литературы, были близки Хармсу и оказали на него сильное влияние. Тогда же он сблизился с А. Введенским и вошел в созданную тем группой “чинарей”. Их союз продолжился в организованной Хармсом “Академии левых классиков”, преобразованной затем в ОБЭРИУ.

Произведения Хармса обэриутского периода озорны и причудливы. Но несмотря на их юмор, в центре внимания серьезные размышления о земном и небесном, о предназначении человека в реальном мире. Алогичность, абсурдность произведений Хармса во многом были предтечей несостоявшегося русского сюрреализма. После разгрома объединения последовал арест, затем ссылка; Хармсу пришлось уйти в сферу детской поэзии, в этот период его все больше привлекает проза. Вторично Хармс подвергся аресту в августе 1941-го, был направлен в психиатрическую больницу, где и умер 2 февраля 1942 года.

ДАНИИЛ ХАРМС

Стих Петра Яшкина

Мы бежали как сажени
на последнее сражение
наши пики притупились
мы сидели у костра
реки сохли под ногою
мы кричали: мы нагоним!
плечи дурые высоки
морда белая востра

но дорога не платочек
и винтовку не наточишь
мы пускали наши взоры
версты скорые считать
небо падало завесой
опускалося за лесом
камни прыгали в лопату
месяц солнцу не чета

сколько времени не знаю
мы гнались за возами
только ноги подкосились
вышла пена на уста
наши очи опустели
мох казался нам постелью
но сказали мы нарочно
чтоб никто не отставал

на последнее сражение
мы бежали как сажени
как сажени мы бежали
! пропадай кому не жаль!

* * *

Все все все деревья пиф
Все все все камня паф
Вся вся вся природа пуф

Все все все девицы пиф
Все все все мужчины паф
Вся вся вся женитьба пуф

Все все все славяне пиф
Все все все евреи паф
Вся вся вся Россия пуф

Октябрь 1929

* * *

Ходит путник в час полночный,
прячет в сумку хлеб и сыр,
а над ним цветок порочный
вырастает в воздух пр.
Сколько влаги, сколько неги
в том цветке, растущем из
длинной птицы в быстром беге
из окна летящей вниз.
Вынул путник тут же сразу
пулю — дочь высоких скал.
Поднял путник пулю к глазу.
Бросил пулю и скакал.
Пуля птице впилась в тело,
образуя много дыр.
Больше птица не летела
и цветок не плавал пр.
Только путник в быстром беге

повторял и вверх и вниз:
“Ах, откуда столько неги
в том цветке, растущем из”.

17 апреля 1933

Постоянство веселья и грязи

Вода в реке журчит, прохладна,
и тень от гор ложится в поле,
и гаснет в небе свет. И птицы
уже летают в сновиденьях.
И дворник с черными усами
стоит всю ночь под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
И в окнах слышен крик веселый,
и топот ног, и звон бутылок.

Проходит день, потом неделя,
потом года проходят мимо,
и люди стройными рядами
в своих могилах исчезают.
А дворник с черными усами
стоит года под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
И в окнах слышен крик веселый,
и топот ног, и звон бутылок.

Луна и солнце побледнели,
созвездья форму изменили.
Движение сделалось тягучим,
и время стало как песок.
А дворник с черными усами
стоит опять под воротами

А во рву сидит Петров.
И Бергсон туда полез.
Лез и лез и вдруг исчез.
Удивляется Петров:
“Я, должно быть, нездоров.
Видел я — исчез Бергсон.
Сон ли это? Нет, не сон”.

[1936-1937]

Из дома вышел человек

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
Не спал, не пил,
Не пил, не спал,
Не спал, не пил, не ел.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей,
Тогда скорей,
Скорей скажите нам.

1937

ПОЭТЫ ВНЕ ТЕЧЕНИЙ

Протест против символизма, закат которого наметился к концу первого десятилетия XX века, не ограничился только возникновением новых поэтических направлений и образованием многочисленных литературных групп. Он нашел свое выражение и в творчестве поэтов, не примыкавших ни к одному из течений, но придерживавшихся в своем творчестве ясности, простоты и прочности поэтического стиля.

Некоторые из них какое-то время принимали участие в деятельности отдельных групп, но не слились с ними и пошли, в итоге, собственным путем. Ведь для истинных поэтов любые течения, будь то символизм, футуризм или акмеизм, — только литературная школа, чья задача — утончить, изощрить поэтические средства, чтобы лучше выразить всю сложность окружающего мира.

Как писал А. Блок, "...поэты интересны тем, чем они отличаются друг от друга, а не тем, чем они подобны <...> Так как центр тяжести всякого поэта — его творческая личность, то сила подражательности всегда обратно пропорциональна силе творчества... Таким образом, в истинных поэтах, из которых слагается поэтическая плеяда данной эпохи, подражательность и влияния всегда пересиливаются личным творчеством..."¹.

¹ Блок А. Статья "О лирике" (1907) // Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 7. — М.: Наука, 2003.

Поэзию Серебряного века невозможно представить без упоминания имен И. Бунина, В. Ходасевича, М. Цветаевой, М. Волошина, М. Кузмина и некоторых других поэтов, чье творчество нельзя причислить ни к одному из течений модернизма. Так, воспитанный в атмосфере символизма, но вошедший в литературу на его излете, Ходасевич вместе с Цветаевой, как он сам писал в автобиографическом очерке "Младенчество" (1933), "выйдя из символизма, ни к чему и ни к кому не примкнули, остались навек одиночками, "дикими". Литературные классификаторы и составители антологий не знают, куда нас приткнуть"¹.

Создатели такого глубокого пласта культуры, несомненно, являлись людьми энциклопедического знания и космического мироощущения. Максимилиану Волошину было свойственно вольное овладение наследием мировой культуры. Становление его художественной системы происходило на путях синтеза всех мировых достижений. В умении "все воспринять и снова воплотить" в нечто новое, свое — весь Волошин. При внешней близости Волошина к различным течениям и направлениям, он всегда шел "сквозь строй" чужих мнений "собой самим, не толкаясь".

Увлечение русских символистов давно минувшим XVIII веком и любовь к стилизации нашли свое отражение в творчестве приверженца многих течений Михаила Кузмина. Так же легко улавливается отзвук эстетики символизма в изысканной поэзии молодой Марины Цветаевой.

В стихах Владислава Ходасевича, сочетающих традицию русской классической поэзии с мироощущением человека XX века, явственно звучит трагический конфликт свободной человеческой души и враждебного ей мира, стремление преодолеть разорванность сознания в гармонии творчества.

Особое место в русской лирике XX века занимает поэзия Ивана Бунина. Начав с лирических стихов, написанных под влиянием Фета, в позднейшем периоде своего твор-

чества Бунин стал большим мастером поэтического слова и создавал прекрасные по форме, классически четкие стихотворения.

Время, отделяющее нас от литературной борьбы 1910–1920 гг., сделало несущественным разделение поэтов на литературные группы. Сегодня очевидно, что, последовательно постигая символизм, акмеизм, футуризм и прочие -измы, русская поэзия выработывала новый поэтический язык, адекватный мировосприятию современного человека.

¹ Ходасевич В. Колеблемый треножник. Статьи о русской поэзии. — М.: Советский писатель, 1991. С. 255.

ИВАН БУНИН

(1870–1953)

С начала XX века Иван Алексеевич Бунин занял в русской литературе выдающееся место и как превосходный прозаик, и как поэт. Его поэзия развивалась в традициях русской классики, почти без влияния таких современных ему литературных течений, как символизм, акмеизм, футуризм. Лирика его служила эталоном традиционно понимаемой поэзии.

В своих стихах Бунин воспеваеет прелесть родной природы и покой. Эта тема звучит у него элегически печально, но благодаря необыкновенной силе изобразительности, совмещающей в себе острую четкость гравюры и плотную многоцветность живописи, он великолепно передает и радость бытия и красоту жизни.

Октябрьскую революцию Бунин не принял и в 1920 году эмигрировал во Францию. В 1933 году стал лауреатом Нобелевской премии.

* * *

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,

ИВАН БУНИН

И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

1889

Родине

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, что сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891

* * *

Ту звезду, что качалась в мертвой воде
Под кривую ракетой в заглушем саду, —
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде,
Я теперь в небесах никогда не найду.

В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

1891

* * *

Когда на темный город сходит
В глухую ночь глубокий сон,
Когда метель, кружась, заводит
На колокольнях перезвон, —

Как жутко сердце замирает!
Как заунывно в этот час,
Сквозь вопли бури, долетает
Колоколов невнятный глас!

Мир опустел... Земля остыла...
А вьюга трупы замела,
И ветром звезды загасила,
И бьет во тьме в колокола.

И на пустынном, на великом
Погосте жизни мировой
Кружится Смерть в веселье диком
И развеивает саван свой!

1895

* * *

Снова сон, пленительный и сладкий,
Снится мне и радостью пьянит, —
Милый взор зовет меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.

Знаю я — опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня,
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне — обмани меня!

1898

Одиночество

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживи и один — без жены...

Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
 “Воротись, я сроднился с тобой!”
 Но для женщины прошлого нет:
 Разлюбила — и стал ей чужой.
 Что ж! Камин затоплю, буду пить...
 Хорошо бы собаку купить.

[1903]

Призраки

Нет, мертвые не умерли для нас!
 Есть старое шотландское преданье,
 Что тени их, незримые для глаз,
 В полночный час к нам ходят на свиданье,

Что пыльных арф, висящих на стенах,
 Тайнственно касаются их руки
 И пробуждают в дремлющих струнах
 Печальные и сладостные звуки.

Мы сказками предания зовем,
 Мы глухи днем, мы дня не понимаем;
 Но в сумраке мы сказками живем
 И в тишине доверчиво внимаем.

Мы в призраки не верим; но и нас
 Томит любовь, томит тоска разлуки...
 Я им внимал, я слышал их не раз,
 Те грустные и сладостные звуки!

[1903-1905]

* * *

В лесу, в горе родник, живой и звонкий,
 Над родником старинный голубец
 С лубочной почерневшею иконкой,
 А в роднике березовый корец.

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
 Тысячелетней рабской нищеты,
 Но этот крест, но этот ковшик белый...
 Смиранные, родимые черты!

1905

Слово

Молчат гробницы, мумии и кости, —
 Лишь слову жизнь дана:
 Из древней тьмы, на мировом погосте,
 Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
 Умейте же беречь
 Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
 Наш дар бессмертный — речь.

7 января 1915

Свет незакатный

Там, в полях, на погосте,
 В роще старых берез,
 Не могилы, не кости —
 Царство радостных грез.

Летний ветер мотает
Зелень длинных ветвей —
И ко мне долетает
Свет улыбки твоей.
Не плита, не Распятие —
Преодо мной до сих пор
Институтское платье
И сияющий взор.
Разве ты одинока?
Разве ты не со мной
В нашем прошлом, далеко,
Где и я был иной?
В мире круга земного,
Настоящего дня,
Молодого, бывшего
Нет давно и меня!

24 сентября 1917

* * *

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

25 июня 1922

МИХАИЛ КУЗМИН

(1872–1936)

Михаил Алексеевич Кузмин — поэт, переводчик, композитор. После гимназии три года учился у Н. А. Римского-Корсакова в Петербургской консерватории. В начале своей литературной деятельности примыкал к символистам, но в стихах был мало похож на них: вместо духовных поисков и мистических настроений в его поэзии проступала явная приземленность, любовь к бытовым деталям. Кузмин требовал от стихов ясности, логики и прозрачности (отсюда выдвинутое им понятие “кларизм”) и тем дал методическую основу новому поэтическому течению — акмеизму, однако сам в число акмеистов официально не вошел.

Стихи у Кузмина отличались живой интонацией, многообразием ритмов и рифм. Его перу принадлежат также прозаические произведения, критические статьи, либретто балетов. Кроме того, Кузмин известен как автор многочисленных переводов (Апулей, Боккаччо, Шекспир и др.)

* * *

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат?
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад.

Твой нежный взор, лукавый и манящий, —
 Как милый вздор комедии звенящей
 Иль Мариво капризное перо.
 Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий
 Мне кружит ум, как “Свадьба Фигаро”.

Дух мелочей, прелестных и воздушных,
 Любви ночей, то нежащих, то душных,
 Веселой легкости бездумного житья!
 Ах, верен я, далек чудес послушных,
 Твоим цветам, веселая земля!

1906

* * *

О, быть покинутым — какое счастье!
 Какой безмерный в прошлом виден свет —
 Так после лета — зимнее ненастье:
 Все помнишь солнце, хоть его уж нет.

Сухой цветок, любовных писем связка,
 Улыбка глаз, счастливых встречи две, —
 Пускай теперь в пути темно и вязко,
 Но ты весной бродил по мураве.

Ах, есть другой урок для сладострастья,
 Иной есть путь — пустынен и широк.
 О, быть покинутым — такое счастье!
 Быть нелюбимым — вот горчайший рок.

Сентябрь 1907

Из “АЛЕКСАНДРИЙСКИХ ПЕСЕН”

Мудрость

4

Сладко умереть
 на поле битвы
 при свисте стрел и копий,
 когда звучит труба
 и солнце светит,
 в полдень,
 умирая для славы отчизны
 и слыша вокруг:
 “Прощай, герой!”
 Сладко умереть
 маститым старцем
 в том же доме,
 на той же кровати,
 где родились и умерли деда,
 окруженным детьми,
 ставшими уже мужами,
 и слыша вокруг:
 “Прощай, отец!”
 Но еще слаще,
 еще мудрее,
 истративши все именье,
 продавши последнюю мельницу
 для той,
 которую завтра забыл бы,
 вернувшись
 после веселой прогулки
 в уже проданный дом,
 поужинать
 и, прочитав рассказ Апулея
 в сто первый раз,

в теплой душистой ванне,
не слыша никаких прощаний,
открыть себе жилы;
и чтоб в длинное окно у потолка
пахло левкоями,
светила заря,
и вдалеке были слышны флейты.

1904?-1905

* * *

Окна неясны очертанья...
Тепло и нега... сумрак... тишь...
Во сне ль сбываются мечтанья?
Ты рядом, близко, здесь лежишь.

Рукою обнимая тело,
Я чувствую: не сон, не сон...
Сомнений горечь отлетела,
Мне снова ясен небосклон.

О долгие часы лобзаний,
Объятий сладостных и нег!
Каких нам больше указаний?
О время, укроти свой бег!

Пусть счастья голубая птица
Не улетит во время сна,
Пусть этот сумрак вечно длится
В разрезе смутного окна.

Март - май 1911

* * *

Смирись, о сердце, не ропщи:
Покорный камень не пыгает,
Куда летит он из пращи,
И вешний снег бездумно тает.
Стрела не спросит, почему
Ее отравой напоили;
И немые сердцу моему
Мои ль желанья, твои ли.
Какую камень цель найдет?
Врагу или другу смерть даруя,
Иль праздным на поле падет —
Всё с равной радостью беру я.
То — воля мудрого стрелка,
Плавильщика снегов упорных,
А рана? рана — не жалка
Для этих глаз, ему покорных.

Февраль - май 1911

* * *

Ветер с моря тучи гонит,
В засиявшей синеве
Облак рвется, облак тонет,
Отражаясь в Неве.

Словно вздыбив белых коней,
Заскакали трубачи.
Взмываясь бешеной погоней,
Треплют гривы космачи.

Пусть несутся в буйных ключьях
По эмали голубой,

О весенних полномочьях
Звонкою трубя трубой.

Февраль-май 1911

* * *

Какая-то лень недели кроет,
Замедляют заботы легкий миг, —
Но сердце молится, сердце строит:
Оно у нас плотник, не гробовщик.
Веселый плотник сколотит терем.
Светлый тес — не холодный гранит.
Пускай нам кажется, что мы не верим:
Оно за нас верит и нас хранит.

Оно все торопится, бьется под спудом,
А мы — будто мертвые: без мыслей, без снов...
Но вдруг проснемся пред собственным чудом:
Ведь мы всё спали, а терем готов.
Но что это, Боже? Не бьется ль тише?
Со страхом к сердцу прижалась рука...
Плотник, ведь ты не достроил крыши,
Не посадил на нее конька!

1916

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

(1877-1932)

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин — поэт, переводчик, критик, живописец, археолог. В 1900 г. был исключен из Московского университета за участие в студенческих волнениях. Именно тогда начались его странствия по Азии и Европе. Долго жил в Париже. Как поэт он начал печататься в символистском журнале “Весы”. В период революции и Гражданской войны стремился занять позицию “над схваткой”, призывая “быть человеком, а не гражданином”.

В изощренной по форме, созерцательной поэзии Волошина переплелись влияния русских символистов и французских поэтов-парнасцев. Для его лирики характерны историко-философские мотивы. Умозрительная символика в творчестве поэта сочеталась с умением художника дать изображения в их реальной осязаемости. Это чувствуется прежде всего в красочном описании природы восточного Крыма, где в окрестностях Коктебеля он жил безвыездно с 1917 года.

Из цикла “Париж”

4

Осень... осень... Весь Париж,
Очертанья сизых крыш
Скрылись в дымчатой вуали,
Расплылись в жемчужной дали.

В поредевшей мгле садов
Стелет огненная осень
Перламутровую просинь
Между бронзовых листов.

Вечер... Тучи... Алый свет
Разлился в лиловой дали:
Красный в сером — это цвет
Надрывающей печали.

Ночью грустно. От огней
Иглы тянутся лучами.
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листьями.

[1902]

* * *

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

1904

* * *

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы

Одни к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.

Весна 1905

Париж

* * *

Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты слезный свет во тьме железной,
Ты горький звездный сок. А я —
Я помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи... Оттого ль,
Что вечных звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день... Смотри!
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.

Март 1907

Из цикла "Киммерийские сумерки"

IV

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зарделись красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках — намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,

Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам.
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?

Здесь душно в тесноте... А там — простор, свобода,
Там дышит тяжело усталый Океан
И веет запахом гниющих трав и йода.

VII

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы черные, потоки красных щебней —
Пределы скорбные незнакомой страны.

Я вижу грустные, торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственную дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзання и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампы Семизвездья.

1907

* * *

Пурпурный лист на дне бассейна
Сквозит в воде, и день погас...
Я полюбил благоговеино
Текущий мрак печальных глаз.

Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, —
Мне не идти тебе вослед.

Не преступлю и не нарушу,
Не разомкну условный круг.
К земным огням слепую душу
Не изведу для новых мук.

Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам —
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам.

[26 января 1910]

* * *

Судьба замедлила сурово
На росстани лесных дорог...
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова...

Смирясь, я все ж не принимал
 Забвенья холод неминучий
 И вместе с пылью пепел жгучий
 Любви сгоревшей собирал...
 И с болью помнил профиль бледный,
 Улыбку древних змийных губ, —
 Так сохраняет горный дуб
 До новых почек лист свой медный.

[Февраль 1910]

* * *

Обманите меня... но совсем, навсегда...
 Чтоб не думать зачем, чтоб не помнить когда...
 Чтоб поверить обману свободно, без дум,
 Чтоб за кем-то идти, в темноте, наобум...
 И не знать, кто пришел, кто глаза завязал,
 Кто ведет лабиринтом неведомых зал,
 Чье дыханье порою горит на щеке,
 Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
 А очнувшись, увидеть лишь ночь да туман...
 Обманите и сами поверьте в обман.

[1911]

* * *

Любовь твоя жаждет так много,
 Рыдая, прося, упрекая...
 Люби его молча и строго,
 Люби его, медленно тая.

Свети ему пламенем белым —
 Бездымно, безгрустно, безвольно.

Люби его радостно телом,
 А сердцем люби его больно.

Пусть призрак, творимый любовью,
 Лица не заслонит иного, —
 Люби его с плотью и кровью —
 Простого, живого, земного...

Храня его знак суеверно,
 Не бойся врага в иноверце...
 Люби его метко и верно —
 Люби его в самое сердце.

[8 июля 1914]

Взятие Тюильри

(10 августа 1792 г.)

*Je me manque deux batteries pour
 balayer toute cette canaille la¹.*

Мемуары Бурьенна. Слова Бонапарта

Париж в огне. Король низложен с трона.
 Швейцарцы перерезаны. Народ
 Изверился в вождах, казнит и жжет.
 И Лафайет объявлен вне закона.

Марат в бреду и страшен, как Горгона.
 Невидим Робеспьер. Жиронда ждет.
 В садах у Тюильри водоворот
 Взметенных толп и львиный зев Дантона.

А офицер, незнаемый никем,
 Смотрит с презреньем — холоден и нем —
 На буйных толп бессмысленную толочь,

¹ Достаточно двух батарей, чтобы смести всю эту сволочь (фр.).

И, слушая их исступленный вой,
Досадует, что нету под рукой
Двух батарей "рассеять эту сволочь".

21 ноября 1917

На дне преисподней

Памяти А. Блока и Н. Гумилева

С каждым днем все диче и все глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не избери иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

12 января 1922

Владислав Ходасевич

(1886–1939)

Владислав Фелицианович Ходасевич — поэт, критик, мемуарист, переводчик. Первые его стихи появились в московском альманахе "Триф" (1905), а первая книга "Молодость", которую сам поэт впоследствии считал ученической, вышла в 1908 г. На раннем этапе творчества был близок к московским символистам. Затем в его поэзии стала преобладать последовательная традиционность и безмятежность, восходящая к лирике пушкинской поры.

В дальнейшем стихи Ходасевича претерпели резкие изменения. В самой значительной его книге доэмигрантского периода "Путем зерна" (1920) вместо расхожих штампов появляется уверенная отточенность слова, банальные поэтические ситуации заменяются чрезвычайно резким соединением повседневной жизни с запредельным духовным опытом. Книга Ходасевича "Тяжелая лира" (1922), где новый стиль поэта был доведен едва ли не до канона, увидела свет, когда ее автор уже находился в эмиграции.

* * *

Вокруг меня кольцо сжимается,
Неслышно подползает сон...
О, как печально улыбается,
Скрываясь в занавесах, он!
Как заунывно заливается
В трубе промерзлой — ветра вой!

Вокруг меня кольцо сжимается,
Вокруг чела Тоска сплетается
Моей короной роковой.

18 ноября 1906

В моей стране

Посв<ящается> Муну

Мои поля сыпучий пепел кроет.
В моей стране печален страданный день.
Сухую пыль соха со скрипом роет,
И ноги жжет затянутый ремень.

В моей стране — ни зим, ни лет, ни весен,
Ни дней, ни зорь, ни голубых ночей.
Там круглый год владычествует осень,
Там — серый свет бессолнечных лучей.

Там сеятель бессмысленно, упорно,
Скуля как пес, влачась как вьючный скот,
В родную землю втоптывает зерна —
Отцовских нив безжизненный приплод.

А в шалаше — что делать? Выть да охать,
Точить клинок нехитрого ножа
Да тешить женщин яростную похоть,
Царапаясь, кусаясь и визжа.

А женщины, в игре постыдно-блудной,
Открытой всем, все силы истощив,
Беременеют тягостно и нудно
И каждый год родят, не доносив.

В моей стране уродливые дети
Рождаются, на смерть обречены.

От их отцов несу вам песни эти.
Я к вам пришел из мертвенной страны.

9 июня 1907

Лидино

* * *

“Вот в этом палаццо жила Дездемона...”
Все это неправда, но стыдно смеяться.
Смотри, как стоят за колонной колонна
Вот в этом палаццо.

Вдали затихает вечерняя Пьяцца,
Безвучно вращается свод небосклона,
Расшитый звездами, как шапка паяца.

Минувшее — мальчик, упавший с балкона...
Того, что настанет, не нужно касаться...
Быть может, и правда — жила Дездемона
Вот в этом палаццо?..

5 мая 1914

На ходу

Метель, метель... В перчатке — как чужая
Застывшая рука.
Не странно ль жить, почти что осязая,
Как ты близка?

И все-таки бреду домой с покупкой,
И все-таки живу.
Как прочно все! Нет, он совсем не хрупкий,
Сон наяву!

Еще томят земные расстоянья,
Еще болит рука,
Но все ясней, уверенней сознание,
Что ты близка.

7 февраля 1916

Путем зерна

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

23 декабря 1917

* * *

Горит звезда, дрожит эфир,
Таится ночь в пролеты арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

4 декабря 1921

* * *

Играю в карты, пью вино,
С людьми живу — и лба не хмрю.
Ведь знаю: сердце все равно
Летит в излюбленную бурю.

Лети, кораблик мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нет на том пути,
Куда уносит вдохновенье.

Уж не вернуться нам назад,
Хотя в ненастье нашей ночи,
Быть может, с берега глядят
Одни нам ведомые очи.

А нет — беды не много в том!
Забыты мы — и то не плохо.

Ведь мы и гибнем и поем
Не для девического вздоха.

4-6 февраля 1922

Перед зеркалом

*Nel mezzo del cammin di nostra vita*¹.

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем — так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.

¹ На середине пути нашей жизни (ит.).

И Виргилия нет за плечами, —
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

18-23 июля 1924

Париж

* * *

В последний раз зову Тебя: явись
На пиршество ночного вдохновенья.
В последний раз: восхить меня в ту высь,
Откуда открывается паденье.

В последний раз! Нет в жизни ничего
Святее и ужаснее прощанья.
Оно есть агнец сердца моего,
Влекомый на закланье.

В нем прошлое возлюблено опять
С уже нечеловеческою силой.
Так пред расстрелом сын объемлет мать
Над общей их могилой.

13 февраля 1934

Париж

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

(1892–1941)

Марина Ивановна Цветаева — поэтесса трагического склада, трагической судьбы. Романтик по строю души, она не принимала “организованного насилия” поэтических школ. Отвергая любую структуру, она признавала любую стихию: природу, язык... Темперамент, бунтарский дух, принципиальная независимость, откровенная страсть, стилистическое своеобразие делают поэзию Цветаевой масштабным явлением в истории русской литературы.

В 1922 году Цветаева эмигрировала, но тоска по родине заставила ее вернуться в Россию (1939). Однако аресты близких, одиночество, война, эвакуация превысили меру душевных сил поэтессы. В 1941 году в Елабуге она покончила с собой.

* * *

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

636

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Не думай, что здесь — могила,
И я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,

637

Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Май 1913

* * *

Уж сколько их упало в бездну,
Разверзтую вдаль!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все — как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
— Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

К вам всем — что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто — слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне — прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! — еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка, кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Волосы в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.

Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей — сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
— Бабушка! — Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от вас ли?..

4 сентября 1914

Из цикла “П. Э.”

6

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушаете, милый:
Вы все-таки мой!

Смеетесь! — В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой — так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробной тьмой!

Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мертвый, —
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, — чую Вас всюду!
— Что ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
— Письмо в бесконечность. — Письмо
в беспредельность. —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

Из цикла “Подруга”

2

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа?
Кто побежден?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? Кто — добыча?
Всё дьявольски-наоборот!

Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце — Ваше ли, мое ли —
Летело вскачь?

И все-таки — что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

15

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать — куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы — на палубе...
Вы — в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними — вороны...
— Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

* * *

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши негулянья под луной.
За солнце, не у нас над головами, —
За то, что Вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не Вами!

3 мая 1915

Из цикла "Стихи к Блоку"

1

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.

Одно единственное движенье губ,
Имя твое — пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим — сон глубок.

15 апреля 1916

15

Без зова, без слова, —
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел, — в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

644

“Покамест не продан!” —
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а терном —
Чепца остроzubая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
— И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром — труды.
Как в землю положен,
Быть может, — проспичь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих — вижу опять.

645

Такую усталость —
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921

Из цикла “Стихи о Москве”

9

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

Из цикла “Бессонница”

10

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят.
Или просто — рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночи!
Может — сотни свеч,
Может — три свечи...
Нет и нет уму
Моему — покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

23 декабря 1916

Две песни

2

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
“Мой милый, что тебе я сделала?!”

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
“Мой милый, что тебе я сделала?”

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе ручки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
“Мой милый, что тебе я сделала?”

Спрошу я стул, спрошу кровать:
“За что, за что терплю и бедствую?”
“Отцеловал — колесовать:
Другую целовать”, — ответствуют.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе — я сделала?

Всё ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!

Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само — что дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За всё, за всё меня прости,
Мой милый, — что тебе я сделала!

14 июня 1920

* * *

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц — оцетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины —
Где не ужиться (и не тшусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберет
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна *не* сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

3 мая 1934

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения, представленные на страницах данного сборника для иллюстрации творчества авторов, отражают их поэтическую манеру того периода, о котором идет речь в этой книге, а именно – Серебряного века. Для многих из них участие в том или ином течении было лишь этапом биографии, поэтической школой, творческой лабораторией, поиском своего пути в литературе. У некоторых поэтов со временем изменился не только стиль, но и мировоззрение, взгляд на окружающую действительность. Впрочем, изменилась и сама эпоха: новое время требовало “новых песен”. Поэтому было бы неверно представлять творческую биографию, например, Николая Заболоцкого в период его пребывания в стане обэриутов произведениями поэта, написанными в 1950-е годы. То же касается Пастернака, Луговского, Ахматовой, не говоря уже о Сельвинском, поэтическая манера которого поменялась самым кардинальным образом. Хотя имеется исключение: творчество Георгия Иванова, который в ранние годы еще не достиг той степени мастерства, которая отличала его поэзию в период эмиграции. Но поскольку он всю жизнь придерживался и развивал одно единственное поэтическое направление – акмеизм, в книге представлены наиболее значительные стихотворения Г. Иванова, написанные им в разные годы.

Состав сборника, предисловия разделов, статьи, биографические обзоры, аннотации, справочные материалы, библиография и примечания подготовлены Б. С. Акимовым.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

- С. 24. *Садовской* Борис Александрович (1881–1952) — поэт, прозаик. Более известен как критик и историк литературы. *Пяст* (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940) — поэт, переводчик; близкий друг Блока. *Розанов* Василий Васильевич (1856–1919) — русский писатель, публицист и философ. Автор многочисленных литературно-критических работ по русской литературе. *Святотолк-Мирский* Петр Дмитриевич, князь (1890–1939) — литературный критик, публицист; автор сборника стихотворений (1911). Кадровый офицер, в 1919–1920 служил в армии Деникина; летом 1920 эмигрировал. Преподавал в Лондонском университете. В 1932 вернулся в Россию. Арестован в 1937 году. *Иванов-Разумник* (псевд. Разумника Васильевича Иванова; 1878–1946) — литературовед и социолог. В 1917–1918 гг. член ЦК партии левых эсеров. Подвергался репрессиям. В 1942 г. отправлен гитлеровцами в лагерь перемещенных лиц. Умер в Мюнхене. *Вейдле* Владимир Васильевич (1895–1979) — русский литератор и художественный критик, эссеист, поэт. *Оцуп* Николай Авдеевич (1894–1958) — поэт; участник “Цеха поэтов”. С 1922 г. в эмиграции (Берлин, Париж). Издатель и редактор журнала “Числа”. Во время Второй мировой войны участвовал в итальянском Сопротивлении. Автор нескольких поэтических сборников, а также статей о русской литературе.
- С. 26. *Маковский* Сергей Константинович (1877–1962) — художник, критик, поэт, издатель, мемуарист. Сын известного художника-портретиста К. Е. Маковского. В 1918 г. в эмиграции. *Миллюков* Павел Николаевич (1859–1943) — политический деятель, историк, публицист. Лидер партии кадетов. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьского переворота — в эмиграции. Автор трудов по истории России, мемуаров.

СИМВОЛИЗМ

- С. 38. *Шопенгауэр* Артур (1788–1860) — немецкий философ, представитель волюнтаризма. Сущность мира в его учении — неразумная воля, слепое, беспредельное влечение к жизни. *Гартман* Эдуард (1842–1906) — немецкий философ, сторонник панпсихизма. Основой сущего считал абсолютное бессознательное духовное начало — “мировую волю”. В этике вслед за Шопенгауэром разрабатывал концепцию пессимизма. *Ницше* Фридрих (1844–1900) — немецкий философ, представитель “философии жизни”. Выступал с анархической критикой культуры, проповедовал эстетический имморализм. *Бергсон* Анри (1859–1941) — французский философ, представитель интуитивизма и “философии жизни”. Подлинная и первоначальная реальность по Бергсону — жизнь как метафизически-космический процесс, “жизненный порыв”, творческая эволюция. В 1927 г. стал лауреатом Нобелевской премии по литературе как блестящий стилист.
- С. 42. *Верхарн* Эмиль (1855–1916) — бельгийский поэт-символист. В его произведениях царит вселенский пессимизм, осознание губительности для современной цивилизации социальных контрастов.

СОЛОВЬЕВ

- С. 49. *Паникадило* (ср.-греч. polikándēlon) — большая люстра или многогнездный подсвечник в церкви.

АННЕНСКИЙ

- С. 62. *Брашно* — еда, пища; яства. *Пэон* (пеан; гр. παιὼν — гимн богу Аполлону) — в античном стихосложении: четырехсложный размер стиха, использовавшийся для хорового исполнения; в русском стиховедении — обозначение стиха, членящегося на одинаковые четырехсложные сочетания ямбов и хореев с безударной стопой. По месту ударения различаются с первого по четвертый пеоны.

Сологуб

- С. 73. *Эдем* — по библейской легенде, земной рай: местопребывание человека до грехопадения.

МЕРЕЖКОВСКИЙ

- С. 76. *Парки* — в античной мифологии богини судьбы, которые прядут и перерезают нить человеческой жизни.

Вяч. Иванов

- С. 82. *Чеботаревская* Александра Николаевна (1869–1925) — переводчица и журналистка, сестра жены поэта Ф. Сологуба.
- С. 83. *Омрежен* — от *мережить* (пестрить, рябить), букв.: вязать сеточкой, петлями; *мереживать*: окаймлять шитье. Изначально от слова *мрежа* (*мерёга*): редкое вязание или тканьё.
- С. 84. *Риши* — производное от *Рши*; (*санскр.* rshi — провидец, мудрец) — в индийской мифологии имена семи мифических мудрецов, которым боги открыли ведийские гимны. *Браман* (брамин) — представитель жреческой и с давних пор первенствующей касты Индии.

Бальмонт

- С. 88. *Урусов* Александр Иванович, кн. (1843–1900) — знаменитый московский адвокат, знаток и любитель литературы и театра, критик.
- С. 92. *Успенский* Глеб Иванович (1843–1902) — русский писатель, чье творчество проникнуто народническими идеями. *Голубой мундир* — мундир жандармского офицера. *Та, что приняла не взмах меча, / А семь мечей...* — Богородица. В православной иконографии встречаются т. н. “семистрельные” иконы, на которых она изображена (без младенца) с семью стрелами, вонзившимися в грудь.
- С. 93. *Доезжачий* — человек, обучающий гончих собак; старший из псарей. *Олег* — киевский князь X века, варяг по происхождению; ходил войной на Царьград (Константинополь), на вору-

тах которого, по преданию, прибил щит для устрашения греков.

Ермак Тимофеевич — победитель сибирского хана Кучума, раненный в бою 6 августа 1585 г., под тяжестью кольчуги утонул в реке Вегас.

- С. 94. *Вертеп* — пещера. *Янтарное море* — Балтийское море.

Гиппиус

- С. 98. *Сергей Платонович Каблуков* (1881–1919) — профессор математики; был ославлен за свою рассеянность и стал героем многочисленных анекдотов.
- С. 101. *Викжель* — Всесоюзный исполнительный комитет железнодорожного профсоюза.
- С. 102. *Пришла Невеста*. — Образ Невесты-России был распространенным в стихах поэтов-символистов.

Брюсов

- С. 108. *Латания* — пальма с широкими листьями, распространенное комнатное растение.
- С. 116. *Кермессы* — народные праздники во Фландрии, которые любил изображать Рубенс.

Белый

- С. 118. *Серебряный Колодезь* — имение, купленное отцом Белого в Ефремовском уезде Тульской губернии в 1898 г.
- С. 119. *Свентицкий* Валентин Павлович (1879–1931) — религиозный философ и публицист, впоследствии — священник.
- С. 121. *Эллис* (Лев Львович Кобылинский; 1879–1947) — поэт; “Один из самых страстных... символистов” (Цветаева). *Суйда* — дачное место под Петербургом, где Белый гостил у Мережковских в августе 1908 г.
- С. 122. *Поворовка* — поселок в Подмосковье, в 35 км от столицы, рядом с г. Сходня.

Блок

- С. 127. Сельцо *Шахматово* – имение семьи Бекетовых (Александра Андреевна Бекетова – мать А. Блока). Расположено в одном из живописных уголков Подмосковья, близ нынешнего Солнечногорска.
- С. 130. *Чуть золотится крендель булочной...* – До революции вывески булочных украшались золоченым кренделем.
- С. 131. *Озерки* (район Шувалово-Озерки) – популярный дачный пригород бывшего Петербурга конца XIX – начала XX вв.
- С. 137. *Марья Павловна Иванова* (1874?–1941) – сестра близкого друга Блока, литератора Евгения Павловича Иванова (1879–1942) – участника символистских кружков и изданий. *Молчали желтые и синие; / В зеленых плакали и пели.* – В дореволюционное время вагоны I класса окрашивали в синий цвет, II класса – в желтый, III класса – в зеленый.
- С. 141. *Дни войны и дни свободы* – русско-японская война и революционные события 1904–1905 гг. *Панмонголизм! Хоть имя дико...* – Здесь Блок ошибся: у Соловьева “Панмонголизм! Хоть слово дико”. *Провал / И Лиссабона и Мессины.* – Дважды, в XIV и XVIII веках, столица Португалии город Лиссабон был разрушен сильнейшим землетрясением; в 1908 г. такой же участи подвергся южноитальянский город Мессина.
- С. 142. *Пестум* – древнегреческая колония в Южной Италии, разгромленная в конце IX в. арабами. *Эдит* – по древнегреческому сказанию, мудрый фиванский царь, разгадавший загадку чудовища Сфинкса и тем самым спасший от гибели город Фивы. *Гальский* – здесь: французский.
- С. 143. *Гунн* – представитель тюркского кочевого племени, опустошавшего страны Западной Европы в IV–V вв.; в переносном смысле – варвар, безжалостно уничтожающий культурные ценности.

АКМЕИЗМ

- С. 151. *Бруни* Николай Александрович (1891–1938) – поэт, профессиональный авиатор. Участник “Цеха поэтов”. *Гиппиус* Василий Васильевич (1890–1942) – поэт, критик. Больше известен юмористическими стихами и литературоведческими работами, посвященными творчеству русских писателей. *Гиппиус* Владимир (Вольдемар) Васильевич (1876–1941) – поэт, прозаик, критик, педагог. Преподаватель русской словесности, а также автор работ по русской литературе. *Кузьмина-Караваева* Елизавета Юрьевна (1891–1945) – поэтесса. Входила в круг акмеистов. В 1919 г. эмигрировала. В 1931 г. постриглась в монахини и взяла себе имя мать Мария. В годы войны участвовала во французском Сопротивлении. Погибла в газовой камере лагеря Равенсбрюк. *Лозинский* Михаил Леонидович (1886–1955) – поэт, переводчик, теоретик перевода. Участник “Цеха поэтов”. Редактор-издатель всех номеров журнала “Гиперборей”. Его основным творческим достижением является полный перевод на русский язык “Божественной комедии” Данте.
- С. 153. *Нельдихен* Сергей Евгеньевич (наст. фам. Нельдихен-Ауслендер; 1892–1958) – участник “Цеха поэтов”. Впоследствии стал писать детские стихи и агитпоэзию. *Чуковский* Николай Корнеевич (1904–1965) – писатель, переводчик. Сын К. И. Чуковского. Наиболее значительное его произведение – роман “Балтийское небо”. *Одоевцева* Ирина Владимировна (1895–1990) – поэтесса, прозаик, участница “Цеха поэтов”. Жена Георгия Иванова. В 1922 г. вместе с мужем уехала из России. В 1987 г. вернулась в Ленинград. *Берберова* Нина Николаевна (1901–1993) – поэтесса, прозаик, литературный критик. Покинула Россию в 1922 г. вместе с В. Ходасевичем. С начала 1950-х жила в США. *Рождественский* Всеволод Александрович (1895–1977) – поэт, переводчик. В ранний период примыкал к акмеистам. *Олейников* Николай Макарович (1898–1937) – писатель, поэт. В конце 20-х член группы обэриутов. Автор книг для детей. Редактировал детские журналы. Арестован в 1937 г. по делу об убийстве Кирова. Расстрелян в тюрьме 24 ноября 1937 г. По официальной версии, умер 5 мая 1942 г. от тифа.

Липавский Леонид Савельевич (1903–1941) — литературовед, философ; участник “Цеха поэтов”. Исследования в области языкознания (трактаты “Теория слов”, “Объяснение времени”, “Исследование ужаса” и др.). В 1933–1934 г. записал беседы в кругу “чинарей” (А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс).

Вагинов Константин Константинович (наст. фам. Вагенгейм; 1899–1934) — поэт, прозаик. В 1920-е годы был членом многих литературных объединений Петербурга, в том числе ОБЭРИУ.

Познер Владимир Соломонович (1905–1992) — поэт; был известен своими ироническими стихами. Входил в группу “Серапионовы братья”. В 1921 г. эмигрировал во Францию.

Тихонов Николай Семенович (1896–1979) — поэт, прозаик, очеркист, переводчик, общественный деятель. Входил в состав литературной группы “Серапионовы братья”.

Светлов Михаил Аркадьевич (1903–1964) — поэт, драматург. Обрел широкую известность после написания стихотворения “Гренада” (1926) и знаменитой “Песни о Каховке” (1935).

Городецкий

- С. 155. *Ярыло* — персонаж славянско-русской мифологии, связанный с плодородием.
- С. 156. *Чистый четверг*. — Так на Руси именовали четверг Страстной недели, последний перед завершением Великого поста и наступлением Пасхи.
- С. 159. *Ван* — город в Армении, куда Городецкий приехал в 1916 г., чтобы оказать посильную помощь армянам, пострадавшим от турецкого геноцида.
Есть для глаз пара медных грошей... — Обычай класть на веки или в рот покойному монеты восходит к древнему поверью о плате за переход в Царство мертвых.
- С. 160. *Абиссиния* — в прошлом неофициальное название Эфиопии.
Цезура (лат. caesura — расщепление) — постоянный словораздел в стихе. Особенно употребителен в длинных (многостопных) размерах.

Камей древние Готы. — Теофиль Готье (1811–1872) — французский писатель, поэт и критик. Обосновал теорию “Искусство для искусства”. Особенной стилистической отточенностью и эстетизмом отличается его сборник лирических миниатюр “Эмали и камеи” (1852), переведенный Гумилевым в 1914 г.

Где первоизданный жил Адам... — В программной статье Гумилева, где были изложены главные идеи акмеизма, новое направление, помимо всего прочего, называлось еще и *адмизмом*.

Журнала петербургских дам. — Романтические стихи Гумилева часто печатались в модных столичных журналах.

- С. 161. *И стал, слепец, врагом восстания*. — Гумилев был приговорен к расстрелу как участник *контрреволюционного* заговора.

Гумилев

- С. 162. *Конквистадор* (конквистадор, от исп. conquista — завоевание) — участник испанских завоевательных походов в Центральную и Южную Америку в XV–XVI вв. В обобщенном смысле — завоеватель, захватчик. У Гумилева: в романтическом значении “рыцарь, искатель приключений”.
- С. 164. *Мальстремы* — водовороты.
Брабантские манжеты — то есть украшенные тончайшими брабантскими кружевами. Такую роскошь могла позволить себе лишь высшая знать.
- С. 165. *Фелука* — небольшое парусное судно.
Корабль Летучего Голландца. — Легенда о “Летучем Голландце” возникла в XVI в. Согласно ей, капитан торгового судна “Летучий Голландец” за сделку с дьяволом был проклят и с тех пор обречен вечно носиться по волнам. Встреча с призрачным кораблем грозит несчастьем.
Огни святого Эльма — явление атмосферного электричества во время грозы: появление на концах высоких предметов (особенно на верхушках мачт) голубоватого или красноватого сияния в форме пучков или кисточек. В средние века такие разряды часто наблюдались на башнях церкви Святого Эльма.

- С. 166. *Тропик Козерога* — то же, что Южный тропик; воображаемый круг на поверхности земного шара, расположен к югу от экватора (отстоит от него на 23°27').
- С. 168. *Мы четвертый день наступаем...* — Содержание стихотворения, очевидно, связано с наступлением под Владиславом, в котором принимал участие Гумилев.
- С. 169. *...Господь <...> мне явился... // <...> Вижу свет на горе Фаворе...* — Отсылка к евангельскому рассказу о Преображении Господнем (Евангелие от Матфея, 17: 1–2).
- С. 170. *...разбойник, мытарь / И блудница...* — Видимо, речь идет о разбойнике, рядом с которым был распят Христос (Евангелие от Луки, 23: 43), евангелисте Матфее, служившем сборщиком податей (мытарем) и женщине, схваченной за блудодеяние (Евангелие от Иоанна, 8: 3–11).
- С. 174. *Леопард, убитый мною, / Занят в комнате моей.* — Комнаты дома Гумилева в Царском Селе украшали трофеи его абиссинских охот: чучела леопарда, черной пантеры, павиана.

НАРБУТ

- С. 179. *Скиния (зреч. шатер)* — древнееврейский переносной храм, созданный по указаниям Бога, которые Моисей получил на горе Синай.
- С. 180. *Цербер* — здесь: сторож, цепной пес, а не мифологический персонаж.
Мучарь — разновидность нечисти: домовой, обитающий на мельнице.
Цыгельня (цигелъная; *cegielnia*: *польск.* от *cegła* — кирпич) — кирпичный завод; сарай, навес, т. е. одна крыша на столбах.
- С. 183. *Зингер* — марка швейных машин.
- С. 184. *Григорий Сковорода* (1722–1794) — украинский писатель, поэт и философ; отказался от духовного сана, избрав путь странствующего проповедника. Его басни, притчи, беседы полны фольклорных и библейских образов.
Курча (*укр.*) — цыпленок.

АХМАТОВА

- С. 191. *Н. В. Н.* — Посвящается Николаю Владимировичу Недоброву (1882–1919) — поэту, драматургу, литературоведу, которого Ахматова считала лучшим своим критиком.
- С. 194. *Рыкова* (Гуковская) Наталия Викторовна (1897–1928) — жена литературоведа Г. А. Гуковского, подруга Ахматовой.
- С. 198. *И сделалось тело прозрачною солью...* — Согласно библейской легенде, ханаанские города Содом и Гоморра, погрязшие во грехе и разврате, были обречены Богом на истребление. Накануне к Лоту (племяннику Авраама), единственному в Содоме праведнику, явились ангелы и, предупредив о предстоящем бедствии, вывели его из города вместе с женой и дочерьми, запретив кому-либо оглядываться. Лотова жена, нарушив запрет, оглянулась и превратилась в соляной столб.

МАНДЕЛЬШТАМ

- С. 200. *Аквилон* (*ант.*) — бог северного ветра.
- С. 203. *Оссиан* — легендарный воин и бард кельтов; жил, по преданию, в III в.
- С. 204. *Когда бы не Елена, / Что Троя вам одна, ахейские мужи?* — Ахейцы — одно из основных др.-греческих племен, обитавших в Фессалии и на Пелопонесе в начале II тыс. до н. э. Троянский царевич Парис при содействии богини Афродиты убедил прекрасную Елену, жену греческого царя Менелая, бросить Спарту и мужа и стать его женой. Это явилось прямым поводом к Троянской войне. Никакого интереса Троя для греков не представляла, на что и рассчитывал Парис. Но Менелая при поддержке своего брата Агамемнона удалось собрать очень сильное войско, т. к. бывшие женихи Елены были связаны клятвой мстить в случае необходимости за оскорбление ее супруга (отсюда “ахейские мужи”). В составе ахейского войска оказались знатнейшие герои: Одиссей, Филоктет, оба Аякса, Диомед и др. Удалось привлечь к походу даже Ахилла, хотя он и не был соискателем руки Елены. Ахейский флот, собравшийся в беотийской гавани Авлида, насчитывал свыше тысячи кораблей.

- С. 209. *Углан* — в словаре Даля это слово приводится в значении: “парень, малый, шалун, подросток”. Существует и фразеологизм *угланчики в глазах бегают*, т. е. “пестрит в глазах, тошнит”. Скорее всего именно это значение автор использует для передачи внутреннего состоянию лирического героя.

ЗЕНКЕВИЧ

- С. 214. *Драпери* (фр. *draperie*) — занавеси со складками, преимущественно из тяжелой ткани.
Бенгалия — историческая область в Южной Азии в бассейне дельты Ганга и Брахмапутры.

АДАМОВИЧ

- С. 223. *Марсово поле* — площадь в Санкт-Петербурге. Название получила в начале XIX в., став местом военных парадов.

Г. ИВАНОВ

- С. 228. *Как в Грецию Байрон...* — Джордж Ноэл Гордон Байрон (1788–1824), английский поэт-романтик, член палаты лордов. В 1816 г. покинул Великобританию. Жил в Италии, где принимал деятельное участие в движении карбонариев. После его разгрома на свои средства снарядил корабль и приплыл в Грецию, чтобы участвовать в борьбе за ее независимость против турецкого порабощения. Там Байрон тяжело заболел и умер.

ФУТУРИЗМ

- С. 240. *Сциентизм* (от лат. *scientia* — знание, наука) — мировоззренческая позиция, в основе которой лежит представление о научном знании как о наивысшей культурной ценности и достаточном условии ориентации человека в мире.
Супрематизм (от лат. *supremus* — наивысший) — направление в авангардистском искусстве, основано в начале 1910-х гг.

в России К. Малевичем. Являясь разновидностью абстракционизма, супрематизм выражался в лишенных изобразительного смысла комбинациях разноцветных плоскостей и простейших геометрических очертаний: квадрата, круга и прямоугольника.

Лучизм — направление в русском изобразительном искусстве 1910-х гг., связанное с именем М. Ф. Ларионова. Один из вариантов абстрактного искусства, основанный на красочной игре лучей, высвобождающих внутреннюю энергию предметов.

Всечество (от слова “всё”) — выражение художников М. Ларионова и И. Зданевича, определяющее свободу творческого выбора, возможность превращать в искусство все окружающее.

- С. 243. *Елена Гуро* (Нотенберг Элеонора Генриховна; 1877–1913) — поэт, прозаик, художник. Ученица Л. С. Бакста и М. В. Добужинского. Участвовала в выставках русского авангарда. Входила в объединение футуристов. Ее первая книга “Шарманка” (1909) включала стихи, рассказы, пьесы, рисунки.

Малевич Казимир Северинович (1887–1935) — живописец, теоретик искусства. Один из лидеров русского авангарда 1910–1930-х гг. Основатель одного из видов абстрактного искусства — супрематизма (“Черный квадрат”, 1913).

Филонов Павел Николаевич (1883–1941) — живописец и график. Отстаивал принципы “аналитического искусства”, основанные на создании сложнейших, способных к бесконечному калейдоскопическому развертыванию композиций.

Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) — художник-живописец, постановщик театральных проектов, график, иллюстратор книг; первая художница-авангардист. Была причастна к идеологии футуризма, изображала индустриальные мотивы, которые подчинены ритмам больших городов.

Ларионов Михаил Федорович (1881–1964) — живописец, один из лидеров раннего русского авангардизма. Создатель лучизма — одного из первых вариантов абстрактной живописи.

Кубофутуризм (“Гилея”)

- С. 245. *Гилея* (лесная) — древнегреческое название скифской области в устье Днепра близ Херсона, где служил управляющим именем отец Бурлюков.
- С. 246. *Бурлюк* Николай Давидович (1890–1920) — поэт, прозаик, теоретик искусства. Брат Д. Д. Бурлюка.
Ек. Низен — псевдоним Екатерины Генриховны Нотенберг, поэтессы, переводчицы, старшей сестры Елены Гуро.
Бурлюк Владимир Давидович (1886–1917) — художник-новатор, живописец, график. Брат Д. и Н. Бурлюков.
- С. 247. *Кандинский* Василий Васильевич (1866–1944) — живописец и график, один из основоположников и теоретиков абстрактного искусства, автор экспрессивных динамичных композиций, построенных на сочетании красочных пятен и ломаных линий.
- С. 250. *Петников* Григорий Николаевич (1894–1971) — поэт-футурист, ближайший сподвижник В. Хлебникова. Позднее занимался изучением фольклора, переводом.

Д. Бурлюк

- С. 258. *И. А. Р.* — Из Артюра Рембо. Текст является вольным переводом стихотворения французского поэта-символиста Жана-Артюра Рембо (1854–1891) “Праздник голода”.

Каменский

- С. 263. *Сафынь на кичку!* — клич волжских разбойников перед атакой вражеского судна; *сафынь* — толпа людей низкого социального положения; *кичка* — нос судна.
- С. 266. *Коонен* Алиса Георгиевна (1899–1974) — ведущая актриса МХАТ и Камерного театра; народная артистка РСФСР. Жена режиссера А. Я. Таирова.
- С. 267. *Бердслейская виньетка* — имеется в виду английский рисовальщик Обри Винсент Бердслей (Бёрдсли; 1872–1898), чьи болезненно утонченные рисунки, отличающиеся вир-

туозной игрой силуэтов и линий, повлияли на графику стиля модерн.

Кэптэн — английский трубочный табак, а также известная марка сигарет.

- С. 268. *Цеге* (сёстры) *Луда* и *Соня* — знакомые Каменского.

Хлебников

- С. 275. *Чёботы* (*нар.*) — т. е. зозулині чоботи, гуцульское название одного из видов орхидей.

Кручёных

- С. 282. *Коджоры* — дачная местность недалеко от Тифлиса.
- С. 284. *Би-ба-бо* — театральная кукла игрушка в кукольном театре; состоит из целлулоидной головки и туловища, имитирующего одежду, надеваемого на руку, как перчатка.

Лившиц

- С. 287. *Мизерикордия* (кинжал милосердия) — европейский трехгранный стилет, служащий для добывания поверженного противника.
- С. 289. *Вавель* — холм в Кракове, соответствующий московскому Кремлю. С ним связаны древнейшие предания Польши.
Торн — город и крепость 1-го ранга в прусской провинции Западной Пруссии, на р. Висле.
- С. 290. *Ликторы* (lictiores) — у римлян официальные служители высших магистратов cum imperio, перед которыми они несли fasces (пучок розог и топор).
...и сестры всё свирепей / Вопяя с Персеевых щитов. — Подразумеваются три сестры Горгоны: Сфено, Эвриала и Медуза — чудовищные порождения морских божеств Фокия и Кето, отличавшиеся ужасным видом и способные взглядом превращать все живое в камень. Греческий герой Персей сумел убить Медузу, т. к. сражался с ней, глядя на ее отражение в своем отполированном до зеркального блеска щите.

Гиперборейский травертин — здесь: *гиперборейский* в значении “северный”; *травертин* — известковый туф; используется как декоративный отделочный материал.

- С. 291. *Колумбово яйцо*. — Однажды мореплаватель Христофор Колумб (1451–1506) решил загадку о вертикальной постановке куриного яйца на плоскости достаточно радикальным способом: ударил концом яйца по столу. Скорлупа смялась, и яйцо осталось стоять вертикально. Так появилось выражение “Колумбово яйцо”, означающее простое решение сложной задачи.

Маяковский

- С. 300. ... глава в *Кручёныховском аде*. — Имеется в виду поэма “Игра в аду”, написанная А. Кручёных (совместно с В. Хлебниковым), которая весьма сложна для восприятия.
- С. 303. *Стеклов* Ю. М. (1873–1941) — первый редактор газеты “Известия ЦИК”, регулярно выступавший с длинными передовыми статьями, которые Маяковский назвал “стекловицы”.

Эгофутуризм

- С. 306. *К. Олимпов* (Константин Константинович Фофанов; 1889–1940) — сын поэта К. М. Фофанова. Был, наряду с Северяниным, основателем течения эгофутуризма.
- Фофанов* Константин Михайлович (1862–1911) — был популярным поэтом 1880-х гг. Символисты называли его в числе своих предшественников, как, впрочем, и Северянин.
- С. 307. *Грааль-Арьельский* (Стефан Стефанович Петров) — один из лидеров “Академии Эгопоэзии”, впоследствии перешедший в стан акмеистов.
- Мирра* (Мария Александровна) *Лохвицкая* (в замужестве *Жибер*; 1869–1905) — поэтесса, старшая сестра Тэффи. Еще при жизни ее именовали не иначе как “русская Сафо”. Лирика поэтессы не выходила за рамки интимных переживаний.
- С. 310. *Широков* Павел Дмитриевич (1893–1963) — постоянный участник всевозможных футуристических изданий, выпускаемых под эгидой самых различных групп.

Крючков Дмитрий Александрович (1887–1938) — поэт. Несмотря на принадлежность к кругу эгофутуристов, его поэзия достаточно традиционна.

- С. 313. *Князев* Всеволод Гаврилович (1891–1913) — поэт. Кавалерийский офицер. Примыкал к эгофутуристам. Покончил жизнь самоубийством из-за несчастной любви. Судьба *Князева* нашла отражение в ахматовской “Поэме без героя”.
- Вадим Баян* (Владимира Иванович Сидоров; 1880–1966) — поэт, меценат, литературный деятель.
- С. 314. *Вертинский* Александр Николаевич (1889–1957) — поэт, композитор, артист эстрады. Снимался в немом кино. Относил себя к числу футуристов. В 1919 г. эмигрировал, выступал за рубежом, в 1943 г. вернулся в СССР.
- Евреинов* Николай Николаевич (1879–1953) — известный режиссер, драматург, историк театра, теоретик искусства. Эпоха модернизма имела в его лице одного из ярких, темпераментных и разносторонних выразителей.
- Матюшин* Михаил Васильевич (1861–1934) — музыкант, композитор, художник, теоретик, педагог, исследователь искусства. Муж Елены Гуро. В 1909 вступил в группу импрессионистов *Кульбина*. Инициатор создания “Союза молодежи”. Занимался издательской деятельностью, в его издательстве “Журавль” выходят “Садок Судей” и “Садок Судей II”.

Северянин

- С. 316. *Мыза Ивановка* — деревня в Гатчинском районе Ленинградской области на р. Ижоре.
- С. 320. *Баязет* — город на востоке Турции, в котором русский гарнизон выдержал 23-дневную осаду во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
- Порт-Артур* (ныне Люйшунь) — бывшая русская военноморская крепость в Китае. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. после героической обороны была сдана противнику.
- ...год назад — сказал: “я буду!”. — В 1911 г. Северянин провозгласил новое течение, названное им “эгофутуризм”.
- Я зрел в Олимпове Иуду...* — Основной причиной разрыва Северянина с единомышленниками был конфликт с К. Олим-

повым, претендовавшим на роль основателя эгофутуризма.

Нас стало четверо... — К Северянину примкнули Г. Иванов, Грааль-Арельский и К. Олимпов, образовавшие осенью 1911 г. поэтический кружок “Его”.

...Бежали двое... — Имеются в виду Г. Иванов и Грааль-Арельский, вскоре присоединившиеся к акмеистам.

Зане (устар.) — так как, ибо.

- С. 324. *Эст-Тойла* — эстонский поселок на побережье Балтийского моря. В 1919 г. в результате провозглашения независимости Эстонской республики оказался за пределами России.

ГНЕДОВ

- С. 332. *Поэма конца*. — Архитектоника ее выглядела именно так: название и далее — чистая книжная страница.

ИГНАТЬЕВ

- С. 335. *Вечный Гид* — аллюзия на Вечного Жида (Агасфера), еврея-скитальца, обреченного Богом на вечную жизнь и скитания за то, что не дал Христу отдохнуть по пути на Голгофу.

- С. 336. *Мейерхальд* Всеволод Эмильевич (1874–1940) — выдающийся театральный режиссер.

- С. 337. *Навин* (Иисус Навин) — в Библии преемник Моисея. Руководил переходом евреев через р. Иордан, завоеванием Ханаана и разделом его земель среди еврейских племен.

“Мезонин поэзии”

- С. 339. *Зак* Лев (Леон) Васильевич (1892–1980) — поэт, живописец, сценограф и скульптор. В альманахах “Мезонина поэзии” (именно он придумал это название) печатался под псевдонимом *Хрисанф*. Под другим псевдонимом (М. Россиянский) он публиковал свои теоретические исследования по лингвистике.

Лавренив Борис Андреевич (1891–1959) — прозаик и драматург. Начиная свой творческий путь как поэт, публиковался в альманахах “Мезонина поэзии”.

- С. 340. *Бобров* Сергей Павлович (1889–1971) — поэт, прозаик, критик, литературовед, переводчик. Создал футуристическое издательство “Центрифуга”, став его главным редактором, идеологом и теоретиком группы.

- С. 341. “*Футурист Мафарка*” — знаменитый “африканский роман” Маринетти, написан в 1909 г. и успешно напечатан во Франции. Публикация его в Италии повлекла за собой скандал и шумный процесс против автора с изъятием уже изданных книг.

Кульбин Николай Иванович (1868–1917) — самодеятельный русский художник-авангардист. Его называли “самой колоритной фигурой русского футуристического движения”. В теории Кульбин особое внимание уделял связи цвета и музыки.

ИВНЕВ

- С. 346. *...внезапно умереть, / Как Анненский у Царскосельского вокзала*. — Ин. Анненский скоропостижно умер в Петербурге от инфаркта.

ТРЕТЬЯКОВ

- С. 354. *Спалаголя* — легко, вольно.

БОЛЬШАКОВ

- С. 360. *Le chemin de fer* (фр. железная дорога) — название карточной игры.

“Центрифуга”

- С. 362. *Пуризм* (фр. purisme, от лат. purus — чистый) — стремление к очищению литературного языка от иноязычных заимствований, неологизмов, от проникновения в него ненорми-

рованных лексических и грамматических элементов. Как художественное течение возник во Франции в конце 1910-х гг.

- С. 363. *Зданевич* Илья Михайлович (псевд. Ильезд; 1894–1975) — поэт, писатель, драматург, живописец, художественный критик, теоретик искусства, организатор всевозможных литературных групп; участник движения футуристов. С 1921 г. жил в Париже.
- С. 364. *Божидар* (Богдан Петрович Гордеев; 1894–1914) — поэт, теоретик стиха. Один из организаторов (вместе с Петниковым и Асеевым) харьковского издательства “Лирень”. Входил в группу “Центрифуга”. Покончил жизнь самоубийством.
- Аксенов* Иван Александрович (1884–1935) — поэт, искусствовед, литературный критик, переводчик. В стихах пытался поэтическими средствами передать приемы художественного авангарда, в частности кубизма, знатоком которого он являлся. Был известен как мастер пародии, стилизации, языковой игры. Позже вошел в литературное объединение конструктивистов.

АСЕЕВ

- С. 367. *Тулумбас* — большой турецкий барабан.
Доломан — гусарский мундир, расшитый шнурами.
Истрь — древнее название р. Дунай.
Харалужье — неологизм от “харалуг” (сталь, булат).
Хоругвь — знамя; здесь: возможно, часть войска (эскадрон, сотня), при которой состоит это знамя.
Сутемь — сумерки.
- С. 370. *Перун* — бог грозы в индоевропейской и славянско-русской мифологии; глава языческого пантеона.
Один — верховный бог в скандинавской мифологии; бог войны, хозяин вальхаллы (чертога мертвых).

ПАСТЕРНАК

- С. 379. *Паволока* (стар.) — шелковая или бумажная ткань; не путать с *поволокой* (легкая пелена, дымка).

- С. 385. *Вертер* — герой романа И.-В. Гёте “Страдания молодого Вертера” (1774).
- С. 386. *Бравада Ракочи* — “Ракоци-марш” композитора Ф. Листа.
Мюрфид — послушник, последователь, ученик ишана или шейха, воспитываемый в духе беспрекословного подчинения наставнику.
- С. 387. *Ватто* Антуан (1684–1721) — французский живописец, чей стиль отмечен изысканной нежностью красочных нюансов, трепетностью рисунка.
- С. 388. *Шевардино* — деревня в 3 км юго-западнее с. Бородино, где 24 августа 1812 г., накануне Бородинского сражения, русские войска отразили атаки авангарда наполеоновских войск и выиграли время для укрепления позиций.
- С. 389. *Трюизм* (англ. truism) — общеизвестная, избитая истина.
- С. 391. *Турусы* (прост.) — пустые разговоры, болтовня. То же означает выражение “турусы на колесах”.

Закат футуризма

- С. 393. *Клюн* Иван Васильевич (наст. фам. Клюнок; 1873–1943) — художник и теоретик искусства, мастер русского авангарда 1-й половины XX в., ученик и последователь К. Малевича, художник-супрематист. В ранний период прошел практически через все направления модерна и начального авангарда, окончательно творчески сформировавшись в кубистических, с элементами поэтического абсурда (или “зауми”), вещах.
- Ремизов* Алексей Михайлович (1877–1957) — писатель. Его стиль несколько архаичен, ориентирован на литературу и устное слово допетровской Руси. Занимался обработкой сказок, преданий, апокрифов; писал романы. В 1921 г. эмигрировал.
- С. 394. *Чернявский* Николай Андреевич (1892–1942) — поэт, чье творчество достаточно традиционно. Футуристические новации в его поэзии относятся лишь к периоду пребывания в группе “41”.
- Зданевич* Кирилл Михайлович (1892–1969) — художник, брат Ильи Зданевича.

Валлишевский Сигизмунд (1897–1936) — художник, один из самых ярких представителей тифлиского авангарда. В компании молодых художников входил в футуристическую группу “41”. В 1920 г. переселился в Польшу для продолжения обучения в Краковской академии изящных искусств. Долго жил во Франции. Признается сегодня классиком польской живописи.

Гудиашвили Ладос (наст. имя Владимир; 1896–1980) — грузинский художник. Примыкал к группе грузинских поэтов “Голубые роги” (1914–1918), стремившихся органически соединить национальную просодию с образной структурой французского символизма. Гудиашвили выступал и как монументалист, он заново расписал церковь (храм Кашвети в Тбилиси, 1946), за что был исключен из коммунистической партии и уволен из Тбилисской академии художеств. Плодотворно работал также как книжный иллюстратор, художник театра и кино. В 1976 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Кара-Дарвиш — псевдоним армянского писателя Акопа Генджана (1872–1930). В 1914 примкнул к литературному движению футуристов. Интересны его опыты создания заумной поэзии на армянском языке и работа “Что такое футуризм?”.

С. 395. *Незнамов* Петр Васильевич (наст. фамилия Лежанкин; 1889–1941) — поэт; сотрудничал с группой “Творчество”. Считался “умеренным футуристом”. Был активным участником объединения ЛЕФ. Во время войны погиб на фронте.

Чужак (наст. фам. Насимович) Николай Федорович (1876–1937) — журналист, литературный критик. Входил в ЛЕФ (один из авторов его основных теорий: “искусство — жизнестроение” и “литература факта”). Автор ряда историко-революционных работ; занимался исследованием сибирской литературы.

Альмов Сергей Яковлевич (1892–1948) — поэт. Входил в футуристическую группу “Творчество”. Известен как автор песни “По долинам и по взгорьям”.

ЛЕФ

С. 398. *Арватов* Борис Игнатьевич (1896–1940) — искусствовед и литературовед, деятель Пролеткульта, один из теоретиков ЛЕФа, автор ряда работ по вопросам ИЗО и поэзии, наиболее яркий представитель “формально-социологического” метода.

Брик Осип Максимович (1888–1945) — теоретик литературы, входил в группу ЛЕФ. Близкий знакомый Маяковского, первый муж Лили Брик. Был членом ОПОЯЗа. Основной сотрудник журналов “Леф” (1923) и “Новый Леф” (1927–1928).

Кушнер Борис Анисимович (1888–1937) — поэт; писал также “футуристическую прозу”. Один из организаторов ОПОЯЗа, впоследствии участвовал в работе ЛЕФа. Был репрессирован.

Перцов Виктор Осипович (1898–1980) — критик. Активный работник Московского пролеткульта (1923). С 1926 г. примкнул к группе ЛЕФ; один из основных сотрудников журнала “Новый ЛЕФ”. Странник теории “литературного факта”. В 1929 г. вместе с Чужаком и Третьяковым вышел из группы.

С. 399. *Родченко* Александр Михайлович (1891–1956) — дизайнер, график, мастер фотоискусства, художник театра и кино. Член объединения ЛЕФ, один из ведущих мастеров отечественного конструктивизма и “производственного” искусства.

Степанова Варвара Федоровна (1894–1958) — русская художница, выдающийся мастер русского авангарда первой половины XX в. Жена А. Родченко. В 1917–1919 гг. увлекалась визуальной поэзией, слагая графические композиции из “заумных” строк. С годами вошла в число наиболее активных художников-“общественников” авангардного толка. В 1933–1934 гг. служила художественным редактором в Партиздате. Вольная футуристическая “заумь” последовательно вытеснялась в ее творчестве строгим соцреалистическим агитпропом.

Татлин Владимир Евграфович (1885–1953) — русский художник; наряду с К. С. Малевичем — один из двух самых авторитетных лидеров русского авангарда первой половины XX в.

Дзига Вертов (наст. имя и фам. Денис Аркадьевич Кауфман; 1896–1954) — режиссер, сценарист, теоретик кино. Один из основоположников теории документального кино. В 1922 г. вокруг Вертова сформировалась группа молодых кинематографистов (И. Беляков, А. Лемберг, И. Копалин и др.), которая получила название “Киноки”. Подобно левым и пролеткультовцам, они отрицали традиционные виды искусства, построенные на вымысле (роман, повесть, рассказ и т. д.), и противопоставляли им очерк и репортаж, отрицали игровую кинематографию, ставя во главу угла кинохронику. С деятельностью этой группы связано возникновение нового жанра кинопублицистики. Вертов также изобрел метод “скрытой камеры”.

Кулешов Лев Владимирович (1899–1970) — режиссер, теоретик кино, педагог; доктор искусствоведения, профессор ВГИКа.

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — писатель, литературовед, журналист, сценарист, теоретик кино, участник ОПОЯЗа, один из зачинателей формальной школы в литературоведении. Как поэт выступил в печати лишь однажды: в альманахе “Взят. Барабан футуристов” (Пг., 1915). *Лавинский* Анатолий Михайлович (1893–1968) — скульптор, дизайнер, театральный художник. Оформил постановку “Мистерии-буфф” Маяковского в театре В. Э. Мейерхольда в Москве (1921), работал в области киноплаката, рекламы.

КИРСАНОВ

- С. 403. *Киноварь* — минерал красного цвета (подробнее см. примечк к с. 467). Здесь использован в качестве метафоры для обозначения красной губной помады.
- С. 404. ...*кликни у Горшанова / тива да горошка*. — Вероятно, имеется в виду одно из питейных заведений, ранее принадлежавших торгово-промышленному товариществу “Карнеев, Горшанов и Ко”, владевшему до революции знаменитым пивоваренным заводом на Шаболовке и Мытной, поставлявшим пиво, фруктовые и искусственные минеральные воды разных марок Двору Его Императорского Величества. Это пиво настолько высоко ценилось в Москве, что и во времена нэпа, когда завод сменил хозяев, стиль

его этикеток сохранился. На них даже остались фамилии Карнеева и Горшанова. К концу 1920-х завод превратился в кондитерскую фабрику “Ударница”.

- С. 405. *Желтый билет* — официальное удостоверение проститутки. По закону 1843 г., признающему проституцию терпимой, полиция отбирала у женщин легкого поведения паспорта и вручала им так называемые “желтые билеты”, дающие право на легальное занятие проституцией.

ИМАЖИНИЗМ

- С. 418. *Эрдман* Борис Робертович (1899–1960) — театральный художник, старший брат драматурга Николая Эрдмана; участник литературной группы имажинистов, автор ряда обложек и иллюстраций к имажинистским сборникам. *Якулов* Георгий Борисович (1884–1928) — художник. К середине 1910-х гг. относится начало его дружбы с Есениным и поэтами-имажинистами. Он, в частности, оформлял московское кафе поэтов “Стойло Пегаса”. Буйная фантазия Якулова, удачное использование им опыта конструктивизма сделали его одним из самых ярких театральных художников тех лет. В самом начале 1920-х гг. он возглавлял мастерскую театрально-декорационной живописи Вхутемаса. Именно в его мастерской, в легендарном доме № 10 по Большой Садовой улице в квартире № 38 Сергей Есенин познакомился с Айседорой Дункан.
- С. 419. *Паунд* Эзра Лумис (1885–1972) — американский поэт, основоположник и теоретик американского модернизма. Его насыщенная имитациями и стилизациями поэзия отражает бунт против “ростовщической” западной цивилизации.
- С. 423. *Грузинов* Иван Васильевич (1893–1942) — поэт, литератор. Всячески подчеркивал свою приверженность к имажинизму. Но на деле больше тяготел к крестьянской поэзии. Об этом свидетельствовали и его стихи, и даже дружба с Есениным, которому он был близок по духу. *Кусиков* Александр Борисович (наст. имя и фамилия Сандро Кусикия; 1896–1977) — поэт. В 1917 г. во время Февральской революции был комиссаром Временного правительства в Анапе; год спустя создал там группу имажинистов. В

поэзии стремился объединить две веры: христианскую и мусульманскую. Несмотря на то, что в 1919 г. Кусиков вступил в члены "Ордена", имажинисты за соратника его все-таки не считали. В 1922 г. Кусиков эмигрировал в Берлин, позже переехал в Париж.

Эрдман Николай Робертович (1900–1970) — драматург. Начинал как поэт, вошел в состав группы имажинистов в 1918 г. В 1925 его пьеса "Мандат", поставленная в театре Мейерхольда, имела большой успех. Но следующая пьеса "Самоубийца" была запрещена. Позже (1933) он был арестован по политическим мотивам и три года пробыл в ссылке. Эрдман является сценаристом фильма "Веселые ребята" (1934, в соавторстве); за сценарий картины "Смелые люди" (1950) был удостоен Государственной премии. Также известен как автор сатирических басен.

Ройzman Матвей Давидович (1896–1973) — литератор, один из основателей "Ассоциации вольнодумцев" в Москве. Автор воспоминаний о Есенине, опубликованных в разные годы.

Эрлих Вольф Иосифович (1902–1937) — поэт, входил в группу ленинградских имажинистов, близкий знакомый Есенина в последние годы его жизни.

Ричиотти Владимир Владимирович (наст. имя и фамилия Леонид Осипович Турутович; 1899–1939) — поэт; активный участник "Воинствующего ордена имажинистов".

Афанасьев-Соловьев Иван Иванович (1899–1938?) — поэт. Родом из Смоленска. После революции приехал в Петроград; печатался в альманахах и журналах имажинистов. Был арестован в 1938 г. и больше о его судьбе ничего не известно.

Шмерельсон Григорий Бенедиктович (1901–1943?) — поэт. В начале 1920-х гг. приехал в Петроград из Нижнего Новгорода; вступил в "Воинствующий орден имажинистов" и вскоре был избран его секретарем. Издал книгу стихов "Города хмуры" (1922), а затем совместно с Шершеневичем выпустил сборник "ШиШ" (1924).

- С. 426. *Блюмкин* Яков Григорьевич (Симха-Янкель Гершев; 1898–1929) — член партии левых эсеров, сотрудник ВЧК. Авантюрист, провокатор и террорист, убийца германского посла Мирбаха. Впоследствии секретарь Л. Троцкого. Занимал ряд крупных должностей в советских органах. Арестован и расстрелян по приговору судебной коллегии ОГПУ "за измену делу пролетарской революции".

станов и расстрелян по приговору судебной коллегии ОГПУ "за измену делу пролетарской революции".

ШЕРШЕНЕВИЧ

- С. 431. *Апис* (егип. миф.) — священный бык, почитаемый как земное воплощение бога Пта.
Эрет (фр. aigrette) — торчащие вверх перо или пучок перьев, украшающие спереди женский головной убор или прическу.

МАРИЕНГОФ

- С. 445. *Ушкуйник* — член вооруженных дружин, послывавшихся Новгородом (XIV–XV вв.) в торговые или разбойные походы на ушкуях — плоскодонных лодках с парусом и веслами.

НОВОКРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ

- С. 451. *А. Львов-Рогачевский* — псевдоним Василия Львовича Рогачевского (1874–1930). Литературовед. Его критические работы благодаря доступности изложения и несложности теоретических построений имели широкое распространение в качестве литературного пособия у мало обслуженного марксистской критикой читателя.

- С. 452. *Орешин* Петр Васильевич (1887–1938?) — поэт. Впервые его стихи опубликованы в 1911 г. в саратовской газете; в петербургских журналах печатался с 1913. Участвовал в Первой мировой войне, награжден двумя Георгиевскими крестами за храбрость. Автор нескольких поэтических книг, первая из которых "Зарево" вышла в 1918 г. Был арестован в 1937 г. и расстрелян.

Ширяевец — псевдоним Александра Васильевича Абрамова (1887–1924), взятый им по месту рождения: с. Ширяево Сызранского уезда Симбирской губернии. Родом из семьи крестьян. На его творчество существенное влияние оказал В. Каменский. С 1922 г. жил в Москве. Рано ушел из жизни.

Памяти Ширяевца посвящено знаменитое стихотворение С. Есенина “Мы теперь уходим понемногу...”

Ганин Алексей Алексеевич (1893–1925) — поэт. Родился в крестьянской семье на Вологодчине. После переезда в Москву (в 1922) он вместе с Есениным участвует в литературных встречах “поэтов купницы”. В 1924 выходит книга стихов Ганина “Былинное поле”, а осенью того же года он был арестован и в марте 1925 г. расстрелян.

С. 455. *Карпов* Пимен Иванович (1887–1963) — поэт, прозаик. Родом из семьи безземельного крестьянина. Грамоте выучился самостоятельно. Его первая книга стихов “Знойная лилия” вышла в 1911 г. В дальнейшем Карпов издал еще несколько поэтических сборников, роман “Пламень”, автобиографические повести.

С. 456. *Радимов* Павел Александрович (1887–1967) — поэт, художник. Родился в семье сельского священника, окончил духовную семинарию. В его ранних стихах явственно ощутимы религиозные мотивы. Радимов был известен и как живописец; в 1914 г. вступил в Товарищество передвижных художественных выставок. После революции его стихи, воспевающие красочные детали деревенской жизни, явились поводом для зачисления Радимова в ряд “кулацких” поэтов. Долгое время его творчество находилось под запретом.

Фомин (Хумма Семене) Семен Фомич (1903–1936) — писатель, один из зачинателей чувашской литературы. Писал стихи, пьесы, литературно-критические статьи, рассказы и повести. Его герои — коммунисты и комсомольцы, рабочие, красногвардейцы, строители новой жизни в деревне. Переводил стихи Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, Я. Райниса, Г. Тукая.

Дружинин Павел Давыдович (1890–1965) — поэт, представитель крестьянской поэзии. В начале 1927 г. подвергся критике со стороны Бухарина в его речи на XXIV ленинградской губпартконференции, где тот обширно цитировал и издевательски комментировал стихи Дружинина. Это выступление было воспринято большевистскими критиками как сигнал, после чего творчество Дружинина подверглось обструкции в прессе (см.: Незнамов П. О поэтах и установках, 1928 и др.).

С. 458. *Демьян Бедный* (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945) — поэт и писатель. Печатался в большевистских газетах “Звезда” и “Правда”. Автор популярных в Гражданскую войну сатирических стихов, стихотворных фельетонов, басен, песен, сочинял подписи к “Окнам ТАСС”. В 1912 г. принял горячее участие в создании газеты “Правда” и выпуске ее первого номера.

КЛЮЕВ

С. 459. *Пестрядь* (полосушка, затрапезь) — пеньковая, грубая ткань, пестрая или полосатая; идет на шаровары, рабочие халаты, тюфяки и пр.

С. 463. *Ферязь* — старинная русская верхняя одежда, длинная и распашная, без воротника.

Шеломок — опрокинутый желоб по краю кровли, под который запускается тес, или коньковый брус вместо желоба, к которому тес прибивается, а на него ставится резной гребень, со шпильями или петухами по концам.

С. 464. *Хвалынищина* (или *Хвалыское море*) — древнерусское название Каспийского моря.

Канифас — хлопчатобумажная материя с саржевыми либо атласными основными полосками. Идет преимущественно в отбеленном виде — на белье, но продается и крапеным, а также набивным — для дамских платьев.

С. 466. *Кокоры* — бревно или брус с корневищем; *захватисты* — здесь: разлапистые.

Подзофы — богатая, обильная, красивая резьба.

Сукрест, лапки, крапица, рядки — разновидности узоров.

Лудянка (лудь, луда) — блестящая паволока, тонкий слой на чем-либо; ослепительный блеск, белизна.

С. 467. *Радоница* (от лит. *gauda* — погребальная песнь) — весенний праздник древнего русского язычества. В христианское время слово изменилось в Радоницу; это название (от “радость”) указывает на радостную весть о воскресении Христовом, с какой приходят живые на могилы умерших.

Клычков

- С. 469. *Молсёт* (диалект.) — сосет, гложет.
- С. 470. *Прясло* — изгородь из кольев и жердей; здесь: околица.
Цевна (цевка) — дудка.
- С. 471. *Комли* (ед. ч. комель) — обрубленные концы прутьев или хворостин, связанных в пучки.
- С. 472. *Тоня* — собственно, рыбалка и место, где она происходит.
Сулея — винная бутылка, фляга, вообще посуда с горлышком (от гл. сливать); здесь: плоская склянка.
Бочаг — омут, глубокая яма, шире и глубже впадающей в нее речки или ручья.
- С. 476. *Камка* (камча) — шелковая китайская ткань с узорами, “дамасский шелк”.

ЕСЕНИН

- С. 479. *Корогод* — хоровод.
Леха — 1) борозда на пашне, межа; 2) полосы земли, разделяющие пашню на участки; 3) определенная мера земли, на которую разбивалась пашня.
- С. 481. *Закут* — 1) теплый зимний хлев для мелкой скотины; 2) помещение на псарне; 3) клеть, чулан, кладовая.

ПОЭТЫ “САТИРИКОНА”

- С. 497. *Радаков* Алексей Александрович (1877–1942) — художник. Совершенствовался в сатирической графике. Создал огромное количество карикатур и шаржей для газет и журналов, плакатов и рисунков на злобу дня. Сотрудничал в популярных российских журналах “Сатирикон” и “Новый Сатирикон”. Блестящее остроумие, меткая образность являются причиной того, что многие его рисунки остаются смешными и актуальными многие годы спустя.
- С. 498. *Аверченко* Аркадий Тимофеевич (1881–1925) — писатель-сатирик, драматург и журналист. Редактировал журнал “Сатирикон” и “Новый Сатирикон”. Автор многочисленных

сборников юмористических рассказов “Веселые устрицы”, “Круги по воде”, “О хороших в сущности людях”, “Чудеса в решете”, множества пьес, водевилей, скетчей. После революции Аверченко, глубоко ненавидящий большевиков, эмигрирует в Константинополь. Его дальнейшая судьба трагична: финансовые неурядицы и физические недуги преждевременно оборвали жизнь талантливого писателя. В начале 1925 г. Аверченко скончался от сердечной болезни.

В. Азов (наст. имя и фам. Ашкинази Владимир Александрович 1873 — не ранее 1941) — журналист, фельетонист, театральный критик, переводчик. Печатался в журналах “Стрекоза”, “Будильник” и многих других. Известность приобрел в годы сотрудничества в газетах “Речь” и “День”, где печатал фельетоны “беседы на злобу дня”, театральные рецензии. С 1910 г. постоянный сотрудник журнала “Сатирикон” (с 1913 г. — “Новый Сатирикон”). Основные объекты смеха Азова — обывательщина в различных сферах общественной жизни. После революции он работал в основанном Гурьким издательстве “Всемирная литература”, переводя произведения французских и английских авторов. В 1926 г. Азов эмигрировал, жил в Париже, сотрудничал во множестве периодических изданий.

Дымов Осип (наст. имя и фам. Перельман Иосиф Исидорович; 1878–1959) — прозаик, драматург, журналист. Занимался рисованием, скульптурой, создавал барельефы. В “Сатириконе” был автором многочисленных сценических миниатюр, скетчей, юмористических произведений и фельетонов.

Д’Ор Осип Львович (наст. имя и фам. Иосиф Лейбович Оршер; 1879–1942) — писатель-сатирик и журналист. Его полный псевдоним “О.Л. Д’Ор” — возможно, от названия марки французского одеколona “Олд’ор”. Его сатирические фельетоны, близкие по форме к рассказам, затрагивали общественно-социальные проблемы и пользовались большой популярностью. Он сотрудничал в “Сатириконе” и в других петербургских изданиях. Хлесткое слово, умение быстро откликнуться на злободневные события, увидеть смешное в привычном явлении сделали Д’Ора одним из популярных сатириков 1910-х гг.

Бухов Аркадий Сергеевич (1889–1937) – писатель-юморист и сатирик. Был штатным сотрудником журнала “Сатирикон”, потом – “Новый Сатирикон”, где в годы Первой мировой войны занял одно из ведущих мест. Печатал юморески, рассказы, памфлеты, сатирические стихи в различных журналах и газетах. Выпустил многочисленные сборники рассказов. В 1920–1927 гг. жил в Каунасе, затем вернулся в Москву. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Князев Василий Васильевич (1887–1937) – поэт-сатирик, детский поэт, собиратель фольклора. С момента основания “Сатириконе” – постоянный его автор. После раскола в “Сатириконе” Князев остался в числе немногих сотрудников старого журнала. Хотя впоследствии печатался и в “Новом Сатириконе”, но его стихотворные фельетоны, басни, рассказы, эпиграммы, направленные против мещан-обывателей, политических ретроградов, писателей-пессимистов, не всегда могли быть опубликованы по цензурным и внутриредакционным условиям. Еще Князев был признанным мастером юмористического подражания, а кроме того, много выступал в различных изданиях как детский поэт. Как автор текста известной революционной песни “Никогда, никогда коммунары не будут рабами” Князев был причислен к пролетарским поэтам, хотя сам высказывался против такого определения. В 1937 г. он был осужден “за антисоветскую пропаганду” и погиб в лагере.

С. 499. *Потемкин* Петр Петрович (1886–1926) – поэт, драматург, переводчик. Был постоянным сотрудником “Сатириконе”, а затем и секретарем редакции. И здесь, и в других журналах Потемкин печатал политическую и бытовую сатиру, полемизировал с правой прессой. Стилистический диапазон его поэзии был чрезвычайно широк: от лубка до салонной лирики. Неизменным успехом пользовались его знаменитые бытовые юморески. Потемкиным также написано много ставших популярными небольших песен, а еще стихи для детей, переводы... После революции поэт с семьей оказался в Румынии, затем переехал в Прагу, а оттуда в Берлин. В эмигрантской литературе он не нашел места, хотя писал много. Несколько песен Потемкина шли на сцене парижских театров.

Горянский Валентин Иванович (наст. фам. Иванов; 1888–1949) – поэт-сатирик. С 1909 сотрудничал в журналах “Всемирная панорама”, “Пробуждение” и др. С 1913 г. – в “Сатириконе” и “Новом Сатириконе”. Созданная горянским литературная маска “провинциального обывателя с претензиями” помогала ему едко высмеивать мещанский мирок. После революции эмигрировал в Константинополь (1920), с 1922-го по 1926 г. жил в Югославии, затем переехал в Париж.

Венский (наст. фам. Пяткин) Евгений Иосифович (1885–1943) – поэт-сатирик, фельетонист. Сотрудничая в “Биржевых ведомостях”, “Сатириконе” и “Новом Сатириконе”, Венский создал маску циника и грубияна, бульварного критика, сочетающего едкое остроумие с вызывающей грубостью, – черта, которую он старался сделать “специальностью фирмы”. После революции сотрудничал в сатирических журналах “Смехач”, “Крокодил” и др. Автор пьес, скетчей, миниатюр, водевилей для театров и кабаре, стихотворных сказок для детей. Выпустил несколько сборников рассказов. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Яковлев Александр Евгеньевич (1887–1938) – живописец. Работал в Санкт-Петербурге, где завоевал известность как мастер живописи и графики в духе неоклассицизма. Сотрудничал в “Сатириконе” и других изданиях. В своих картинах сочетал детальную наблюдательность с декоративным изяществом и непринужденной элегантностью манеры. С 1917 г. жил главным образом во Франции.

Ремизов (псевдоним *Ремис*; наст. фам. Васильев) Николай Владимирович (1887–1975) – график, живописец, художник театра. Со дня основания и до момента закрытия – ведущий художник-карикатурист журналов “Сатирикон” и “Новый Сатирикон”, автор сатирических рисунков на политические и бытовые темы, шаржей на деятелей российской культуры и искусства, сочетавших меткость реалистических наблюдений с гротескной, юмористически окрашенной гиперболизацией. В 1920 г. уехал в Париж, с 1922 г. в Нью-Йорке.

Тэффи

С. 502. *Бедный Азра*. — Здесь заложена ироничная смысловая переключка с именем героя популярной любовной поэмы персидско-таджикской литературы “Азра и Вамик”. Заимствовав эту тему из греческого источника, ее переложил на стихи в размере мутакариб “царь поэтов” Унсури (ум. 1050). В последствии к ней обращались многие поэты. Любопытно ознакомиться со стихотворением Г. Гейне “Азра”, которое, несомненно, послужило отправной точкой для публикуемого текста Тэффи.

Каждый вечер выходила
В сад прекрасная царевна
Мимо мраморных фонтанов
С тихо льющейся водою.

Каждый вечер у фонтанов
С тихо льющейся водою
Юный раб стоял недвижно,
Все бледнее каждый вечер.

И однажды дева, быстро
Подойдя к нему, спросила:
“Кто ты? Из какого рода?
Где страна твоя родная?”

“Я из Йемена, — ответил
Раб. — Зовут меня Мохаммед.
Мы из рода бедных Азра —
Полюбив, мы умираем”.

САША ЧЕРНЫЙ

С. 507. *Мафусаил* — в Библии дед Ноя, проживший 969 лет. В переносном смысле — долгожитель.

ПОСЛЕДНИЕ МОДЕРНИСТЫ

С. 517. *Соловьев* Сергей Михайлович (1885–1942) — поэт, переводчик; внук историка С. М. Соловьева. В 1907 г. вышла первая книга его стихов “Цветы и ладан”. В 1915 г. он стал православным священником, а в 1923-м принял католичество. После революции был несколько раз арестован. Умер в эвакуации.

Шервинский Сергей Васильевич (1892–1991) — поэт, переводчик. Известен поэтическими циклами: “Стихи об Италии”, “Феодосийские сонеты”, “Коктебельские стихи” и др. . Писал книги для детей. Переводил Софокла, Еврипида, Вергилия, Катулла, средневековую и современную поэзию.

Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) — искусствовед, театровед, литературный критик, переводчик. Мастер критического этюда, историк русского искусства. Преподавал в ГИТИСе.

С. 518. *Семенко* Михайль (1892–1937?) — украинский поэт-футурист. Руководитель украинских футуристических группировок (кверофутуристы, аспанфуты, Коммункульт и “Нова генерация”). Под влиянием русских футуристов Семенко вводил в украинскую поэтику заумь. Классический стих он заменил свободным стихом, ломал строфу, ввел в поэзию непривычный тогда в украинской литературе разговорный язык улицы, насытил последний прозаизмами, нарушил логичность фразы, прерывая ее неожиданно возникшими ассоциациями. Его лингвистические опыты обогатили язык украинской дореволюционной поэзии, расширили ее рамки, оживили стилистические приемы и ритмические ходы. Репрессирован в 1937 г.

С. 519. *Тынянов* Юрий Николаевич (1894–1943) — писатель, литературовед. Автор известных исторических романов. Исследовал поэтику литературы и кино.

Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — языковед, литературовед. Автор работ по раннеславянскому эпосу, поэтике (стихovedению, метрике), исследователь творчества поэтов начала XX в. и зарубежных классиков. Один из основоположников структурализма в языкознании и литературоведении. В 1921 г. уехал за границу, с 1941 — в США.

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — литературовед, доктор филологических наук. Преподавал в Ленинградском университете. Исследовал проблемы поэтики (ранние работы о Лермонтове и Гоголе), литературный быт, философско-исторический и социальный анализ (труды о Л. Н. Толстом).

“*Серапионовы братья*” (по названию кружка друзей в одноименном произведении Э. Т. А. Гофмана) — литературная группа, возникшая в 1921 г. в Петрограде (Вс. Иванов, М. Зощенко, Л. Лунц, В. Каверин, К. Федин, Н. Тихонов, М. Слонимский и др.), распалась в 1929 г. Члены ее занимались поисками новых приемов реалистического письма. Их объединяло неприятие примитивизма и “плакатности” в литературе, отрицание “всякой тенденциозности” (особенно социально-политической).

Полонская Елизавета Григорьевна (1890–1969) — поэтесса. Вскоре после революции выпустила два сборника стихов: “Знаменья” (1921) и “Под каменным дождем” (1923), благодаря которым приобрела большую известность. Входила в состав группы “Серапионовы братья”.

Зоценко Михаил Михайлович (1894–1958) — прозаик, драматург, переводчик. В рассказах 1920-х гг. создал образ обывателя с убогой моралью и примитивным взглядом на окружающее. Наибольшую известность принесла ему “Голубая книга” (1934–1935) — цикл сатирических новелл о пороках и страстях исторических персонажей и современного мещанина. Для творчества писателя характерен интерес к новому языковому сознанию, построение образа рассказчика — носителя “наивной философии”. Отлучением Зоценко от литературы стало постановление ЦК ВКП(б) “О журналах “Звезда” и “Ленинград”” (1946), в котором он был обвинен в клевете на советскую действительность.

Слонимский Михаил Леонтьевич (1897–1972) — писатель. Входил в литературную студию “Серапионовы братья”, где прошел серьезную профессиональную школу прозаика. Наибольшую известность принесла ему трилогия о советской интеллигенции — “Инженеры” (1950), “Друзья” (1954), “Ровесники века” (1959).

Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) — писатель, драматург, публицист. В 1921 г. был направлен на учебу в

Петроград. Там вошел в группу “Серапионовы братья”. Литературному мастерству Иванов учился в студии Дома искусств на курсах Е. И. Замятина. Многими авторитетами Иванов был признан самым талантливым из “Серапионовых братьев”. Кроме сборников рассказов, романов и пьес им опубликованы дневники и воспоминания.

“Лирический круг”

С. 521. *Верховский* Юрий Никандрович (1878–1956) — поэт, переводчик и историк литературы.

Лидин (Гомберг) Владимир Германович (1894–1979) — прозаик, поэт.

Бромлей Надежда Николаевна (1884–1966) — актриса, режиссер, драматург. В молодости член группы “Центрифуга”; автор книги стихов “Пафос” (1911).

Глоба Андрей Павлович (1888–1964) — поэт и драматург.

ПАРНОК

С. 527. *Агарь* — по библейскому преданию, служанка Сары, которую последняя отдала своему мужу Авраму в наложницы, чтобы она родила ему наследника, поскольку сама Сара до 90 лет не могла родить. После зачатия сына Измаила Агарь возгордилась и стала презирать свою госпожу. Сара, в свою очередь, притесняла беременную Агарь, после чего та сбежала из дома (Бытие, 16).

Безрлахай-роу (“Источник Живого, видящего меня”) — источник в пустыне, где Ангел Господень нашел сбежавшую от Сары Агарь и говорил с ней от имени Господа (Бытие, 16; 7–14).

Сур (древнее финикийское назв. Тир) — город на юге Ливана, порт на Средиземном море. Основан в 4-м тыс. до н. э.

С. 529. *Тараховская* Елизавета Яковлевна (1895–1968) — поэтесса, детская писательница, ныне незаслуженно забытая. Ее перу принадлежат пьеса-сказка “По шучьему велению”, поэмы “Метро”, “Приключения задачника”, книга о В. Терешковой “Чайка” и множество других произведений.

- С. 531. *Максакова* Мария Петровна (1902–1974) — оперная певица (меццо-сопрано), народная артистка СССР (1971). В 1923–53 солистка Большого театра СССР (в 1925–27 — Ленинградского театра оперы и балета). Обладала уникальным голосом, большим драматическим талантом, ярким темпераментом. Среди лучших партий — Кармен (“Кармен” Бизе), Марина Мнишек, Марфа (“Борис Годунов”, “Хованщина” Мусоргского); лауреат Государственных премии СССР, (1946, 1949, 1951).

ЛИПСКЕРОВ

- С. 533. *Туркестан* — так в XIX — начале XX века назывались территории Средней и Центральной Азии, населенные тюркскими и иранскими народностями.
- С. 538. *Бармы* — драгоценные оплечья, украшенные религиозными изображениями; принадлежность украшения наряда византийских императоров, а также русских князей и царей.
Тимпан (от греч. τυτρο — ударяю, бью) — древний музыкальный ударный инструмент, предшественник литавр.
- С. 539. *Юдифь* — героиня неканонической “Книги Юдифи”. Согласно ей, Навуходоносор, царь ассирийский (вавилонский), отправил своего полководца *Олоферна* для усмирения завоеванных им народов. Среди непокорных оказались и иудеи, укрепившиеся в Ватилуе, которую осадил Олоферн. Ввиду недостатка в припасах городу грозила гибель. Тогда спасительницей его явилась молодая и красивая вдова Юдифь, которая, притворной лаской добившись доверия Олоферна, ночью отрубила ему голову его же мечом и возвратилась в город. Голову Олоферна выставили на крепостной стене, а наутро иудеи, сделав вылазку, разбили растерявшихся врагов и прогнали их из страны.

ШЕНГЕЛИ

- С. 542. *Эратосфен* (276–194 до н. э.) — греческий математик, астроном, географ; автор трактатов по филологии, философии, музыке.

Ничевоки

- С. 544. *Земанков* Борис Сергеевич (1902–1963) — писатель и художник; во время нэпа возглавлял общество художников “Бытие”. Автор капитального труда “Памятные места Москвы”.
- С. 545. *Митурич* Петр Васильевич (1887–1956) — выдающийся график и живописец. Главное место в его творчестве занимают рисунки тушью, карандашом или углем. Дружил с Хлебниковым. В своих работах пытался выразить дух новаторской поэзии футуристов, объединить тексты стихов Хлебникова с ритмически им родственной графикой.

Конструктивисты

- С. 554. *Братья Веснины* — *Веснин* Леонид Александрович (1880–1930) — автор проектов первых советских городов-садов, микрорайона “Сокол” в Москве, рабочего поселка и тепловой электростанции Шатуры. Его именем названа одна из улиц Москвы. *Веснин* Виктор Александрович (1882–1950) — первый президент Академии архитектуры СССР, первый председатель Союза советских архитекторов, главный архитектор Днепрогэса. *Веснин* Александр Александрович (1883–1959) — профессор ВХУТЕМАСа, театральный художник, редактор журнала “Советский художник”, руководитель проектной мастерской.
Гинзбург Моисей Яковлевич (1892–1946) — архитектор. Один из основоположников конструктивизма. Разрабатывал новые формы “социальной” архитектуры, проектировал жилые дома с обобществленным коммунально-бытовым обслуживанием.
Леонидов Иван Ильич (1902–1959) — архитектор. Представитель конструктивизма, разрабатывал формы, отвечающие социальным задачам архитектуры.
Лисицкий (псевд. Эль Лисицкий) Лазарь Маркович (1890–1941) — архитектор, художник-конструктор, график. Один из пионеров отечественного дизайна. В 1921–1925 гг. жил в Германии и Швейцарии.
- С. 551. *Чичерин* Алексей Николаевич (1889–1960) — поэт. Начиная творческий путь как футурист. Затем основал (вместе с Зе-

линским и Сельвинским) объединения ЛЦК. После идейных разногласий ушел от конструктивистов и решил организовать другую, еще более радикальную группу “Кон-Фун” (Конструктивизм и функционализм). Эта попытка окончилась неудачей, и в 1926 г. Чичерин вступил в ряды Всероссийского союза поэтов.

Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) — советский литературовед, литературный критик, доктор филологических наук (1964). Один из организаторов и теоретиков группы конструктивистов. Впоследствии выступил с критикой этого направления (“Конец конструктивизма”, 1930). Известен яростными нападка на Маяковского в рапповском журнале (“Идти ли нам с Маяковским”). Это тот самый Зелинский, который навесил ярлык Павлу Васильеву (“Певец сибирского кулака”, 1933). Он же “зарубил” сборник стихотворений М. Цветаевой, подготовленный ею в конце 1940 г. Последний прижизненный цветаевский неосуществленный сборник, на который она возлагала такие надежды... Его предложил издать Гослитиздат, Цветаева подготовила рукопись, куда вошло 142 стихотворения 1920–1925 гг. К изданию сборник принят не был, потому что получил отрицательную рецензию Зелинского, объявившего стихи “формалистическими”, хотя при личных встречах с Цветаевой он хвалил их. Не остался в стороне Зелинский и при травле Б. Пастернака за его роман “Доктор Живаго”, опубликовав ряд критических статей о поэте.

- С. 556. *Аганов* Борис Николаевич (1899–1973) — поэт, драматург, беллетрист. В своих конструктивистских опытах балансировал на грани между стихом и прозой. После распада группы перестал писать стихи, перейдя на сценарии и очерки. *Дир Туманный* — псевдоним Николая Николаевича Панова (1903–1973), под которым он впервые выступил в 1920 г. как “поэт-презантист”. Его “коньком” были зарисовки из окружающей действительности. Позднее примыкал к конструктивистам. В дальнейшем Панов предпочел заниматься прозой.
- Инбер* Вера Михайловна (1890–1972) — поэтесса. Творческий путь начинала под влиянием акмеистов. В дальнейшем поэзия ее становится более энергичной, повествова-

тельной и злободневной. В группу конструктивистов Инбер вступила будучи уже зрелым поэтом. В годы войны находилась в блокадном Ленинграде, где написала поэму “Пулковский меридиан”, впоследствии удостоенную Государственной премии СССР.

Габрилович Евгений Иосифович (1899–1993) — писатель и кинодраматург. В 1921 г. выступил как новеллист. Для его творчества характерно внимание к глубокому психологическому раскрытию характера персонажа, особенный интерес к показу человеческих судеб на фоне острых исторических событий. Крупнейшие работы — сценарии фильмов “Мечта” (1943), “Два бойца” (1943), “Убийство на улице Данте” (1956), “Коммунист” (1958), “В огне брода нет” (1968). Автор теоретических статей по киноискусству, главным образом в области кинодраматургии.

Адуев Николай Альфредович (наст. фамилия Рабинович; 1895–1950) — поэт. Первыми его произведениями были лирические стихи, но вскоре он нашел себя в качестве сатирика, ориентированного на гротеск. В дальнейшем Адуев занимался эстрадной драматургией, писал либретто и стихотворные фельетоны.

Квятковский Александр Павлович (1888–1968) — поэт, стиховед. Печатался очень мало. Больше известен книгой “Поэтический словарь”, первое издание которой (1940) было названо “малой энциклопедией формализма”. Последовательно разрабатывал “тактометрическую теорию стиха”.

Асмус Валентин Фердинандович (1894–1975) — философ, доктор философских наук (1940). Основные работы по вопросам истории философии, теории и истории логики, эстетики и литературоведения.

Огнѳв Николай (наст. имя и фам. Михаил Григорьевич Розанов; 1888–1938) — прозаик, драматург. В 1925 г. вышел первый сборник его рассказов, после чего Огнѳв стал профессиональным литератором. Много работал с начинающими писателями, преподавал в Литературном институте.

Ушаков Николай Николаевич (1899–1973) — поэт, переводчик. Примыкал к конструктивистам, но активного участия в литературной борьбе не принимал.

Гусев Виктор Михайлович (1909–1944) — поэт, драматург. Его поэзия отвечала идеям конструктивистов. Но наиболь-

ший успех Гусеву принесли пьесы и сценарии фильмов “Свинарка и пастух” (1940) и “В шесть часов вечера после войны” (1943).

Кац Григорий Михайлович (1907–1941) — поэт. В своем творчестве был ориентирован на теоретические установки конструктивистов. Критиковался за подражательность. Во время Великой Отечественной войны погиб на фронте.

Калтунов Иосиф Григорьевич (1910–1950) — поэт, самый молодой из членов ЛЦК. Наиболее интересен его первый сборник “Открытый путь” (1932). Последующие ничем не выделялись из общей поэтической массы.

Кудрейко Анатолий Алексеевич (наст. фам. Зеленька; 1907–1984); *Митрейкин* Константин Никитич (1905–1934) — поэты, не оставившие сколь-нибудь заметного следа в литературе, но вошли в историю благодаря известным строкам Маяковского:

Кто стихами льет из лейки,
кто крошит, набравши в рот —
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки —
кто их к черту разберет!

(“Во весь голос”, 1929–1930)

Лавров Леонид Алексеевич (1906–1943) — поэт. Был признан одним из самых многообещающих молодых поэтов своего времени. Но его новаторские приемы (белые стихи, стихотворения в прозе) не нашли понимания у критиков. Во время войны Лавров умер от туберкулеза.

Багрицкий

С. 561. *Киноварь* (от греч. kinnabari) — минерал, относящийся к классу сульфидов; цвет красный. Служит исходным сырьем для получения ртути и приготовления красок, главным образом художественных (акварельных и масляных). Как художественную краску ее применяли уже в Древнем Египте.

С. 563. *Виттова пляска* (Пляска святого Витта) — нервное заболевание, который проявляется в быстрых подергиваниях ко-

нечностей, подмигиваниях, причмокиваниях и др. Название связано с преданием, что у часовни святого Витта в Цаберне (Эльзас) излечивались больные, страдающие судорогами, напоминающими движения танца.

Сельвинский

С. 567. *Шарден* Жан Батист Симеон (1699–1779) — французский живописец. Его картины отмечены естественностью образов, мастерской передачей света и воздуха, а также материальности предметов.

Уистлер Джеймс (1839–1903) — американский живописец. Был близок французским импрессионистам. Его портреты и пейзажи отличаются острой наблюдательностью, тонким колористическим мастерством, оригинальностью композиции.

Фрагонар Оноре (1732–1806) — французский живописец и график. Отличался виртуозным изображением галантных и бытовых сцен, в которых изящество рококо сочетается с верностью натуре и тонкостью световоздушных эффектов.

Барбед’Оревилю Жюль Амаде (1808–1889) — французский писатель, поздний романтик. Большинство его произведений окрашены в тона пессимистического фатализма.

Вышел на арапа. — Наудачу, без предварительного плана.

Канает буржуи... — Идет богатый человек.

А по пузу — золотой бамбер. — Золотая цепочка от карманных часов с боем, которую для украшения носили напоказ, поверх жилетки.

Чья-то шмафа... — Вообще *шмафа* — проститутка; здесь: подруга кого-то из блатных.

“Шестая!” — То же, что “агас” — предупреждение об опасности: берегись, удирай!

Я, понятно, хода. За тюк. За весы. — Убежать, спрятаться, зайти.

Милитоны — здесь: милиционеры.

Хай — галдеж.

Шпайер (шпалер) — так на жаргоне именовался револьвер; восходит к еврейскому слову, переводившемуся как “плеватель”.

С. 568. *Фертъ* (ферт) — бездельник, пижон, стилига.

Джонка (жарг.) — кепка с маленьким козырьком.

- С. 569. *Где-то за локтями...* — высшим шиком в те годы было носить пиджак, приспущенный с плеч на спину, который фактически держался только на рукавах; руки при этом были засунуты в карманы.

...шахматный пиджак — клетчатый.

Балабус — хозяин (*ивр.*).

Ходовые девочки — гулящие, готовые идти с любым, проститутки.

Марьяж — расклад, т. е. предоставление клиентов и охрана. Это является работой сутенера, получающего процент со своих подопечных.

- С. 570. *Мердэр* — злодей (*ивр.*).

Хамулы — хамье.

Гиргиркали — беседовали.

Пятиярусных — пятиэтажных.

- С. 571. *Биржевые зайцы* — богатые покупатели.

Дер — иностранец.

Мáхер — делец (*ивр.*).

Цуцьк (прост. ласк.) — щенок.

Луговской

- С. 575. *Венгерка* — бальный танец. Основан на народном венгерском танце чардаш. Размер $\frac{2}{4}$. Венгеркой еще называют цыганскую пляску или попросту “Цыганочку”.

Хоры (эмпоры) — верхняя открытая галерея, балкон внутри церкви или парадном зале.

- С. 577. *Манерка* — походная фляжка

Обэриуты

- С. 578. *Бахтерев* Игорь Владимирович (1908–1996) — поэт, драматург, искусствовед, В середине 1920-х гг. вместе с Введенским и Д. Хармсом был членом “Ордена Заумников”, затем принимал участие в группе ОБЭРИУ. В 1930-е гг., как и многие обэриуты, работал в области детской литературы.

Левин Дойвбер (Борис Михайлович Левин: 1904–1941) — детский писатель, прозаик-обэриут. По свидетельству И. В. Бахтерева, рассказы Левина оказали влияние на прозу и драматургию Хармса. Погиб в 1941 г. у с. Погостье недалеко от Ленинграда.

Владимиров Юрий Дмитриевич (1909–1931) — поэт, прозаик. Вошел в ОБЭРИУ весной 1929 г. При жизни опубликовал семь детских книг. Еще две (в т. ч. “Кошкин дом” — М., 1941) изданы посмертно. Судьба детских произведений Владимировова неизвестна. Умер от туберкулеза.

Тювелев Никандр Андреевич (1905?–1938?) — поэт, приятель Хармса. В своих стихах использовал конструктивные принципы обэриутской поэзии, прежде всего семантическое нанизывание предметов и качеств. Из его поэтического наследия сохранилось лишь несколько стихотворений. В 1938 г. Тювелев был арестован по делу ленинградского “Перевала” и, видимо, расстрелян.

Шварц Евгений Львович (1896–1958) — писатель, драматург. В его пьесах-сказках, насыщенных актуальными социально-политическими аллегориями, содержится едкая ирония, эксцентричные шутки, философская сатира и элементы лиризма.

- С. 582. *Туфанов* Александр Васильевич (1877–1941?) — поэт, именовавший себя “Председатель Земного Шара Зауми”. Развивая “научно-символические” идеи Хлебникова, он выработал свою систему семантизации фонем, когда фонемы становятся “материалом искусства”. Манифестом его теоретических воззрений стала книга “К зауми” (Л., 1924), в предисловии к которой он формулирует основные положения своей школы. В марте 1925 г. Туфанов создает “Орден Заумников DSO”, куда, кроме него, входят Хармс и Вигилянский. Летом 1925 г. к ним присоединились И. Терентьев (ученик Кручёных) и А. Введенский. В январе 1927 г. название группы было заменено на “Левый фланг”. Однако вскоре Туфанов покидает группу, сохранив за собой название. В декабре 1931 г. его арестовывают по одному делу с Хармсом и весной 1932-го ссылают в Новгород. В ноябре 1941 г. Туфанов исчез, дальнейшая судьба его неизвестна.

Терентьев Игорь Герасимович (1892–1937) — поэт, художник, режиссер и актер. Накануне революции он оказался в

Грузии. В Тифлисе Терентьев писал стихи, рисовал, пробовал себя на сцене. Вместе с А. Крученых, братьями И. и К. Зданевичами организовал общество "41". Летом 1923 г. переехал в Петроград, где создал центр по изучению зауми: вел курсы, участвовал в дебатах, писал статьи. В начале 1924 г. он приступил к режиссерской работе в Агитстудии и в Красном театре. Затем создал свой экспериментальный Театр Дома печати. Далее гастролировал в Москве, работал на Украине... В 1931 г. Терентьев подал заявление в партию. Через две недели его арестовали. Срок – 5 лет. Места заключения – Беломорканал; освобожден досрочно в 1934 г. Повторный арест – май 1937 г. Приговор: "10 лет без права переписки". Дата смерти 17 июня 1937 г.

ЗАБОЛОЦКИЙ

- С. 586. *Архитриклин*: – *Архи...* (*гр.* – старший, главный) – приставка, обозначающая высшую степень признака, заключающегося во второй части слова. *Триклин* (Триклиний) [лат. Triclinium < от гр. tries – три + klinē – постель] – в Древнем Риме обеденный стол с ложами по трем сторонам для возлжания во время еды, а также помещение, в котором он находился.
Готтентотки – представительницы женского пола кой-кого, группы родственных народов на юге Африки: в Намибии и ЮАР. Название готтентоты (заики) дано им голландскими колонистами в XVIII в.
- С. 587. *Кежук* – танец американских негров, вошедший в моду в начале XX в. в Европе и Америке
- С. 588. *Гамадрилы* – обезьяны, род павианов.

ВВЕДЕНСКИЙ

- С. 591. <...> *Вечер был на расстоянии / от меня на много верст.* – Здесь необходимо отметить характерное для поэзии Введенского переплетение пространственных и временных категорий. Зашифрованность смысла, скрытая за внешне простыми, порой нелепыми строками, была одной из составляющих поэзии обэриутов. Чтобы до конца понять за-

мысел стихотворения, заключающийся в попытке поэтическими средствами описать антимир, обратимся к статье Я. Друскина (ПСС, т. 2. С. 287–288). "Целая цепь семантических инверсий дана в стихотворении "Гость на коне". Инверсии эти начинаются со стиха *Боль мою пронзила кость* – вместо "нормального" "кость мою пронзила боль". – Далее, эхо – отражение звука; в последующих стихах различаются уже два мира: один мир над рекою, другой отражается в реке, как в стекле, один наш мир, другой – антимир. Тогда закономерно и то, что в поэтической модели антимира *медаль* носят не на груди, а *на спине*, закономерна и *обратная рука*: в зеркале правая рука становится левой, т. е. обратной; это не номинальное, а реальное преобразование пространства. <...> Наконец, *человек из человека* – это, по-видимому, античеловек. <...> Этот отрывок из "Гостя на коне" – поэтическое интуитивное предчувствие физической теории антимира".

ХАРМС

- С. 599. *Дворник с черными усами* – один из зловещих персонажей поэзии и прозы Хармса. Дворники издавна состояли в тесной связи с полицией и обычно присутствовали при обысках и арестах.
- С. 601. *Бергсон* – см. примеч. к с. 38.

ПОЭТЫ ВНЕ ТЕЧЕНИЙ

Бунин

- С. 613. *Голубец* – могильный памятник в виде сруба с крышей (будкой, домиком); чаще всего это крест с кровелькой.
Корец – деревянный ковш для черпанья воды.

Кузмин

- С. 616. *Мариво* Пьер Карле де Шамблен де (1688–1763) – французский писатель, один из создателей жанра реалистическо-

психологического романа во французской литературе. Автор многочисленных комедий, отличающихся изящной легкостью и лиризмом.

Волошин

- С. 624. *Чобр* (чабрец или тимьян) — род полукустарников, растет в умеренном поясе Евразии и в Сев. Африке. Некоторые виды содержат эфирные масла, используемые в медицине и пищевой промышленности.
- С. 625. *Семизвездие* (Плеяды; рус. Стожары) — рассеянное звездное скопление в созвездии Тельца. Было известно еще в глубокой древности. Его упоминали Гомер, Плиний и Птолемей. Название Плеяды происходит от *πελειάδες* (голубки). Иногда, впрочем, производится оно от *πλεῖ* (плыть), так как их видимость была связана с навигацией у греков (Одиссей направлял по ним свой корабль).
- С. 627. *Бурьенн* Луи-Антуан Фовеле де (1769–1832) — секретарь Наполеона с 1797-го по 1802 г. Незадолго до смерти обнародовал свои воспоминания о Наполеоне — сочинение, интересное по сообщаемым подробностям, но не всегда достоверное, вызвавшее в свое время много толков и поправок.
Швейцарцы перерезаны. — Полк королевской швейцарской гвардии, охранявший дворец Людовика XVI, получил приказ не стрелять в народ. В обмен на это, по договоренности с восставшими, им была обещана возможность беспрепятственно уйти на родину без оружия. После сдачи оружия швейцарцы были вероломно перебиты восставшими.
Лафайет Мари-Жозеф (1757–1834) — маркиз, французский политический деятель. В начале Французской революции командовал Национальной гвардией. Будучи сторонником конституционной монархии, перешел после восстания 10 августа 1792 г. на сторону контрреволюции.
Марат Жан-Поль (1743–1793) — один из вождей якобинцев, врач. Вместе с Робеспьером руководил подготовкой народного восстания 2 июня 1793 г., отнявшего власть у жирондистов. Убит Шарлоттой Корде.

- Робеспьер* Максимилиен (1758–1794) — деятель Французской революции, один из руководителей якобинцев. Способствовал казни Людовика XVI, созданию революционного трибунала, казни лидеров жирондистов. Организатор массового террора. Казнен термидорианцами.
Жиронда — умеренная республиканская группировка периода Французской революции. Название ей дано историками позднее — по одноименному департаменту, откуда родом были многие ее деятели: Ж.-П. Бриссо, П.-В. Верньо, Ж.-А. Кондорсе и др. Вместе с якобинцами свергли французскую монархию, но вскоре оказались в оппозиции радикальным якобинцам, и в 1793–1794 г. жирондисты были казнены.
Сады Тюильри — расположены в центре Парижа, простираются приблизительно на один километр от площади Карусель до площади Согласия. Эти сады в английском стиле разбиты в 1664 г. архитектором Андре Ленотром.
Дантон Жорж-Жак (1759–1794) — деятель Французской революции, один из вождей якобинцев. Участвовал в подготовке восстания 10 августа 1792 г., свергнувшего монархию. С 1793 г. занял умеренную позицию по отношению к жирондистам. Осужден революционным трибуналом, казнен.
- С. 628. *Лазарь* — согласно Евангелию от Иоанна, один из любимых учеников Иисуса Христа, воскресенный им через 4 дня после погребения.

ХОДАСЕВИЧ

- С. 630. *Муни* — псевдоним поэта Самуила Викторовича Кисина (1885–1916), близкого друга Ходасевича. Был женат на младшей сестре Брюсова. Стихи его остались рассеяны по журналам, т. к. из-за крайней взыскательности к себе он не выпустил ни одной книги.
- С. 631. *Лидино* — имение И. А. Терлецкого, дяди Марины Эрастовны Рындиной (1887–1973), первой жены Ходасевича. Располагалось в Новгородской губернии, недалеко от станции Бологое.
- С. 635. *Вергилий* Марон Публий (70–19 до н. э.) — римский поэт автор героического эпоса “Энеида” — вершины римской

классической поэзии. Данте в своей бессмертной эпопее “Божественная комедия” вывел образ Вергилия в качестве своего проводника в странствиях по Аду.

ЦВЕТАЕВА

- С. 640. *...Двадцатилетняя полька!* – Бабушка Цветаевой по материнской линии – Мария Лукинична Бернацкая (в замужестве Мейн; 1841–1869) принадлежала к старинному польскому дворянскому роду.
Из цикла “П. Э.” – Цикл посвящен брату мужа Цветаевой, Петру Яковлевичу Эфрону (1884–1914), умиравшему от туберкулеза.
- С. 641. *Из цикла “Подруга”*. – Цикл стихотворений обращен к поэтессе и переводчице Софии Яковлевне Парнок (1885–1933), с которой Цветаева в 1914–1915 гг. связывали пылкие отношения.
- С. 643. *“Мне нравится, что Вы больны не мной...”* – Стихотворение обращено к Маврикию Александровичу Минцу (1886–1917), впоследствии мужу Цветаевой.

ПОЭЗИЯ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
АНТОЛОГИЯ

Редактор Б. Акимов

Художественный редактор М. Суворова

Корректоры В. Резвый, Э. Михалева

Компьютерная верстка К. Москалев

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Интернет/Home page: www.eksmo.ru
Электронная почта – info@eksmo.ru

Подписано в печать 08.02.2007
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Нью-Баскервиль»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,96
Тираж 5000 экз. Заказ 7255.

ISBN 978-5-699-21313-9

9 785699 213139 >

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО “Тверской полиграфический комбинат”, 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

